This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

ПОВѢСТИ

ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА

Д. В. АВЕРКІЕВА.

Изданіе тщательно пересмотрѣнное и исправленное

въ трехъ томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

Новая Барышня. — Лавры и терніи. — Ученый сонъ. — Исторія трехъ невѣрныхъ мужей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16.
1898.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Новая барышня . . . . . 3—146

Лавры и тернін . . . . . 147—247

Ученый сонъ . . . . . 248—281

Исторія трехъ невѣрныхъ мужей:

Разказъ 1-й. Догадливый мужъ. . 283—307

Разказъ 2-й. Старый либералъ и его питомица . . . . . 309—368

Разказъ 3-й. Чиновникъ Плюхановъ . . . . . 369—393

Averkiev, D. V.

ПОВѢСТИ

ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА

Д. В. АВЕРКІЕВА.

Изданіе тщательно пересмотрѣнное и исправленное

въ трехъ томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

Новая Барышня.—Исторія трехъ невѣрныхъ мужей—Лавры и терніи.—Ученый сонъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16.
1898.

kc

PG 3453
A7 45
1898
v. 2

НОВАЯ БАРЫШНЯ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Ça tourne, tourne, tourne,
Ça danse, danse, danse.

La Vie Parisienne.

I.

Иванъ Васильевичъ, стоя у стола съ ополоснутымъ чайникомъ въ лѣвой рукѣ, пальцами правой готовился повернуть кранъ лишь закипитъ сильно шумѣвшій самоваръ. Какъ ни пристально глядѣлъ онъ на черту между крышкой и кузовомъ самовара, по нѣкоторому напряженію шейныхъ мышцъ можно было догадаться что Иванъ Васильевичу ужасно хочется повернуть голову направо. Тамъ, направо, за дверью, слышались всплески, бульбульканья, легкія нофыркиванья и иные звуки производимые человѣчествомъ при умываньи. Но вотъ паръ повалилъ, и кипящая струя обварила душистый чай.

— Да скоро ли ты, Всеволодъ? закричалъ Иванъ Васильевичъ, спѣшно прикрывая чайникъ полотенцемъ и оборачиваясь направо.

— Сейчасъ, дядя, сейчасъ, отвѣчалъ молодой и

звонкій голосъ, и слѣдомъ послышалось усиленное плесканье и полосканье.

Черезъ минуту вошелъ бѣлокурый, лѣтъ двадцати трехъ человѣкъ, въ военномъ пальто накинутомъ поверхъ бѣлья.

— Ну, здравствуй еще разъ, сказалъ дядя цѣлуя племянника. — Постой же, покажись, давеча я не успѣлъ разглядѣть тебя.

Иванъ Васильевичъ усѣлся въ кресло, и взявъ за руки и поставивъ предъ собой племянника, сталъ смотрѣть на него съ полудобродушною, полунасмѣшливою улыбкой.

— Ничего, молодцомъ, одобрилъ онъ.

Всеволодъ дѣйствительно глядѣлъ молодцомъ. Средній ростъ, крѣпкія плечи, высокая грудь — словомъ, и ладно скроенъ, и крѣпко сшитъ. Лицо у молодаго человѣка было также славное, открытое, хотя быть-можетъ нѣсколько плосское; молодые усы обѣщали быть молодецкими; изсѣра-голубые глаза глядѣли на дядю прямо, незастѣнчиво, любовно и, казалось, не умѣли лгать.

— Ну, теперь садись, станемъ чай пить, сказалъ Иванъ Васильевичъ, опуская руки племянника.

Племянникъ давно усѣлся, а дядя и не думалъ наливать чай: онъ сидѣлъ опустя голову, и его насмѣшливое лицо отуманилось. О чемъ задумался Иванъ Васильевичъ? Быть-можетъ, ему припомнилось что давно, лѣтъ десять назадъ, онъ былъ самъ почти также молодъ и глядѣлъ такимъ же молодцомъ, а теперь... И на мигъ ему не повѣрилось, что предъ нимъ тотъ самый Всеволодъ, кто казалось еще такъ недавно, чуть не вчера, прибѣгалъ къ нему по субботамъ изъ школы.

— А про чай-то я и забылъ, опомнился Иванъ Васильевичъ. — Ну, какъ тебѣ живется тамъ въ Хохландіи? спросилъ онъ обычнымъ, нѣсколько насмѣшливымъ тономъ.

— Помаленьку.

— Кутите?

— Случается.

— И часто случается?

— Не скажу.

— Что жь вы дѣлаете? Вѣдь скука!

— Что и всѣ.

— А соберетесь межь собой?

Сидимъ, болтаемъ, пьемъ чай; найдется что интересное, читаемъ вслухъ; кто умѣетъ, рисуетъ, или бренчитъ на фортепіано....

— Нравы перемѣнчивы, не безъ грусти замѣтилъ Иванъ Васильевичъ. — Волочитесь, по крайней мѣрѣ?

— Не безъ того.

— Я и забылъ: хохлушки прехорошенькія.

— И прегрязныя.

— Ты, я вижу, философъ, махнулъ дядя на племянника рукой, и потомъ: — Ты надолго въ Питеръ?

— Отпускъ взялъ на двадцать восемь дней.

— А потомъ заболѣешь?

— Какъ случится.

— У меня докторъ пріятель, замѣть. Ну, что жь ты, деньжонокъ скопилъ и думаешь имъ протереть глаза?.... Фу, я и забылъ что вы всѣ тамъ въ провинціи подѣлались философами... Но шутки въ сторону. За барынькой какой что ль примчался?

Племянникъ улыбнулся и отрицательно покачалъ головой.

— И не стóитъ. Здѣсь выборъ богаче и разнообразнѣе. Я не въ обиду тебѣ говорю. Богаче для обоихъ: и для кавалеристовъ, и для дамъ. Хочешь, познакомлю?...

Всеволодъ повторилъ прежнее движеніе.

— Или... или... съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и слегка прикусывая усы нробурчалъ дядя, — или завелась любовишка въ серіозъ?

Племянникъ нѣсколько смутился.

— Это... началъ онъ, и не кончилъ.

— Гм, проворчалъ дядя, видимо недовольный отвѣтомъ племянника. — Это... это твой секретъ?

— Да, съ особою твердостью проговорилъ молодой человѣкъ.

— Гм! Чтò жь ты не пьешь?... Чай простылъ.

И Иванъ Васильевичъ заговорилъ о разныхъ разностяхъ, не интересныхъ для постороннихъ.

II.

Иванъ Васильевичу Драгомилову было близь сорока, если не всѣ сорокъ. Никто меньше Иванъ Васильевича не говорилъ о личныхъ дѣлахъ, прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ. Ему пришлось рано начать самостоятельную жизнь и при обстоятельствахъ далеко не благопріятныхъ; ради небольшаго, но вѣрнаго куска хлѣба, онъ прямо съ школьной скамьи пересѣлъ на канцелярскій стулъ; мечтать и, какъ принято выражаться, сочувствовать отъ дѣлать-нечего всему истинно доброму и прекрасному было ему рѣшительно некогда; притомъ,

будучи въ изрядной мѣрѣ надѣленъ отъ природы такъ-называемымъ здравымъ смысломъ, онъ старался глядѣть не выше глазъ. Его долго мучалъ недостатокъ или, вѣрнѣе, неокончeнность образованія; поопершись и поокрѣпнувъ на службѣ, онъ сталъ, въ качествѣ вольнослушателя, посѣщать университетскія лекціи, и получивъ ученую степень кандидата правъ, рѣшилъ про себя что это вовсе не такая мудреная штука какъ ему казалось.

Еще менѣе чѣмъ о личныхъ дѣлахъ, Иванъ Васильевичъ распространялся о своихъ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ; явленіе странное въ Петербургѣ, гдѣ всѣ толкуютъ о святости своихъ убѣжденій и неизмѣнности своихъ мнѣній. Иванъ Васильевичъ былъ далеко не глупъ и могъ бы при случаѣ высказать дѣльное и умное замѣчаніе, но когда его приглашали принять ту или иную сторону въ мнимо-ученомъ или quasi-политическомъ спорѣ, онъ поворачивалъ на шутку. Имѣя не рѣдкую надобность въ такомъ маневрѣ, онъ выработалъ себѣ особую манеру говорить: въ его рѣчи постоянно и неизмѣнно звучала полунасмѣшливая, полушутливая нотка. Онъ очень ловко пользовался этою манерой, и при ея помощи порою въ глаза высказывалъ истины довольно горькія. Тѣ, кому онѣ высказывались, улыбались и принимали его слова за шутку. Вздумай кто обидѣться, ему сказали бы: „Полноте, развѣ вы не знаете Иванъ Васильича: онъ всегда *такой!*“ И обиженные утѣшались, и въ свою очередь повторяли новообиженымъ, молъ Иванъ Васильичъ *такой*. А какой такой, о томъ никто не заботился.

У Драгомилова была пропасть знакомыхъ, самыхъ разнообразныхъ. Всюду гдѣ собирается праздный людъ,

какъ-то въ клубахъ, на первыхъ представленіяхъ русскихъ и французскихъ піесъ, въ маскарадахъ, въ Павловскѣ, на „минерашкахъ“ и еще не знаю гдѣ, Иванъ Васильевичъ бывалъ непремѣннымъ членомъ и только и дѣлалъ что раскланивался, и замѣтьте, чаще какъ человѣкъ въ комъ заискиваютъ, чѣмъ какъ человѣкъ въ другихъ заискивающій. Несмотря на такое обиліе поклоновъ, у Драгомилова не было ни одного друга. Кто считалъ его своимъ пріятелемъ, обладалъ значительнымъ запасомъ простодушія. Онъ былъ вообще не высокаго мнѣнія о своихъ знакомыхъ, и чѣмъ серіознѣе, казалось, были ихъ рѣчи, тѣмъ скептичнѣе онъ къ нимъ относился. Но странное дѣло! какъ ни презрительно мыслилъ онъ о людяхъ, ему желалось играть межь ними видную роль, быть для нихъ необходимымъ услужникомъ и совѣтчикомъ. Для этого онъ обладалъ значительными талантами: онъ умѣлъ „соорудить веселенькій пикничокъ“, гдѣ всѣ чувствовали себя какъ дома; онъ мастеръ былъ устраивать домашніе, клубные и благородные спектакли, гдѣ дамы не становились непримиримыми врагами изъ-за распредѣленія ролей; онъ гордился званіемъ старшины клуба; онъ отчасти даже бахвалился своею способностью улаживать мелкія дѣлишки и давать дѣловые совѣты; болѣе, онъ не могъ вообразить себя внѣ круга этой мелочной извѣстности.

Иванъ Васильевичъ былъ холостъ и, сколько извѣстно, никогда никому не дѣлалъ предложенія. Физіономія его кухарки Пелагеи, любившей отзываться на уменьшительное Полина, доказывала самымъ неоспоримымъ образомъ что у него нѣтъ привычки свойственной многимъ старымъ холостякамъ. Драгомилова многіе считали богатымъ человѣкомъ, и даже шла молва будто

онъ недавно (въ теченіе десяти лѣтъ постоянно говорили: недавно) получилъ большое наслѣдство, но его скромная квартира въ три комнаты, окнами во дворъ и объ одной лѣстницѣ, и ея далеко не роскошное убранство свидѣтельствовали о противномъ, и если онъ когда и получилъ наслѣдство, то никакъ не свыше десяти тысячъ. Нельзя впрочемъ сказать чтобъ онъ нуждался. Дѣло въ томъ что онъ служилъ, давно и хорошо служилъ, о чемъ свидѣтельствовала розетка разноцвѣтныхъ ленточекъ во фрачной петлицѣ, а на службѣ, какъ вездѣ, деньги достаются трудно только въ самомъ низу.

Этотъ очеркъ характера дополнимъ чертами физическими. Драгомиловъ былъ средняго роста, и корпусъ его обладалъ достаточною склонностью къ полнотѣ: онъ носилъ славные, нѣкогда черные какъ смоль (онъ красилъ ихъ свѣчною копотью) усы, нынѣ находившіеся въ нѣкоторомъ загонѣ; его каштановые волосы въ значительной степени порѣдѣли и побѣлѣли на вискахъ; лицо у него было правильное и довольно пріятное; буроватые глаза старались глядѣть насмѣшливо, даже лукаво; губы не иначе складывались какъ въ ироническую улыбку. Одѣвался Иванъ Васильевичъ весьма просто, безъ малѣйшаго поползновенія на франтовство: онъ скорѣе былъ не прочь похвастать нѣкоторою небрежностью костюма; въ большую публику онъ чаще являлся во фракѣ, по причинѣ ли вышеупомянутой петлички или по иной, неизвѣстно.

III.

Лѣтъ десять до начала настоящей повѣсти, и двѣнадцать-тринадцать до минуты какъ мнѣ вздумалось

разказать ее, у Иванъ Васильевича нежданно-негаданно проявился родственникъ, и родственникъ довольно близкій.

— Я вамъ, выходитъ, троюродный и даже можно сказать почти-что двоюродный, заключилъ онъ сочтясь родствомъ.

Лука Лукичъ Драгомиловъ, почти-что двоюродный тожь, былъ средней руки степной помѣщикъ, скопидомъ и кулакъ, вдовецъ, великій любитель женскаго пола и не дуракъ выпить. Не откладывая въ долгій ящикъ и приговаривая чуть не на каждомъ словомъ „выходитъ“ и „и даже просто можно сказать“, новоявленный родственникъ повѣдалъ любезному братцу о горѣ заставившемъ его покинуть родныя палестины и на старости „выходитъ“ лѣтъ тащиться въ Питеръ. Горе состояло въ необходимости пристроить сына Всеволода, тринадцатилѣтняго недоросля. По словамъ огорченнаго папеньки, учителя у сына были кажись все дѣльные, но ученье что-то не спорилось. Первый учитель былъ умнѣйшая „выходитъ“ голова и „просто можно сказать“ проходилъ со Всеволодомъ въ часъ чего иной и въ годъ не пройдетъ, но къ сожалѣнію зашибался чаркой, и какъ ни не хотѣлось, послѣ трехлѣтняго терпѣнія пришлось отказать ему. Другой былъ не такъ уменъ, но за то „выходитъ“ вздумалъ завести шашни съ родною племянницей самого Луки Лукича, некрасивою старою дѣвкой, и пришлось его выгнать въ три шеи и „даже просто можно сказать“ отодрать на конюшнѣ. Вдобавокъ сосѣди натолковали что нынче и въ военной службѣ безъ науки ничего не подѣлаешь. На спросъ Иванъ Васильевича, что жь молъ вы намѣрены дѣлать съ сыномъ, родитель отвѣчалъ что ему „выходитъ“

многіе совѣтовали отдать его въ пансіонъ лучше котораго и требовать нельзя: выучивались ли тамъ мальчики, и чему и какъ—про то Богъ вѣсть, но несомнѣнно что всѣ они исправно выдерживали требуемый экзаменъ.

Къ Иванъ Васильевичу у Луки Лукича была особая просьба: брать къ себѣ Всеволода по праздникамъ и по родственному присматривать чтобы мальчикъ не слишкомъ баловался. Родитель предлагалъ даже вознагражденіе, отъ чего Иванъ Васильевичъ всемѣрно отказался, прибавивъ что Лука Лукичъ можетъ присылать сыну на пряники.

Послѣ отъѣзда родителя, Иванъ Васильевичъ почувствовалъ что взялъ на себя нѣкотораго рода обузу. Онъ спросилъ себя что̀ заставило его не подумавъ согласиться на просьбу почти-что двоюроднаго? Оказалось, ему стало жаль мальчика, осужденнаго, не прими онъ въ немъ участія, на полное одиночество въ Петербургѣ, что̀, пожалуй, хуже всякаго иного одиночества. Мальчикъ, вдобавокъ, сразу понравился дядѣ: было въ немъ что-то простое, невинно-дѣтское, нетронутое, ясное, какъ его изсѣра-голубые глаза, и необыкновенно привлекательное. Всеволода нельзя было назвать глупымъ, весьма напротивъ, но до тринадцати лѣтъ голова его ни мало не была пріучена къ умственной работѣ. На умѣ у него были проказы и шалости, и шалости самыя ребяческія; сердце у него было золотое.

Время шло, и прошло его три года. Дядя, все надѣявшійся что племянникъ съ лѣтами выравняется, началъ призадумываться. Всеволодъ не выравнивался. Онъ попрежнему оставался мальчикомъ, попрежнему

ребячился, и ученье попрежнему не шло ему на умъ. Лѣтомъ, на дачѣ, Иванъ Васильевичъ чуть не ежедневно могъ утѣшаться проказами Всеволода. Сегодня онъ вырывалъ кухаркѣ зубъ клещами; на завтра, бродя ночью, завернутый въ простыню, по саду, казался покойникомъ сосѣдкѣ справа, страдавшей безсонницей; послѣ завтра онъ до колотья заставлялъ хохотать дядю разказомъ какъ напугалъ барышень, сосѣдокъ слѣва. Придя къ нимъ, онъ объявилъ что у него полонъ ротъ пороху, и стòитъ де ему надѣть на нижній зубъ пистонъ, да хорошенько прищелкнуть сверху, и трахъ! черепъ разлетится на тысячу кусочковъ. И, вынувъ изъ кармана пистонъ, онъ надѣвалъ его на зубъ: барышни пищали и чуть не на колѣняхъ умоляли его пощадить себя и ихъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, возвратясь домой, Иванъ Васильевичъ почувствовалъ какой-то дымъ и странный запахъ: смѣсь табаку съ чѣмъ-то въ родѣ пороха.

— Чтò за дымъ? не горитъ ли чтò? спросилъ онъ Пелагею.

— Ишь ты, и въ самъ-дѣлѣ гораздо пахнетъ! отвѣчала Полина, только теперь расчухавъ дымъ своимъ толстымъ носомъ.

Драгомиловъ поспѣшно прошелъ къ кабинетъ. Тамъ дымъ былъ гуще и смрадъ сильнѣе. На диванѣ, въ полубезчувственномъ состоянiи, съ зеленовато-блѣднымъ лицомъ, лежалъ Всеволодъ.

— Чтò съ тобою? спросилъ дядя, торопливо подходя къ дивану.

Пепелъ на диванѣ и на платьѣ Всеволода, и окурокъ сигары на полу разрѣшали загадку.

— Попробовалъ покурить? Чтò жь, вкусно? за-

смѣялся Иванъ Васильевичъ, и принялся освѣщать комнату и приводить племянника въ надлежащій видъ.

Оправясь, юноша разказалъ что̀ случилось. Онъ добылъ великолѣпныхъ, по его словамъ, бенгальскихъ огней, и задумалъ устроить иллюминацію. Огни горѣли нельзя лучше, но за то весь кабинетъ наполнился дымомъ. Испугавшись что дядя, вернувшись домой, разсердится, Всеволодъ, чтобъ уничтожить вонь, отворилъ было форточку, но дымъ повалилъ изъ нея какъ изъ трубы, и юноша струхнулъ: что̀ какъ съ каланчи замѣтятъ дымъ, да нагрянутъ пожарные? Онъ проворно притворилъ форточку, оставивъ только небольшую щель, и въ нее сталъ гнать дымъ полотенцемъ. Новая бѣда! Размахивая слишкомъ усердно полотенцемъ, онъ задѣлъ за термометръ на письменномъ столѣ и трахнулъ его объ полъ. А дымъ проклятый все столбомъ стоитъ. Всеволодъ, боясь не разбить бы еще чего, придумалъ выбить клинъ клиномъ и закурилъ сигару. Отъ сигары у него закружилась голова, и...

Юноша таково чистосердечно и съ такимъ наивнымъ увлеченіемъ передавалъ и свой восторгъ отъ удачной иллюминаціи, и свои страхи какъ бѣда пошла погонять бѣду что Иванъ Васильевичъ не могъ не улыбнуться нѣсколько разъ въ теченіе разказа.

— Ахъ, Всеволодъ, Всеволодъ! Какой ты еще ребенокъ, а вѣдь тебѣ семнадцатый годъ, пора бы быть посеріознѣе, сказалъ дядя, покачивая головой.

Въ этихъ словахъ звучало такое любовное сокрушеніе что у бѣднаго юноши навернулись слезы. Иванъ Васильевичъ вздумалъ воспользоваться этою минутой чтобы потолковать съ племянникомъ.

— Ахъ, дядя, я и самъ много разъ хотѣлъ за-

няться хорошенько! съ наивнымъ отчаяніемъ почти закричалъ юноша въ отвѣтъ на дядины увѣщанія.

— Что жь мѣшаетъ?

— Не умѣю взяться за дѣло.

— А ваши учителя?

— Развѣ они занимаются? Они только для формы ходятъ въ классъ, а сами такія гадости врутъ съ воспитанниками что просто совѣстно слушать, съ негодованіемъ и презрѣніемъ отвѣчалъ юноша.

— А именно? спросилъ дядя, остановясь задумчивѣе.

Всеволодъ удовлетворилъ его любопытству. Дѣло въ томъ что содержатель пансіона, лучше котораго и требовать нельзя, мѣтилъ высоко, и его честолюбивою мечтой было постановить свой питомникъ наравнѣ съ тѣми привилегированными заведеніями гдѣ юношамъ, ради отвлеченія ихъ отъ вольнодумства, дозволяются всякія вольности, гдѣ съ пятнадцати лѣтъ они лихо дуютъ водку, не говоря о прочихъ напиткахъ, знаютъ всѣ гривуазныя пѣсенки и всѣхъ гривуазныхъ пѣвицъ, и толкуютъ со своими профессорами о предметахъ кои, если и входятъ отчасти въ программы курсовъ. то развѣ медицинскихъ факультетовъ.

Иванъ Васильевичъ былъ смущенъ откровеніями племянника. Не то чтобъ онъ не слыхалъ о такихъ педагогическихъ мѣрахъ, но доселѣ казались онѣ ему только пищей для сатирическихъ умовъ, или матеріаломъ для обличительныхъ статеекъ. Теперь же дѣло шло о спасеніи племянника. Иванъ Васильевичъ взволновался и понялъ, что если онъ кого-нибудь любитъ, то Всеволода.

„Слава Богу что Всеволодъ до сихъ поръ оставался

ребенкомъ!“ прошепталъ про себя Иванъ Васильевичъ, и обратился къ племяннику съ вопросомъ, даетъ ли тотъ честное слово что приложитъ всѣ старанія учиться хорошо, если онъ найдетъ учителя, умнаго и достойнаго всякаго уваженія человѣка.

— Если онъ будетъ такой какъ вы, дядя! съ увлеченіемъ отвѣчалъ Всеволодъ цѣлуя дядю и по-дѣтски прижимаясь къ нему.

Иванъ Васильевичъ въ тотъ же вечеръ написалъ насчетъ Всеволода Лукѣ Лукичу и не дожидаясь отвѣта взялъ племянника изъ пансіона и поселилъ у себя нѣкотораго молодаго ученаго, съ охотою взявшагося обучать Всеволода за тѣ же (весьма значительныя) деньги что̀ платились въ образцовый пансіонъ. Отвѣтъ замедлился, и черезъ шесть недѣль вмѣсто него пришло письмо съ черною печатью, извѣщавшее что Лука Лукичъ волею Божіей скончался скоропостижно отъ апоплексическаго удара, послѣдовавшаго за сытнымъ обѣдомъ (мать Всеволода, какъ замѣчено выше, умерла гораздо раньше). Всеволодъ по закону имѣлъ право выбрать попечителя, и надо ли говорить что выборъ палъ на Ивана Васильевича. Съѣздивъ въ качествѣ попечителя въ имѣнье Всеволода ради устройства дѣлъ, дядюшка убѣдился что у племянничка будетъ отъ пяти до шести тысячъ доходу въ годъ.

Всеволодъ сдержалъ слово, и Иванъ Васильевичъ, воротясь изъ поѣздки, съ удовольствіемъ услышалъ отъ воспитателя объ успѣхахъ племянника. Черезъ полтора года Всеволодъ отлично зналъ все что̀ для экзамена требуется и даже гораздо больше чѣмъ требуется, поступилъ въ юнкера, черезъ положенное время вышелъ въ офицеры и перешелъ на службу въ *** уланскій полкъ.

Въ концѣ концовъ, Всеволодъ былъ славнымъ малымъ, на чье слово можно было положиться, любимцемъ товарищей и солдатъ; онъ исправно служилъ, и что̀ главное, любилъ свою службу. У него была что называется цѣльная натура; онъ не придумывалъ заранѣе каково поступить въ томъ или другомъ случаѣ, а поступалъ всегда по внушенію сердца, честно и благородно. Лучше его нельзя охарактеризовать какъ слѣдующими прекрасными строками графа А. К. Толстаго, любимыми стихами Всеволода:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ съ горяча,
Коль рубнуть, такъ ужь сплеча.
Коли спорить, такъ ужь смѣло,
Коль карать, такъ ужь за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ горой.

IV.

Дядя съ племянникомъ засидѣлись вплоть до завтрака за чайнымъ столомъ. Послѣ завтрака Всеволодъ заторопился одѣваться.

„Къ ней“, подумалъ Иванъ Васильевичъ, почувствовавъ нѣчто въ родѣ ревности. Увидя прифрантившагося племянника, онъ снова не могъ удержаться чтобы не назвать его молодцомъ.

— Ты на весь день?

— Не думаю, не безъ смущенія отвѣчалъ Всеволодъ: ему вдругъ какъ-то совѣстно стало что въ первый-же день послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтней разлуки, онъ точно хочетъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ дяди.—А вы, дядя?

— Сегодня воскресенье; я весь день свободенъ.

„Ахъ, не хорошо, не ловко!“ съ бо́льшимъ смущеніемъ прошепталъ про себя Всеволодъ....

— Я вотъ поскоблюсь, проводя рукою по подбородку, усиленно-равнодушнымъ тономъ продолжалъ Иванъ Васильевичъ, — потомъ пойду пошляюсь по Невскому.... Вотъ что: если освободишься къ пяти часамъ, приходи, отобѣдаемъ вмѣстѣ.

— О, непремѣнно, я къ тремъ и даже раньше, черезчуръ увѣренно отвѣчалъ племянникъ, прощаясь съ дядей.

Всеволодъ былъ уже въ дверяхъ, какъ Иванъ Васильевичъ окликнулъ его.

— Что, дядя?

— Я хотѣлъ сказать тебѣ.... Иванъ Васильевичъ покрутилъ правый усъ, и не глядя на племянника, довольно скоро, почти торопливо проговорилъ:—Ты, надѣюсь, вѣришь что я люблю тебя?

Молодой человѣкъ бросился къ дядѣ.

— Постой: у меня есть къ тебѣ просьба; можешь исполнить или нѣтъ — воля твоя. Только если тебѣ не очень трудно, не рѣшай ты дѣла слишкомъ скоро, то-есть, понимаешь? не торопись.... И раньше чѣмъ окончательно, дай мнѣ.... понимаешь? я все же....

— О, будьте покойны! И я увѣренъ, она вамъ понравится.

Дядя ничего не отвѣчалъ, и глядѣлъ куда-то въ сторону.

— Такъ безъ меня не рѣшишь? спросилъ онъ немного погодя.

— Нѣтъ, нѣтъ. Да я еще и самъ ничего не рѣшилъ.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Спасибо.

И Иванъ Васильевичъ поцѣловалъ племянника. У Всеволода точно гора съ плечъ свалилась; теперь ему уже не было совѣстно поскорѣе отдѣлаться отъ дяди, онъ боялся одного: застанетъ ли дома ту, ради которой спѣшилъ въ Петербургъ.

„Нѣтъ, кто что̀ ни говори, а есть въ насъ эти чувства, родственныя что ли. И поди, объясни ихъ!“ подумалъ Иванъ Васильевичъ, принимаясь просматривать въ газетахъ театральную хронику.

Въ это утро онъ не съ обычною бодростью расхаживалъ по Невскому, лѣнивѣе раскланивался и съ меньшею живостью шутилъ со знакомыми.

V.

Приглашеніе извощика „прокатиться“ вывело старшаго Драгомилова изъ раздумья. Онъ ровно что̀ вспомнилъ, прибодрился, и на лицѣ его появилась обычная усмѣшка. Онъ приказалъ везти себя на одну изъ улицъ между Литейною и Таврическимъ Садомъ, и немного не доѣзжая до сада остановился у деревяннаго на каменномъ низу дома, уцѣлѣвшаго отъ барскихъ временъ. На лѣвой половинкѣ подъѣздныхъ дверей была дощечка съ надписью: *Александръ Аѳанасьевичъ Клопинъ*; надпись на правой сторонѣ гласила: *Вѣра Павловна Клопина*. Драгомиловъ освѣдомился у вышедшаго на звонокъ слуги, дома ли Вѣра Павловна.

— У себя-съ, отвѣчалъ лакей.

Черезъ обширную, просторнѣе чѣмъ дѣлаются те-

перь и обставленную по стѣнамъ неподвижными ларями, переднюю, Иванъ Васильевичъ вступилъ въ большую и свѣтлую залу съ легкою мебелью, простѣнными зеркалами, роялемъ и прочими стереотипными украшеніями. Направо, въ кабинетѣ хозяина, слышались голоса; Драгомиловъ остановился-было на минуту въ недоумѣніи, куда идти и быстро повернулъ налѣво. Пройдя двѣ гостиныя, отдѣланныя какъ и зала болѣе съ притязаніями на роскошъ и вкусъ, чѣмъ богато и со вкусомъ, нашъ пріятель вступилъ въ кабинетъ хозяйки.

— Не старѣетъ, и божественно хороша какъ всегда! сказалъ онъ становясь въ позу въ дверяхъ и скрещивая руки на груди.

— И вы хороши: мы три мѣсяца какъ въ городѣ, а онъ и глазъ не кажетъ! отвѣчала хозяйка отбрасывая въ сторону газетку извѣстную полнотой скандальной хроники, духовную пищу Петербуржцевъ, отъ швейцаровъ и конюховъ до.... до Вѣры Павловны и выше.

Ничто не оправдывало въ прелестной (словцо любимое въ Петербургѣ) хозяйкѣ дома восклицанія Иванъ Васильевича: въ ней не было ничего божественно-хорошаго. Цвѣтъ лица, правда, былъ удивителенъ, но болѣе зависѣлъ отъ бѣлыхъ на розовой подкладкѣ шторъ чѣмъ отъ природы или искусныхъ притираній. Вѣра Павловна была безъ сомнѣнія красива: иначе у нея не было бы столько поклонниковъ. Эти поклонники цѣнили болѣе всего, выражаясь поэтически-кулинарнымъ языкомъ Мея, „ея плечи опарныя“, или выражаясь прозаически, ея *бельфамство*. Это свойство ставилось выше первый сортъ шиньйона, цвѣта воронова крыла (онъ былъ купленъ у Альфреда и не по дешевой цѣнѣ),

и даже выше искусно подведенныхъ, томныхъ и манящихъ глазъ. Вѣра Павловна знала это, и любила сильно-открытыя платья, она вообще любила одѣваться и была того мнѣнія, что одѣвается съ удивительнымъ вкусомъ. У прелестной дамы были и противники; они находили будто она уже въ лѣтахъ и пожила у-у! Хулители находили еще, что Вѣра Павловна грѣшитъ насчетъ манеръ, и что въ ней нѣтъ ничего *distingué*. Но возвратимся къ прерванному разговору.

— Поклонную голову и мечъ не сѣчетъ, склоняя свою отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ на слова Вѣры Павловны,—и въ знакъ прощенія и примиренія вы позволите поцѣловать ручку.

— Не стоило бы, сказала Вѣра Павловна, подавая руку.

— О, такія ручки были у Милосской Киприды, воскликнулъ Драгомиловъ.

Вѣра Павловна была нѣсколько смущена комплиментомъ. „Почему были, а не теперь?“ подумала она.

— А супругъ? продолжалъ Иванъ Васильевичъ.— Здравъ? покажется?

— Разумѣется; онъ занятъ, у него кто-то есть.

— Вы однако не ревнивы.

Вѣра Павловна удивилась такому нежданному замѣчанію.

— Проходя по залѣ, я слышалъ женскій голосъ.

— А! Это должно-быть моя сестра.

— Откуда она взялась у васъ?

— Пріѣхала изъ провинціи.

— Значитъ брюнеточка что̀ была съ вами на прошлой недѣлѣ въ театрѣ?...

— Моя сестра. Не правда ли, мила?

— Не знаю.

— Вотъ прекрасно! Видѣлъ и не знаетъ.

— *Вы* были въ театрѣ, а гдѣ вы, тамъ я никого не замѣчаю.

— Что это? Une déclaration?

— Вы знаете, я влюбленъ во всѣхъ хорошенькихъ, и въ васъ въ особенности.

— Для меня это новость.

— Не вѣрите? Попробуйте назначить свиданіе.

Вѣра Павловна подумала что ей сказана дерзость и что ей пожалуй слѣдовало бы обидѣться; но не умѣла, не хотѣла или не могла обидѣться, и ограничилась легкимъ предостереженіемъ.

— Глядите, Иванъ Васильичъ, вы когда-нибудь нарветесь.

„Только не на тебя", подумалъ онъ, и вслухъ:— И очень буду радъ; меня слѣдуетъ проучить. Но шутки въ сторону. Я къ вамъ по дѣлу. Отчего вы не бываете въ клубѣ? Я вчера проглядѣлъ всѣ глаза...

— Мужъ все забываетъ возобновить билетъ.

— О, за билетомъ дѣло не станетъ...

— Я знаю, быстро заговорила хозяйка, — вы пріѣхали просить меня участвовать въ живыхъ картинахъ.

— И заранѣе согласны?

Ошибаетесь; я вовсе не намѣрена показываться предъ *вашею* публикой.

— А! понимаю. Вы все еще сердитесь на меня за прошлый годъ.

— Разумѣется: вы ставите картины, извините за выраженіе, для всякой дряни и не хотите для меня.

— Желаете, я исполню вашъ капризъ? Вы все требуете чтобъ я поставилъ Марію и Мазепу? Извольте, но чуръ, Вѣра Павловна, на меня потомъ не пенять...

— Что такое?

— Вопервыхъ, какъ я докладывалъ вамъ, хорошаго Мазепы достать невозможно, а вовторыхъ, наша клубная публика считаетъ Пушкина поэтомъ устарѣлымъ, и...

Иванъ Васильевичъ остановился не зная что сказать.

— И? не безъ безпокойства повторила Вѣра Павловна.

Благая мысль осѣнила Драгомилова.

— И чего добраго, сочтетъ васъ за старуху.

О, въ подобныхъ случаяхъ Иванъ Васильевичъ бывалъ геніаленъ! Прелестная хозяйка чуть не поблѣднѣла отъ удачно-придуманнаго довода.

Иванъ Васильевичъ считалъ свое дѣло не только выигранымъ, оконченнымъ, и напрасно. Ему пришлось по крайней мѣрѣ съ полчаса ублажать Вѣру Павловну. Она оказалась чрезмѣрно требовательна на счетъ живыхъ картинъ: то подавай ей луну, Венецію, гондолу, то закатъ или восходъ солнца, или что-нибудь въ этомъ родѣ, но чтобъ освѣщеніе непремѣнно было розовое. Наконецъ-то сладились на картинѣ къ новой поэмѣ г. Кудлашкина, воспѣвавшій ноженьки, сапоженьки, безденежье и реализмъ; словомъ, вещи долженствовавшія, по словамъ Ивана Васильевича, произвести фуроръ.

Несмотря на ироническое отношеніе къ прелестной дамѣ, Иванъ Васильевичъ былъ доволенъ, и даже весьма доволенъ, что удалось завербовать ее. Что прикажете!

честолюбіе страсть неприхотливая и за неимѣніемъ лучшаго, довольствуется чѣмъ попало, хотя бы щепоткой изъ министерской табатерки.

VI.

— Что жь вы не покажете мнѣ своей сестренки? началъ немного погодя Иванъ Васильевичъ. — Быть-можетъ и ее какъ-нибудь пристроимъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что они нейдутъ сюда?

И позвонивъ горничную, Вѣра Павловна приказала просить къ себѣ Прасковью Павловну.

— А я вамъ на дняхъ представлю племянника: красавецъ въ полномъ смыслѣ.

— Военный или статскій?

— Уланъ.

— Ахъ, и у мужа какой-то уланъ.

Восклицаніе это ничего не означало, кромѣ привычки Вѣры Павловны говорить вслухъ что приходило въ голову, но у Драгомилова отъ него ёкнуло сердце. „Неужели Всеволодъ?“ подумалось ему. Онъ взглянулъ на хозяйку, припомнилъ свой разговоръ съ нею и рѣшилъ: „не можетъ быть“.

Въ комнату вошла молоденькая, худенькая и не высокаго роста дѣвушка. Иванъ Васильевичъ довольно безцеремонно сталъ разсматривать ее въ pince-nez. Впечатлѣніе оказалось благопріятное. Дѣвушка была стройна, тонка и гибка; большіе черные глаза выдѣлялись на смугломъ, худощавомъ личикѣ. „Зубы, кажется, не совсѣмъ въ порядкѣ“, подумалъ Драгомиловъ, „но ничего, цыганенокъ премилый!“ И онъ сталъ соображать какъ поставитъ ее въ живой картинѣ.

— Что вы тамъ дѣлали? спросила Вѣра Павловна сестру.

— Болтали, а потомъ Александръ сталъ показывать револьверъ. Я никогда не видала какъ ихъ заряжаютъ, и просила показать. Такъ просто, я и не воображала!

„Годится въ ingènue“, подумалъ Иванъ Васильевичъ, „тонъ самый подходящій.“

Голоса и шумъ шаговъ вывели его изъ режисерскаго раздумья. Явился сунругъ Вѣры Павловны и...

— Всеволодъ! вскричалъ Иванъ Васильевичъ, вскакивая съ мѣста какъ ужаленный.

Онъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, но несомнѣнно то былъ племянникъ. Послѣдовала сцена объясненія и представленія. Иванъ Васильевичъ почти не принималъ въ ней участія; онъ поглядывалъ то на „цыганенка“, то на Всеволода, и боялся что вотъ сейчасъ-сейчасъ то узнаетъ, чего лучше кабы вовсе не было.

— А мы вотъ благодаря моей belle-soeur познакомились съ Всеволодомъ Лукичемъ, объявилъ старшему Драгомилову Александръ Аѳанасьевичъ.

Сомнѣнія не было; она, этотъ цыганенокъ, была секретомъ Всеволода.

— Вашъ племянникъ просто красавецъ, шепнула Вѣра Павловна, указывая Иванъ Васильевичу на мѣсто подлѣ себя,—привозите его въ четвергъ, и кстати билетъ... У насъ, по прежнему, четверги.

Они заговорили. Хозяйка стараясь занять гостя, гость наблюдая за племянникомъ; къ сожалѣнію онъ не могъ видѣть лица Всеволода, судя же по лицу Прасковьи Павловны разговоръ былъ не совсѣмъ обыкновенный.

— Вы видите, я сдержалъ слово, говорилъ Всеволодъ.

Дѣвушка вопросительно взглянула на него.

— Помните, предъ отъѣздомъ, на станціи желѣзной дороги...

Она не вспоминала.

— Я обѣщалъ, что черезъ два мѣсяца мы увидимся въ Петербургѣ, и сегодня ровно...

Дѣвушка слегка вспыхнула.

— Я сочла, ваши слова за шутку, проговорила она.

— Въ подобныхъ вещахъ я не шучу.

Щеки Прасковьи Павловны зарумянились сильнѣе.

— А вы, съ нѣжнымъ упрекомъ продолжалъ онъ,— вы забывчивѣе меня...

Прежній вопросительный взглядъ.

— Вы обѣщали прислать мнѣ поклонъ черезъ Лизавету Дмитріевну, и...

— Я не могла собраться написать ей...

И Прасковья Павловна подумала, нѣтъ, не подумала, а смутно почувствовала что она для этого молодаго человѣка не то что̀ другія женщины.

Иванъ Васильевичу по перемѣнамъ лица Прасковьи Павловны казалось что дѣйствіе идетъ черезчуръ ужь быстро; онъ не могъ перенести этого и всталъ.

— Вы ужь уходите? спросила Вѣра Павловна.

— Да, мнѣ некогда, отвѣчалъ онъ.—А ты, Всеволодъ?

Молодой человѣкъ замялся.

— Я надѣюсь, Всеволодъ Лукичъ для перваго знакомства отобѣдаетъ съ нами, сказалъ Клопинъ переглянувшись съ женою.

Но въ то же время дядя тревожно взглянулъ на племянника, и Всеволоду, какъ утромъ, стало совѣстно, что онъ точно избѣгаетъ дяди.

Послѣдовало прощанье.

— Какъ тебѣ понравились Клопины? спросилъ дорогою дядя.

— Ничего себѣ; люди, кажется, не дурные, отвѣчалъ племянникъ. — А вамъ дядя? прибавилъ онъ немного погодя.

Иванъ Васильевичъ понялъ о комъ вопросъ.

— Погоди до четверга, иносказательно отвѣчалъ онъ.

VII.

Что за люди были супруги Клопины? Съ Вѣрой Павловной вы уже достаточно знакомы; вы могли оцѣнить ея умъ, образованіе и ловкость; иначе вы не внимательно читали предыдущую главу. Что еще остается узнать о прелестной дамѣ, узнается въ свое время. Теперь же позвольте заняться супругомъ.

Клопинъ учился, или вѣрнѣе числился въ спискѣ учащихся въ то недавнее, трижды блаженное время, когда экзамены признавались глупою формальностью, ретроградымъ стѣсненіемъ благородныхъ юношескихъ стремленій; всемогущій либерализмъ повелѣвалъ смотрѣть сквозь пальцы на знакомство съ наукой, требовалось единственно знаніе ея прогрессивныхъ результатовъ. Отъ того, будемъ надѣяться, невозвратимаго времени сохранилось нѣсколько анекдотовъ, и анекдотъ какъ выпускной студентъ на экзаменѣ изъ статистики бряк-

нулъ что въ Россіи ежегодно добывается милліонъ пудовъ золота и желая поправиться началъ перечислять баварскія гавани, — случился именно съ Александръ Аѳонасьевичемъ. Профессоръ поставилъ ему *три*, и Клопинъ всюду сталъ благовѣстить что старый чортъ привязывается къ словамъ. Помните ли вы описанія старинныхъ студентовъ, потѣвшихъ на экзаменахъ, просившихъ позволенія взять второй билетецъ, снова потѣвшихъ и молча уходившихъ на мѣсто, совершивъ предъ экзаминаторами подвигъ молчальничества? Въ лицѣ Клопиныхъ незнаніе заговорило, потребовало себѣ равноправности со знаніемъ и рѣшило не проваливаться ни на экзаменахъ, ни въ жизни. Ярое невѣжество Александра Аѳанасьевича уравновѣшивалось столь же ярою приверженностію къ наукѣ вообще. Онъ не садился въ вагонъ, не отправлялъ и не получалъ телеграммы, не разрѣзывалъ бифстека чтобы не подумать о могуществѣ пара, или быстротѣ электричества и не воздохнуть ото всего сердца о невѣжествѣ царя Алексѣя Михайловича, ни разу въ жизни не кушавшаго бифстека.

Александръ Аѳанасьевичъ былъ не дуренъ собою и вообще обладалъ наружностью пріятною; его англійскій проборъ былъ всегда удивительно ровенъ и ясенъ, его длинныя висячія бакенбарды достодолжнымъ образомъ подбриты и подстрижены. Онъ занимался и собою и своимъ туалетомъ. Онъ зналъ малѣйшія измѣненія въ покроѣ платья, названія всѣхъ модныхъ цвѣтовъ и галстуховъ; онъ велъ продолжительныя бесѣды съ портнымъ, досконально и съ самыми мелочными подробностями объясняя ему какъ именно долженъ быть сшитъ фракъ или сюртукъ. Онъ зналъ адресы всѣхъ магази-

новъ, гдѣ купить шляпу, тросточку и пр. Съ неменьшею заботливостью слѣдилъ онъ за умственными модами, и зналъ въ которой газетѣ продаются самыя послѣднія. Въ должное время и не далѣе чѣмъ слѣдовало, чтобы не уронить себя, былъ онъ другомъ Американцевъ, братомъ Славянъ, приверженцемъ третьяго Наполеона и князя Бисмарка; по миновaніи надобности, онъ умѣлъ надъ тѣмъ посмѣяться чему поклонялся; при случаѣ, онъ подсмѣивался и въ самый разгаръ поклоненія. Завидна была его готовность кричать всюду хотя бы за папу, попади только папа въ моду.

Клопинъ былъ чистокровнымъ Петербуржцемъ, и не понималъ возможности жить гдѣ-либо кромѣ города съ „двумя огромными сфинксами“. Онъ требовалъ жизни, жизни и жизни! А жизнь, какъ сказалъ, или хотѣлъ сказать мудрецъ, есть непрерывное движеніе. И Александръ Аѳанасьевичъ двигался безпрерывно, и главное, зналъ въ которое время, въ которомъ мѣстѣ слѣдуетъ двигаться. Забѣжать въ ресторанъ, перехватить пирожокъ, просмотрѣть иллюстраціи и каррикатуры, пробѣжать газеты, пробѣжаться по Невскому, быть вечеромъ гдѣ бываютъ всѣ, переговорить со всѣми о всѣхъ новостяхъ, знать все и ничего не вѣдать, интересоваться сегодняшнимъ и вполнѣ забывать вчерашнее, и пр. и пр. Это ли не полнота жизни?

Александръ Аѳанасьевичъ былъ поклонникомъ Запада, гдѣ все устроено хорошо, и гостиницы и мостовыя, и вообще просвѣщеніе процвѣтаетъ. Онъ былъ настолько Европейцемъ что никогда не ѣлъ щей, и круглый годъ, несмотря на глубокій снѣгъ и сильные морозы, бѣгалъ въ ботинкахъ. Вообще мысли его на этотъ счетъ были ясны, прозрачны и жидки какъ невская

вода. Но обращалъ ли онъ свой умственный взоръ на Востокъ, все являлось туманно; нѣчто огромное надоѣдливо путалось предъ глазами, и это нѣчто была Россія. Казалось бы что̀ Александръ Аѳанасьевичу Россія или онъ ей что̀? Но нѣтъ, она раздражала и не давала ему покоя. Онъ зналъ, что въ ней нѣтъ ничего достойнаго вниманія, ни въ настоящемъ, ни въ прошедшемъ, и тѣмъ не менѣе выходилъ изъ себя встрѣчая патріотовъ. Онъ былъ бы доволенъ еслибы сію огромную страну можно было вычеркнуть изъ лексикона.

Рѣчь Александра Аѳанасьевича была двоякая: о вещахъ серіозныхъ и съ людьми малознакомыми онъ говорилъ дубовато-напыщеннымъ слогомъ петербургскихъ газетъ; о вещахъ менѣе серіозныхъ и съ людьми близкими нестерпимымъ жаргономъ, почитая его за самую правильную русскую рѣчь. И въ этомъ отношеніи онъ былъ истымъ Петербуржцемъ; какъ извѣстно, ни одинъ актеръ, изображая *русскаго человѣка*, не можетъ угодить на петербургскаго чиновника: все ему кажется будто оно недостаточно по-русски.

Таковъ былъ г. Клопинъ какъ представитель умственнаго разночинства, и нарисовавъ его портретъ, я умиляюсь душою, и готовъ повторить слова г-жи Простаковой: „все-то мнѣ мило въ Митрофанушкѣ“. Но всѣ указанныя черты родовыя или видовыя: такихъ господъ въ Петербургѣ сила и они на каждомъ шагу; въ Москвѣ они менѣе замѣтны и только начинаютъ кучиться, но особнякомъ, ибо въ Москвѣ все стремится обособиться; въ провинціи они бродятъ печальными одиночками.

Самъ по себѣ Александръ Аѳанасьевичъ... мы сейчасъ увидимъ каковъ онъ былъ самъ по себѣ; я только

попрошу читателя не смѣшивать чертъ видовыхъ съ личными.

VIII.

Приглашая Всеволода погодить до четверга, думалъ ли Иванъ Васильевичъ что племянникъ замѣтитъ всѣ или нѣкоторыя изъ указанныхъ чертъ? Врядъ ли; ни Всеволодъ не былъ настолько наблюдателемъ, ни самъ Иванъ Васильевичъ не обладалъ способностью группировать повседневные факты. Онъ надѣялся просто что Всеволоду будетъ тяжело дышать у Клопиныхъ, что онъ сразу почувствуетъ воздухъ де въ ихъ домѣ нездоровый; онъ надѣялся еще, что племянникъ услышитъ о хозяевахъ отзывы не совсѣмъ благопріятные.

Въ самомъ дѣдѣ, поразспроси Всеволодъ знакомыхъ господъ Клопиныхъ, ближнихъ что̀ ѣли ихъ хлѣбъ и пили ихъ вино, не много утѣшительнаго услышалъ бы онъ. Вѣра Павловна, по однимъ, была дочерью какого-то графскаго управляющаго, то-есть понимаете, дочерью на бумагѣ, а въ сущности самъ графъ приходился ей отцомъ; по другимъ, вовсе не дочерью графа была она, а любовницей. Никто не сомнѣвался что до замужества прелестная дама пожила значительно и что послѣдній обожатель на прощанье изрядно обезпечилъ ее. Тутъ-то она изловила Клопина, только-что окончившаго курсъ и бывшаго такъ-сказать на перепутьи; опутать его Вѣрѣ Павловнѣ ничего не стоило: она была не только опытнѣе, но годами пятью старѣе жениха. Нравственныя понятія Александръ Аѳанасьевича отличались такою же подвижностію какъ и умственныя. На всякій случай, буде кто упрекнетъ его, что молъ женился ты изъ-за де-

негъ чортъ знаетъ на комъ, онъ приготовилъ нѣсколько фразъ о прощеніи и уваженіи къ падшей женщинѣ, но никто и не подумалъ упрекать. Быть-можетъ, знакомые въ свою очередь приготовили тѣ же фразы и ждали, чтобы Клопинъ заговорилъ первый. Вѣроятно, Александръ Аѳанасьевичъ любилъ свою жену; по крайней мѣрѣ, по ея настоянію онъ поступилъ на службу и ради ея утѣшенія придумалъ будто его фамилія собственно не Клопинъ, а Clopin, ибо де предки были французскими эмигрантами. Первые пять лѣтъ потомокъ эмигрантовъ не ревновалъ жены, потому ли что повода не было, или потому что онъ ничего не замѣчалъ; начать ревновать на шестой было бы смѣшно: не аркадскіе же пастушки они были въ самомъ дѣлѣ Шестой годъ и безъ того былъ годомъ тяжелымъ: оказался дефицитъ. Ахъ, эти вечера, выѣзды, театры стоятъ такъ дорого, вы и не повѣрите! Въ домѣ появился какой-то высокій генералъ, другъ отца Вѣры Павловны. Глядя на него, Александръ Аѳанасьевичъ постоянно готовилъ фразу о свободѣ чувствъ и нестѣсненіи воли жены, но и этой фразы никто не требовалъ. Если и древле никому не было дѣла что кума съ кумомъ сидѣла, то нынче и подавно. „Общество стало шире и либеральнѣе глядѣть на эти вещи“, восторгаются одни; „распущеннѣе“, бурчатъ другіе. Клопину, впрочемъ, некогда было думать о женѣ; онъ сталъ усиленно посѣщать тѣ клубы, гдѣ можно было составить партію богатымъ, но неумѣлымъ любителямъ коммерческихъ игръ; самъ же онъ игралъ отлично и, главное, счастливо. Въ послѣднее время Вѣра Павловна познакомилась съ какимъ-то княземъ, и весьма оригинальнымъ образомъ: она подошла къ нему въ маска-

радѣ и сказала: „князь, я много о васъ слышала, и мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами; пріѣзжайте завтра, я ручаюсь что вамъ будетъ не скучно: вы коекого встрѣтите изъ знакомыхъ“. Князь пріѣхалъ и сталъ навѣщать Клопиныхъ, вѣроятно убѣдившись что у нихъ не скучно. Онъ любилъ играть съ Александромъ Аѳанасьевичемъ въ карты, и Вѣра Павловна всегда садилась „на счастье“ возлѣ князя. Близость прелестной женщины сильно дѣйствовала на сіятельнаго партнера; онъ ошибался, путалъ, бывалъ разсѣянъ, и не мудрено что проигрывалъ.

Четвергъ, на который попали дядя съ племянникомъ, былъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ. Общество было многолюдное и самое пестрое. Были и генералъ, и князь, и два камеръ-юнкера, и иныя титулованныя особы; были простые смертные, военные и статскіе; былъ адвокатъ, дѣлавшій авансы претендентамъ на чужое наслѣдство; былъ адвокатъ, проводившій въ рѣчахъ либеральные принципы и отдавшій свой гонораръ на... на проценты ростовщикамъ; были и журналисты, и литераторы... Александръ Афанасьевичъ, какъ многіе въ просвѣщенной сѣверной столицѣ, любилъ приглашать къ себѣ на обѣды и вечера литераторовъ; согласитесь, оно какъ-то пріятно имѣть въ числѣ гостей о комъ можно услышать: „ахъ, это тотъ что пишетъ!“ Опасности большой отъ этого не предвидится; правда, могутъ описать, но... но и въ этомъ есть доля пріятности. Станутъ и про насъ говорить: „ахъ, это тотъ что описанъ!“ Было не мало красивыхъ и нарядныхъ дамъ; были такія что одѣвались съ чужаго плеча. Вы пожалуй думаете Богъ знаетъ что, сударыня. Успокойтесь: платья не были дареныя, а купленныя, только въ три-

дешева и у сіятельныхъ сестрицъ-торговокъ. Платья, разумѣется, надѣванныя разъ или два какою-нибудь знатною дамой на придворный или иной высокопоставленный балъ, но купить которыя можно не всякой: требуется рекомендація.

О многихъ изъ дамъ ходили слухи столь же заманчивые какъ о Вѣрѣ Павловнѣ. Про одну говорили, что она добыла мужу выгодное мѣсто, изъѣздивъ въ декольтированномъ до невозможности платьѣ всѣхъ важныхъ особъ и въ случаѣ отказа падая предъ ними въ обморокъ въ позахъ самыхъ очаровательныхъ, пока не нашла старичка приведшаго ее въ чувство; другая сама играла роль важной особы при высокопоставленномъ лицѣ, и чтобъ уладить дѣло, слѣдовало обращаться съ прошеніями и приношеніями не къ лицу, а къ ней; третья послѣ разныхъ похожденій въ дѣвичествѣ подцѣпила богатаго дурака, и теперь, къ досадѣ прочихъ, щеголяла великолѣпными брилліантами; четвертая шалила не изъ интереса, а по призванію; шестая... и про шестую, и про десятую и т. д. разказывались новыя варіаціи на ту же тему. Двѣнадцатая отличалась строгою нравственностью, но за то была необыкновенно счастлива: она два или три раза выигрывала порядочные куши въ лотерейный заемъ. О, вы и не знаете всѣхъ выгодъ лотерейныхъ займовъ! Прежде бывали невинные доходы, теперь людямъ за такую невинность небо посылаетъ счастье въ одинъ изъ роковыхъ четырехъ дней въ году. Оно и выгодно, и прилично, и удобно, тѣмъ болѣе что, какъ доказываетъ примѣръ великой заатлантической республики и другихъ просвѣщенныхъ странъ, безъ невинныхъ доходовъ, подъ тѣмъ или инымъ наименованіемъ, обойтись невозможно. Но я

увлекся.... Были на четвергѣ у Вѣры Павловны дамы вполнѣ безукоризненныя: эти тѣмъ утѣшались, что чесали язычокъ на счетъ другихъ; были и такія, кому рѣшительне дѣваться было некуда и надо было гдѣнибудь торчать.

Сознаюсь въ маленькой слабости; на подобныхъ вечерахъ, я люблю разыгрывать роль человѣка молчаливаго, скучающаго и скучнаго; какъ тѣнь брожу я подходя къ той или другой кучкѣ, и прислушиваюсь: чѣмъто забавляются, чѣмъ-то интересуются люди? Всеволодъ, не безъ пользы для себя, могъ бы подражать мнѣ. О чемъ толковалось вокругъ? Люди серіозные и дѣловые говорили о дѣлахъ, завидовали скороспѣлымъ богачамъ, намекая довольно прозрачно, и также не безъ завистливаго чувства, на не совсѣмъ честные способы наживы; завидовали, разумѣется, не безчестности, но ловкости. Люди беззаботные болтали объ устрицахъ съ шампанскимъ и иныхъ увеселеніяхъ всѣхъ трехъ родовъ; какой-то подкрашенный и перекрашенный господинъ на дряблыхъ ножкахъ и съ козлиною бородкой надоѣдалъ уже двадцать второму знакомому разказомъ о нечаянной встрѣчѣ вчера, причмокивая на словахъ: „прехорошенькая и пресвѣженькая“. Люди съ претензіей на образованность разсуждали о вещахъ ученыхъ, такъ, напримѣръ, артиллеристъ съ жаромъ доказывалъ что говорить „я бывалъ тамъ“ не только неправильно, но и безсмысленно, а слѣдуетъ де говорить: „ былъ тамъ нѣсколько разъ“; какой-то учитель громогласно жаловался что *его*, даже *его* попросили удалиться изъ гимназіи за идеи; причемъ его другъ, мировой судья, восклицалъ: „что жь послѣ этого будетъ съ нашими гимназіями и съ нашими дѣтьми!“ Люди благоразумные сидѣли за картами. Двое любите-

лей искусствъ спорили о новой піесѣ и въ сороковой разъ повторяли другъ другу доводы вычитанные въ двухъ несогласныхъ между собою критикахъ. Люди желчные пушили на чемъ свѣтъ стоитъ что попадало на языкъ, начиная съ газетъ, коихъ вина состояла именно въ томъ, что онѣ все ругаютъ. Большинство дамъ сидѣли особо, молчали и если произносили нѣсколько словъ, то съ явнымъ неудовольствіемъ; онѣ либо занимались разсматриваніемъ карточекъ извѣстныхъ кокотокъ, коими были полны альбомы Вѣры Павловны (она ихъ, какъ увѣряла всѣхъ съ очаровательною улыбкой, собирала для мужа), либо мрачно и враждебно посматривали другъ на друга и на тѣхъ изъ своего пола кто болталъ съ мущинами о вещахъ самыхъ невинныхъ, какъ-то: объ оперѣ, женскомъ вопросѣ и преимуществѣ дамъ предъ кавалерами.

IX.

Иванъ Васильевичъ, имѣя въ виду назидательные относительно гг. Клопиныхъ разговоры, представилъ племянника нѣкоторымъ изъ гостей, но Всеволодъ, конечно, поспѣшилъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ новыхъ знакомыхъ. Онъ прошелся по залѣ, побывалъ въ обѣихъ гостиныхъ и въ кабинетѣ хозяйки, опять прошелся по залѣ, и заглянулъ въ хозяиновъ кабинетъ. Онъ былъ разсѣянъ и ничего не замѣчалъ, и въ то же время глядѣлъ сосредоточенно. Глаза его искали кого-то и готовы были, какъ говорится, впиться въ искомый предметъ; кромѣ его, они не могли никого и ничего замѣтить. Всеволодъ снова вернулся въ гостиную. Наконецъ-то! Прасковья Павловна сидѣла во вто-

рой гостиной у трельяжа и разговаривала съ какимъ-то господиномъ лѣтъ сорока, блондиномъ, высокимъ, стройнымъ, виднымъ и красивымъ. Господинъ былъ представленъ Всеволоду и оказался Анатоліемъ Аполлоновичемъ Сосновцевымъ. Высоко-чиновный г. Сосновцевъ холодно и церемонно раскланялся со Всеволодомъ, и въ глубинѣ его зеленыхъ съ красными вѣками глазъ незамѣтно, или замѣтно только для весьма опытнаго наблюдателя, быстро промелькнуло неодобреніе. Уланъ, съ своей стороны, почувствовалъ отвращеніе къ зеленоватымъ и, казалось, холоднымъ и къ добру, и ко злу глазамъ красиваго господина.

Анатолій Аполлоновичъ, какъ только кончилась церемонія представленія, не обращая ни малѣйшаго вниманія на Всеволода, продолжалъ прерванный разговоръ. Онъ разказывалъ полуисторическій, полуназидательный, тонкоумный анекдотъ, какихъ зналъ пропасть, и повѣствовалъ тономъ необычайно умнымъ и слегка снисходительнымъ. Прасковья Павловна слушала внимательно стараясь уловить смыслъ тонкихъ выраженій и подозрѣвая въ каждомъ словѣ г. Сосновцева гораздо болѣе ума чѣмъ имѣлось на лицо. Но такое уже счастье было Анатолію Аполлоновичу, что большинство знакомыхъ, изъ нихъ же первый былъ онъ самъ, подозрѣвали въ немъ гораздо болѣе ума чѣмъ находилось въ наличности. Всеволодъ слушалъ однимъ ухомъ и въ оба глаза любовался дѣвушкой. Она была мила; два выраженія, не рѣдкія у молоденькихъ дѣвушекъ когда имъ представляется нѣчто новое, невиданное и неслыханное, чередовались на ея лицѣ. То она раскрывала еще шире свои большіе глаза и полуотворяла хорошенькій ротикъ, словно принимая въ себя нѣчто, то

прищуривалась и сжимала губки, точно боясь уронить только что схваченную мысль.

Разказавъ два-три анекдота, Анатолій Аполлоновичъ распространился на свою любимую тему: женщины и любовь. Онъ считалъ себя тонкимъ любителемъ и опытнымъ знатокомъ сихъ дѣлъ.

— Ромео и Джульетта, повѣствовалъ онъ, — считаются идеаломъ любви. Лессингъ сказалъ даже, что только одно сочиненіе написала сама любовь, и что это *Ромео и Джульетта*. Такъ разсуждать было позволительно въ прошломъ вѣкѣ, но въ наше время это было бы непростительною ошибкой. Подобная полудѣтская любовь возможна теперь развѣ въ средѣ зажиточныхъ мѣщанъ. Мои слова станутъ вполнѣ понятны, если принять въ соображеніе степень образованія Ромео, и вообще младенчество науки во времена Шекспира. Нашъ умъ, наши чувства стали plus raffinès.... виноватъ, но русскій языкъ не выработалъ словъ для понятій вполнѣ развитой жизни. Въ наше время, чтобы понять въ чемъ состоитъ настоящая, достойная современнаго человѣка, любовь надо не только многое изучить, но еще большее испытать. Возможно ли это, не скажу для юноши, но даже для молодаго человѣка въ двадцать пять лѣтъ? Нѣтъ, въ нашъ вѣкъ до идеальной любви человѣкъ можетъ возвыситься только въ тридцать пять лѣтъ, не раньше, когда для него начнется періодъ de la seconde jeunesse. И тогда только, тогда онъ можетъ понять всю прелесть только-что распустившейся дѣвушки, оцѣнить ея нѣжный ароматъ, и научить ее тайнамъ любви, тайнамъ быть-можетъ купленнымъ горькимъ опытомъ!...

Съ самаго начала этой тирады, Всеволодъ посмат-

ривалъ на Прасковью Павловну; при словахъ „вторая юность“ онъ украдкой дотронулся пальцемъ до макушки, желая намекнуть на рѣдковолосіе зеленоглазаго и приглашая дѣвушку улыбнуться, если не разсмѣяться. Прасковья Павловна не замѣчала этихъ маневровъ: она попрежнему слушала. Разъ или два она взглянула на Всеволода, но тусклымъ и невнимательнымъ взглядомъ. При словахъ „тайны любви“ Всеволодъ почувствовалъ приливъ злобы, хотѣлъ было смѣрить глазами Сосновцева съ ногъ до головы, но подумалъ что, чего добраго, еще наговоритъ ему дерзостей, и круто повернувшись на стулѣ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Лицо его было разстроено; онъ глазѣлъ по сторонамъ и видѣлъ теперь все что̀ попадалось въ глаза, удивляясь почему четвертью часа раньше многаго не замѣчалъ. Въ кабинетѣ онъ увидѣлъ дядю; тотъ игралъ въ пикетъ съ какимъ-то быкообразнымъ господиномъ. Иванъ Васильевичъ, догадавшись что Всеволоду не по себѣ, улыбнулся и подумалъ: „не дурно я познакомилъ Всеволода; видно, поразказали про Клопиныхъ“.

— Всеволодъ, куда ты? обратился онъ къ племяннику, хотѣвшему пройти въ сосѣднюю съ кабинетомъ комнату.—Тамъ, братъ, рулеточка поставлена; конечно, не для обыгрыванія, а для развлеченія *дорогихъ* (онъ подчеркнулъ это слово) гостей.

Быкообразный партнеръ замоталъ головой какъ корова отмахиваясь отъ слѣпней и комаровъ, и сдѣлалъ усиліе улыбнуться.

— Хочешь играть, садись съ нами; безопаснѣе, продолжалъ Иванъ Васильевичъ. — Мы вотъ кончимъ шестаго короля, да въ преферанчикъ....

Шестой король былъ доигранъ, и Всеволодъ протя-

нулъ-было руку къ картѣ какъ въ кабинетъ вошла Вѣра Павловна.

— Это что такое? съ укоризной замѣтила она Всеволоду, указывая на карты. — И вы хороши: усадить молодаго человѣка за зеленое поле, а еще дядя!—покачала она головою па Ивана Васильевича. — Нѣтъ, нѣтъ, Всеволодъ Лукичъ, я не могу позволить этого, какъ хозяйка не могу. Пойдемте-ка,—продолжала она подавая руку молодому человѣку, — тамъ затѣваются танцы, и вы въ наказаніе должны танцовать первую кадриль со старухой.

Всеволодъ посмотрѣлъ вопросительно.

— Со мною, со мною, я вѣдь старуха, весело отвѣчала прелестная дама и съ улыбкой выслушавъ любезность Всеволода, тише проговорила: — сестра васъ ищетъ.

Всеволодъ слегка вспыхнулъ.

Когда Иванъ Васильевичъ, сыгравъ еще три короля, вышелъ въ залу поглядѣть на танцующихъ, Всеволодъ весело болталъ стоя въ парѣ съ Прасковьей Павловной.

„Танцуетъ и веселъ“, ворчливо подумалъ дядя. „Нѣтъ, не разказы смутили его. Что же?“

X.

На слѣдующій же день, памятуя дядино „погоди до четверга“, Всеволодъ за чаемъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Ну что, дядя? сказалъ онъ не безъ нѣкотораго волненія.

Иванъ Васильевичъ посмотрѣлъ на него какъ бы припоминая къ чему можетъ относиться вопросъ.

— Ничего, улыбаясь отвѣчалъ онъ.

Разумѣется, дядя помнилъ очень хорошо, но послѣ вчерашняго положилъ выжидать и высматривать. „Быть-можетъ, разсуждалъ онъ,—это просто мимолетная молодая дурь, а я своимъ вмѣшательствомъ и разспросами только раздую искру.“ И въ теченіе слѣдующихъ трехъ недѣль, Иванъ Васильевичъ говорилъ съ племянникомъ обо всемъ кромѣ „секрета“; заикался ли Всеволодъ о секретѣ, дядя пропускалъ мимо ушей и ни полусловомъ не поддерживалъ разговора. Иное дѣло нашлось у Ивана Васильевича: онъ приглядывался къ племяннику. Скоро онъ убѣдился, что за время разлуки Всеволодъ значительно возмужалъ: у него сложились мнѣнія, мнѣнія крѣпкія, данныя жизнію и ни мало не книжныя, и что̀ всего сильнѣе поражало стараго холостяка, молодой уланъ высказывалъ ихъ смѣло, безо всякой запинки, не справляясь и кажется не думая справляться, приняты ли они или нѣтъ. И старшій Драгомиловъ почувствовалъ къ младшему родъ зависти. Но это чувство ни мало не отдаляло дядю отъ племянника; напротивъ, оно подстрекало Ивана Васильевича поближе узнать Всеволода. И понемногу, сначала того не замѣчая, Иванъ Васильевичъ сталъ во многомъ соглашаться съ племянникомъ, смотрѣть его глазами, справляться съ его мнѣніями; наконецъ, признался себѣ что Всеволодъ имѣетъ на него вліяніе, и завистливое чувство перешло въ чувство уваженія.

Всеволодъ часто навѣщалъ Клопиныхъ, и кромѣ того нерѣдко встрѣчался съ Прасковьей Павловной то въ клубѣ, то въ театрѣ. Не время ли теперь разказать исторію его любви? Она коротка и весьма проста. Всеволодъ познакомился съ дѣвушкой въ городѣ, гдѣ стоялъ

полкъ, у общей знакомой, у той Лизаветы Дмитріевны чье имя вскользь было упомянуто въ началѣ повѣсти; съ перваго же раза Прасковья Павловна понравилась молодому человѣку; онъ продолжалъ видѣться съ нею въ томъ же домѣ, не знакомясь съ родственниками, у кого она жила. Прошло два-три мѣсяца, и Прасковья Павловна, вслѣдствіе обстоятельствъ о коихъ читатель узнаетъ ниже, стала собираться въ Петербургъ. Всеволоду, какъ услыхалъ объ этомъ, стало жаль что впредь ему уже не придется видѣть ее въ извѣстный день, болтать съ нею. На станціи желѣзной дороги, онъ полушутя, полуневольно обѣщалъ ровно чрезъ два мѣсяца увидѣться съ нею. На слѣдующій день былъ вторникъ, день когда онъ привыкъ встрѣчаться съ нею; полускучая, полугрустя, онъ раздумался объ уѣхавшей и сталъ упрекать себя, зачѣмъ де вчера обѣщалъ пріѣхать въ Петербургъ. Кто знаетъ, можетъ-быть она поняла его слова за полупризнаніе, можетъ-быть она станетъ ждать, или по крайней мѣрѣ думать о немъ болѣе и чаще, чѣмъ думала бы безъ того. Зараждавшаяся въ этихъ упрекахъ любовь подсказала молодому человѣку что во *всякомъ* де случаѣ лучше исполнить обѣщаніе. „Кстати и дяди давно не видѣлъ“, какъ бы оправдываясь прибавилъ Всеволодъ.

Два мѣсяца онъ промечталъ, каково-то встрѣтится съ Прасковьей Павловной, какъ-то она приметъ его пріѣздъ, такою ли милою какъ прежде покажется ему, и будетъ ли ему болтать съ нею также весело и легко. Чрезъ недѣлю по пріѣздѣ, онъ убѣдился что никакой перемѣны въ этомъ отношеніи не произошло, развѣ она стала еще милѣе. Дни шли, и Всеволодъ все болѣе и болѣе втягивался. Между ними не замѣчалось особой

близости, но онъ съ нею о томъ говорилъ о чемъ заговаривалъ далеко не со всякимъ. Дѣвушка обладала въ значительной мѣрѣ тою мелочною наблюдательностію, которая такъ свойственна женщинамъ, и не рѣдко забавляла молодаго человѣка разказами о вѣрно-подмѣченныхъ въ томъ или другой комическихъ чертахъ. Всеволодъ удивлялся какъ все она это замѣчаетъ, хотя ему и не совсѣмъ нравилась такого рода наблюдательность: у него было какое-то необъяснимое отвращеніе разбирать личныя качества того или другаго знакомаго. Всего милѣе было говорить ему о явленіяхъ внутренней, самой потаенной жизни, о томъ что̀ не разъ случалось испытывать и что̀ было ему любезно. „Любите ли вы, спрашивалъ онъ напримѣръ дѣвушку, — зимой, предъ тѣмъ какъ подадутъ свѣчи, или лѣтомъ какъ начинаетъ темнѣть и только звѣздочка, другая взошла на небо, сидѣть и притихнувъ думать — сами не знаете о чемъ, что̀ какъ будто откуда-то со стороны приходитъ въ голову? И случается ли вамъ при этомъ совсѣмъ, совсѣмъ забыться, такъ что когда очнетесь, невольно беретъ сомнѣніе: было ли то о чемъ вы сейчасъ думали на самомъ дѣлѣ или нѣтъ? И вамъ кажется будто было, а чрезъ минуту: нѣтъ, не было. А чрезъ часъ и совсѣмъ забудешь о чемъ такъ недавно думалось и что̀ казалось такимъ важнымъ.“

Всеволодъ не замѣчалъ, что Прасковьѣ Павловнѣ бывало довольно трудно слѣдить за нимъ въ этихъ описаніяхъ дорогихъ ему мимолетныхъ впечатлѣній. Въ силу ли врожденнаго у женщинъ стремленія прочувствовать мужскую мысль, и прочувствовать ее во много разъ сильнѣе мущины, въ силу ли безсознательнаго кокетства или изъ самолюбиваго желанія показать что

она все знаетъ и понимаетъ, или, наконецъ, вслѣдствіе совокупности всѣхъ этихъ настроеній, только Прасковья Павловна заботливо скрывала свое разномыслiе и разночувствіе со Всеволодомъ. При этомъ она не столько подъ него поддѣлывалась, сколько обманывалась сама.

Любовь стояла на этой точкѣ и не шла далѣе. Всеволодъ еще ни разу не говорилъ себѣ, что любитъ и не спрашивалъ себя: любитъ ли она его, и полюбитъ ли? Благо, что жилось полнѣе и возбужденнѣе чѣмъ всегда. Были у молодаго человѣка и огорченія. Появленія Анатолія Аполлоновича всегда раздражали его; онъ рѣшительно не могъ выносить зеленоглазаго умника и избралъ за лучшее уѣзжать, какъ только тотъ въ двери.

Иванъ Васильевичъ находилъ частыя посѣщенія Клопиныхъ Всеволодомъ въ порядкѣ вещей и не безпокоился ими; два или три раза онъ былъ свидѣтелемъ какъ племянникъ удаляется при появленіи Сосновцева и не безъ удовольствія замоталъ это себѣ на усъ. Но ему казалось сильнымъ безпорядкомъ и даже раздражало его то обстоятельство, что Александръ Аѳанасьевичъ сталъ нерѣдко заѣзжать за Всеволодомъ и вообще вести себя слишкомъ развязно. Близость между Всеволодомъ и Клопинымъ не нравилась Иванъ Васильевичу, и сильно не нравилась.

„Ужь не окрутить ли они его задумали? Отъ этихъ людей все станется“, подумалъ Иванъ Васильевичъ. „Не неужто Всеволодъ до сихъ поръ не понялъ что это за твари?“

Всеволодъ дѣйствительно не понялъ. Супруги Клопины были съ нимъ любезны, и онъ больше отъ нихъ ничего не требовалъ.

XI.

Иванъ Васильевичъ, разсердясь на Александръ Аѳанасьевича, рѣшилъ положить *всему этому* предѣлъ, и для сего: вопервыхъ, открыть Всеволоду глаза, а вовторыхъ, буде окажется что супруги Клопины ловятъ жениха, то проучить оныхъ благовѣрныхъ примѣрнымъ образомъ. При обдумываніи подробностей плана, старый холостякъ наткнулся на пунктъ дотолѣ имъ пренебрегаемый.

„Но она-то, цыганенокъ, что̀ за созданіе?“ спросилъ онъ себя. „Пойдетъ ли по стопамъ сестрицы или какъ-нибудь нечаянно уродилась совсѣмъ порядочною дѣвушкой? Бываютъ такіе случаи; рѣдко, но бываютъ.“

Иванъ Васильевичъ сталъ придумывать какъ бы всѣ три пункта разъяснить сразу.

— Что̀ жь, послать за докторомъ? спросилъ онъ какъ-то племянника.

— За докторомъ? удивился Всеволодъ.

— Твой отпускъ кончается, не нынче, завтра.

— Я и забылъ, скрививъ ротъ точно отвѣдавъ горькаго лѣкарства, отвѣчалъ Всеволодъ.

— И что̀ жь?

— Рѣшу на дняхъ.

— Ладно. А въ ожиданіи я потѣшу тебя пикничкомъ. Не бойся, прибавилъ Иванъ Васильевичъ, замѣтивъ нѣкоторое безпокойство племянника,—и ее возьмемъ.

Заручась согласіемъ Всеволода, Иванъ Васильевичъ принялся усиленно хлопотать о пикникѣ. Первѣе всего онъ отправился къ Анатолію Аполлоновичу, и не бу-

дучи принятъ у него въ домѣ, зашелъ къ нему въ должность.

— Я къ вамъ по дѣлу, объявилъ онъ.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ? спросилъ Анатолій Аполлоновичъ тѣмъ любезно-офиціальнымъ тономъ, какимъ произносятъ эту фразу люди не желающіе быть никому, кромѣ самихъ себя, полезными.

— Какого вы мнѣнія насчетъ пикника съ дамами, разумѣется, красивыми и... милыми?

Послѣднее слово было произнесено съ особымъ удареніемъ и въ носъ. Анатолій Аполлоновичъ поднялъ глаза къ потолку, какъ бы размышляя о чемъ-то важномъ.

— Кто именно будетъ участвовать? спросилъ онъ по размышленіи.

Драгомиловъ назвалъ нѣсколькихъ.

— Затѣмъ, прибавилъ онъ,—надо пригласить Клопиныхъ: его—ради оживленія игры, ее—ради князя.

— А... произнесъ господинъ Сосновцевъ.

Весьма трудно рѣшить какой знакъ препинанія поставилъ бы при письмѣ Анатолій Аполлоновичъ послѣ своего „а“, вопросительный или восклицательный. Онъ не то соглашался съ замѣчаніями Драгомилова, не то хотѣлъ спросить его о чемъ-то, но не смѣлъ, или не соблагоизволялъ. Иванъ Васильевичъ крѣпко закусилъ правый усъ, точно не усъ попался подъ зубы, а тайная мысль господина Сосновцева.

— Конечно, и цыганенка захватимъ.

— А знаете ли, съ особымъ оживленіемъ и нѣжностью заговорилъ Анатолій Аполлоновичъ,—вы весьма удачно ее прозвали. Эти большіе глаза, эта худощавость, эта поджарость, какъ прекрасно выражается

нашъ умный народъ, и эта тонкая и гибкая талія!.. О, въ ней должно-быть бездна страстности. Надо только сумѣть развить въ ней эту жилку, и она дастъ счастливцу идеальныя наслажденія.

Иванъ Васильевичъ былъ повидимому доволенъ восхищеніемъ господина Сосновцева. „Люблю такихъ: разсуждаетъ практически“, подумалъ онъ. „Но неужто Всеволодъ и того не замѣчаетъ что другіе мечтаютъ объ *ея* таліи?“

— Итакъ, вы не прочь?

— О, всеконечно!.. Я только просилъ бы васъ...

— Отправить васъ на однѣхъ саняхъ съ нею?

— Да, да. Я именно *это* люблю въ пикникахъ. Особенно когда возвращаешься, когда, знаете, всѣ поразгорятся и... и... Словомъ, тутъ представляется много восхитительныхъ случаевъ, и только дураки не пользуются ими.

Иванъ Васильевичъ, какъ вышелъ отъ Сосновцева, почувствовалъ точно гора съ плечъ свалилась, и онъ сталъ насвистывать изъ *Прекрасной Елены* куплетъ о чести летящей кувыркомъ. Пригласить остальныхъ участниковъ было для него дѣломъ пустяшнымъ. Затѣмъ онъ отправился къ Клопинымъ. Вѣра Павловна была весьма тѣмъ польщена что сборный пунктъ назначается у нея, но на счетъ участія въ пикникѣ Pachette, какъ звала она сестру, оказалась менѣе сговорчивою, чѣмъ думалось холостому скептику. Она объявила что дѣвицѣ ѣхать на *такой* пикникъ не совсѣмъ прилично. Иванъ Васильевичъ возразилъ что будутъ и другія дѣвицы.

— Быть-можетъ, но Pachette я не позволю, стояла на своемъ Вѣра Павловна.

— Послушайте, послѣ многихъ уговариваній сказалъ Иванъ Васильевичъ.—Что у васъ со Всеволодомъ?

Прелестная дама удивленными глазами посмотрѣла на него.

— Ничего, пожавъ плечами отвѣчала она.

Иванъ Васильевичъ началъ увѣрять что что-нибудь да есть, и занялся этимъ около пяти минутъ.

— Я знаю въ чемъ дѣло, въ заключеніе возвѣстилъ онъ,—вы ревнуете сестру къ моему племяннику. Напрасно, онъ на дняхъ уѣзжаетъ; ему, конечно, было бы пріятно потанцовать еще разъ съ Прасковьей Павловной. Вѣдь они такіе друзья.

Вѣра Павловна что-то сообразила.

— Въ такомъ случаѣ, сказала она, — я согласна. Но вашъ племянникъ въ самомъ дѣлѣ уѣзжаетъ на дняхъ?

— Разумѣется, если ничто и никто не задержитъ, лукаво отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ, и предложилъ заняться составленіемъ списка кому съ кѣмъ ѣхать на тройкѣ.

— Прасковья Павловна и... (Иванъ Васильевичъ точно припоминалъ что-то). Да! и... господинъ Сосновцевъ, сказалъ онъ между прочимъ.

Вѣра Павловна нѣсколько удивилась такому сближенію именъ.

— Иначе нельзя, объявилъ Иванъ Васильевичъ,— Сосновцевъ не поѣдетъ.

— Вы думаете?

— Увѣренъ. Прасковья Павловна подстрѣлила молодчика.

— Но онъ женатъ...

— Тѣмъ понятнѣе, быстро проговорилъ геніальный

устроитель пикниковъ, и съ просьбой въ голосѣ прибавилъ:—А вы, Вѣра Павловна, пожалуста не оставьте Всеволода.

Вѣра Павловна запуталась въ соображеніяхъ. Всеволодъ, какъ ей давно казалось, ухаживаетъ за Pachette; предъ отъѣздомъ ему хочется танцовать съ нею, и въ то же время его собственный дядя хлопочетъ за Сосновцева!... Но этого мало: теперь ее самое просятъ не оставить Всеволода, а четверть часа раньше намекалось на ея ревность... Или красавецъ уланъ влюбленъ не въ Pachette, а..?

Иванъ Васильевичъ, будто не замѣчая впечатлѣнія произведеннаго его хитростями на прелестную даму, продолжалъ распредѣленіе участвующихъ.

— А знаете, началъ онъ, когда списокъ былъ составленъ,—хотя я и самъ хлопоталъ объ этомъ, а кажется неловко если Прасковья Павловна и Сосновцевъ поѣдутъ въ однихъ саняхъ. Понимаете, могутъ замѣтить что онъ ухаживаетъ и сплетутъ Богъ знаетъ что. Это, чего добраго, можетъ помѣшать составить ей партію. А я знаю молодыхъ, то-есть не то чтобы вовсе молодыхъ, но и не совсѣмъ старыхъ людей, которымъ она нравится.

Вѣра Павловна окончательно была сбита съ панталыку.

— Послушайте, съ притворнымъ волненіемъ продолжалъ Драгомиловъ,—у меня къ вамъ великая просьба. Милая Вѣра Павловна, не откажите, позвольте сестрѣ ѣхать со мною.

— Съ вами?!.. Объясните мнѣ наконецъ.

— И если я скажу *всю* правду, вы позволите?

— Слово.

Но *правда*, несмотря на всѣ старанія Иванъ Васильевича, какъ-то не выходила; Вѣра Павловна упорно отказывалась вѣрить, что въ этомъ-то и есть правда.

— Все не вѣрите? черезъ нѣсколько минутъ объявилъ Иванъ Васильевичъ,—въ такомъ случаѣ это знакъ что ваша ревность дошла до того, что вы готовы скомпрометтировать сестру....

Опять ревность! Мысли прелестной дамы завертѣлись, какъ лоскутки бумаги на вѣтру.

„Теперь ясно, кружилось у нея въ головѣ, что *онъ* (она думала про Всеволода), онъ очень красивъ, и въ меня.... А онъ, *онъ самъ* (она думала про старшаго Драгомилова), онъ что-то говорилъ про молодыхъ, то-есть не очень молодыхъ, а онъ самъ такой.... Да теперь ясно: въ сестру *онъ самъ*....“

Иванъ Васильевичъ продолжалъ доводы, но Вѣра Павловна не въ силахъ была слѣдить за ними; мысли у нея окончательно пошли турманами, и она согласилась.

— Какъ мнѣ благодарить васъ, трижды милая Вѣра Павловна, сказалъ хитрецъ цѣлуя ея руку. — Но это должно остаться между нами, и надо устроить такъ, чтобы Сосновцевъ ничего не подозрѣвалъ и чтобы все случилось будто нечаянно.

— Но какъ сдѣлать?

— О, на такія вещи у васъ должно быть богатое воображеніе.

И Иванъ Васильевичъ простился съ прелестною дамой. Онъ шелъ домой въ самомъ праздничномъ настроеніи.

„Я былъ нынче въ ударѣ, думалъ онъ. — Очень

хорошо что я увѣрилъ эту дуру будто Всеволодъ влюбленъ въ нее и весьма также не дурно что сообщилъ о страсти Сосновцева. Но всего лучше что путалъ, столько путалъ что не знаю какъ самъ не запутался. Словомъ, удочекъ закинуто гибель и на которую-нибудь да изловимъ рыбку.“

III.

Пикникъ состоялся черезъ три дня. Участники, подъѣзжая къ Клопинымъ, по звону бубенчиковъ четырнадцати троекъ, могли предчувствовать веселье. Какъ большинство собралось и было оживлено пуншемъ и шампанскимъ, Иванъ Васильевичъ сообщилъ планъ вечера и списокъ. Всѣ были довольны и распорядителю улыбнулись не одни женскіе глаза, не одинъ мущина пожалъ украдкой ему руку. Въ ожиданіи запоздавшихъ были вторично поданы пуншъ и шампанское.

— Ну, господа, объявилъ Иванъ Васильевичъ, — вотъ, позвольте вамъ представить моего *alter ego*. Онъ взялъ за руку низенькаго поручика. — Онъ ѣдетъ на первой тройкѣ и все время катанья будетъ моимъ намѣстникомъ..., А я на дачу, посмотрѣть все ли въ порядкѣ.

И онъ готовился раскланяться.

— Вотъ, точно вспомнивъ со вздохомъ прибавилъ онъ,—горькая участь распорядителя. Всѣмъ будетъ весело, а я осужденъ на временное одиночество. Mesdames, не сжалится ли кто-нибудь изъ васъ?

— Если угодно я поѣду съ вами, вызвалась Прасковья Павловна.

Такой маневръ былъ придуманъ самимъ Иванъ Ва-

сильевичемъ, но до послѣдней минуты онъ не зналъ успѣла ли Вѣра Павловна уговорить сестру.

— И вы не боитесь что вамъ будетъ скучно со старикомъ?

— Напротивъ, я увѣрена что мнѣ будетъ весело.

— Въ такомъ случаѣ ѣдемте.

Всеволодъ просіялъ, а Анатолій Аполлоновичъ нахмурился. Онъ пристально поглядѣлъ на Иванъ Васильевича, точно хотѣлъ врѣзаться глазами въ его душу и разгадать случайность ли это, или предумышленная шутка.

— Мы на тройкѣ поѣдемъ? спросила Прасковья Павловна, сходя съ лѣстницы.

— Нѣтъ, намъ было бы слишкомъ просторно. Для себя я всегда беру пару; но что за лошади!

— И мы прямо на дачу?

— Какъ вамъ угодно. Мы успѣемъ во всякомъ случаѣ: имъ никогда не догнать насъ.

Поѣхали. Иванъ Васильевичъ завязалъ разговоръ съ вопроса любитъ ли Прасковья Павловна быструю ѣзду, потомъ съѣхалъ на прогулки верхомъ, и затѣмъ на разницу между петербургскою и провинціальною жизнію. Онъ пересыпалъ свои рѣчи шутками и вообще старался, чтобы дѣвушка разговорилась. Тогда, казалось ему, будетъ удобнѣе, подъ видомъ болтовни, выспросить ее о чемъ слѣдуетъ.

— Итакъ, вамъ нравится здѣсь лучше? спросилъ онъ, приступая къ слѣдствію.

— О, въ тысячу разъ!

— И вы никогда, ничуть не жалѣете о провинціи?

— Никогда и ничуть.

— Знакъ, что тамъ вы не были ни въ кого влюблены.

— Ни тамъ, ни здѣсь.

— Но вѣдь нравятся же вамъ нѣкоторые болѣе другихъ?

— Разумѣется.

— А именно?

Дѣвушка не отвѣчала. Иванъ Васильевичъ продолжалъ допросъ.

— Напримѣръ, мсье Сосновцевъ вамъ нравится?

— Да, онъ такой умница, такъ славно говоритъ, и отъ него слышишь то чего отъ другихъ не услышишь.

— А мой племянникъ вамъ не нравится?

Дѣвушка украдкой взглянула на собесѣдника.

— Отчего же? онъ такой добрый....

— Но не умный? подхватилъ Иванъ Васильевичъ.

Дѣвушка разсмѣялась.

— Чему вы разсмѣялись?

— Что вы такъ откровенно говорите про племянника....

— А по вашему не слѣдуетъ про родственниковъ говорить откровенно?

— Нѣтъ, отчего же!

— И узнай вы что-нибудь нехорошее про вашу сестру или мать,—я, разумѣется, дѣлаю нелѣпое предположеніе,—вы стали бы всѣмъ разказывать?

— Быть-можетъ я не стала бы разказывать, но не стала бы и скрывать. Словомъ, это зависѣло бы отъ обстоятельствъ: какъ пришлось бы, какъ бы лучше мнѣ показалось.

„Хороша будетъ жена“, подумалъ Иванъ Васильевичъ, и вслухъ:—Итакъ, вы находите что Всеволодъ не уменъ?

— Я этого не сказала, но, говоря правду, онъ не поражаетъ меня своимъ умомъ.

— А Анатолій Аполлонычъ поражаетъ?

Дѣвушка не отвѣчала.

— А вы.... началъ было Иванъ Васильевичъ и умышленно остановился.

— Что вы хотѣли сказать?

— Я мало знаю васъ, Прасковья Павловна, и боюсь не сочтете ли вы мои слова нескромными, а я не желалъ бы чтобы вы на меня разсердились.

— Я сердиться не буду, говорите.

— И не боитесь что я покажусь вамъ нескромнымъ?

— Я надѣюсь, вы не скажете ничего такого чего нельзя сказать.

„Ловко вывернулась: не глупа“, заключилъ Иванъ Васильевичъ, судившій о женскомъ умѣ именно по способности вывертываться.

— Я хотѣлъ сказать, началъ онъ,—что знаю двухъ молодыхъ людей которые весьма и весьма неравнодушны къ вамъ.

— Кто же это? съ особымъ смѣхомъ спросила Прасковья Павловна.

— Тѣ о комъ мы сейчасъ говорили. И еще есть третій.

— И этотъ третій?

— Вашъ покорный слуга. Право, не будь я такимъ закоснѣлымъ холостякомъ, я влюбился бы въ васъ.

И Иванъ Васильевичъ пустился въ любезности. Дѣвушка нѣсколько разъ смѣялась тѣмъ же особымъ смѣхомъ.

„Вѣритъ въ свои достоинства: самолюбишко есть, и значительное“, записалъ въ памяти Иванъ Васильевичъ.

— А вы знаете madame Сосновцеву? черезъ нѣкоторое время спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Она не бываетъ у сестры.

— Отчего?

— Сестра говоритъ что не стоитъ связываться: она аристократка.

— А развѣ это грѣхъ?

— Не грѣхъ, но признакъ глупости. И при томъ, вы знаете, всѣ эти большія барыни....

— Что такое?

— Какъ бы вамъ сказать? Словомъ, онѣ съ дѣтства привыкли къ лѣни и роскоши и оттого нравы въ ихъ кругу очень испорчены.

Найдя что покуда изслѣдовано достаточно, Иванъ Васильевичъ приказалъ кучеру погонять. Лошади полетѣли. Снѣжная пыль и ископыть обдавали сѣдоковъ; разговаривать стало неудобно. Прасковья Павловна полузакрыла глаза и наслаждалась быстрою ѣздой. Иванъ Васильевичъ слегка посвистывалъ.

Прислушиваясь къ скрипу полозьевъ и посвистыванью Ивана Васильевича, ощущая, что лицо начинаетъ разгораться на морозцѣ, едва замѣчая полузажмуренными глазами окружающіе предметы, дѣвушка замечталась. Ей вспомнилось что трое интересуются ею; можетъ-быть кто-нибудь и влюбленъ. Конечно, она знала что не дурна собой, даже прехорошенькая; знала что

люди влюблаются и что стало и въ нее также могутъ влюбиться, но никогда еще это не казалось ей такъ близкимъ, такъ возможнымъ. Она припомнила кой-какія рѣчи и теперь ей казалось что въ этихъ, оставленныхъ ею безъ вниманія, рѣчахъ прорывалось полупризнаніе. Чьи же это рѣчи? спрашивала она самое себя, и не могла рѣшить, и даже боялась припомнить: ей думалось что тогда мигомъ исчезнетъ окружающее ее очарованіе. Рѣчи снова приходили въ голову, становились какъ будто нѣжнѣе, точно щекотали ее всю, и она невольно улыбалась сама не зная кому.

— Вотъ мы и пріѣхали, сказалъ Иванъ Васильевичъ.

Дѣвушка очнулась. Большой домъ весело сіялъ огнями. Она быстро выскочила изъ саней, и взбѣжала на крыльцо, торопясь узнать такъ ли весело внутри какъ кажется снаружи. О, внутри еще веселѣе! Сказать мимоходомъ, князь подлѣ котораго Вѣра Павловна садилась „на счастье“ уступилъ для пикника свою дачу. Прасковья Павловна спѣшно переходила изъ комнаты въ комнату, и все ей нравилось, хотя она ничего порядкомъ не замѣчала. Проходя мимо зеркалъ, она заглядывала въ нихъ, кому-то улыбалась, и ей становилось все веселѣе и веселѣе. „А что, хороша ли я сегодня?“ спросила она себя, точно сегодня и не глядѣлась въ зеркало. И Прасковья Павловна почувствовала что сегодня она особенно, особенно хороша и стала увѣрять себя въ противномъ. Этотъ споръ съ самой собою весьма забавлялъ ее, и она спросила гдѣ уборная, чтобы наединѣ хорошенько разглядѣть себя. Подходя къ трюмо, дѣвушка рѣшила быть какъ можно привязчивѣе и придирчивѣе, и чѣмъ сильнѣе придиралась

тѣмъ неотразимѣе убѣждалась что „она сегодня такая милка, просто чудо!“ И ей захотѣлось узнать отчего это; подумавъ, она рѣшила: особую де прелесть то придаетъ ей, что волосы напереди слегка растрепались отъ снѣжной пыли. Она поправила волосы, то-есть причесала ихъ такъ какъ будто они печаянно растрепались. Поглядѣвъ въ зеркало, она убѣдилась что стала еще лучше; потомъ ей пришло въ голову что всѣ, рѣшительно всѣ найдутъ ее сегодня хорошенькою, и особенно трое. Она постояла еще предъ зеркаломъ, и спросила себя: „какъ-то опредѣлитъ сегодня мою красоту Анатолій Аполлонычъ?“ Но довольно любоваться собою, пусть другіе любуются, и дѣвушка вышла въ залу.

Иванъ Васильевичъ стоялъ какъ разъ противъ двери откуда она вошла, и разговаривалъ съ благообразнымъ Татариномъ во фракѣ. Увидя ее, онъ быстро пошелъ ей на встрѣчу, и, не дойдя нѣсколько шаговъ, остановился, зажмурился и закрылъ лицо руками.

— Что съ вами?

— Ослѣпленъ, ослѣпленъ совсѣмъ! закричалъ онъ.— Это просто не позволительно быть такою хорошенькою.

И предложивъ руку, онъ повелъ показывать ей дачу, твердя любезности и особенно восхищаясь кудряшками на лбу. Любезность и восхищеніе красотою не мѣшали однако Ивану Васильевичу зорко наблюдать все ли въ порядкѣ и дѣлать болѣе или менѣе внушительныя замѣчанія слѣдовавшему за ними Татарину на счетъ усмотрѣнныхъ безпорядковъ.

— А вотъ и буфетъ, объявилъ Драгомиловъ.—Самая важная комната. Хотите чаю, вина, фруктовъ?

Прасковья Павловна пожелала плодовъ и Иванъ Ва-

сильевичъ, извиняясь что оставляетъ ее, отправился кой-чѣмъ распорядиться.

Онъ проходилъ всего четверть часа, но Прасковьѣ Павловнѣ показалось гораздо долѣе. Она соскучилась. Возбужденность что̀ еще недавно она испытывала, не находя пищи, оставляла ее, и странныя мысли полѣзли ей въ голову. Ей думалось что всегда такъ бываетъ, и за восхищеніемъ ослѣпительною красотой принимаются дѣлать выговоръ прислугѣ. И ей стало такъ скучно, несносно! И даже все на свѣтѣ показалось такъ пусто, такъ пошло, что право не стоитъ жить.

„Что̀ за мысли приходятъ мнѣ въ голову, подумала она, и вообще я замѣчаю что ужасно много думаю сегодня, какъ никогда.“

— Ай, ай, ай! началъ Иванъ Васильевичъ, войдя въ комнату.—Мы ужь и соскучиться успѣли! Но вина не моя, я предупреждалъ что ѣду по хозяйственнымъ причинамъ. Вы сами избрали часть Марѳы.

Дѣвушка сморщила лобъ.

— Марѳы? спросила она. — Ахъ, Марѳа и Марія! Это что-то, кажется, изъ Закона Божія... Да?

— А вы не помните?

— Кто жь помнитъ эти глупости?

Раздался звонъ бубенцовъ, и они оба поспѣшили въ залу на встрѣчу пріѣхавшимъ.

— Онъ ничего особеннаго не говорилъ тебѣ? спросила Вѣра Павловна сестру.

Дѣвушка отвѣчала вопросительнымъ взглядомъ.

— Напримѣръ, не увѣрялъ что ты прехорошенькая?

Дѣвушка скорчила гримаску какъ бы желая сказать: „но что̀ жь тутъ особеннаго?

— Ничего, ничего, ласково потрепавъ сестру по

щекѣ сказала Вѣра Павловна, — и будь только умницей.

Скоро начались танцы. Намѣстнику Иванъ Васильевича никакъ не терпѣлось; въ качествѣ распорядителя танцами онъ становился замѣтенъ; невзрачность и низкій ростъ восполнялись усердіемъ и громкимъ голосомъ. И онъ запрыгалъ, затопалъ, закричалъ и засіялъ отъ удовольствія что теперь всѣ его видятъ, всѣ замѣчаютъ. Прасковья Павловна посмотрѣла вокругъ; изъ трехъ, на лицо оказывался только нумеръ второй, то-есть Всеволодъ, а для дѣвушки было все равно какого порядка держаться, съ перваго или съ третьяго нумера.

Иванъ Васильевичъ расхаживалъ какъ режисеръ, наблюдая все ли идетъ какъ слѣдуетъ; все было въ порядкѣ: танцовали, играли въ карты, веселились. Какъ режисеръ же, увѣренный что давно разыгранная піеса пройдетъ благополучно, уходитъ въ свою комнату до конца акта покурить, вздремнуть и попить чайку, такъ и Иванъ Васильевичъ отправился въ буфетъ и потребовалъ себѣ чаю. Но не успѣлъ онъ допить стакана, какъ вспомнилъ что не видѣлъ одного изъ главныхъ актеровъ, г. Сосновцева, и обезпокоился не на шутку. Онъ хотѣлъ уже бѣжать и произвести слѣдствіе, какъ въ дверяхъ буфета появился Анатолій Аполлоновичъ.

Сосновцевъ былъ весьма не въ духѣ: съ ихъ тройкой случилось какое-то несчастіе; онъ высказалъ это самымъ недовольнымъ тономъ распорядителю. Драгомиловъ сталъ успокоивать разгнѣваннаго участника, увѣряя что сердиться не стоитъ и что все уладится.

— Не думаю, отвѣчалъ Сосновцевъ, — по милости какой-нибудь постромки я безъ дамы на весь вечеръ, по крайней мѣрѣ до ужина.

— То-есть безъ дамы съ кѣмъ хочется танцовать?

— Это все равно. Словомъ, Прасковья Павловна приглашена на всѣ кадрили.

— Не безпокойтесь. Мой намѣстникъ пригласилъ ее по крайней мѣрѣ на двѣ, и я уговорю его уступить...

— Не думаю чтобы вамъ удалось; она рѣшительно сегодня царица бала, и онъ.....

— О, онъ готовъ танцовать хоть со стуломъ, только кричать бы и распоряжаться! Притомъ онъ любитъ казаться за панибрата со всѣми кто повыше его и стоитъ вамъ назвать его два раза голубчикомъ.....

— Если только это! воскликнулъ начинавшій смягчаться Анатолій Аполлоновичъ. — Но... но все-таки, прибавилъ онъ, — я сердитъ на васъ, Иванъ Васильевичъ.

— За похищеніе весталки? Но развѣ я виноватъ? Не могъ же я ей сказать: „Нѣтъ, Прасковья Павловна, я васъ не возьму; извольте-ка ѣхать съ Анатоліемъ Аполлоновичемъ“.

Сосновцевъ втянулъ слегка верхнюю губу, точно соображая.

— Видите ли... началъ онъ и замялся.

— Говорите прямо: я, вы знаете, не изъ обидчивыхъ.

— Извольте, я по нѣкоторымъ признакамъ могу заключать что вы дѣйствовали въ пользу.... третьяго лица. Именно, я замѣтилъ, что одинъ молодой человѣкъ повеселѣлъ когда оказалось что молодая особа ѣдетъ не со мною.

О, Анатолій Аполлоновичъ былъ мастеръ выражаться съ парламентскою осторожностью.

— Вы видѣли какъ кто-то закуривалъ папироску когда сверкнула молнія, иносказательно отвѣчалъ Драгомиловъ. — Вы замѣтили все точно и вѣрно, но вы ошибаетесь: ни молодой человѣкъ не зажегъ папироски о молнію, ни молнія не произошла отъ его спички.

Анатолій Аполлоновичъ улыбнулся, ибо сравненіе показалось ему остроумнымъ.

— Притомъ, молодой человѣкъ скоро уѣзжаетъ изъ Петербурга, продолжалъ Иванъ Васильевичъ, и замѣтивъ что Сосновцевъ не совсѣмъ вѣритъ: — вдобавокъ онъ интересуется старшею сестрицей.

— А младшая?

— А младшая служитъ.... громоотводомъ.

— И я могу танцовать съ нею, не боясь ни грома, ни молніи.

Иванъ Васильевичъ, вспомнивъ сатирическое прозвище кавалеристовъ, въ свою очередь оцѣнилъ остроту Анатолія Аполлоновича.

— Далѣе, сказалъ онъ,—вы хлопотали преимущественно объ обратномъ пути, и чтобы доказать что я расположенъ къ вамъ наилучшимъ образомъ, я уступаю вамъ свою пару.

— И даму?

— Это ужь ваше дѣло.

— Возвращаться вдвоемъ, о, это заманчиво, страхъ какъ заманчиво! Стоитъ похлопотать.

— Идемте же хлопотать.

И взявшись подъ ручку они направились въ залу. Идучи, Иванъ Васильевичъ подумалъ что лгалъ сегодня много, отважно и съ увѣренностью, но не упрекнулъ себя, вѣроятно полагая что сія ложь во спасенье.

Всеволодъ танцовалъ съ Прасковьей Павловной и

былъ очень веселъ. Она нѣсколько разъ твердила про себя что онъ болтаетъ вздоръ и пустяки, но не могла не смѣяться: его веселость заражала ее. Онъ заставлялъ ее смѣяться не только словами, но улыбками и взглядами, „телеграфными знаками“, какъ онъ прозвалъ ихъ.

По окончаніи кадрили намѣстникъ былъ представленъ Анатолію Аполлоновичу. Сосновцевъ цѣлыхъ три раза назвалъ его голубчикомъ и даже потрепалъ по плечу, и поручикъ уступилъ даму, разумѣется, если она будетъ согласна. Добиться ея согласія Анатолій Аполлоновичъ взялъ на себя.

— Итакъ, до ужина вы со мной не танцуете? спросилъ онъ, подходя къ дѣвушкѣ.

— Не опаздывайте въ другой разъ, съ кокетливою грустью отвѣтила она.

— А что вы скажите если я буду танцовать съ вами слѣдующую и послѣднюю предъ ужиномъ кадриль?

Дѣвушка съ удивленіемъ и радостною надеждой посмотрѣла на него.

— Vouloir c'est pouvoir; чего хочешь, добьешься.

И онъ объяснилъ ей въ чемъ дѣло.

— Теперь только остается получить ваше согласіе, съ почтительнымъ поклономъ заключилъ Анатолій Аполлоновичъ.

Ея согласіе! Развѣ можно въ немъ сомнѣваться! Она была въ восторгѣ слушая восхищенія стараго холостяка, была въ восторгѣ отъ „вздора“ Всеволода, и была готова придти еще въ большій восторгъ отъ умнаго словца о ея красотѣ перваго изъ трехъ.

— О, я очень рада, отвѣчала она,—этотъ военный

съ такимъ голосомъ! Я боялась за свои уши; онъ кричитъ....

— Какъ онагръ въ пустынѣ, подхватилъ Сосновцевъ.

Прасковья Павловна разсмѣялась: она никогда не слыхала такого слова. Онагръ! Это должно-быть очень смѣшо. Въ это время заиграли вальсъ; Анатолій Аполлоновичъ, замѣтивъ подходившаго Всеволода и не допустивъ его на два шага, закружился со своею дамой. Веселость Всеволода пошатнулась.

Во время слѣдующей кадрили она пошатнулась еще сильнѣе. Всеволодъ танцовалъ визави съ Прасковьей Павловной. Онъ заговаривалъ, прибѣгалъ къ „телеграфнымъ знакамъ", и безуспѣшно. Дѣвушка не замѣчала ихъ и казалась вообще озабоченною. Не мудрено: она ждала умнаго словца, а Анатолій Аполлоновичъ не находилъ или приберегалъ его.

Послѣднюю предъ ужиномъ кадриль, Всеволоду пришлось опять танцовать визави съ цыганенкомъ: такъ было условлено съ поручикомъ. Она была веселѣе и еще менѣе замѣчала улана. Слово все еще не было сказано; за то Анатолій Аполлоновичъ весьма зло острилъ надо всѣми.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—такъ скучно. Я предлагаю пари à discrétion. Вы должны эпиграммировать всѣхъ мущинъ, а я дамъ; но тотчасъ какъ будетъ названо имя. Кто задумывается, проигрываетъ.

Дѣвушка нашла что это и остроумно, и ново. Игра началась, и шла удачно. Прасковья Павловна не задумывалась и мущинамъ доставалось сильно; язычекъ у нея разострился; она заботилась только какъ бы выиграть пари, и задумала изловить Анатолія Аполлоновича на сестрѣ.

— Что вы скажете о дамѣ, третья пара отъ насъ справа? спросила она.

— Дама въ платьѣ couleur Bordeaux?

— Да.

— Я не люблю жирныхъ русскихъ кулебякъ, особенно не изъ совсѣмъ бѣлой муки. Въ моемъ вкусѣ...

— Что? спросила дѣвушка и насторожилась въ ожиданіи словца.

— Маленькіе поджаристые сухарики.

Не успѣла Прасковья Павловна хорошенько рѣшить, нѣтъ ли въ этомъ сравненіи насмѣшки, какъ кавалеръ въ свою очередь захотѣлъ изловить ее.

— Вотъ вашъ визави, какъ кажется большой охотникъ до такихъ кулебякъ, сказалъ онъ. — Кстати, что вы скажете о немъ?

Намекъ на расположеніе Всеволода къ сестрѣ смутилъ дѣвушку и она не нашлась отвѣтомъ.

— Что же вы? Отвѣчайте! Разъ—два—три! довольно медленно просчиталъ онъ.—Кончено, вы проиграли, а все оттого что

Улане, улане, малеваны дзѣти,
Не една дзѣвчина за вами полеци.

— О, у меня нѣтъ такихъ крыльевъ.

— Напрасно. Онъ мнѣ нравится,

Онъ просто глупъ, и слава Богу.

Пушкинскій стихъ заставилъ Прасковью Павловну высказать что она не желала бы попасть Анатолію Аполлоновичу на язычокъ. Слѣдомъ она взглянула на Всеволода, и замѣтила что тотъ вспыхнулъ. Какъ ни былъ глупъ уланъ по мнѣнію Сосновцева, онъ догадался что рѣчь шла о немъ.

— Что онъ толковалъ вамъ про меня? спросилъ Всеволодъ подходя послѣ кадрили къ дѣвушкѣ.

— О, ничего, право ничего.

— Отчего же вы засмѣялись и взглянули на меня?

— Это случайность.

— Впрочемъ, это все равно. Сейчасъ пойдутъ ужинать...

— Я проиграла пари, предупреждая просьбу, отвѣчала дѣвушка, — и обязана ужинать и танцовать всѣ танцы какіе будутъ послѣ ужина...

— Понимаю съ кѣмъ. Счастливаго аппетита.

И Всеволодъ отошелъ. За ужиномъ, самъ хорошенько не зная какъ онъ очутился кавалеромъ Вѣры Павловны. Прелестная дама замѣтивъ что уланъ, хотя много танцовалъ съ Pachette, или визави, находится въ грусти, рѣшила что Иванъ Васильевичъ вовсе не шутилъ, какъ говорилъ о чувствахъ племянника. И она вспомнила просьбу „не оставить“ молодаго человѣка. Всеволодъ былъ очень доволенъ что за ужиномъ нашлось развлеченіе, но тѣмъ не менѣе, отъ времени до времени невольно взглядывалъ на другой конецъ стола, гдѣ помѣстилась Прасковья Павловна и Анатолій Аполлоновичъ. Дѣвушка внимательно слушала своего кавалера. Онъ разрѣшился наконецъ умнымъ словцомъ и сравнивая ее съ красавицей какой-то картины видѣнной имъ въ Италіи, ученымъ образомъ разбиралъ ея прелести. Прасковья Павловна даже разгорѣлась отъ удовольствія, что доставило Сосновцеву случай распространиться на счетъ особенностей колорита ея лица.

Случилось что Всеволодъ, расговорившись съ Вѣрой Павловной, достаточно долго не глядѣлъ въ ту сторону. Вдругъ его поразилъ рѣзкій и какъ бы неесте-

ственный смѣхъ; онъ обернулся, взглянулъ на Прасковью Павловну и понялъ отчего она такъ весела. Какъ нарочно Анатолій Аполлоновичъ въ эту самую минуту подливалъ шампанскаго въ бокалъ дѣвушки. Всеволодъ мгновенно и машинально схватился за бутылку, и если-бы прелестная дама дотронувшись пальчиками до его руки, не попросила налить и ей, кто знаетъ не полетѣла ли бы бутылка въ красивую голову г. Сосновцева. Всеволодъ поспѣшно отвернулся и до конца ужина невольно вздрагивалъ каждый разъ какъ сквозь говоръ и шумъ различалъ хохотъ Прасковьи Павловны. Онъ не зналъ что̀ дѣлать послѣ ужина, идти ли танцовать или нѣтъ, какъ разговоръ двухъ проходившихъ мимо молодыхъ людей обратилъ его вниманіе.

— А Клопиной сестрица, со смѣхомъ говорилъ одинъ,—подпила значительно.

— Да, глубокомысленно отвѣчалъ другой,—дѣвица многообѣщающая и собой прелесть.

Всеволодъ постоялъ, точно обдумывая что̀ они сказали, потомъ рѣзко повернулся и прошелъ въ комнату гдѣ играли въ карты. Онъ примкнулъ къ составлявшемуся ландскнехту. Въ началѣ игра тянулась довольно медленно, чему вѣроятно причиной была нѣкоторая усталость послѣ долгаго ужина, а равно то̀ обстоятельство что никто не билъ больше четырехъ картъ. Клопинъ первый убилъ шесть и оживилъ игру. Слѣдующая очередь метать предстояла Всеволоду. Онъ билъ седьмую, восьмую; игра началась съ рубля и на девятой картѣ, не считая мазу, стояло 256 рублей, а одинадцатая (ее пришлось держать Клопину) уже была въ 1.024 рубляхъ. Всеволодъ билъ и одиннадцатую.

— Господа, позвольте мнѣ держать еще разъ, обратился Клопинъ къ играющимъ.

Не было ли охотниковъ держать, или желали дать Клопину отыграться, только всѣ молча согласились.

— А вы согласны? спросилъ Всеволода Александръ Аѳанасьевичъ.—Сколько тамъ, двѣ тысячи сорокъ восемь?

Тотъ кивнулъ головою, и не поглядѣвъ выбросилъ карты.

— Атанде-съ! громовымъ голосомъ закричалъ поручикъ, только-что вбѣжавшій, пользуясь антрактомъ между танцами.

Всѣ оглянулись ожидая большой ставки.

— Пять рубликовъ мазу позвольте-съ.

Всѣ закусили губу чтобъ не расхохотаться. Всеволодъ позволилъ и взглянувъ на карты увидѣлъ что его карта дама, и странныя мысли шевельнулись въ его головѣ.

„Дама, дама,“ думалъ онъ меча карты. „Я выигралъ уже на три дамы, и если эта.... Да, если эта возьметъ, *та* продастъ.“

— Дама ваша, сказалъ со вздохомъ поручикъ.

Клопинъ затянулся особенно покойно и долго. Всеволодъ хотѣлъ снять выигрышъ:

— Хотите на квитъ? спросилъ онъ Клопина.

— А вотъ выкиньте карточку, я посмотрю.

Выпала опять дама.

— Пожалуй. Сколько тамъ, четыре, кажется? съ особою небрежностью спросилъ Александръ Аѳанасьевичъ.

— Да, четыре съ чѣмъ-то.

Клопинъ отсчиталъ деньги. Всеволодъ хотѣлъ было метать.

— Атанде-съ, опять заоралъ поручикъ.—Господа, держу двѣсти рублей за даму, не угодно ли противъ?

Въ голосѣ поручика было столько просьбы что князь сталъ держать противъ.

— Пліе, сказалъ Всеволодъ.

— Примѣрное несчастіе, сказалъ Клопинъ (у него всего пятьдесятъ рублей въ карманѣ осталось) и злобно поглядѣвъ на поручика, точно тотъ былъ причиной его проигрыша, проворчалъ сквозь зубы:—И эти чего тутъ суются!

Поручикъ и виду не показалъ что слышалъ слова огорченнаго игрока; онъ только улыбнулся самымъ довольнымъ образомъ и тщательно сложивъ четыре Екатерининскія, бережно уложилъ ихъ въ карманъ и погладилъ сверху по сюртуку, какъ бы желая сказать: „Теперь имъ всѣмъ хорошо, и тепло, и уютно, не то что у князя“. И за симъ побѣжалъ распоряжаться танцами.

Игра продолжалась, и Всеволодъ сидѣлъ самъ не зная за чѣмъ, нисколько не интересуясь ея ходомъ, оставаясь при прежнемъ выигрышѣ. Онъ началъ уставать и какъ сквозь сонъ припомнилъ будто задумалъ что-то давеча на даму. Наконецъ онъ всталъ и вышелъ въ залу. Хотя бо̀льшая половина участниковъ уже разъѣхалась, неутомимый поручикъ кричалъ все также громко, и прыгалъ съ такимъ же усердіемъ. Всеволодъ разсѣянно поглядѣлъ на танцующихъ и былъ радъ, что не замѣтилъ ни Прасковьи Павловны, ни Сосновцева.

— Что̀ жь, ѣдемъ? спросилъ его дядя.

— Да, пожалуста.

Они сѣли въ сани съ какою-то старушкой и двумя некрасивыми дѣвицами, неизвѣстно кѣмъ приглашен-

ными на пикникъ (и даже извѣстно что никѣмъ). Всеволодъ закрылъ глаза и казалось дремалъ. Иванъ Васильевичъ улыбаясь соображалъ что пикникъ удался весьма и даже болѣе чѣмъ онъ ожидалъ, въ томъ именно отношеніи въ какомъ ему хотѣлось. Но ранѣе чѣмъ объяснять въ чемъ именно заключалась эта удача, позвольте заняться героиней настоящей повѣсти.

XIII.

Прасковьѣ Павловнѣ было всего восемнадцать лѣтъ и не надо быть великимъ ариѳметикомъ, чтобы не прибѣгая къ помощи пальцевъ, разчитать что она родилась не задолго до того времени когда, по удачному выраженію романиста, наше житейское море взбаломутилось. Мало того, черезъ четыре года по ея рожденіи умеръ державшій въ рукахъ семью отецъ, и семья расхлябалась. Отецъ ея былъ почтмейстеромъ въ довольно значительномъ и торговомъ городѣ и былъ какъ слѣдуетъ ублаготворяемъ купечествомъ, безъ чего, правду сказать, ему пришлось бы плохо: послѣ его смерти осталось шесть дочерей, да при жизни умерло двѣ дѣвочки и три мальчика. Желая на случай внезапной кончины хотя чѣмъ-нибудь обезпечить семью, онъ, столковавшись съ двумя сосѣдними почтмейстерами, устроилъ такъ что чемоданъ съ денежной корреспонденціей на пятьдесятъ тысячъ утратился на трактѣ между тремя почтовыми конторами. Слѣдствіе обнаружило что чемоданъ утраченъ по небрежности всѣхъ трехъ почтмейстеровъ и приказано было производить извѣстный вычетъ изъ жалованья виновниковъ, пока не будетъ пополнена потеря. Такія насильственные зай-

мы изъ государственнаго казначейства во время оно нерѣдко дѣлались почтмейстерами. Раздѣливъ деньги по братски, отецъ Прасковьи Павловны на свою часть обзавелся домикомъ и клочкомъ земли. Не много, а все жь у семьи уголъ будетъ.

По кончинѣ отца семья осталась довольно разновозрастная. Старшая сестра, Вѣра, была уже взрослою дѣвицей, за ней слѣдовали три погодка; Пашѣ шелъ, какъ сказано, пятый годъ и была еще двугодовая дѣвочка. Старшія сестры держались вмѣстѣ и гнали отъ себя Пашу; мамаша, обративъ все вниманіе „на младенчика безобиднаго“, какъ называла она своего послѣдыша, если и занималась Пашей, то только когда приходилось ставить ее въ уголъ. Дѣвочка старалась быть дома только во время ѣды, а остальное время „бѣгала Богъ-знаетъ гдѣ и связывалась Богъ-знаетъ съ кѣмъ“, какъ кричала мамаша, когда Паша запаздывала къ обѣду или чаю. Будь она допущена въ кружокъ старшихъ сестеръ, Паша наслушалась бы вдосталь жалобъ и проклятій на недостатокъ средствъ и на отца который умѣлъ родить ихъ, а не сумѣлъ обезпечить, а равно завистливой брани и сплетней. Вторая изъ сестеръ, Надя, видя что ея молитвы къ Богу не доходливы, изъ личнаго неудовольствія на Создателя, начала отвергать Его существованіе.

Какъ Пашѣ пошелъ восьмой годъ, старшія сестры взялись понедѣльно учить ее, и всѣ четыре въ голосъ говорили что такой безтолковой дѣвчонки свѣтъ не производилъ. Какъ сестры слишкомъ надоѣдали, Паша огрызалась и говорила что онѣ сами не умѣютъ учить и ничего не знаютъ. Сестры, особенно Вѣра, не пренебрегали и нравственнымъ воспитаніемъ. Когда ради

показанія обновъ или просто со скуки онѣ собирались въ церковь, Пашѣ строгимъ голосомъ приказывалось одѣться и въ церкви молиться усердно. Однажды Вѣра Павловна, замѣтивъ что дѣвочка набѣгавшись за долгій лѣтній день, легла въ постель не молясь Богу, сдернула ее за рубу съ кровати и поставила предъ образомъ на колѣни.

— Это что̀ еще! съ негодованіемъ кричала она.— Надѣ подражать вздумала, такъ еще слишкомъ мала для этого. Я тебя отучу отъ вольнодумства! Каждый день ты у меня будешь стоять полчаса на колѣняхъ предъ образомъ.

И Вѣра Павловна аккуратно, какъ дѣвочкѣ ложиться, каждый день являлась для надзора за благочестіемъ. Читая французскій романъ, гдѣ описывалась блестящая свѣтская жизнь и великолѣпные экипажи, и мечтая о балахъ, дорогихъ нарядахъ и рысакахъ, Вѣра Павловна по временамъ взглядывала на сестру.

— Э, это что̀ еще, покрикивала она,—ты кажется сѣла. Гляди, еще полчаса простоишь у меня на колѣняхъ.

Дѣвочка уже около двухъ мѣсяцевъ ежедневно усердствовала, какъ пріѣзжій графъ пригласилъ Вѣру Павловну ѣхать въ Петербургъ въ качествѣ.... гувернантки. (Вѣроятно онъ услыхалъ о ея педагогическихъ подвигахъ.)

Пашѣ минуло десять лѣтъ какъ въ ея судьбѣ произошла перемѣна. Вторая сестра, вольнодумная Надя, вышла замужъ за доктора. Докторъ черезъ полгода перешелъ на службу въ другой, болѣе значительный, городъ и взялъ съ собою и Пашу.

Докторъ былъ человѣкъ незлобивый, мягкій, гово-

рилъ тихо и мелодичнымъ голосомъ, безъ той вкрадчивости что̀ не рѣдко у насъ сопровождаетъ мелодичность и тихость; онъ вовсе не желалъ чтобы ближнимъ было жестко спать на мягко постланной имъ постели. Черты его лица были красивы, нѣжны и женственны, въ лучшемъ значеніи слова; онъ былъ некрѣпкаго сложенія, носилъ въ себѣ зачатки изнурительной болѣзни и зналъ объ этомъ. Онъ былъ великимъ поклонникомъ Гейне и тонко понималъ тонкій юморъ германскаго поэта. Въ докторѣ, какъ и въ его любимцѣ, была какая-то поэтическая разслабленность; онъ также полувѣрилъ въ языческихъ боговъ, и не рѣдко мечтательнымъ тономъ пѣвуче разказывалъ какъ послѣ смерти будетъ рости цвѣткомъ или летать ласточкой. Не думайте чтобъ онъ вѣрилъ въ переселеніе душъ; онъ не признавалъ ни души, ни духа, но ему пріятнѣе было думать что изъ его праха выростутъ фіалки и красивая дѣвушка будетъ мечтать съ ихъ душистымъ пучкомъ въ рукахъ о своемъ возлюбленномъ, чѣмъ представлять какъ онъ превратится въ лопухъ и пойдетъ странствовать по всѣмъ четыремъ коровьимъ желудкамъ. Матеріализмъ доктора переходилъ въ религію плоти, о чемъ мечталъ Гейне въ своемъ *Шнабельвопскомъ*. Этотъ-то человѣкъ взялся *развить* Пашу.

Есть народопросвѣтители что̀ въ своихъ книжечкахъ весьма пространно и съ необычайною отчетливостію о томъ толкуютъ, что земля не на трехъ китахъ стоитъ, а какъ дойдетъ дѣло до объясненія устройства земли, становятся кратки и безтолковы; есть и такіе что̀ начавъ толковать о правильномъ лѣсоводствѣ, сведутъ рѣчь на несуществованіе лѣшихъ, и весьма краснорѣчиво распространятся о гибельности означеннаго

предразсудка. Метода доктора была въ томъ же родѣ, только самъ докторъ былъ умнѣе сказанныхъ просвѣтителей. Не имѣя ни времени, ни охоты учить дѣвочку, онъ, снимая съ ея ума бѣльмы предразсудковъ, предоставлялъ наукѣ на образовавшейся такимъ образомъ *tabula rasa* писать свои законы и завѣты; правда, усердно занявшись разчисткой, онъ не замѣчалъ что чиститъ голое мѣсто.

Ради науки Паша съ десяти лѣтъ посѣщала классы учебнаго заведенія, гдѣ преподавалось по меньшей мѣрѣ двѣ дюжины наукъ и искусствъ. Во время оно, какъ извѣстно, отъ невѣстъ требовалось знаніе французскаго языка, фортепіанной игры и вязанія сюрпризовъ. Нынче, не то женихъ, ни одинъ родитель не примирится съ учебнымъ заведеніемъ, коли въ немъ не обучаютъ *всему*. И посему-то Прасковья Павловна училась всему. Въ заведеніи и мысли не было обучать дѣвицъ естественной исторіи, напримѣръ, по руководствамъ дорогихъ петербургскихъ пансіоновъ, гдѣ, какъ не безызвѣстно, цвѣты раздѣляются на пахучіе и безъ запаха, а камни на ювелирные и простые. Нѣтъ, преподаватели заведенія не иначе какъ съ благороднымъ негодованіемъ говорили о подобныхъ шарлатанствахъ и учили по самоновѣйшимъ методамъ и руководствамъ. И Богъ его знаетъ какъ то случается, только на каждомъ шагу встрѣчаешь воспитанницъ этихъ заведеній, даже изъ окончившихъ съ отличіемъ курсъ, даже изъ получившихъ право въ свою очередь по самоновѣйшимъ методамъ и руководствамъ обучать юношество, встрѣчаешь и дивишься.... рѣшетчатому устройству ихъ головъ. Чистая наука вся процѣдилась, и осталась только какая-то ученая фанаберія. Мало того, несмотря на упражненія

съ тринадцати лѣтъ въ сочиненіяхъ на литературныя темы, воспитанницы не только не обладаютъ любознательностію или изящнымъ вкусомъ, но не пріобрѣтаютъ даже простой любви къ чтенію; есть книга, прочтемъ; худа или хороша, все равно прочтемъ со скуки; нѣтъ книги и безъ нея обойдемся. Прасковья Павловна не составляла исключенія изъ общаго правила, и затѣмъ знала *все* безъ исключенія.

Докторъ, развивъ въ дѣвочкѣ находчивость и бойкость въ отвѣтахъ и неумѣніе при случаѣ помолчать, не сумѣлъ или не успѣлъ передать ей ни своей болѣзненной мечтательности, ни любви къ Гейне. Надо и то сказать, что какъ Пашѣ пошелъ пятнадцатый годъ, докторъ съ каждымъ днемъ становился все менѣе и менѣе похожъ на себя. Задатки разрушительной болѣзни развивались; больной умственно обрюзгъ, сталъ раздражителенъ и отчасти циниченъ. Паша въ подросткахъ не рѣдко слышала, какъ съ горькою улыбкой и стараясь говорить прежнимъ мелодическимъ тономъ, докторъ доказывалъ вольнодумной Надѣ что онъ живой трупъ.

— Я думаю, Надя, часто твердилъ онъ,—тебѣ приходитъ въ голову, отчего я не умру совсѣмъ. Самъ чувствую что не живу, а скриплю какъ немазаное колесо, и какъ докторъ могъ бы поспособствовать своему превращенію въ лопухъ (увы! о фіалкахъ уже не мечталось ему), но почему-то кажется что скрипѣть лучше чѣмъ гнить. Но ты, пожалуста, не обращай на меня вниманія; ты молода, живи и наслаждайся. Долгъ—пустое слово, придуманное тѣми кто всю жизнь питался кореньями на лампадномъ маслѣ.

Надя была вѣрна долгу пока не явилось на-

слажденіе въ видѣ инженера, строившаго желѣзную дорогу и удивлявшаго городъ своими рысаками и кутежами.

— Ты уменъ, не рѣдко стала она съ тѣхъ поръ утѣшать мужа,—и я никогда не брошу тебя совсѣмъ. Мнѣ будетъ скучно безъ твоей философіи.

Заботливый о женѣ докторъ, какъ болѣзнь заставляла его по днямъ не выходить изъ комнаты или легкомысленная Надя не чувствовала особаго расположенія къ философскимъ бесѣдамъ, разспрашивалъ заходившую посидѣть къ нему Пашу весела ли жена и давно ли былъ инженеръ, приговаривая по полученіи удовлетворительныхъ отвѣтовъ:

— Пусть наслаждается, пока молода.

Вольнодумная Надя, можетъ-быть, сдержала бы обѣщаніе и не оставила бы своего долга, не окончи инженеръ постройки и не смани ее на новую желѣзную дорогу. Докторъ въ одно прекрасное утро проснулся вѣчнымъ соломеннымъ вдовцомъ, съ дѣвушкой на рукахъ. Онъ распродалъ все что̀ могъ, и отправился умирать туда гдѣ небо синѣе, воздухъ прозрачнѣе, и солнце горячѣе. По дорогѣ онъ забросилъ Пашу къ третьей сестрѣ. Прасковьѣ Павловнѣ новое нѣстожительство весьма не понравилось, и городъ былъ маленькій и у сестры было не весело. Изъ знакомыхъ только у одной Лизаветы Дмитріевны кое-кто собирался. Третья сестра не рѣдко толковала о счастіи Вѣры и самыми баснословными красками описывала ея богатство; дѣвушка взманилась этими разказами, написала старшей сестрѣ письмо, гдѣ объяснила свою скуку и незавидное житье, и получила отъ madame Клопиной приглашеніе переѣхать въ Петербургъ и денегъ на дорогу. Во время

полугодоваго житья дѣвушки у третьей сестры, Всеволодъ и познакомился съ нею.

Словомъ, Прасковья Павловна была хороша, молода, бойка и находчива; для нее не существовало ничего завѣтнаго и запретнаго, или по крайней мѣрѣ ни ея умъ, ни ея сердце не предполагали ничего такого, и не считали даже нужнымъ предполагать; она была самолюбива и настойчива въ исполненіи желаній, но ея желанія доселѣ были самаго невиннаго свойства.

XIV.

Пикникъ оказался не только удачнымъ, по мнѣнію Иванъ Васильевича, но выражаясь стариннымъ слогомъ, чревать событіями.

Займемся сперва впечатлѣніями дяди и племянника. Они проснулись въ самомъ разнообразномъ настроеніи духа, или вѣрнѣе, проснулся одинъ дядя, ибо племянникъ самое большое что задрёмывалъ на пять минутъ. Всеволоду всю ночь казалось будто онъ хочетъ что-то обдумать или уяснить себѣ, но что̀ именно, онъ былъ не въ состояніи припомнить вслѣдствіе усталости. Забывался ли онъ, въ ушахъ начиналъ звучать вальсъ, а предъ глазами кружились карточныя дамы. Было порядочно за-полдень, какъ дядя постучался къ нему въ двери.

— Спишь еще? весело спросилъ онъ.

— Сейчасъ выйду къ чаю, отвѣчалъ уланъ.

Судя по мрачному выраженію лица, старшій Драгомиловъ рѣшилъ что младшій вчера многое замѣтилъ, но не дурно было убѣдиться что̀ именно замѣчено.

— Ну, что вчерашній пикничокъ? началъ онъ.

— Ничего, вяло отвѣчалъ Всеволодъ.

— Жаль что ты послѣ ужина засѣлъ въ карты.

— А что?

— Канканчикъ весьма изрядный устроился.

Всеволодъ очевидно встревожился.

— Да, беззаботно продолжалъ дядя,—Вѣра Павловна особенно отличалась. Прелесть, просто прелесть.

Всеволодъ обезпокоился еще сильнѣе, а дядя сталъ еще беззаботнѣе.

— Право я не ждалъ даже отъ нея! Куда твоя Шнейдеръ!

Уланъ не выдержалъ.

— А Прасковья Павловна? спросилъ онъ.

— Она сейчасъ послѣ ужина уѣхала, отвѣчалъ дядя, и замѣтивъ что Всеволодъ вздохнулъ свободнѣе, поспѣшно поддалъ пару: — съ Анатоліемъ Аполлонычемъ.

— Съ этимъ!?

— Но что жь тутъ такого? Пріѣхала съ однимъ, уѣхала съ другимъ. Я имъ свою пару уступилъ.

Всеволоду мучительно хотѣлось разспросить подробнѣе, почему дѣвушка уѣхала раньше, и почему именно съ Сосновцевымъ, но онъ скрѣпился и промолчалъ.

— Ахъ, кстати, продолжалъ Иванъ Васильевичъ,— я давно собираюсь попенять тебѣ. Обѣщалъ открыть секретъ, и до сихъ поръ....

Племянникъ во всѣ глаза посмотрѣлъ на дядю.

— Какъ, неужели эта пустая?...

— Ради Бога, не сегодня, не своимъ голосомъ прервалъ Всеволодъ.

— Ты мнѣ далъ слово, и я только поэтому... Впрочемъ сегодня мнѣ самому некогда, давно пора въ должность.

И, пожавъ руку племяннику, Иванъ Васильевичъ ушелъ. Всеволодъ остался не въ маломъ смущеніи. „Отчего дядя не любитъ *ея?*“ спрашивалъ онъ себя, и слѣдомъ ему представлялось какъ Прасковья Павловна мчится въ саняхъ съ зеленоглазымъ. Уланъ проникался негодованіемъ противъ Сосновцева и вспоминалъ хохотъ за ужиномъ. „Все этотъ, этотъ“, думалъ онъ про Анатолія Аполлоновича и въ глазахъ мелькала Вѣра Павловна затмѣвающая Mlle Шнейдеръ. „Нѣтъ, это не то, совсѣмъ не то“, усиленно отмахивался онъ отъ непріятныхъ мыслей, и вспоминалъ какъ вчера задумалъ на даму. Все это, и попорядку, и въ разбивку, много разъ приходило ему въ голову, причемъ Прасковья Павловна всегда оставалась какъ-то въ сторонѣ. Всеволодъ наконецъ уловилъ такое обстоятельство. „Отчего же я не думаю о ней, не спрашиваю себя насколько она виновата во вчерашнемъ?“ допросилъ онъ себя и отвѣтилъ: „Оттого... оттого что люблю ее.“

Онъ выговорилъ про себя эти слова не безъ усилія и боли, точно имъ, чтобы войти въ сознаніе, надо было прорваться сквозь его сердце. „Люблю, люблю“, съ какимъ-то недоумѣніемъ предъ новизной чувства повторилъ онъ. Теперь ему ясно стало что̀ хотѣлъ объяснить себѣ, какъ лежалъ въ постелѣ, и стало ясно что̀ дѣлать. Онъ мигомъ собрался и полетѣлъ къ Таврическому Саду.

XV.

Александръ Аѳанасьевичъ въ это же утро изъявилъ желаніе переговорить о дѣлѣ съ Вѣрой Павловной. Его попросили обождать въ гостиной; отъ нечего дѣлать онъ попрыгивая ходилъ по комнатѣ и напѣвалъ:

Ça tourne, tourne, tourne,
Ça danse, danse, danse.

Вошла супруга; она глядѣла сурово и не приступно.

— Ты много вчера проигралъ? спросила она въ дверяхъ.

— Да, беззаботно отвѣчалъ супругъ,—улашка пообчистилъ-таки меня. Правда, потомъ я малую толику отыгрался, но отнюдь не въ авантажѣ обрѣтаюсь.

— И тебѣ ничего?

— И-и, матушка, и не такіе пейзажики со мною бывали.

— Ты вѣроятно забылъ: во вторникъ у тебя большой платежъ.

— Да? глубокомысленно почесывая въ англійскомъ проборѣ освѣдомился супругъ. — Впрочемъ, ce ne sont que des пустяки: Жидокъ перепишетъ векселёкъ.

— Я потому и напоминаю тебѣ что мнѣ передавали за вѣрное, что твой Жидокъ всюду кричитъ что если ты не заплатишь; онъ тебя...

— На Тарасову дачу? * гм... дѣло подлецъ. И все изъ-за этой бѣлокуренькой!...

— Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ счетовъ, строго перебила супруга.—Я только предупреждаю тебя: въ на-

*) Такъ зовется въ Петербургѣ долговое отдѣленіе.

стоящую минуту я не могу помочь тебѣ. Я достала тебѣ денегъ, и не виновата что ты проигралъ...

— A monsieur le prince? робко спросилъ Александръ Аѳанасьевичъ.

— Ты кажется Богъ-знаетъ что̀ воображаешь о моихъ отношеніяхъ къ князю! онъ просто мой добрый знакомый, и больше ничего.

— Я и не воображаю воображать, но только... досадно. И представь себѣ, на счетъ этой бѣлокуренькой я ни-ни, ни даже помышленіемъ, какъ учили насъ въ катихизисѣ.

Почему супруги вздумали оправдываться другъ предъ другомъ, она въ отношеніяхъ, онъ въ помышленіяхъ, зная весьма твердо что лгутъ, не вѣрятъ и никогда не повѣрятъ другъ-другу, было тайной для нихъ самихъ.

— Что̀ жь ты думаешь дѣлать? спросила Вѣра Павловна.—Надѣюсь, ты не допустишь до скандала....

— Разумѣется, разумѣется... дѣлать нечего, прибѣгну къ „великомученицѣ и заступницѣ".

Такимъ кудрявымъ прозвищемъ Александръ Аѳанасьевичъ окрестилъ извѣстную ростовщицу.

— Хорошо, отвѣчала жена, — только сегодня же поѣзжай... Теперь,—прибавила она, помолчавъ, — другое дѣло.

— Слушаю.

— Вчера Pachette, не сказавъ мнѣ ни слова, уѣхала съ пикника съ Сосновцевымъ.

— Э? ай да дѣвица! а улана, чтожь, по боку?

— Ты кажется забылъ что она моя сестра, внушительно замѣтила прелестная дама.

— Нѣтъ. Я только...

— Сперва выслушай меня, еще внушительнѣе прервала супруга. — Нѣтъ сомнѣнія, изъ этого сдѣлаютъ сплетню, и ни ты, ни я не избавимся отъ намековъ. И если съ тобою кто-нибудь заговоритъ, отвѣчай...

И она объяснила что именно отвѣчать слѣдуетъ.

— А Сосновцеву, если увидишь, не смѣй и заикаться... Ты, пожалуй, чего добраго, по своей привычкѣ, вздумаешь шутить съ нимъ на этотъ счетъ. Я сама переговорю съ нимъ.

Супругъ снова поискалъ вдохновенія въ англійскомъ проборѣ.

— Знаешь что, надумался онъ, — конечно, это не мое дѣло. Она твоя сестра, а не моя, но я не совѣтывалъ бы запугивать ни ея, ни Сосновцева...

— Это почему? вспыхнула Вѣра Павловна, и весьма искусно вспыхнула.

— Вопервыхъ, онъ человѣкъ вообще полезный, а вовторыхъ... вовторыхъ и такіе случаи бываютъ что мужья разводятся съ женами, и женятся не только на порядочныхъ дѣвушкахъ, но съ позволенія сказать чортъ-знаетъ на комъ... Все зависитъ отъ того какъ приняться за дѣло.

Вѣра Павловна взглянула на мужа какъ бы желая сказать: „а ты вовсе не такъ глупъ, какъ мнѣ казалось“, и вслухъ спокойнымъ и разсудительнымъ тономъ:

— Я удивляюсь, какъ ты до сихъ поръ легкомысленъ... Пора бы кажется!... Честь дѣвушки дороже всего...

— Кажется въ моихъ словахъ нѣтъ никакой опасности для чести, съ усмѣшкой проговорилъ Клопинъ, и остановился на минуту, какъ бы поделикатнѣе выразить

свои дальнѣйшія мысли.—Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—въ наше время воззрѣнія на этотъ предметъ сильно измѣнились; и если есть еще молодцы которые вѣрятъ въ святость тройнаго обвода вокругъ аналоя, то они составляютъ ничтожное меньшинство. А строгостью, Вѣра Павловна, вы только испортите... Въ добавокъ, если мой голосъ можетъ имѣть нѣкоторый вѣсъ въ рѣшеніи этого вопроса, то по-моему улану, если потребуется, можно дать безсрочный отпускъ, но въ чистую его увольнять не слѣдуетъ.—И точно соскучась долгой серіозностію тона, онъ съ шутовствомъ прибавилъ: — Je ne vous dis que ça.

„О, да ты проницателенъ и все предвидишь“, подумала прелестная дама и затѣмъ хотѣла снова пожурить муженька за легкомысліе, какъ ей доложили о визитѣ Всеволода. Вѣра Павловна поспѣшно проговорила:

— Поѣзжай же, поѣзжай скорѣй къ *великомученицѣ*.

Александръ Аѳанасьевичъ отправился.

Вѣра Павловна со втораго же слова объявила Всеволоду что у нихъ въ домѣ больная. Сестра вчера на пикникѣ почувствовала себя дурно и должна была уѣхать.

— Я хотѣла, съ очаровательною улыбкой прибавила Вѣра Павловна, — просить васъ или вашего дядю, какъ людей болѣе близкихъ, проводить сестру, но слава Богу вовремя вспомнила что вы оба холостые... Я могла позволить сестрѣ ѣхать съ Иванъ Васильичемъ *туда*, потому что она сама вызвалась и притомъ это дѣлалось при всѣхъ, но *назадъ*... Знаете, всегда найдутся люди готовые все перетолковать въ дурную сто-

рону.... А Анатолій Аполлонычъ человѣкъ женатый, и сплетни въ этомъ отношеніи невозможны.

Какъ только прелестная дама заговорила о сестрѣ, Всеволодъ почувствовалъ себя какъ на иголкахъ, но тщательно скрывалъ свое безпокойство. Все оказывалось такъ просто и ясно, и разказывалось еще простѣе и яснѣе, что Всеволодъ успокоился совершенно. Онъ только справился на счетъ болѣзни, и услыхалъ въ отвѣтъ что Прасковья Павловна завтра же вполнѣ оправится.

„Нѣтъ, рѣшила прелестная дама,—онъ не влюбленъ, онъ только друженъ съ нею. Онъ интересуется ею, какъ интересуются всѣми кто близокъ къ любимой нами особѣ.“

И Вѣра Павловна стала остроумно разспрашивать Всеволода долго ли еще онъ останется въ столицѣ, какъ ему нравятся петербургскія дамы, и т. п. Уланъ слушалъ разсѣянно и отвѣчалъ не всегда впопадъ. Наконецъ, хозяйка начала увѣрять гостя что одна ея знакомая почти влюблена въ него, и прочая. И это не заняло Всеволода.

— И вы не хотете узнать имя этой дамы? Не спросите даже блондинка она или брюнетка?

— О, у мена теперь вовсе не то на умѣ.

— А что же?

Тонъ какимъ былъ предложенъ послѣдній вопросъ, заставилъ Всеволода взглянуть на собесѣдницу. Онъ поднялъ глаза и почему-то припомнилъ разказъ дяди о канканѣ, вспыхнулъ, страшно сконфузился и сталъ усиленно прощаться.

„Какъ онъ робокъ! онъ покраснѣлъ и побоялся отвѣтить!“ подумала вслѣдъ Всеволоду прелестная дама

и почувствовала что теперь, именно теперь она особенно способна оцѣнить первую любовь сестры.

Вѣра Павловна позвонила и узнала отъ горничной что барышня еще почиваютъ, а я де не посмѣла будить ихъ.

— Я сама пойду къ ней, отвѣтила хозяйка.

XVI.

Прасковья Павловна проснулась уже съ полчаса. Ей не хотѣлось вставать. Она чувствовала истому во всемъ тѣлѣ, и нѣчто странное въ головѣ. Тамъ будто шумѣло и еще прыгали какія-то колючія искорки, какъ пузырьки въ бокалѣ шампанскаго. Дѣвушка начала припоминать вчерашнее.

За ужиномъ было очень, очень весело. Анатолій Аполлоновичъ говорилъ такъ мило и такъ... такъ изящно (ей именно это слово пришло въ голову), и такъ изящно опредѣлилъ ея красоту. О, конечно, никто не умѣетъ говорить такъ умно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ... изящно. И вообще самъ такой милый и такой... опять-таки изящный. Слово „изящный“, казалось Прасковьѣ Павловнѣ, лучше всѣхъ словъ на свѣтѣ выражаетъ что ей хочется сказать.

„Да.... что жь дальше?“ спросила она самое себя. Дальше... дальше ей стало не по себѣ, душно, дурно и голова закружилась отъ вальса... Ей хотѣлось на воздухъ и онъ предложилъ ей прокатиться. Она была въ восторгѣ отъ предложенія, и ее никто бы не могъ удержать... Что за ночь была!.. Серебристая, морозная! И какъ они помчались!... Онъ что-то говорилъ, какія-то звучныя слова!...

Дѣвушка не могла припомнить, и почувствовала что у нея кружится голова. Она закрыла глаза и шептала сама не зная что...

Серебристо-морозная ночь,
И мы мчалися съ милымъ вдвоемъ,

шепталось ей, и потомъ:

И мы мчалися съ милымъ вдвоемъ
Въ серебристо-морозную ночь...

И подъ этотъ шепотъ она забывалась. О, какъ удивилась бы Прасковья Павловна, скажи ей кто-нибудь черезъ день или два что̀ именно она шептала въ полуснѣ, и вдобавокъ стихами, своими стихами, и малотого (о, ужасъ!) въ Фетовскомъ родѣ!

Очнувшись, Прасковья Павловна открыла глаза и старалась ухватить разорванную нить воспоминаній. Да; они мчались... Онъ говорилъ; вдругъ сани пошатнулись: онъ съ испугомъ охватилъ ее за талію и не отпускалъ руки... Онъ все говорилъ и у нея горѣли ушки. Она ясно помнила что ушки горѣли все сильнѣе и сильнѣе, и онъ какъ будто становился все ближе и ближе, и еще ближе мелькнули его глаза, теплые и влажные, и она почувствовала поцѣлуй... И она... что̀ же она?

Опять закружилась голова. Прасковья Павловна плотно прижала ее къ подушкѣ, и сама крѣпко, крѣпко прижалась къ постели. Еще разъ хотѣла она припомнить что̀ сдѣлала въ отвѣтъ на поцѣлуй, и вмѣсто того вспомнила какъ въ первый день пріѣзда Всеволода, послѣ его повидимому незначительнаго слова, она почувствовала что для этого молодаго человѣка она не то что̀ другія женщины. Ощущеніе въ ту минуту смутное, теперь стало ясно. И дѣвушкѣ стало стыдно сознаться что въ отвѣтъ на поцѣлуй перваго изъ трехъ, она... какъ-будто сама поцѣловала его.

„Я не знаю, дороже ли я другихъ для него, подумалось ей про Анатолія Аполлоновича,—но я знаю что съ тѣмъ, со вторымъ (то-есть со Всеволодомъ), никогда бы не могло случиться ничего подобнаго. И знаю еще что онъ (Сосновцевъ) лучше, умнѣе... изящнѣе всѣхъ... Но лучше бы, лучше бы еслибъ этого не случилось!“

И ей опять стало стыдно за отвѣтный поцѣлуй. Въ это мгновеніе вошла Вѣра Павловна.

— А мы все еще не проснулись? Или проснулись но нѣжимся на теплой постелькѣ, и мечтаемъ, такъ сладко мечтаемъ!

Вѣра Павловна не проговорила, пролепетала эти слова, и притомъ самымъ нѣжнымъ голосомъ. Прасковья Павловна, еще подъ впечатлѣніемъ внутренней стыдливости, взглянула на Вѣру и покраснѣла; почувствовавъ что краснѣетъ, она разсердилась на сестру, точно та подкравшись подслушала или подсмотрѣла ея дѣвичьи мечты.

— О чемъ же мы замечтались? О чемъ мы задумались? тѣмъ же лепетомъ продолжала прелестная дама.

Отвѣта не было, и въ голосѣ Вѣры Павловны сквозь нѣжность просочилась легкая иронія.

— Или у насъ болитъ голова? Мы кажется, вчера за ужиномъ немножко много...

— Что ты хочешь этимъ сказать? рѣзко прервала младшая.—Ты, кажется, вздумала читать наставленія?

Вѣра вскинула глазами на Pachette. О, и слѣда недавней мечтательности не было на этомъ сердитомъ личикѣ! Предъ прелестною дамой была не мечтательная дѣвушка, а дѣвица гордая своимъ достоинствомъ и превосходствомъ, дѣвица современная, и вдобавокъ... дерзкая дѣвчонка.

— Я пришла вовсе не съ наставленіями, досадливо проговорила старшая,—но ты вынуждаешь меня сдѣлать тебѣ замѣчаніе. Хохотать какъ ты вчера хохотала за ужиномъ—неприлично, и еще неприличнѣе уѣзжать съ пикника...

— Пожалуста! Я и безъ васъ знаю какъ вести себя! И если вамъ такъ не нравится мое поведеніе, то вамъ стоитъ только слово сказать, и я сегодня же оставлю вашъ домъ...

Вѣра Павловна никакъ не ждала такого отвѣта, онъ показался ей въ достаточной степени заносчивымъ и глупымъ, и быть-можетъ потому она не разсердилась, а продолжала довольно спокойнымъ тономъ.

— О, какая у насъ горячая головка! Я не стану теперь спорить съ тобой; ты сама черезъ полчаса поймешь что сказала глупость. Ну, положимъ, я разсердилась бы на твою выходку, и такимъ точно дерзкимъ тономъ какимъ ты сейчасъ кричала на меня, сказала бы: „извольте оставить мой домъ, и сейчасъ же!“ Что жь бы дальше? Куда бы ты пошла?... Ты сама видишь какъ это не умно. И полно же...

И Вѣра Павловна хотѣла взять сестру за руку; та отдернула свою.

— Это, наконецъ, просто безобразіе. каждую минуту попрекать что я живу у васъ изъ милости! почти прошипѣла Прасковья Павловна, и повернулась лицомъ къ стѣнѣ.

— Нѣтъ, съ тобой сегодня нельзя разговаривать; тебя вѣроятно укусила во снѣ злая муха. Выслушай только одно...

И прелестная дама объяснила къ какой хитрости должна была прибѣгнуть чтобы такъ-сказать облагородить вчерашнее исчезновеніе съ пикника.

— Ты, кажется, все еще воображаешь что я маленькая и меня можно поставить на колѣни! Я повторяю вамъ, Вѣра Павловна, что если мое поведеніе...

— Это наконецъ несносно! разразилась въ свою очередь старшая.—Не бойся, я тебя неволить не стану. Хочешь, уходи хоть сегодня, но пока ты у меня въ домѣ, ты будешь дѣлать по моему, и до завтрашняго вечера ты больна и не выйдешь изъ комнаты!

И хлопнувъ дверьми Вѣра Павловна вышла. „Дерзкая дрянь!“ такимъ именемъ назвала она про себя младшую сестру. Прасковья Павловна ударила кулакомъ по подушкѣ, потомъ схватила край одѣяла, и стала тянуть его въ разныя стороны руками, и наконецъ... зарыдала. Никогда, казалось ей, никто такъ не обижалъ ея и не учинялъ надъ нею такого насилія.

XVII.

Итакъ, почти всѣмъ главнымъ участникамъ пикника пришлось на другой день проглотить хотя по каплѣ дегтю. Былъ однако счастливецъ кому пикникъ доставилъ однѣ сладости, медъ безъ примѣси дегтю. То былъ красивый и изящный господинъ Сосновцевъ.

Онъ былъ доволенъ и „восхитительнымъ случаемъ“, и маленькими препятствіями что предшествовали и придали ему нѣкоторую пикантность. Не малое также удовольствіе доставляло ему все это вспоминать, разбирать и такъ-сказать записывать въ памяти, подыскивая выраженія соотвѣтствующія, способныя вполнѣ передать всѣ тонкіе оттѣнки его чувствованій. Можно чести приписать, Анатолій Аполлоновичъ обладалъ вообще необычайною способностью относиться ко всему благо-

склонно или неблагосклонно. Требовалось ему, напримѣръ, красивое выраженіе и оно скоро приходило въ голову, онъ благосклонно улыбался русскому языку; затрудняясь выраженіемъ, онъ изъявлялъ неблагосклонность къ тому же языку и дѣлалъ ему выговоръ, выговоръ начальническій, но вѣжливый и изящный. Точно также относился онъ ко всему: къ обстоятельствамъ, людямъ, погодѣ, климату, правительству и прогрессу. Надо отдать и ту справедливость Анатолію Аполлоновичу что онъ былъ постоянно готовъ изъявлять свою благосклонность, и чтобы заслужить ее, обстоятельствамъ, людямъ, правительству, климату, погодѣ и прогрессу стоило только угождать Анатолію Аполлоновичу. А для этого съ ихъ стороны, по его мнѣнію, требовалось очень немного, а именно только маленькій (un tout petit) запасъ доброй воли.

Восхитительный случай гдѣ со стороны Прасковьи Павловны былъ обнаруженъ этотъ запасъ доброй воли, весьма возвысилъ дѣвушку во мнѣніи чиновнаго сибарита. Съ своей стороны, онъ не могъ прибрать выраженій достаточно нѣжныхъ и красивыхъ чтобы живописать невыразимую (ineffable) прелесть отвѣтнаго поцѣлуя. Онъ прибѣгнулъ къ помощи французскаго языка и не малую работу задалъ себѣ переводя на русскій приходившія въ голову сравненія. Онъ называлъ этотъ первый поцѣлуй „первыми содраганіями полупроснувшейся страсти (volupté)“, далѣе „пробужденіемъ аромата распускающейся розы“, потомъ „моментомъ когда роза перестаетъ быть бутономъ и становится цвѣткомъ“ и наконецъ „истомой соловья предъ первою любовною пѣсней“.

Довольный своею литературною работой, Анатолій

Аполлоновичъ еще на нѣсколько ступеней возвысилъ свое благорасположеніе къ той, кто была источникомъ его вдохновенія.

„Да, она, именно она подходитъ къ моему идеалу“, воскликнулъ Анатолій Аполлоновичъ садясь въ карету чтобъ ѣхать въ должность.

Узнать въ чемъ заключается этотъ идеалъ значитъ проникнуть въ тайную тайныхъ Анатолія Аполлоновича. Проникнемъ же туда. Издавна красивый умникъ мечталъ что жизнь всякаго вполнѣ порядочнаго и тонкоразвитаго человѣка должна быть раздѣлена между долгомъ и наслажденіемъ, между семьей и забавами Эрота. Отъ долга или жены онъ требовалъ богатства (онъ самъ былъ съ достаткомъ и съ ключомъ), полнаго знанія приличій, полнаго умѣнья принимать гостей и способности надѣлить счастливаго мужа семьей, отнюдь не большою: мальчикъ и дѣвочка, и баста. Въ обязанность женѣ вмѣнялось хранить такъ-сказать священный огонь очага, укромный уголокъ гдѣ усталый или опечаленный мужъ, покуривая гаванскую сигару, могъ бы подремать въ мягкихъ креслахъ подъ звуки музыки. Эта часть программы, какъ казалось Анатолію Аполлоновичу, была исполнена имъ удовлетворительно. У него былъ мальчикъ „бутузъ“ и рѣзвая дочка, и разсудительно-суховатая, прилично-врасивая жена, съ большою точностью и неменьшею умѣренностію чувства разбиравшая Бетховенскія сонаты. Но наслажденіе.... наслажденіе до сихъ поръ, несмотря на тщательные поиски, не осуществлялось вполнѣ. Прасковья Павловна оказалась такимъ образомъ „первою розовою полосой занимающейся зари наслажденія“.

„Да“, думалъ Анатолій Аполлоновичъ сидя въ кан-

целяріи и поправляя дѣловую бумагу: — причина почему, какъ сейчасъ станетъ явно, въ его думахъ выраженія поэтически-игривыя чередовались съ казенно-бумажными. — „Да, изъ этихъ дѣвушекъ могутъ выйти прелестныя гризеточки; это вообще богатая залежь, требующая тщательной и дѣятельной разработки. И теперь, теперь именно, время заняться этимъ; это насущный вопросъ. И если бы наша молодежь!... Но тутъ, увы! натыкаешься на вѣчное „si jeunesse savait, si vieillesse pouvait“. Подумайте какая въ самомъ дѣлѣ прелесть!... Красота, рѣзвость движеній, страстность!... Онѣ не образованы, но могутъ мило лепетать; онѣ легко схватываютъ и еще легче забываютъ вашу мысль! Къ нимъ легко привить все; у нихъ нѣтъ такъ-называемыхъ религіозныхъ предразсудковъ, и потому плоть такъ-сказать не знала, не знаетъ и никогда не узнаетъ ферулы духа. Это самое главное, самое существенное и самое обаятельное. Правда, у нихъ пропасть недостатковъ, и придется заняться.... Но какая великая задача предстоитъ *мнѣ*, всѣмъ *намъ!* Создать типъ, и не мертвый, и не на бумагѣ, о чемъ я мечталъ во дни глупой юности, а типъ живой, типъ лучшей въ мірѣ любовницы, и такъ-сказать пустить (lancer) въ міръ свое, совсѣмъ новое и живое созданіе!... Нѣтъ, поэзія никогда не удовлетворитъ истинно-развитаго человѣка; онъ самъ поэтъ, самъ творецъ и, повторяю, не на бумагѣ, а въ жизни“.

Окончивъ поправку дѣловой бумаги, Анатолій Аполлоновичъ отправился погулять предъ обѣдомъ по Невскому и затѣмъ домой обѣдать, поцѣловать жену, ущипнуть бутуза за щеку и поговорить съ рѣзвою дочкой по-французски. Изъ чего ясно что долгъ для него былъ выше наслажденій.

XVIII.

Рано утромъ въ понедѣльникъ, наканунѣ роковаго для Александра Аѳанасьевича платежнаго дня, и именно въ тотъ часъ какъ онъ полетѣлъ за обѣщанными деньгами, Вѣра Павловна была нѣсколько изумлена посѣщеніемъ той особы которую ея супругъ окрестилъ названіемъ „великомученицы и заступницы“. Ростовщица, чуть не со слезами на глазахъ, объявила что къ сожалѣнію никакъ не можетъ исполнить своего слова достать для Александра Аѳанасьевича требуемую сумму, что случилось великое несчастіе, а именно: старичокъ обѣщавшій деньги (какъ извѣстно, у ростовщиковъ никогда своихъ денегъ не бываетъ и они только исполняютъ обязанность коммиссіонеровъ) вчера скоропостижно скончался. Еще болѣе была изумлена прекрасная дама, когда та же особа, подъ великимъ секретомъ и взявъ честное слово что Вѣра Павловна не скажетъ о томъ никому, ниже мужу и сестрѣ, открыла ей великую тайну. Тайна заключалась въ томъ что супруга Анатолія Аполлоновича, истинная благодѣтельница всѣхъ бѣдныхъ (къ числу коихъ принадлежала и ростовщица), будто бы находится нынѣ въ великомъ горѣ, и въ томъ де причина этого горя что самъ Сосновцевъ страстно влюбился въ сестрицу Вѣры Павловны, Прасковью Павловну, грозитъ разводомъ и хочетъ бросить не только дѣтей, но и службу. Но изумленіе Вѣры Павловны достигло бы апогея, узнай она что Анатолій Аполлоновичъ, дня три назадъ, былъ у ростовщицы, и заплатилъ ей изрядную сумму, какъ за внезапную смерть старичка обѣщавшаго ея мужу деньги, такъ и за сообщеніе тайны.

Не успѣла Вѣра Павловна, проводивъ „великомученицу и заступницу“, сообразить всѣхъ этихъ вѣстей, какъ Александръ Аѳанасьевичъ ворвался въ свою квартиру. Не думайте что его туда не пускали; нѣтъ, ему отперли дверь едва онъ успѣлъ позвонить, но Александръ Аѳанасьевичъ не вошелъ, а влетѣлъ какъ бомба и пробѣгая отъ передней до женина комнаты весьма походилъ на солдата вскочившаго послѣ отчаяннаго боя однимъ изъ первыхъ въ непріятельскій городъ. Еще не опамятовшись, не сознавая хорошенько что̀ случилось, бѣжитъ онъ самъ не зная куда, бьетъ и ломаетъ что̀ подъ руку попадется, и какъ въ полуснѣ чудится ему что самое-то хорошее, самое лучшее не здѣсь, не подъ руками, а тамъ гдѣ-то, дальше, въ той сторонѣ куда глаза глядятъ, куда несутъ его рѣзвыя ноги.

Александръ Аѳанасьевичъ уронилъ нѣсколько стульевъ и оборвалъ портьеру пока добѣжалъ до кабинета Вѣры Павловны.

— Вообрази, закричалъ онъ вбѣгая,—три раза забѣжалъ къ этой чортовой заступницѣ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Не только денегъ, самое нѣтъ дома.

— Она сейчасъ была здѣсь.

— А!... свободно вздохнулъ супругъ.—Всѣ принесла? Пять тысячъ?

— Она приходила извиниться что не можетъ достать денегъ.

— Ахъ она подлецъ!... Но что̀ же однако это значитъ? пристально и злобно глядя на жену, продолжалъ супругъ.—Или вамъ съ monsieur le prince засадить меня требуется? Въ такомъ случаѣ зачѣмъ было заставлять меня бѣгать искать!...

— Дуракъ! гнѣвно прервала супруга.

Гнѣвъ былъ настоящій, ни мало не поддѣльный, и Александръ Аѳанасьевичъ невольно опѣшилъ.

— Я въ самомъ дѣлѣ кажется.... невнятно началъ онъ, какъ вдругъ благая мысль осѣнила его.

— Ахъ я болванъ! сказалъ онъ.—И стоило къ этой старой плутовкѣ обращаться. Уланъ-то на что? У него деньги навѣрно цѣлы. А онъ дастъ, онъ долженъ, онъ обязанъ дать!

— Это почему? удивилась супруга.

— Какъ почему? Очень ясно. Онъ влюбленъ въ мою belle-soeur, не захочетъ же онъ чтобъ его, такъ-сказать, будущій родственникъ сидѣлъ въ долговомъ. Нѣтъ, онъ долженъ, онъ обязанъ позаботиться. Да-съ, Вѣра Павловна, нечего улыбаться, обязанъ. Это такъ-сказать семейный позоръ.

— Подумай только что ты говоришь! пожала плечами супруга.—Какой онъ тебѣ родственникъ! Онъ не заикался даже о свадьбѣ. И во всякомъ случаѣ я не намѣрена ради тебя компрометтировать сестру.

— Сестру, сестру! Сестры, изволите видѣть, компрометтировать нельзя, а меня, мужа (ради выразительности Клопинъ потыкалъ себя указательнымъ пальцемъ въ грудь), компрометтировать можно!

— Довольно, строго перебила супруга.

— Такъ доставай, чортъ возьми, сама денегъ!

— Вопервыхъ, подобный тонъ я вамъ совѣтую приберечь для.... для вашихъ бѣлокуренькихъ, съ язвительною поспѣшностью отвѣчала прелестная дама,—а вовторыхъ, я уже, какъ вамъ извѣстно, однажды достала вамъ эти деньги....

— Достала, достала! Я и безъ васъ, чортъ возьми, знаю что вы достали. Да когда онѣ мнѣ нужны теперь,

сегодня, сейчасъ! Что жь вы мнѣ топиться что ли прикажете?—И повернувшись къ образному углу, съ особымъ чувствомъ:—Вотъ, ей-Богу, клянусь всѣми святыми и даже перекреститься готовъ, что будь я Англичанинъ, сейчасъ бы, вотъ сію бы минуту привязалъ васъ, Вѣра Павловна, на веревочку, да мимо сіятельныхъ-то и генеральскихъ оконъ и повелъ бы на рынокъ продавать. Пусть бы ихъ полюбовались!... Да нѣтъ, чортъ бы ихъ взялъ, и законы-то у насъ какіе-то глупые!... И вовсе я не то говорю.... и у насъ чужихъ женъ покупаютъ и даже большія деньги, по сту тысячъ даютъ!

— Ты, кажется, началъ заговариваться. Гляди, не сойди съума, съ презрѣніемъ замѣтила Вѣра Павловна.

— И сойду, будьте покойны, сойду! Въ Желтомъ домѣ всетаки приличнѣе чѣмъ въ Тарасовомъ, хотя онъ также, кажется, въ желтую краску выкрашенъ.

— Ты однако еще способенъ острить. Надѣюсь, черезъ минуту совсѣмъ успокоишься.

— Нѣтъ, не успокоюсь! не хочу, чортъ возьми, успокоиться! Да-съ, Вѣра Павловна, не хочу.... Ахъ, Господи, Господи!

И жалкій комедіянтъ повалился на диванъ съ такою силой что ножки затрещали.

Вошелъ слуга и подалъ письмо отъ Анатолія Аполлоновича Сосновцева.

— Встань и прочти письмо, сказала Вѣра Павловна по уходѣ слуги. — На конвертѣ надписано „нужное“.

Александръ Аѳанасьевичъ сѣлъ и взялъ письмо.

— Нужное, нужное! задекламировалъ онъ похлопывая письмомъ по колѣну.—Знаемъ мы эти нужныя

письма! Вѣроятно ложа въ театръ для васъ съ Прасковьей Павловной. На глупости у насъ деньги найдутся, а на дѣло, чтобы купить книжку.... хватилъ онъ изъ какого-то фельетона, — то-есть чтобы помочь человѣку, поправился онъ, и затѣмъ мрачно:—Только напрасно безпокоился: въ траурѣ не ѣздятъ въ театръ.

— Это что еще значитъ?

— А то что сама судьба надоумила меня купить въ прошломъ году револьверъ. Теперь я знаю что дѣлать. Чикъ, трахъ, и аминъ!

Вѣра Павловна отошла и сѣла спиной къ мужу. Александръ Аѳанасьевичъ еще подекламировалъ, но какъ самолюбивому актеру, ему нужна была внимательная публика. Видя что супруга не обращаетъ вниманія, онъ замолчалъ, и сталъ глубокомысленно разглядывать конвертъ. Жена все сидѣла отвернувшись; нечего дѣлать, пришлось разорвать конвертъ. Едва Александръ Аѳанасьевичъ заглянулъ въ письмо, какъ съ нимъ произошло нѣчто странное. Онъ вскочилъ, сигнулъ на подобіе теленка, и заоралъ бѣлугой.

— Что еще? не поворачивая головы сердито освѣдомилась прелестная дама.

Александръ Аѳанасьевичъ подбѣжалъ къ супругѣ и приставивъ письмо къ самому ея носу, закричалъ: — Вотъ кто влюбленъ, такъ влюбленъ! А вашъ уланъ — дрянь!...

— Что за манеры! замѣтила супруга, отстраняя письмо.

— Манеры, манеры! Нѣтъ, вотъ манера въ этомъ письмѣ, такъ манера! Читай.... или нѣтъ, ты не сумѣешь, я прочту самъ.

Онъ всталъ въ позу. Къ сожалѣнію слово, по край-

ней мѣрѣ мое, не въ силахъ выразить всѣхъ оттѣнковъ голоса, всѣхъ восторженныхъ жестовъ, коими сопровождалось чтеніе слѣдующей записки:

„Любезный другъ, Александръ Аѳанасьевичъ. — Вчера вечеромъ, и совершенно случайно, узналъ я что вы ищите денегъ, и какъ передавали мнѣ, къ сожалѣнію безуспѣшно. А между тѣмъ, какъ говорятъ, неимѣніе ничтожной суммы можетъ поставить васъ въ положеніе не совсѣмъ пріятное. Не стыдно ли вамъ забывать о друзьяхъ вашихъ? Съ своей стороны, спѣшу извѣстить васъ что можете разчитывать на меня, если сумма для васъ необходимая не превышаетъ десяти тысячъ“.

— Нѣтъ, что за тонъ, что за деликатность! „Поставить въ положеніе не совсѣмъ пріятное!“ „Не превышаетъ десяти тысячъ!“ И ты увѣряешь что онъ не страстно влюбленъ! О, бѣгу, бѣгу обнять его, и его десять тысячъ!

— Но тебѣ нужно всего пять, тревожно сказала супруга.

— А десять пригодятся тѣмъ паче. Тѣмъ паче-съ, Вѣра Павловна.

И щелкнувъ пальцами предъ носомъ супруги, супругъ бросился въ двери.

— Александръ!

— Тю-тю! проговорилъ отбившійся отъ рукъ Александръ, оборачиваясь въ дверяхъ и показывая супругѣ длинный носъ обѣими руками. Да и былъ таковъ.

XIX.

Вѣра Павловна готова была броситься въ догонку, но супруга какъ онъ бѣжалъ за деньгами не догналъ

бы и самый буйный изъ семи миѳическихъ братьевъ-вѣтровъ.

Вѣра Павловна считала своего мужа дуракомъ, но какъ то не рѣдко при подобныхъ обстоятельствахъ случается съ дамами и прелестными, и не обладающими особыми прелестями, она жила умомъ Александра Аѳанасьевича, и въ нужныхъ случаяхъ, помимо ея воли и сознанія, его мнѣнія, замѣчанія и доказательства приходили ей въ голову и она чистосердечно принимала ихъ за собственныя измышленія. То же было и теперь, когда по уходѣ супруга она стала размышлять о причинахъ услужливости Анатолія Аполлоновича.

„Да, рѣшила супруга, вспомня сегодняшнюю бесѣду съ великомученицей,—Сосновцевъ хочетъ бросить жену и даже службу и жениться на Pachette. Теперь понятно: онъ помогъ Александру какъ будущему родственнику. Не могъ же онъ допустить до скандала; этотъ позоръ такъ-сказать позоръ семейный.“

И слѣдомъ прелестной дамѣ пришли мысли свойства болѣе игриваго: Всеволодъ оказывался совершенно свободенъ.

— Ахъ, Всеволодъ, Всеволодъ, что за чудное имя! съ истомой прошептала она.

Александръ Аѳанасьевичъ явился веселымъ и привезъ двѣ бутылки какого-то новаго шампанскаго. Кромѣ того, онъ привезъ въ подарокъ женѣ богатое на-платье и свояченицѣ дорогой браслетъ. Изъ сего Вѣра Павловна поняла что Александръ „перехватилъ“ всѣ десять.

— А вотъ тебѣ еще подарокъ, сказалъ онъ женѣ,— жидовскій векселекъ на папильйотки. А тебѣ, сестренка, обратился онъ къ свояченицѣ,—понравилась балаболка?

— Да, очень, отвѣчала она,—и даже до того что я забыла сказать тебѣ спасибо.

— Спасибо-то не одному мнѣ.

— Кому же еще?

— О томъ спроси свое сердечко.

Обѣдъ былъ веселый, съ шутками, тостами и смѣхомъ, и затянулся довольно долго. Прасковья Павловна придя въ свою комнату зажгла свѣчи и прилегла на кушетку. Взявъ со стола журналъ, она открыла его. Она смотрѣла въ книгу и Богъ знаетъ что̀ читала, только не напечатанное.

Книга скоро вывалилась изъ рукъ дѣвушки. Тупая дремота, та дремота когда въ головѣ все постепенно тупѣетъ, напала на нее. Какъ въ головѣ нѣсколько яснѣло, Прасковья Павловна полуотрывала глаза, безучастно осматривалась и безучастно произносила: „вотъ я лежу, вотъ свѣчи, вотъ...“ Она не договаривала что еще в о т ъ, и опять задремывала.

„Нѣтъ, этакъ я засну въ платьѣ“, подумала она въ одно изъ такихъ полупробужденій, и подремавъ еще, встала, спѣшно раздѣлась и легла въ постель. Тяжелый свинцовый сонъ навалился на нее.

Прасковья Павловна не знала долго ли спала. Она проснулась въ какомъ-то страхѣ; ей казалось точно ее кто-то назвалъ по имени или толкнулъ. И она подумала что будь то̀ голосъ, онъ прозвучалъ внутри ее; толчокъ, не внѣшній то̀ былъ толчокъ, а будто внутри ея что-то шевельнулось. И теперь, сейчасъ вотъ, развѣ не слышитъ она какого-то отзвука, не кажется ли ей будто кто-то шевелится. Она привстала на постелѣ; шире открыла глаза, прислушалась. Темь и тишь. И оттого именно что глазъ ничего не увидѣлъ и ухо не

уловило ни шороха, дѣвушкѣ стало еще страшнѣе. Сердце тревожится и трепещетъ; нѣчто необъяснимое происходитъ въ ней; какое-то желаніе, какое-то стремленіе.... Куда и зачѣмъ? Вокругъ тишь и темь.

Люди вѣрующіе, проснувшись отъ внутренняго зова, шепчутъ про себя: „то душа встрепенулась и жаждетъ своей отдѣльной ото всего что теперь окружаетъ жизни“.

„Что со мною? шептала Прасковья Павловна.—Съ чего мнѣ страшно? Ничего нѣтъ. Нервы у меня разстроились... Это новое шампанское ужасно крѣпкое.„

Несмотря на такое самоутѣшеніе, внутренняя тревога не унималась: тотъ же трепетъ предъ чѣмъ-то страшнымъ и грознымъ, и говоря словами великаго поэта, тоже „безкрылое желаніе....“ Куда и зачѣмъ?

„Я не засну, чувствую что не засну, говорила Прасковья Павловна укладываясь поуютнѣе.—Буду о чемъ-нибудь думать.“

Она старалась припомнить что-нибудь смѣшное, самое смѣшное; припомнила, и тутъ же почувствовала что несмотря на усмѣшку все еще какъ будто страшно. Она плотнѣе закрыла глаза; изъ нихъ точно искорки посыпались, заметались, засвѣтились; одновременно и безпорядочно со всѣхъ сторонъ замелькали пестрые образы: князь играетъ съ зятемъ въ карты, и сестра подлѣ; Анатолій Аполлоновичъ шепчется о чемъ-то съ генераломъ, мнимымъ другомъ отца; и опять сестра и зять; они сидятъ за обѣдомъ и перебрасываются односложными вопросами и отвѣтами. Слышно: Десять? „Да.“ И онъ? „По уши.“

„О чемъ они переговаривались за обѣдомъ? спрашиваетъ себя Прасковья Павловна.—Что значатъ эти десять тысячъ? И этотъ браслетъ?“

Она вскочила, сѣла на постелѣ, и въ головѣ ясно прозвучало: „Они продаютъ тебя“. То была не ея мысль; казалось, чей-то посторонній голосъ выговорилъ эти три страшныя слова.

„Продаютъ? кто? кому? какъ, неужели и онъ?“ Быстро, погоняя другъ друга, чередовались вопросы, и дѣвушка въ изнеможеніи упала головой на подушки.

Что-то странное съ нею; она не смѣетъ пошевелиться. Ей чудится будто она откуда-то оборвалась но не падаетъ, а повисла въ воздухѣ. Предъ нею болтаются порванные концы какой-то нити. „То порванная нить моей жизни“, думаетъ она глядя на концы. Сердце у нея холодѣетъ; ей кажется что она сію минуту упадетъ. Куда—она не знаетъ; она ни за что не взглянетъ внизъ. О, скорѣй ухватиться за какой-нибудь конецъ! вотъ одинъ. Что на немъ? Будто шевелятся и суетятся какія-то букашки. Ахъ, это старое. Сестра, генералъ, и еще кто-то.... дѣвушка не хочетъ разглядѣть, быстро поворачивается въ другую сторону и хватается за второй конецъ нити. Откуда взялась сила и ловкость! быстро перебирая руками, она подымается все выше и выше; вотъ уже не далеко, вотъ уже человѣкъ виденъ.

Она вглядывается и узнаетъ Всеволода. Онъ блѣденъ, съ блуждающими глазами и кричитъ ей: „не смѣй; сюда нельзя!“ Она не слушается и силится добраться до верху. Тогда Всеволодъ выхватываетъ изъза пояса револьверъ и стрѣляетъ въ нее. Дѣвушка не въ силахъ крикнуть и со страха закрываетъ глаза, плотно закрываетъ какъ только можно закрыть, и ей кажется будто такъ виднѣе. Въ глазахъ тьма, но стран-

ная тьма; она видитъ какъ тьма расползается все шире и шире, становится все гуще и гуще. Ни образа во тьмѣ: нѣтъ, не было и никогда, никогда не будетъ. Дѣвушка вскрикнула, сѣла въ постели, тяжело дыша, съ дрожащимъ перепуганнымъ сердцемъ, и какъ раньше чей-то ровно посторонній голосъ явственно проговорилъ тѣ самыя слова что̀ мимолетно приходили ей въ голову на пикникѣ:

— Къ чему же жить? Къ чему страдать безплодно?

И Прасковья Павловна почувствовала въ рукахъ что-то холодное. „Револьверъ!“ вздрогнула она вся, и бросила на полъ холодную вещь. Металлическій звукъ заставилъ ее очнуться; дрожащими руками пошарила она спичекъ на столѣ, зажгла свѣчку, свѣсилась съ кровати и разглядѣла на полу браслетъ.

„Что̀ это было: сонъ или галлюцинація?“ спросила она себя, задувая свѣчу, и поспѣшно ложась.

Тяжелый свинцовый сонъ навалился на нее.

XX.

Прасковья Павловна проснулась съ тяжелою головой и смутнымъ сердцемъ. Она вспомнила, нынче ночью было нѣчто странное съ нею, но что̀? О, она ни за что̀ не хотѣла бы припомнить, и чувствовала что никогда, никогда не вспомнитъ добровольно этой страшной ночи, развѣ сама вспомнится какъ-нибудь нечаянно.

Цѣлое утро дѣвушка не знала за что̀ приняться; и какъ полусонная бродила по дому. Она зашла къ зятю; онъ перебиралъ и перекладывалъ вещи на столѣ;

она слѣдила за его движеніями, но какъ онъ взялся за револьверъ вздрогнула, точно дотронувшись до чего-то холоднаго и боясь что-то припомнить, быстро вышла изъ комнаты. Прасковья Павловна прошла къ сестрѣ; та одѣвалась. Она сѣла и смотрѣла на туалетъ прелестной дамы. Наконецъ, и сестра и зять уѣхали. Дѣлать было рѣшительно нечего. Прасковья Павло́вна перебывала во всѣхъ комнатахъ, пересмотрѣла во всѣ окны, и вспомнила что вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, полная благихъ мыслей, она начала учить грамотѣ горничную Машу, но вотъ уже болѣе мѣсяца не занималась съ нею. Она отыскала Машу и стала звать учиться.

— Я все, барышня, поди, забыла, да и некогда мнѣ нынче.

— Пожалуйста, пойдемте, Маша; пожалуйста, я прошу васъ, умильно упрашивала Прасковья Павловна и добрая Маша взглянувъ на барышню что-то сообразила, и согласилась.

Ученье не спорилось, ученица на половину забывала вытверженное, и учительница была разсѣяна.

— А вамъ, барышня, сказала Маша,—какъ ни скрывайте, а сейчасъ видно что крѣпко взгрустнулось...

— Почему вы это думаете?

— Такъ оно ужь видно какъ-то. Да вотъ вамъ думали вы, думали что̀ бы такое сдѣлать, да съ тоски взялись учить меня, а самимъ-то ученье на умъ нейдетъ.

— Ваша правда, Маша.

— А я, барышня, кажись догадалась отчего вамъ тоскуется.... Только сказать-то не знаю какъ....

— Говорите, Маша, я не осержусь

— Такъ думается: баринъ-то нашъ съ женишкомъ поссорились.... Такъ оттого, барышня.

Прасковья Павловна точно не разслышала этихъ словъ.

— Маша, особенно ласково и нѣсколько задумчиво сказала она,—отчего вы всегда называете меня барышней? Ты знаешь, я этого не люблю.

— Какъ же мнѣ васъ звать?

— Зовите меня Прасковьей Павловной, Пашей. Я сейчасъ вотъ нечаянно сказала вамъ *ты*, и вы можете также говорить. Я вѣдь такая же какъ вы.

Не желаніе просвѣтить Машу и порисоваться предъ нею руководило Прасковьей Павловной; она сама не знала почему завязала этотъ разговоръ, но ей было такъ тяжело и такъ желалось чтобы хоть одна живая душа раздѣлила дружески *ея* тяготу.

— Кто знаетъ, продолжала Прасковья Павловна,— можетъ-быть мнѣ придется еще позавидовать тѣмъ кто служитъ въ горничныхъ.

— Прасковья Павловна, голубушка вы моя, что̀ вы только говорите!

И Маша хо̀тѣла поцѣловать ручку барышни. Прасковья Павловна не допустила и сама нѣжно поцѣловала ее.

— Маша, какъ-то особенно, точно говоря въ себя, начала Прасковья Павловна,—бываетъ съ тобою что нападетъ на васъ така-ая, така-ая тоска что вы готовы, какъ говорится, руки на себя наложить.

— Ахъ, Прасковья Павловна, что̀ вы! И вспоминать-то объ этомъ не годится.

— Нѣтъ, тѣмъ же голосомъ, но настойчивѣе продолжала Прасковья Павловна.—Если съ вами было что-нибудь подобное, разкажите, пожалуста разкажите. Пожалуста, Маша, миленькая.

— Охъ, не годилось бы разказывать, да ужь больно крѣпко жаль мнѣ васъ, барышня.—Маша помолчала, точно съ духомъ собираясь.—Напала какъ-то на меня тоска эта.... Просто тошнехонько душенькѣ моей да и полно!... И съ чего, сама не знаю, а только моченьки моей нѣтъ! Сижу я у себя въ комнаткѣ, и вотъ хоть бы заплакать мнѣ, думаю; такъ нѣтъ: глаза сухіе, пресухіе, и даже какъ закрыть хочешь, больно становится. И впала я, какъ бы вамъ сказать, въ забытье что-ли, въ *ничевенье*, какъ по-деревенски говорится. И ничего-то я не вижу и не помню, и не думаю, и ничего-шенько-то мнѣ не жаль на свѣтѣ....

— И что же, Маша?

— И вотъ, переводя духъ, продолжала Маша,— гляжу я этакъ безчувственно противъ себя, гляжу, и вдругъ у меня предъ глазами точно ручка бѣлая встала. И сейчасъ я эту ручку признала; у матушки у моей покойницы, даромъ невысокаго званія была, въ ключницахъ у господъ служила, когда еще господа были:— такъ у нея ручка была такая же нѣжная и бѣлая. И идетъ эта ручка предо мною, идетъ и гляжу: будто свѣтится. И какъ сейчасъ вижу, представляется мнѣ будто дома я въ господскомъ флигелѣ, маленькая, въ комнатѣ сижу. А въ комнатѣ тихо-претихо, только сверчокъ кричитъ. И все прибрано, чисто таково, какъ предъ великимъ праздникомъ, и травами душистыми пахнетъ (матушка ихъ за образа клала) и ужь не ручка предо мною свѣтится, а лампада горитъ предъ образомъ. И вотъ тутъ какъ ликъ святой я увидала и очнулась.

— И дальше, Маша?

— Дальше, извѣстно, сейчасъ бросилась я лам-

паду засвѣчать. Такъ-то и тоска моя молитвой прошла, слезой вылилась....

— А-а! съ полунасмѣшливою, полугрустною улыбкой сказала Прасковья Павловна, и покачала головкой.

Обѣ замолчали. И Прасковьѣ Павловнѣ, къ немалому ея удивленію, вдругъ вспомнился Всеволодъ. „Онъ также любилъ разспрашивать о такомъ", черезъ нѣкоторое время догадалась она и подумала еще что его разспросы казались ей странными, и ей даже въ голову приходило: не выдумываетъ ли онъ нарочно разные случаи, не умѣя говорить о вещахъ болѣе серіозныхъ.

„Со мной мало такого бывало, призналась она себѣ самой,—и сегодня только, и какъ странно! И какая милая эта Маша!"

И воспоминаніе и похвала Машѣ нѣсколько оживили дѣвушку.

— Ахъ, что̀ такое вы болтали, Маша, веселѣе начала она,—я хорошенько не разслышала. Съ какимъ еще женишкомъ поссорился Александръ Аѳанасьичъ?

— А съ офицеромъ-то молодымъ, со Всеволодомъ Лукичемъ.

— Отчего же онъ женишокъ? разсмѣялась Прасковья Павловна.

— А какже, мы всѣ такъ думали!

— Не знаю отчего вы такъ думали, только онъ не женишокъ... И отчего вы полагаете что Александръ поссорился съ нимъ?

— Ну это, затарантила Маша,—это ужь точно. Я сама слышала какъ баринъ, какъ вечоръ предъ обѣдомъ вернулись, приказывали Павлу чтобы не принимать ихъ. „Не всякій, говорятъ, разъ, а такъ, говорятъ, черезъ

разъ или два, что бы незамѣтно было". И *они* какъ нарочно вчера вечеромъ заѣзжали, и Павелъ отказалъ *имъ*.

— Странно, прошептала Прасковья Павловна.

Не прошло минуты какъ раздался звонокъ.

Вотъ и *они* какъ нарочно пріѣхали, вскакивая заговорила Маша.—Извѣстно, сердце сердцу вѣсть подаетъ. Побѣгу сказать чтобы приняли, а вы, барышня, пооправьтесь....

„Какъ все это странно! подумала оставшись одна Прасковья Павловна,—и неужели это онъ?"

XXI.

То былъ дѣйствительно Всеволодъ. Бѣдняга, онъ измучился за эти дни. Съ тѣхъ поръ какъ онъ признался себѣ что любитъ, ему, несмотря на всѣ старанія, и двухъ минутъ не удалось провести наединѣ съ Прасковьей Павловной. Всеволодъ, какъ вошелъ, замѣтилъ что она встревожена.

— Что съ вами? спросилъ онъ, и въ этомъ вопросѣ прозвучало столько любовнаго сочувствія что дѣвушка, думавшая отвѣтить холоднымъ „ничего", ни слова не сказала и только потупила глаза.

Всеволодъ взялъ ее за руку.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Прасковья Павловна, что съ вами? На васъ, какъ говорится, лица нѣтъ.... Я никогда не видалъ васъ такою.... Не больны ли вы?

— Правда, съ насильственною улыбкой отвѣчала дѣвушка,—вы никогда такой не видали меня.... Помните, какой болтушкой была я у Лизаветы Дмитревны?

Ей живо припомнилось то время. О, тогда у нея

и думушки не было что придется тосковать. И какъ давно, казалось ей, было все это. И люди еще жалуются что время скоро летитъ!

— Не знаю,—сказалъ молодой человѣкъ,—но глядя на васъ мнѣ почему-то кажется что съ вами случилось что-нибудь особенное, непріятное, хотѣлъ я сказить. Я не знаю,—быстро продолжалъ онъ дивясь откуда только у него слова берутся,—не знаю смѣю ли я, имѣю ли хотя малѣйшее право; быть можетъ, вамъ это даже покажется навязчивымъ.... Но если я пользуюсь немного вашимъ расположеніемъ, и если вамъ это возможно, скажите что̀ съ вами.... Не знаю почему, но мнѣ думается, я почти увѣренъ что вамъ станетъ легче....

Дѣвушка взглянула на него и покачала головой....

— Спасибо вамъ.... Видите, я говорю „спасибо“, а не „благодарю васъ за участіе“.... Спасибо вамъ, Всеволодъ Лукичъ, но право мнѣ разказывать нечего. Со мною ничего не случилось ни пріятнаго, ни непріятнаго....

— Но что̀ же съ вами?

— Какъ вамъ сказать? Просто мнѣ сегодня кажется что жить вовсе не такъ легко и весело какъ думалось; жить трудно, несносно и можетъ-быть не сто̀итъ.... Для чего и для кого?...

Всеволодъ началъ утѣшать ее. Въ его словахъ не было ничего особеннаго, и другой могъ сказать ихъ; его утѣшенія, быть-можетъ, слегка отзывались общимъ мѣстомъ. О личныхъ чувствахъ къ ней, онъ не только не хотѣлъ, боялся заикнуться; малѣйшій намекъ на нихъ, когда любимая дѣвушка грустна и тоскуетъ, былъ бы, по его мнѣнію, непростительнымъ эгоизмомъ. Но

его любовь, его чувство, помимо воли, звучали когда онъ говорилъ что Прасковья Павловна еще молода, что жить стоитъ, что тоска пройдетъ и что ея жизнь навѣрно дорога кому-нибудь, только она не знаетъ. Скрытое чувство красило рѣчь, и общія утѣшенія не казались дѣвушкѣ голословными. Еще недавно она не знала къ кому бы приласкаться и ластилась къ Машѣ, а вотъ человѣкъ точно отгадавшій ея чувства, какъ будто нарочно пришелъ чтобъ утѣшить ее. Она не вслушивалась въ его рѣчи, не взвѣшивала словъ, не старалась понять тонкій смыслъ глубокомысленныхъ фразъ: вѣдь это были не умныя, а добрыя рѣчи. Звукъ его голоса, звукъ какъ бы насыщенный сочувствіемъ къ ней, ласкалъ ее и ей думалось какъ было бы хорошо будь у нея такой какъ Всеволодъ братъ, на чье слово можно положиться, на чью руку, не боясь измѣны, можно довѣрчиво опереться. О, тогда жилось бы несравненно, несравненно легче!

Пріѣздъ Вѣры Павловны прервалъ бесѣду молодыхъ людей. Прелестная дама была въ восторгѣ что Всеволодъ дождался ея, и увлекла улана въ свою комнату. Прасковья Павловна хотѣла было идти за ними, но не пошла, повинуясь необъяснимому и мгновенному чувству. Точно въ сердцѣ шепнулось: „берегись сестры!“ И дѣвушка ушла къ себѣ думать о томъ какой добрый и славный этотъ Всеволодъ.

Вѣра Павловна болтала, вздыхала, выкидывала всѣ пріемы глазами и утомила улана до головной боли. Наконецъ отпустила его, взявъ слово быть сегодня въ клубѣ и съ очаровательною улыбкой прибавивъ что онѣ поѣдутъ вдвоемъ съ сестрой, безъ мужа, и что она разчитываетъ на любезность Всеволода Лукича.

XXII.

Танцовальный вечеръ въ клубѣ гдѣ Иванъ Васильевичъ былъ старшиной былъ весьма оживленъ. Публики собралось до тѣсноты много, и старшина во фракѣ и съ орденскою петличкой важно и гордо расхаживалъ по заламъ, довольный и вечеромъ, и самимъ собою. Но не долго пришлось ему самоуслаждаться. Къ нему, то и дѣло, подходили добрые знакомые и наперерывъ сообщали новости. Всѣхъ особенно занимало то обстоятельство что Сосновцевъ, не безъ причины слывшій за человѣка разчетливаго и тугаго на деньги, въ послѣднее время сильно развернулся. Слѣдовалъ баснословный (основанный впрочемъ на хвастливыхъ вчерашнихъ разглагольствованіяхъ въ клубѣ самого Александръ Аѳанасьевича) разказъ о томъ какъ Сосновцевъ вручилъ Клопину двадцать пять тысячъ рублей, какъ разъ въ ту минуту когда послѣдняго тащили въ долговое. Менѣе догадливые прибавляли что растроганная такимъ благородствомъ Вѣра Павловна тутъ же при мужѣ и при квартальномъ упала въ объятія Анатолія Аполлоновича. Болѣе догадливые видѣли вчера въ оперѣ Прасковью Павловну и вдобавокъ въ великолѣпныхъ брилліантахъ. О Всеволодѣ никто при этомъ не упоминалъ; никто не намекалъ даже на его отношенія къ Клопинымъ; но въ тонѣ, улыбкахъ, наконецъ въ спѣшности съ какою всѣ желали подѣлиться именно съ нимъ этими вѣстями, Иванъ Васильевичъ усмотрѣлъ признаки самые тревожные, и обезпокоился не на шутку. Онъ торопливо заходилъ по клубу, стараясь по возможности избѣгать новыхъ разговоровъ о мучав-

шемъ его предметѣ, и столкнулся съ Анатоліемъ Аполлоновичемъ.

— Мнѣ надо серіозно переговорить съ вами, объявилъ чиновный сибаритъ.

— Въ такомъ случаѣ пойдемте въ старшинскую: тамъ безопаснѣе.

Надо сказать что Анатолій Аполлоновичъ пріѣхалъ въ клубъ съ наилучшими намѣреніями и въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ былъ доволенъ что предупредилъ фланговыя движенія, какъ остроумно называлъ возможное вмѣшательство супруговъ Клопиныхъ въ его отношенія къ Прасковьѣ Павловнѣ, и могъ теперь вполнѣ отдаться капризнымъ движеніямъ влюбленнаго сердца.

Увы! разочарованіе ждало его, и вдобавокъ разочарованіе самое неожиданое. Прасковья Павловна была съ нимъ любезна и повидимому такая же какъ всегда, но тонко-развитое чувсто чиновнаго сибарита говорило ему что за этою видимою любезностью притаилось охлажденіе или по меньшей мѣрѣ натянутость. Дѣвушка, сама не зная почему, также инстинктивно какъ нѣсколько часовъ назадъ отъ сестры, отстранялась теперь отъ Анатолія Аполлоновича. Она объявила что по нездоровью не можетъ танцовать съ нимъ обѣщанные танцы и проситъ извиненія.

— Со мною, или вообще? съ тонкою ироніей освѣдомился г. Сосновцевъ.

— Вообще, и если я прошу именно васъ извинить меня, то потому что хочу лучше быть обязанной вамъ чѣмъ кому-нибудь другому.

По Анатолію Аполлоновичу, въ этомъ отвѣтѣ скрывался „сладостный намекъ“, и онъ готовъ былъ улыб-

нуться; но въ то же время отъ отвѣта вѣяло холодомъ, и онъ готовъ былъ нахмуриться.

— Словомъ, вы требуете отъ меня жертвы? спросилъ онъ.

— Да, если вамъ угодно простую любезность называть такимъ пышнымъ именемъ.

Легкая насмѣшливость проскользнувшая въ этомъ отвѣтѣ, по Сосновцеву, была утѣшительнѣе прежней холодности, и онъ уже надѣялся, заведя остроумно-веселую пикировку, побѣдить ея упорство (obstination), какъ Прасковья Павловна знакомъ подозвала стоявшаго не подалеку Всеволода.

Вѣки Анатолія Аполлоновича налились кровью.

— Въ такомъ случаѣ, вѣжливо и сухо сказалъ онъ,—честь имѣю кланяться.

Въ это время заиграли ритурнель второй кадрили. Сосновцевъ не безъ біенія сердца подумалъ что она пойдетъ танцовать съ уланомъ. Ничуть не бывало. Они оба удалились изъ танцовальной залы.

„Непонятное упорство!“ прошепталъ Анатолій Аполлоновичъ.

Послѣ долгихъ и безплодныхъ поисковъ, онъ остановился на слѣдующихъ остроумныхъ соображеніяхъ. „Нѣтъ сомнѣнія, думалъ онъ, ее предупредили на мой счетъ, и я вполнѣ понимаю ее: она въ правѣ обидѣться. Какъ,—задекламировалъ онъ,—ждать, мечтать, надѣяться, предугадывать слово любви, разчитывать, разчитывать по біеніямъ сердца, скоро ли и когда именно будетъ оно произнесено, и вдругъ услыхать его не отъ любимаго человѣка, а изъ посторонихъ холодно-разчетливыхъ устъ!... Она ждала моего объясненія, и... О, Боже мой, Боже мой! куда дѣваться, куда бѣжать отъ

людской пошлости? А кажется я сдѣлалъ все чтобы завязать ротъ и отвести глаза *любезнымъ* родственникамъ.... Нѣтъ, этотъ дуракъ не вытерпѣлъ!... И вдобавокъ эта жирная кулебяка до того обрадовалась что ея сестрица будетъ madame de Sosnovtzeff, née.. А какъ ея фамилія? Любопытно что я не поинтересовался даже, замѣтилъ онъ какъ бы въ скобкахъ.—О, конечно эта бабища сочла долгомъ предупредить сестру объ ожидающемъ ее счастіи... О, они не понимаютъ какъ всѣми этими дрязгами оскорбили юное, разцвѣтающее для любви сердце!... И я, я долженъ испить всю чашу горечи приготовленной людскою пошлостью!“

Весьма довольный изящнымъ монологомъ (что̀ еслибы написать его и сказать со сцены, разумѣется съ французской!), а равно разъясненіемъ причинъ охлажденія и не менѣе тонкимъ пониманіемъ женской природы, при семъ случаѣ обнаруженномъ, чиновный мечтатель успокоился было совершенно, какъ нежданная мысль смутила его.

„Но уланъ, онъ-то причемъ тутъ?“ спросилъ онъ самого себя.

Какъ нарочно въ эту минуту подошелъ Иванъ Васильевичъ.

„Онъ, подумалъ Сосновцевъ,—почему-то, и для меня въ сущности все равно почему именно, заинтересованъ въ моемъ успѣхѣ. Онъ оказывалъ мнѣ услуги, и съ тѣмъ вмѣстѣ я, хотя безсознательно, увезя ее съ пикника, оказалъ ему услугу. Мы на равной ногѣ, и опасаться его мнѣ нечего.“

XXIII.

Перенесемся теперь въ старшинскую.

— Располагайтесь, сказалъ Иванъ Васильевичъ, указывая Анатолію Аполлоновичу на диванъ, и располагайте мною.

Нечаянный каламбуръ былъ по достоинству оцѣненъ располагателемъ.

— Случай.... по крайней мѣрѣ я до сихъ поръ остаюсь при томъ убѣжденіи что то былъ случай, тонко началъ Анатолій Аполлоновичъ,—случай поставилъ васъ, почтеннѣйшій Иванъ Васильевичъ, свидѣтелемъ моей зараждавшейся любви къ нѣкоторой молодой особѣ. Мало того, вы также совершенно случайно способствовали развитію этой любви. Вы видите, я говорю и называю вещи ихъ собственнымъ именемъ.

Иванъ Васильевичъ склонилъ голову и въ достодолжныхъ выраженіяхъ оцѣнилъ откровенность собесѣдника.

— Теперь, продолжалъ послѣдній,—позвольте спросить васъ: готовы ли и вы заплатить мнѣ откровенностью за откровенность?

Иванъ Васильевичъ съ тѣмъ же склоненіемъ головы изъявилъ полную готовность быть вполнѣ откровеннымъ.

— Весьма вамъ благодаренъ. Теперь я формулирую вопросъ: желательно ли вамъ чтобы близкій вамъ молодой человѣкъ....

— То-есть Всеволодъ? прервалъ Иванъ Васильевичъ.

— Вы назвали его, и я не скрываю что подразу-

мѣвалъ именно вашего племянника. Итакъ, желательно ли вамъ что-бы Всеволодъ Лукичъ продолжалъ ухаживать, а мнѣ кажется что онъ ухаживаетъ именно съ цѣлью жениться (Иванъ Васильевичъ сдѣлалъ движеніе точно сгоняя муху съ лица). Итакъ, желательно ли вамъ чтобъ онъ ухаживалъ за особой отношенія которой ко мнѣ вамъ извѣстны, хотя и не вполнѣ?

Иванъ Васильевичъ закусилъ усъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ быстро и съ судорогой въ губахъ.

— И вы, конечно, желали бы предупредить указанный мною исходъ этихъ ухаживаній, исходъ по моему крайнему убѣжденію весьма печальный?

— Да, также отвѣтилъ Драгомиловъ.

Дорого далъ бы Иванъ Васильевичъ чтобы не произносить ни этого „да“, ни недавняго „нѣтъ“. Ему начинало казаться что онъ какъ будто торгуется или вступаетъ въ некрасивую сдѣлку на счетъ племянника.

— Я употребилъ выраженіе „печальный исходъ“, продолжалъ красновѣкій умникъ, — я разумѣлъ: печальный для вашего племянника, и считаю долгомъ объяснить смыслъ этого слова.—Г. Сосновцевъ перевелъ духъ.—Мы съ вами, какъ говорится, старые воробьи и вдобавокъ воробьи петербургскіе, чтобъ ошибиться на счетъ достоинствъ молодой особы о которой у насъ рѣчь. Мы съ вами знаемъ эти дички черезчуръ способные ко всякой прививкѣ. Дѣвушки этого сорта ужасно любятъ доказательства; кто хочетъ побѣдить ихъ, обязанъ прибѣгнуть къ логикѣ. Словомъ, требуется постоянно начинять ихъ головки, а.... а вашъ племянникъ, смѣю сказать, человѣкъ сердца.

Иванъ Васильевичъ потупился.

— Я не отвергаю его ума, поспѣшно поправился Анатолій Аполлоновичъ,—но утверждаю что онъ по преимуществу человѣкъ сердца. Вы понимаете въ какомъ ложномъ положеніи можетъ онъ очутиться! Положимъ что я, видя его привязанность къ молодой особѣ, согласился бы уступить, хотя, сказать правду, мнѣ было бы теперь это очень трудно: я зашелъ слишкомъ далеко. Но положимъ, я уступилъ бы; что же дальше? Черезъ годъ, много черезъ два, явится человѣкъ кому она понравится—а она способна нравиться—и этотъ человѣкъ докажетъ ей.... Вы понимаете?

На этой фигурѣ умолчанія ораторъ остановился. Иванъ Васильевичъ былъ тому весьма радъ; ему казалось что разговоръ достигъ предѣловъ, и дальше сталъ бы рѣшительно не переносимъ.

„У нихъ тамъ, подумалъ онъ,—заварилась каша, и въ добавокъ въ прегрязномъ горшкѣ. И Всеволодъ, Всеволодъ, бѣдняга! Онъ ничего не видитъ, ничего не хочетъ слушать, всему вѣритъ и его зовутъ за это.... человѣкомъ сердца.“

— Что же вы скажете мнѣ, почтеннѣйшій Иванъ Васильевичъ?

Этотъ осторожно робкій вопросъ заставилъ очнуться Драгомилова. Онъ взглянулъ на Сосновцева, и смѣривъ его съ ногъ до головы, усмѣхнулся какъ будто хотѣлъ сказать: „Э, да что съ тобой церемониться!“

— Что я скажу? небрежно началъ онъ.—Да! одинъ пунктъ остался неразъясненнымъ. Вы сейчасъ объявили что зашли довольно далеко... Позвольте узнать до чего именно?

Такой безцеремонный вопросъ смутилъ Анатолія Аполлоновича.

— Вы знаете, отвѣчалъ онъ,—что есть вещи о чемъ порядочный человѣкъ не долженъ говорить, безъ страха прослыть хвастуномъ, или...

— Вы сами поставили условіемъ полную откровенность, замѣтилъ Драгомиловъ.

— Спрашивайте, со вздохомъ проговорилъ Сосновцевъ.

— До поцѣлуевъ, не дальше?

— О, нѣтъ, нѣтъ, не дальше, поспѣшно проговорилъ собесѣдникъ.

— Я такъ и думалъ. Но поцѣлуи, позвольте узнать, были съ вашей стороны только или обоюдные?

— Обоюдные, не проговорилъ, а какъ-то по-птичьи просвисталъ Анатолій Аполлоновичъ.

— Больше мнѣ ничего не требуется, холодно объявилъ Иванъ Васильевичъ, и всталъ.

Анатолій Аполлоновичъ почувствовалъ что оставаться долѣе въ комнатѣ значитъ уронить свое достоинство, и проговоривъ: „я вполнѣ полагаюсь на вашу скромность“, направился было изъ старшинской.

— Виноватъ, остановился онъ,—не могу ли я просить у васъ бумаги и чернилъ?

Иванъ Васильевичъ указалъ ему то и другое, проговорилъ: „Не смѣю мѣшать вамъ“, и вышелъ.

Анатолій Аполлоновичъ скрестивъ руки постоялъ предъ письменнымъ столомъ.

„Я сейчасъ исполнилъ, проговорилъ онъ про себя,— одну изъ тѣхъ непріятныхъ и пошлыхъ формальностей что̀ приходится выполнить болѣе или менѣе всякому влюбленному, думаетъ ли онъ жениться или иначе достигнуть счастія. Какое жалкое положеніе! Сто̀итъ человѣку влюбиться и сейчасъ у него на дорогѣ вста-

нутъ тысячи мелочныхъ и дрянныхъ препятствій. О, я ни слова не сказалъ бы противъ препятствій возвышенныхъ и благородныхъ!... И неужели же, неужели же человѣчество никогда не дойдетъ чтобы лучшее и возвышеннѣйшее чувство, любовь, могло выражаться совершенно свободно, не стѣсненное глупыми формальностями. Нѣтъ, несмотря на весь современный прогрессъ, люди не далеко ушли отъ варварства."

И проговоривъ сей изящный выговоръ человѣчеству, Анатолій Аполлоновичъ сѣлъ за письменный столъ.

XXIV.

Иванъ Васильевичъ вернулся изъ клуба поздно; Всеволодъ уже спалъ. „И хорошо что спитъ", подумалъ дядя.

Иванъ Васильевичъ чувствовалъ что не отрывай его ежеминутно отъ мыслей то тотъ, то другой, не будь у него сегодня вечеромъ такой пропасти хозяйственныхъ по клубу заботъ и хлопотъ, онъ, чего добраго, спятилъ бы съума. Все перепуталось и перемѣшалось въ его головѣ, и ложась спать онъ чувствовалъ что у него вмѣсто мыслей какая-то квашня.

„Но завтра, завтра я все прикончу", утѣшилъ онъ себя.

Онъ всталъ весь желтый и рѣшился раньше всѣхъ приняться за Вѣру Павловну, считая ее главой дома Клопиныхъ и полагая не безъ основанія что Александръ Аѳанасьевичъ вмѣсто отвѣта на вопросъ пропоетъ какую-нибудь французскую пѣсенку.

— Я къ вамъ по дѣлу,- объявилъ Иванъ Васильевичъ.

Вѣра Павловна встрепенулась.

— Вы вѣроятно догадываетесь о комъ и о чемъ я хочу говорить, поспѣшно и тревожно продолжалъ холостой скептикъ.—Я пріѣхалъ на счетъ Всеволода....

Онъ остановился и пристально поглядѣлъ на нее. Она вспыхнула.

— Вы его собираетесь женить на сестрѣ...

Все пошло кругомъ въ глазахъ прелестной дамы. Какъ, тотъ самый Иванъ Васильевичъ что̀ недавно еще увѣрялъ ее въ любви Всеволода, теперь приписываетъ ей такіе низкіе замыслы?

— Нечего притворяться будто вы не понимаете меня, строго проговорилъ неумолимый дядя.—И правду сказать, я въ этомъ не вижу ничего дурнаго. Всякая на вашемъ мѣстѣ стала бы хлопотать какъ бы поскорѣе и получше пристроить дочку, сестру, или племянницу. Дѣло житейское. Но вотъ что-съ, Вѣра Павловна, дурно: вы въ то же время заводите интриги съ другими и.... какъ бы повѣжливѣе выразиться?... Да! способствуете вступленію вашей сестры въ гражданскій бракъ съ господиномъ Сосновцевымъ.

— Я не понимаю васъ...

— А, кажется, не трудно. Нынче всякій апраксинецъ понимаетъ что̀ значитъ по-русски *гражданскій бракъ*.

— Это, наконецъ, чортъ знаетъ что̀! Вы съ ума сошли! вспыхнула прелестная дама.

— Пожалуйста безъ благороднаго негодованія: оно вамъ не къ лицу.

— Я повторяю что вы съ ума сошли! Если Анатолій Аполлоновичъ влюбленъ въ сестру, хочетъ развестись съ женой и жениться на ней... Что̀ жь тутъ дурного?

— Прекрасно, прекрасно, быстро пробормоталъ Драгомиловъ.—Только разказывайте эти басни кому-нибудь другому.

— Ахъ, Боже мой!...

— Мнѣ, впрочемъ, до этого нѣтъ дѣла. Я забочусь только о Всеволодѣ...

Сквозь огорченія и обиды лучъ надежды при имени Всеволода снова упалъ въ сердцѣ прелестной дамы.

— Говорите, говорите о немъ! поспѣшно залепетала она.

— Я уже сказалъ, желчно отвѣчалъ Иванъ Васильевичъ.—И только замѣчу, чтобы вести эту двойную игру съ успѣхомъ и залучить молодого человѣка въ семью, слѣдовало, хотя бы благоприличія ради, хотя бы на время, удалить изъ дому разныхъ князей и генераловъ...

Надежда Вѣры Павловны не упала, а шлепнулась о земь. Лицо ея пошло пятнами. Она уже не помнила что говоритъ, и только прибирала выраженія поядовитѣе, чтобъ очернить и безъ того, какъ ей въ этотъ мигъ казалось, черное поведеніе улана.

— Ужь не мечтаетъ ли вашъ племянникъ о гражданскомъ бракѣ?

— А еслибъ и такъ? въ силу какого-то мимолетнаго и смутнаго соображенія вставилъ Иванъ Васильевичъ.

— Такъ я вамъ на это отвѣчу, поддавая пару продолжала прелестная дама,—что для подобныхъ низкихъ замысловъ онъ ни достаточно (о, до чего доходитъ дамская злоба!) красивъ, ни достаточно богатъ....

— Давно бы вамъ это сказать, пренебрежительно протянулъ Иванъ Васильевичъ, вставая.—И за симъ честь имѣю кланятъся....

Онъ вышелъ оставивъ прелестную даму въ невыразимомъ положеніи. Она готова была ругаться, плеваться и рвать на себѣ волосы. Въ добавокъ, она ничего не понимала, и когда злобная вспышка поостыла, почувствовала песокъ въ головѣ. Иванъ Васильевичъ упрекалъ ее что она хочетъ женить Всеволода на сестрѣ и въ то же время не находилъ въ этомъ ничего дурнаго. Потомъ онъ намекнулъ на возможность гражданскаго брака своего племянника, но.... съ кѣмъ? Сколько она ни ломала голову, на этотъ вопросъ не находилось отвѣта, а между тѣмъ, какъ ей думалось, она отлично хорошо помнила все что говорилъ старый холостякъ. Итакъ съ кѣмъ же?... Прелестная дама начала догадываться.

XXV.

Иванъ Васильевичъ отъ Вѣры Павловны отправился въ должность. Онъ былъ желченъ, золъ и придирчивъ къ подчиненнымъ. Среди дѣловыхъ занятій, чему онъ предавался сегодня съ какимъ-то остервененіемъ, одна мысль безпокоила его: онъ боялся не отправился бы Всеволодъ нынче же утромъ или обѣдать къ Клопинымъ.

„Мнѣ необходимо предупредить и переговорить съ нимъ,“ рѣшилъ дядя и раньше обыкновеннаго вышелъ изъ канцеляріи.

Онъ перехватилъ Всеволода не подалеку отъ дому. На вопросъ племянникъ отвѣчалъ что никуда не собирался, а просто вышелъ прогуляться. Дядя рѣшилъ не выпускать молодаго человѣка изъ рукъ и потащилъ его на какую-то выставку. Подобнымъ образомъ они

проваландались до обѣда. За обѣдомъ Иванъ Васильевичъ былъ особенно ласковъ съ племянникомъ, точно задабривалъ его. Какъ былъ поданъ послѣобѣденный чай, дядюшка, предварительно освѣдомившись ушла ли кухарка (онъ нарочно услалъ ее подальше), объявилъ племяннику что ему нужно переговорить съ нимъ о многомъ и важномъ. Всеволодъ изъявилъ готовность слушать.

— Какъ-то на дняхъ, нѣсколько неувѣренно началъ Иванъ Васильевичъ,—я началъ было говорить, но ты такимъ страшнымъ голосомъ закричалъ „не сегодня" что я невольно спасовалъ. Нынче, не будь у меня даже твоего слова, я все равно высказалъ бы все.... Я не могу молчать...

Онъ остановился, взволнованный. Всеволодъ также помолчалъ, точно обдумывая.

— Говорите, дядя, сказалъ онъ, черезъ нѣкоторое время.

— Скажи мнѣ откровенно что ты думаешь о Прасковьѣ Павловнѣ?

— Я думаю, съ волненіемъ, но твердо отвѣчалъ молодой человѣкъ,— что она добрая и достойная дѣвушка.

— И что ты влюбленъ въ нее, быстро добавилъ дядя.—Но видишь ли, я не очень-то довѣряю мнѣнію влюбленныхъ.... Дѣло въ томъ, присматривался ли ты къ ней, хорошо ли ты ее знаешь?

— Я повторяю что считаю ее доброй и прекрасной души дѣвушкой.

— Всеволодъ, сказалъ дядя, взявъ его за руку,— ради Бога выслушай ты меня, и не сердись... Я всего разъ говорилъ съ нею внимательно, но и раза довольно

чтобы видѣть насколько она.... Иванъ Васильевичъ чуть не сказалъ пуста, но вспомнилъ что именно это слово взорвало племянника на другой день пикника.—Словомъ, продолжалъ онъ,—въ ней нѣтъ никакого фундамента, никакихъ основъ.

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Какъ бы тебѣ объяснить.... Эхъ, не мастеръ я.... Ну, да насколько сумѣю.... Вспомни, Всеволодъ, какъ ты былъ маленькимъ.... Я не зналъ твоей матери, но увѣренъ что она при всякомъ случаѣ, разказывала ли что-нибудь тебѣ, или ты что-нибудь сдѣлалъ, толковала: это-молъ хорошо, а это-молъ дурно. Или, напримѣръ, она показывала тебѣ картинку изъ Священной Исторіи; положимъ, была изображена смерть какого-нибудь мученика, и она навѣрно говорила: „это-вотъ хорошіе, праведные люди, а это вотъ злые“. Правда вѣдь? Да? Ты помнишь?

Онъ взглянулъ на племянника и ему не нужно было словеснаго отвѣта.

— Теперь найдутся охотники посмѣяться надъ такимъ воспитаніемъ. Впрочемъ, надъ чѣмъ нынче не смѣются!... А я тебѣ скажу, не дѣлай этого твоя мать ты не былъ бы таковъ, каковъ ты есть. Дѣло въ томъ что ты привыкъ постоянно спрашивать себя: хорошо ли это, или нѣтъ? И какъ бы ты ни измѣнялся, что бы съ тобою ни случалось, этотъ вопросъ всегда съ тобой.... А она... въ ней именно этого нѣтъ, если только она признаетъ еще разницу между добромъ и зломъ!... Ты понялъ что я хотѣлъ сказать?

Всеволодъ молча склонилъ голову. Они помолчали.

— Теперь, дядя, началъ племянникъ,—выслушайте вы меня. Не знаю отчего, но мнѣ всегда казалось что

вы по чему-то не взлюбили Прасковьи Павловны. У васъ на ея счетъ какое-то предубѣжденіе. Быть-можетъ, нечаянное, необдуманное слово.... Ахъ, дядя! еслибы вчера вы видѣли, слышали ее, вы узнали бы что она вовсе не такъ легкомысленна, какъ вамъ кажется....

— Что жь такое было вчера, что она говорила? недовѣрчиво и отчасти бурчливо вставилъ дядя.

— Она жаловалась.... Словомъ, она очевидно тяготится своею жизнью, всею обстановкой... И хоть я не люблю осуждать, но правду сказать, ея родственники люди довольно пустые...

— Только довольно пустые?!....

Иванъ Васильевичъ даже руками всплеснулъ на такое простосердечіе племянника.

— Да, и она тяготится.... Словомъ, такая жизнь не по ней, она не создана....

— Для чего жь она создана? прервалъ не выдержавшій дядя.—Чтобы разжалобливать такихъ простаковъ какъ ты, и въ то же время....

Всеволодъ вздрогнулъ, хотѣлъ что-то сказать, но у него схватило горло.

— А съ другими, съ людьми попрактичнѣе тебя, докончилъ дядя,—въ то же время цѣловаться....

Всеволодъ вскочилъ со стула.

— А! это все этотъ мерзавецъ навралъ вамъ! съ бѣшенствомъ прокричалъ онъ.

При видѣ вспышки племянника, дядя началъ овладѣвать собою.

— Ай, ай, ай, Всеволодъ! покачалъ онъ головой,— а еще говоришь что не любишь осуждать другихъ....

— Но этотъ мерзавецъ....

— Ты называешь такимъ именемъ человѣка котораго почти не знаешь....

— Я сегодня же узнаю его! и онъ мнѣ дорого поплатится....

— Вспомни наконецъ, строго заговорилъ дядя,— что если даже онъ совралъ, все-таки тебя никто не просилъ о заступничествѣ, и ты не имѣешь никакого права...

— Я нынче же получу это право....

— То-есть?

— Попрошу руки Прасковьи Павловны.

— А если тебѣ откажутъ?

Нежданное возраженіе смутило Всеволода; онъ хотѣлъ что-то сказать и замялся.

— Вотъ видишь! не безъ торжества возразилъ Иванъ Васильевичъ.—И какая она жена! Какая мать изъ нея выйдетъ!

Всеволодъ ничего не отвѣчалъ и только взглянулъ на дядю. Лици его вдругъ измѣнилось; оно глядѣло рѣшительно и увѣренно. Казалось, онъ вызывалъ кого-то на борьбу и заранѣе былъ увѣренъ въ побѣдѣ.

„Онъ совсѣмъ обезумѣлъ“, подумалъ Иванъ Васильевичъ и рѣшился уступить не прежде какъ истощивъ всѣ возможныя доказательства.

— Да, началъ, онъ, разгораясь все сильнѣе и сильнѣе съ теченіемъ рѣчи,—да, я повторяю: она тебѣ не пара. Оглянись на себя, Всеволодъ! Вѣдь ты самъ себя не знаешь; я за послѣднее время приглядѣлся-таки къ тебѣ. Вѣдь ты, чортъ возьми, серіозный человѣкъ, страшно серіозный, можетъ-быть черезчуръ серіозный. Ты ни на что не умѣешь глядѣть легко. Ты не то что я, что сотни людей, кого я знаю. Ну влюбись нашъ братъ въ такую дѣвушку, онъ пожалуй поволочился бы, поухаживалъ бы за нею, сдѣлалъ бы, два

три подарка, добился поцѣлуя да и забастовалъ бы. „Нѣтъ, шалишь, братъ, одумайся!“ вотъ что̀ сказалъ бы всякій на твоемъ мѣстѣ. А ты... ты не хочешь ни думать, ни знать, ты весь съ головой ушелъ въ эту любовь, ты.... ты влопался. Да, именно влопался. Любовь связала тебя по рукамъ и по ногамъ, отвела тебѣ глаза!

Дядя изрѣдка взглядывалъ на племянника, но на лицѣ Всеволода была та же увѣренность, та же рѣшимость; выраженіе, правда, было покойнѣе, но это спокойствіе пугало дядю пуще прежней возбужденности.

— Въ добавокъ ко всему, черезъ десять минутъ говорилъ дядя,—ты Русакъ, настоящій Русакъ, а вы всѣ народъ упрямый, настойчивый, неизмѣнчивый; вы постоянно себѣ на умѣ и до вашей святыни не дотронься!... Вы, вы... какіе-то Англичане, право... Я вотъ гдѣ-то читалъ что какъ ты ни перекувырни англійскаго джентельмена, хоть вверхъ ногами, а онъ все останется самимъ собою и твердо встанетъ на ноги.... И вы вотъ такіе же Ваньки-встаньки!.... И тебѣ, при такой-то закваскѣ, при такомъ-то характерѣ, жениться чортъ-знаетъ на комъ, на дѣвушкѣ что̀ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ чорта, готова надо всѣмъ смѣяться, для которой нѣтъ ничего святого!....

— Дядя! прервалъ Всеволодъ.

— Что̀ жь? вскинулся на него Иванъ Васильевичъ.—Ужь не скажешь ли что я навралъ, что я все это выдумалъ изъ злобы на нея? Женись, женись, голубчикъ, она наплодитъ тебѣ дѣтей, такихъ же какъ сама!

— Нѣтъ, съ трудомъ произнося отъ волненія слова отвѣчалъ Всеволодъ,—нѣтъ, я не скажу что вы выду-

мываете.... Обвиненіе слишкомъ велико.... Прощайте, дядя.

— Куда ты?

— Самъ не знаю; мнѣ надо прогуляться; обдумать.

—Но ты не *туда*? спросилъ Иванъ Васильевичъ, чувствуя что блѣднѣетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; я самъ не знаю куда.

И Всеволодъ вышелъ. Иванъ Васильевичъ не думалъ удерживать его и съ какимъ-то отупѣніемъ посмотрѣлъ вслѣдъ. Все что онъ говорилъ сейчасъ точно тяжелая жидкость хлынуло ему въ черепъ; голова склонилась какъ свинцовая и онъ поддержалъ ее рукою.

„Говорилъ, говорилъ! думалъ онъ о самомъ себѣ.— И кажется отъ сердца говорилъ, и будто тамъ, внутри, осталось что-то живое, а завтра же, даже нынче вечеромъ....“ И онъ съ чувствомъ сожалѣнія и отвращенія отвернулся отъ самого себя. „Но Всеволодъ, Всеволодъ! Неужели и онъ погубитъ себя?“

XXVI.

Всеволодъ шелъ самъ не зная куда. Послѣднія слова дяди глубоко поразили его, и тѣмъ сильнѣе чѣмъ увѣреннѣе онъ былъ сначала. Онъ любилъ Прасковью Павловну, онъ вѣрилъ въ нее, и ему казалось такъ легко разсѣять и наглую клевету мерзавца, и предубѣжденія дяди. А теперь!... Точно внезапно рухнувшая кровля упало на него обвиненіе противъ любимой дѣвушки... Въ первыя минуты онъ не могъ сообразиться; въ ошеломленной головѣ вставали и падали тысячи мыслей, и ни одна не была ясна; всѣ онѣ словно во тьмѣ

копошились, пугались, давили другъ друга. Горько и несносно было на сердцѣ и тѣмъ горше и несноснѣе что какъ въ полубреду, онъ нѣтъ-нѣтъ да и вспоминалъ что ему эта дѣвушка дороже всѣхъ на свѣтѣ.

Онъ искалъ какъ бы сбросить съ себя духовное бремя, какъ бы выбраться на свѣтъ. Онъ вызывалъ изнутри себя силу, мысль, чувство, все равно какъ оно ни называлось бы, только было бы способно ринуться изъ глубины душевной, разорвать и разсѣять застлавшую ее тьму, покорить всѣ думы, убить всѣ сомнѣнія. На зовъ не было отвѣта; отчаяніе, глухое отчаяніе стало овладѣвать имъ.

„Господи, Господи! воскликнулъ онъ,—за что мнѣ такое испытаніе? Помоги мнѣ, наставь мя!“

И съ этимъ крикомъ, вырвавшимся изъ святой святыхъ души, онъ вздохнулъ свободнѣе. Онъ сталъ способнѣе разсуждать, опознаться мысленно. И прежде всего онъ усомнился въ справедливости словъ дяди; онъ слишкомъ любилъ его чтобы, заподозрить во лжи, но онъ склонялся къ мысли что дядя невольно ошибается, или по меньшей мѣрѣ преувеличиваетъ. А если не ошибается? являлся страшный вопросъ.

„Какъ счастливы, думалъ онъ,—были мой отецъ, мой дѣдъ! Они не знали такихъ мученій, такихъ терзаній!... Что значатъ всѣ эти препятствія, несогласіе родителей, неравенство происхожденія и состоянія, наконецъ, дурная семья невѣсты?... О, какъ смѣло переступилъ бы я черезъ все это, а теперь черезо что мнѣ приходится перешагнуть?... О, Господи, Господи! еслибъ дядя ошибался!“

И Всеволодъ начиналъ шептать молитву, и сквозь этотъ шепотъ слышался ему иной голосъ: „Узнай она,

говорилъ этотъ голосъ,—что ты въ эту минуту молишься, она разсмѣялась бы.“ И онъ чувствовалъ что волосы на его головѣ какъ бы шевелятся.

„Но когда же молиться если не въ такія минуты?“ спрашивалъ онъ себя.

И ему ли было не молиться, ему привыкшему съ колыбели осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, ему не разъ изливавшему свои скорби въ молитвѣ, ему полному надежды и любви! Пусть онъ не всегда былъ богомоленъ, но развѣ молитва не всегда жила съ нимъ, умирала въ его сердцѣ?

„Нѣтъ, нѣтъ, думалъ онъ,—такихъ людей нѣтъ, не можетъ быть... Жить безъ вѣры нельзя: пустота убьетъ.“

И онъ все шелъ самъ не зная куда.

„Нѣтъ, сказалъ онъ, послѣ многихъ колебаній, надеждъ и отчаяній,—нѣтъ: коли любить, такъ вѣрить. И я вѣрю что это пройдетъ у нея, не теперь, не сейчасъ, не отъ моихъ словъ... Я даже не стану говорить объ этомъ, да и не сумѣю... Но жизнь, жизнь научитъ ее, когда она уйдетъ изъ этого омута, станетъ женой, матерью... И я... рѣшился.“

Мучительныя думы оставили его. Всеволодъ зналъ что дѣлать. Онъ вспомнилъ что сегодня Прасковья Павловна въ театрѣ и быстро взглянулъ на часы. Надо было спѣшить. Въ театрѣ на его бѣду всѣ билеты были проданы. Онъ вспомнилъ о трактирчикѣ гдѣ всегда можно добыть билетъ у барышниковъ. Заплативъ въ три-дорога за билетъ, онъ вошелъ въ залу въ серединѣ втораго акта. Не взглянувъ даже на сцену, онъ сталъ искать глазами *ее*. Ея не было. Или онъ ошибся театромъ?... Нѣтъ, онъ ясно помнитъ. Что же это зна-

читъ, какъ узнать?... Ахъ, очень просто, стоитъ справиться въ кассѣ о нумерѣ ложи... Онъ хотѣлъ встать, какъ увидѣлъ въ бель-этажѣ Вѣру Павловну, но не бросился тотчасъ же къ ней: онъ рѣшилъ подождать антракта; ему какъ-то особенно было пріятно выдерживать себя. Но вотъ поднялся какой-то шумъ; всѣ встаютъ; вѣроятно антрактъ.

Прелестная дама не знала что подумать, увидѣвъ предъ собой Всеволода. Но она быстро припомнила свое давнишнее умозаключеніе по вопросу: *съ кѣмъ?* увѣровала въ его непреложность, и томно улыбнулась. Всеволодъ все выдерживалъ себя, точно испытывая тверда ли его рѣшимость, и потому не сразу спросилъ о Прасковьѣ Павловнѣ.

— У нея просто заболѣла голова, или вѣрнѣе она закапризилась, отвѣчала прелестная дама, какъ вопросъ наконецъ былъ предложенъ.

„Слава Богу, все устроилось къ лучшему“, подумалъ Всеволодъ, и выйдя изъ ложи, быстро спустился въ сѣни и еще быстрѣе очутился на улицѣ. Извощикъ изо-всѣхъ силъ погонялъ къ Таврическому.

Какъ свѣтло, какъ легко, было на сердцѣ Всеволода!

XXVII.

Вернемся нѣсколько назадъ. Прасковья Павловна ни утромъ, ни послѣ обѣда въ день послѣ ночи съ галлюцинаціями не вспоминала объ Анатоліи Аполлоновичѣ. Въ клубѣ она отстранилась отъ него, повинуясь инстинктивному чувству. Но когда чиновный сибаритъ проговорилъ сухимъ и вѣжливымъ тономъ „честь имѣю кланяться“ настроеніе дѣвушки измѣнилось.

Она спросила себя отчего молъ я не стала танцовать и вообще обошлась съ нимъ холодно? Видимой причины такого поступка на лицо не оказалось. Причины невидимой она покуда не искала: ей было пріятно идти подъ руку съ тѣмъ на чью руку, согласно утрешнимъ мечтамъ, можно было опереться не боясь измѣны. Но потому ли что опираніе разумѣлось утромъ въ переносномъ смыслѣ, а вечеромъ осуществилось въ прямомъ, или по чему иному, Прасковьѣ Павловнѣ вскорѣ стало не по себѣ.

„И изъ-за чего я лишила себя удовольствія?“ спросила она себя и какъ нарочно въ это время заиграли вальсъ. „А онъ такъ восхитительно вальсируетъ!“

Прасковья Павловна оглядѣлась вокругъ: его не было. Она прошла въ танцовальную залу: его не было. Она начала переходить изъ залы въ залу, и нигдѣ его не было. „Онъ уѣхалъ, онъ разсердился!„ Дѣвушка боялась подумать что онъ навсегда разсорился съ нею, и нашла что въ клубѣ скучно и что Всеволодъ скученъ до невозможности. Подойдя къ сестрѣ, она объявила, что ей нездоровится. Рѣшено было ѣхать домой, и обѣ направились къ выходу. Въ одной изъ залъ Прасковья Павловна увидала Сосновцева; онъ стоялъ въ сторонѣ и въ то же время на виду; онъ былъ печаленъ, какъ будто ничего не замѣчалъ, и въ то же время дѣвушкѣ подумалось что онъ слѣдитъ, весь вечеръ слѣдилъ за нею.

Въ сѣняхъ прелестная дама овладѣла уланомъ, заставивъ его услуживать себѣ; подлѣ Прасковьи Павловны очутился Анатолій Аполлоновичъ.

— Вы прочтете это, шепнулъ онъ ей.

Маленькая, миленькая и мило сложенная записочка

мигомъ спряталась въ лѣвой перчаткѣ Прасковьи Павловны. И какъ уютно она легла тамъ, какъ нѣжно щекотала ладонь! Дорогой дѣвушка сняла перчатку съ правой руки, и осторожнымъ пальчикомъ ощупывала тутъ ли записочка, не выпала ли. Записочка прижималась къ лѣвой ладони и щекотала ее еще нѣжнѣе. Наскоро простившись съ сестрой, дѣвушка заперлась на ключъ въ своей комнатѣ и спѣшно развернула бумажку. Вотъ что стояло въ ней:

„Между нами нынче пробѣжала черная кошка. Не знаю кто тому виною, но вѣрьте что то ни я, ни моя почтительная любовь къ вамъ. Завтра ваши собираются въ театръ, и если у васъ заболитъ голова, я заѣду около восьми часовъ чтобъ оправдаться въ воображаемой винѣ. Надѣюсь, вы позволите мнѣ это, и надѣюсь васъ позабавитъ какъ на вашихъ глазахъ черная кошка превратится въ миленькаго игриваго котеночка, совсѣмъ, совсѣмъ бѣленькаго и развѣ, развѣ съ черными лапочками.“

Искорки прыгали въ глазахъ Прасковьи Павловны какъ она читала письмо, ей очень хотѣлось смѣяться и чуть-чуть хотѣлось плакать; она наполовину не понимала. Она перечла письмо во второй и въ третій разъ; она оцѣнила игривое заключеніе, ей понравилась почтительная любовь. Она ничего не рѣшила, ни на что не рѣшилась, и заснула самымъ сладкимъ, самымъ легкимъ сномъ.

По утру она проснулась съ мыслью о свиданіи; на сердцѣ было легко и полно. Новость и заманчивость свиданія пріятно раздражали ея мечты. Какъ это будетъ? что онъ скажетъ? что она отвѣтитъ? Отвѣты на тысячи подобныхъ вопросовъ были ясны, какъ бы подернуты дымкой, но тѣмъ милѣе и завлекательнѣе.

И надо было Иванъ Васильевичу именно въ это утро растревожить Вѣру Павловну. Такое обстоятельство чуть было не разрушило мечтаній Прасковьи Павловны. Въ этотъ день сестрамъ случилось обѣдать вдвоемъ, и Вѣра Павловна воспользовалась случаемъ чтобъ объявить Pachette что напрасно она воображаетъ будто всѣ въ нее влюбляются, и Анатолій Аполлоновичъ, и уланъ. Они де смотрятъ на тебя какъ на игрушку, никакъ не выше, смѣются и нарочно дурачатъ тебя. Разумѣется, это не было высказано прямо и грубо, а въ тонкихъ, хотя довольно прозрачныхъ намекахъ; на Pachette однако эти рѣчи не произвели замѣтнаго впечатлѣнія. До того ли ей было чтобы слушать внимательно „глупости и пошлости“ которыми угощала ее старшая сестра!

— Что жь ты скажешь? спросила прелестная дама, окончивъ намеки.

— Я не ѣду сегодня въ театръ, не совсѣмъ вопадъ отвѣчала Прасковья Павловна.

— Какъ знаешь! съ улыбкой сказала Вѣра.—Ахъ, кстати о театрѣ. Пожалуста не дожидай насъ къ чаю Александръ заѣдетъ за мной и мы отправимся на вечеръ къ Хворостинскимъ. И еще,—прибавила она съ усмѣшкой, точно какой-то бѣсенокъ толкнулъ ее въ бокъ,—тамъ навѣрно будетъ Сосновцевъ: кланяться ему отъ тебя?

Прасковья Павловна вспыхнула и вставъ изъ-за стола, ушла въ свою комнату, а Вѣра Павловна подумала: „Моя шпилька порядочно кольнула ее, и я очень рада, а то эта дерзкая дѣвчонка Богъ знаетъ что о себѣ воображаетъ!“

XXVIII.

Свиданіе близилось. Тотчасъ послѣ отъѣзда сестры, Прасковья Павловна стала одѣваться. Она вовсе не думала о туалетѣ; ей просто хотѣлось быть въ томъ платьѣ которое ему нравилось. Ахъ, Боже мой! Уже половина девятого скоро, а она еще не готова, не подумала даже гдѣ его приметъ. Комната сестры казалась ей самой удобной, и въ ней къ тому же такой пріятный полусвѣтъ отъ лампы. Была позвана Маша и ей приказано зажечь лампу.

— Развѣ вы кого-нибудь ждете, барышня?

— Ахъ, пожалуста, дѣлайте что вамъ приказываютъ.

Оправившись и въ послѣдній разъ взглянувъ въ зеркало, она перешла въ комнату сестры. Тамъ было дѣйствительно хорошо. Прасковья Павловна готова была размечтаться какъ вбѣжала Маша съ разстроеннымъ лицомъ.

— Тамъ пріѣхали Анатолій Аполлонычъ, и Павелъ впустилъ ихъ, торопливо проговорила она.—Прикажете отказать? Я еще успѣю.

Прасковья Павловна вспыхнула.

— Нельзя отказать теперь когда онъ вошелъ, раздраженнымъ голосомъ отвѣчала она.—И что вамъ за дѣло? Идите.

Маша молча вышла, сконфуженная. Явился Анатолій Аполлоновичъ. Онъ заговорилъ своимъ обычнымъ тономъ, любезно, вѣжливо и слегка снисходительно. Разговоръ былъ незначительный и не вязался. Прасковья Павловна чувствовала себя не ловко; не знала

что дѣлать, что говорить, и предложила гостю чаю. Онъ весьма прозаически отвѣтилъ что выпьетъ съ удовольствіемъ.

Когда Маша внесла чай, онъ заговорилъ что совсѣмъ забылъ что сегодня они собирались въ театръ, что заѣхалъ совершенно случайно и очень радъ заставъ Прасковью Павловну дома.

„Къ чему онъ это говоритъ?“ съ неудовольствіемъ подумала дѣвушка.

Противный чай былъ наконецъ выпитъ, и порожній стаканъ унесенъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ окончились и порожнія рѣчи. Случилось, оба промолчали нѣкоторое время и обоихъ поразила тишь вокругъ: казалось кромѣ ихъ живой души не было въ домѣ.

— Теперь, съ легкою дрожью въ голосѣ началъ Анатолій Аполлоновичъ,—я могу объясниться съ вами. Ради Бога, что случилось? Отчего вы такъ странно, чтобы не сказать больше, обошлись со мною?

— Я просто была не въ духѣ, на меня напалъ капризъ....

Анатолій Аполлоновичъ съ раздумьемъ поглядѣлъ на нее.

— Видите ли, продолжалъ онъ съ разстановкой и нѣсколько таинственно,—я очень опасался.... не наговорили ли вамъ про меня?... Онъ остановился на минуту, и быстро добавилъ:—Ваша сестрица, вашъ братъ, кто-нибудь?

Сегодняшнія рѣчи сестры вдругъ вступили въ голову Прасковьи Павловны; она ихъ хорошенько не помнила, но одно словечко, какъ репей къ платью, прицѣпилось къ памяти. Это словечко закололо и оно было: „они просто смѣются надъ тобою“. Дѣвушка вспыхнула и раздражительно отвѣчала:

— Развѣ я обращаю вниманіе на ихъ слова?

Анатолій Аполлоновичъ опять взглянулъ на нее и быстро сообразилъ что-то

— Въ такомъ случаѣ, повеселѣвъ отвѣчалъ онъ, — не станемъ говорить объ этомъ....

— Да, это скучно, проговорила дѣвушка еще съ неудовольствіемъ, и слѣдомъ также повеселѣла:— А кстати, мнѣ очень понравилась бѣленькая кошечка.

— Ахъ, въ письмѣ! И вы помните? Очень мило съ вашей стороны,

И съ этой кошечки завязалась милая болтовня. По случаю кошечки, Анатолій Аполлоновичъ, со свойственными ему умомъ и тонкостію, объяснилъ черезъ-чуръ извѣстное дѣленіе женщинъ на три породы: кошачью, собачью и коровью, съ присовокупленіемъ легкой и весьма остроумной характеристики каждой изъ нихъ, Прасковья Павловна заинтересовалась этимъ новымъ дѣленіемъ и пожелала узнать къ какой же породѣ принадлежитъ она сама. Анатолій Аполлоновичъ объявилъ что онъ можетъ любить только женщинъ-кошечекъ, съ намекомъ что милѣйшая изъ извѣстныхъ ему кошечекъ въ настоящую минуту играетъ имъ.

— Но нѣтъ бо́льшаго удовольствія, нѣтъ болѣе истиннаго наслажденія, съ особою размягченностью прибавилъ онъ,—какъ цѣловать трепещущими устами оцарапавшую ваше сердце маленькую, нѣжную лапку, и просить, умолять ее чтобъ еще, еще царапала и больнѣе, какъ можно больнѣе.

И слѣдомъ онъ нашелъ предлогъ поцѣловать „лапку“ Прасковьи Павловны. И далѣе.... далѣе ни я хорошенько не знаю, ни Прасковья Павловна, ни Анатолій Аполлоновичъ не помнили, только они оба очутились

другъ подлѣ друга на низенькихъ кресельцахъ. Онъ держалъ ее за руки, цѣловалъ ихъ и голосъ его становился все нѣжнѣе и нѣжнѣе; она уже не отвѣчала такъ бойко, какъ прежде; она слушала и все ниже и ниже склоняла головку. Предъ глазами заволакивало и сердце начинало биться предчувствуя что-то.... Прасковья Павловна уже не понимала что̀ говоритъ Анатолій Аполлоновичъ. Она только чувствовала, всѣмъ существомъ, всѣми пятью органами сразу, что голосъ его сталъ еще мягче и прерывистѣе, что онъ становится еще ближе къ ней, что его правая рука легла на спинку ея кресельца.... И слѣдомъ какое сладкое Забытье!

„Онъ обнялъ, онъ цѣлуетъ меня!“ думалось дѣвушкѣ, и ей казалось что это сознаніе не въ ней, не въ ея головѣ, а внѣ ея, паритъ гдѣ-то надъ нею и оттуда шепчетъ милыя слова.

Чьи-то торопливые шаги, чей-то торопливо-испуганный голосъ. Дѣвушка не слышала ихъ, и очнулась только отъ послѣдствія: Анатолій Аполлоновичъ отскочилъ отъ нея какъ ужаленный. Она встала, опомнилась и первое что̀ увидала былъ Всеволодъ.

„А, завертѣлось въ ея головѣ,—ему мало смѣяться надо мною, и говорить сестрѣ что я могу быть для него только мимолетною забавой, онъ вздумалъ подсматривать и шпіонить!“

И всякое зло, какое она могла только придумать, казалось ей позволительнымъ относительно Всеволода. Да, она желала дать ему почувствовать ка̀къ сильно и глубоко ненавидитъ его и ка̀къ страстно любитъ другаго.

— Извините, прошепталъ въ смущеніи Всеволодъ

— Извините и вы насъ начала она, хорошенько не зная что именно скажетъ.—Извините, намъ пора. Развѣ вы не помните, обратилась она къ Сосновцеву,— что сестра просила пріѣхать насъ раньше?

Отскочивъ какъ ужаленный, Анатолій Аполлоновичъ стоялъ совершеннымъ дуракомъ. Слова Прасковьи Павловны вывели его изъ замѣшательства. Онъ къ удивленію своему понялъ ихъ и даже понялъ что въ нихъ есть сладостный для него смыслъ. Ноги какъ-то сами собою двинулись, и онъ вышелъ, самъ не зная хорошенько куда идетъ и зачѣмъ.

Всеволодъ остался вдвоемъ съ Прасковьей Павловной.

— Прасковья Павловна, началъ онъ.

— Молчите пожалуста, съ силой прервала она его.— И вы вчера еще притворялись, навязывались съ своей дружбой, а въ то же время считали меня минутною забавой!... Я не хочу ни видѣть, ни слушать васъ!... Я не терплю васъ, слышите, не терплю!...

И Всеволодъ остался одинъ.

XXIX!

Анатолій Аполлоновичъ, какъ человѣкъ обстоятельный, распорядился при входѣ чтобы Павелъ (такъ звали человѣка Клочиныхъ) болѣе никого не принималъ, причемъ означенный Павелъ почувствовалъ что у него въ рукахъ шуршитъ бумажка. Разсмотрѣвъ, по свойственному всѣмъ людямъ любопытству, полученную бумажку и убѣдившись что она красненькая, Павелъ нашелъ что нисколько не преувеличивалъ своихъ чувствъ изъявляя Анатолію Аполлоновичу „чувствительнѣйшую“

благодарность. Желая въ то же время быть отъ грѣха подальше и любя общество, человѣкъ господъ Клопиныхъ, затворивъ подъѣздъ, отправился въ угловое увеселительное заведеніе.

Маша, съ своей стороны, по сердитому отвѣту барышни на вопросъ „не ждете ли вы молъ кого“, заключила что ожидается ни кто иной какъ „женишокъ“. Понятно что пріѣздъ „лысаго“, какъ звала она Сосновцева, смутилъ ее, и почему она хотѣла отказать ему. Напоивъ господъ чаемъ, Маша пошла предупредить Павла чтобъ онъ, памятуя барскій приказъ, чего добраго, не отказалъ Всеволоду Лукичу. Она не нашла ни Павла, ниже кухарки, отправившейся, пользуясь отсутствіемъ господъ, играть въ стуколку къ сосѣдскому повару. Радѣя о барышнѣ и по неразвитію своему не понимая, даже не предполагая что можно влюбиться въ женатаго да еще лысаго, когда есть на лицо кудрявый и холостой, Маша рѣшилась подождать пріѣзда женишка въ прихожей. Впустивъ Всеволода она бросилась впередъ обрадовать барышню. И хорошо что Анатолій Аполлоновичъ обладалъ тонкимъ слухомъ и проворствомъ въ движеніяхъ! Впрочемъ, Маша до того сама обрадовалась чему-то, что врядъ ли бы замѣтила...

Итакъ, Всеволодъ Лукичъ былъ ошеломленъ словами и поступкомъ Прасковьи Павловны. Онъ считаетъ ея минутною забавой! Она не хочетъ ни видѣть, ни слышать его! И это послѣ того какъ онъ рѣшился!

Выпустивъ Прасковью Павловну и Анатолія Аполлоновича, Маша, смущенная всѣмъ случившимся, вернулась къ „женишку“.

— И что это съ нашей барышней сталось! съ недоумѣніемъ сказала она.

Всеволодъ ничего не отвѣчалъ, но въ голосѣ Маши блеснуло для него нѣчто въ родѣ надежды.

— И никогда я ихъ такими не видала, продолжала Маша,—и главное для меня удивительно что онѣ весь вечеръ, какъ только барыня съ барином ъ уѣхали, ждать васъ стали....

— Прасковья Павловна ждала меня? робко, боясь повѣрить Машинымъ словамъ, спросилъ Всеволодъ.

Она объяснила съ посильными толкованіями уже извѣстное намъ. Всеволодъ все еще боялся повѣрить.

— Но... но, съ замѣшательствомъ спросилъ онъ,— отчего же Прасковья Павловна такъ странно обошлась со мною?

— Вотъ къ этому я никакъ ума не приложу, отвѣчала Маша.—Развѣ вотъ что, только вы пожалуста Всеволодъ Лукичъ, меня не выдайте.

— Нѣтъ, нѣтъ. Говори, ради Бога.

— Не насказали ли имъ про васъ чего-нибудь баринъ или барыня?

— Отчего ты такъ думаешь?

Маша сообщила о приказѣ данномъ отъ барина Павлу. Всеволодъ вспомнилъ что Александръ Аѳанасьевичъ, бывало, часто заѣзжалъ за нимъ, но послѣ пикника точно куда-то провалился.

— А знаете, что я, Всеволодъ Лукичъ, придумала, продолжала Маша.—Напишите-ка вы барышнѣ записочку, а я, что вернутся, передамъ. Авось дѣло, Богъ дастъ, и поправится.

Всеволодъ, какъ утопающій за соломенку, схватился за эту мысль.

— Хорошо. Дай мнѣ бумаги и карандашъ.

Но когда бумага и карандашъ были принесены,

Всеволодъ не зналъ какъ начать письмо и что въ немъ высказать. Чтобы ничто не развлекало его, онъ выслалъ Машу изъ комнаты, и долго, долго, почти безъ движенія, весь углубясь въ самого себя, не помня гдѣ онъ, просидѣлъ предъ лоскуткомъ бумаги. Постепенно, вся недавняя сумятица точно вычеркнулась изъ его памяти; онъ вспомнилъ свое недавнее рѣшеніе, свои думы, свѣтлыя и ясныя, и быстро, не отнимая карандаша отъ бумаги, написалъ тѣ слова что складывались у него въ головѣ по дорогѣ изъ театра.

Позвавъ Машу, онъ отдалъ ей записку и нѣсколько разъ повторилъ просьбу передать Прасковьѣ Павловнѣ сегодня же, какъ только она вернется. Маша обѣщала не только передать записочку, но завтра утромъ принести отвѣтъ.

XXX.

Машѣ, какъ она разказывала потомъ, подъ впечатлѣніемъ послѣдующихъ событій, только она выпустила Всеволода Лукича и погасила лампу въ барынниной комнатѣ, вдругъ страшно стало. „Какъ это я одна въ домѣ“ будто бы подумала она и будто бы вспомнила что никуда пріѣзжать Вѣра Павловна барышнѣ не приказывала, и стала недоумѣвать какъ это она отпустила Прасковью Павловну вдвоемъ съ Анатоліемъ Аполлоновичемъ. Въ дѣйствительности, погасивъ лампу и снеся записочку въ барышнину комнату, Маша прошла въ Александръ Аѳанасьевичевъ кабинетъ и прикурнула въ ожиданіи господъ.

Въ началѣ втораго, звонокъ разбудилъ ее. Маша очень удивилась увидѣвъ барышню одну. Прасковья

Павловна, казалось, сильно устала и слегка шаталась на ходу.

— А сестрица гдѣ же? спросила Маша.

— Они сейчасъ пріѣдутъ, отвѣчала барышня.

Отказавшись отъ услугъ Маши, Прасковья Павловна раздѣлась наскоро, какъ пришлось разбросавъ вещи, и легла въ постель, но свѣчи не погасила. Она была какъ въ туманѣ и помнила только что сойдя съ крыльца объявила Анатолію Аполлоновичу что ей ужасно хочется прокатиться, но только дальше, какъ можно дальше; онъ спѣшно усадилъ ее въ карету, сѣлъ самъ, обнялъ и поцѣловалъ ее. Они долго катались, потомъ онъ предложилъ заѣхать погрѣться и поужинать. Еще въ глазахъ дѣвушки вертѣлась какая-то фигура съ гнусною улыбкой. То лакей улыбался шепча что-то Анатолію Аполлоновичу и указывая головою на дверь. Болѣе ничего не помнилось, и не хотѣлось вспоминать.

— Барышня, вы еще не спите? шепотомъ спросила Маша, заглядывая въ дверь.

— Нѣтъ.

— Записочку видѣли?

— Какую?

— Посмотрите на столикѣ подлѣ васъ, на подсвѣчникѣ.

И Маша скрылась за дверью. Прасковья Павловна очень хорошо слышала слова Маши и могла бы ихъ повторить, но не понимала о чемъ та говорила. „Какая записочка?“ силилась она объяснить себѣ и точно не догадывалась поискать на столикѣ. Прошло сколько-то времени; Маша опять заглянула въ комнату.

— Что жь, барышня?

— Что такое?

— Насчетъ записочки. Сегодня отвѣтъ дадите, или завтра утромъ?

— Хорошо, завтра утромъ, механически повторила Прасковья Павловна послѣднія слова Маши.

— И вамъ больше ничего не требуется?

— Нѣтъ.

— Такъ я въ прихожую пойду ждать господъ.

„Что это за записочка? о чемъ она все толкуетъ?“ снова спросила себя Прасковья Павловна. Не безъ усилія уразумѣла она наконецъ что именно хотѣла сказать горничная. Приподнявшись въ постелѣ, она пошарила въ столикѣ и нащупала лоскутокъ бумажки. Нѣкоторое время она подержала его, ни мало не интересуясь что на немъ написано, не думая даже читать, точно бумажка нечаянно очутилась въ ея рукахъ.

„Я что-то, кажется, хотѣла сдѣлать“, подумала она наконецъ, развернула записку и начала читать:

„Прасковья Павловна, читала она,—у меня въ ушахъ еще звучитъ голосъ которымъ вы сказали послѣднія слова, но я ихъ забылъ и никогда не вспомню. Я пишу вамъ что хотѣлъ сказать, для чего спѣшилъ... Я люблю васъ, люблю давно, горячо и искренно, и вѣрю только вамъ одной. Я пріѣзжалъ сказать вамъ это, и еще: что для меня нѣтъ бо́льшаго счастія какъ назвать васъ своею женой. Всеволодъ Драгомиловъ.“

Прасковья Павловна задрожала всѣмъ тѣломъ. „Женою!“ почти съ крикомъ повторила она послѣднее слово письма, и почувствовала, всѣмъ сердцемъ почувствовала что онъ, *онъ* любитъ ее. Его простыя слова казались искреннѣе и задушевнѣе всѣхъ иныхъ; онъ не старался то́ выразить кудряво чего нельзя выразить никакими словами. „Женою!“ еще разъ повторила она,

и сразу, какъ въ фокусѣ, вспомнила все что̀ было сегодня вечеромъ; безъ словъ, безъ мысли поняла что̀ сдѣлала съ собой, и всѣмъ сердцемъ почувствовала что тотъ кого она предпочла, не любитъ ея! Какъ дальній отзвукъ или отблескъ того что̀ теперь занимало ее, она вспомнила что когда-то и гдѣ-то читала какъ русскія дѣвушки убивали себя по дорогѣ во временную столицу Грознаго Царя.

„Читала и не понимала, подумала она.—А теперь... и поздно, поздно!“

Безпокойство охватило ее; она не знала что̀ дѣлать съ собою, съ этимъ лежащимъ на постелѣ тѣломъ, боялась думать, не знала куда дѣться отъ стыда. Она металась по постелѣ, мучительно и тревожно.

„О! простонала она, ломая руки.—И онъ любитъ меня!“

Что̀ дѣлать? Какъ избавиться отъ этихъ небывалыхъ, непритворныхъ мученій? Отравленная и озлобленная мысль искала выхода, искала виноватаго. Всѣ, казалось, были виноваты: сестра, зять, любовникъ; они сговорились, опутывали, ждали ея погибели. О, какъ была бы она счастлива, еслибъ увидѣла сейчасъ, сію секунду кого-нибудь изъ нихъ! Какъ бы она прокляла ихъ, высказала въ глаза безъ утайки всю ихъ низость, доказала бы имъ что все-таки во сто, въ тысячу разъ лучше и умнѣе ихъ!

Злоба возбудила, злоба и истомила мысль. Опять тоскливое безпокойство, неисходное, неистощимое, и страшный вопросъ: „что̀ же завтра?“ Въ силахъ ли она пережить это завтра, перенести улыбки, намеки, вынести взглядъ Всеволода, свои собственныя мысли? Завтра казалось такимъ же безъисходнымъ, какъ ны-

нѣшнія терзанія. „Завтра“ — этотъ кошмаръ людей не знающихъ опоры ни въ себѣ, ни внѣ себя, встающій предъ ними чуть отвернулось счастье! И завтра, и вѣчно то же, думается имъ, и легкая бѣда становится непереносною, непереживаемою.

Прасковья Павловна умѣла отбиваться отъ „бевобразій“, смѣяться надъ ними. Но никогда не знала она и малаго горя, а теперь пришло настоящее, лихое горе. Какъ лавина свалилось оно, и только твердые своды могли бы отчасти сдержать его стремительную силу. Этихъ сводовъ не было; были какіе-то плохенькіе лѣса, хрупкія подмостки; они рухнули и стерлись въ порошокъ.

„Завтра, завтра!“ какъ въ бреду шептала она.

О, еслибы можно было такъ заткнуть уши, чтобы замолкли тѣ слова что сами собою шепчутся въ головѣ! О, для чего нельзя такъ плотно зажмурить очей чтобы не смѣли вставать въ нихъ никакіе образы!

Еще сильнѣе заметалась она; прятала голову подъ подушку и сверху охватывала ее руками. Нѣтъ, ничто не помогаетъ; ничто не убиваетъ сознанія. А гдѣ-то есть полная тишь и темь; есть гдѣ-то. И она знаетъ, видѣла, и недавно еще видѣла ее. Гдѣ же она, гдѣ? Какъ ни страшна та тьма, она легче этой тревоги, этого страха завтрашняго дня.

Въ полусознаніи, понимая *что* она дѣлаетъ, но не понимая *зачѣмъ*, бѣдная дѣвушка спустила ноги съ постели, дрожащими руками взяла свѣчу, и пошла. Босыя ноги не чувствовали холоднаго пола. Она вышла въ залу, остановилась и оперлась о рояль. Ей казалось что она ни шагу не можетъ ступить далѣе, и казалось еще что надо идти, идти, все идти, и въ этомъ

одномъ спасеніе. Она слабо повернула голову. Что-то бѣлое мелькнуло предъ нею; она чуть не закричала, едва удержала свѣчу и слѣдомъ покачала головою, точно смѣясь надъ своимъ страхомъ.

То бѣлое было ея отраженіе въ зеркалѣ. Дѣвушка подошла, освѣтила себя. О, какое блѣдное, поблекшее лицо! Какъ измѣнилось, какъ похудѣло оно, какое нехорошее стало! Подвинувшись ближе, она пристально поглядѣла въ зеркало и неодобрительно покачала головой.

„Въ послѣдній разъ я вижу себя," подумала она, и въ томъ же полусознаніи пошла далѣе. Она не знала куда именно идетъ, но чувствовала что движется куда слѣдуетъ.

Войдя въ кабинетъ къ зятю, дѣвушка, не чувствуя ни малѣйшей боязни, точно съ замершими чувствами, подошла къ столу и взялась за револьверъ. Холодное прикосновеніе на минуту пробудило ее отъ полузабытья. Она вспомнила вдругъ какъ недавно бросила отъ себя револьверъ; было то на-яву или во снѣ, она не спрашивала.

„И еще тогда, припомнила она,—я плотно закрывала глаза и видѣла тьму." Она закрыла глаза, и какъ тогда почувствовала тьму. Тьма росла, ширилась, и въ ней ни образа, ни звука, и она падаетъ, падаетъ въ темную бездну....

Что-то задребезжало и застучало въ ушахъ.

„Это не мои, это чужіе, живые звуки!" Съ испугомъ очнулась дѣвушка и ей почудилось что страшное „завтра" начнется сейчасъ. Нѣтъ, тьма лучше, въ ней ничего нѣтъ, не было и не будетъ; туда не придетъ никакое завтра и никто не станетъ терзать и мучить

ее! Противъ сердца, какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ лучше всего слышно какъ оно бьется, какое-то холодное кольцо... и идутъ, идутъ!...

Услыхавшіе выстрѣлъ сестра и зять бросились въ кабинетъ; тамъ лежалъ бездыханный трупъ.

ЛАВРЫ И ТЕРНІИ.

ПОВѢСТЬ.

Что слава? — Яркая заплата
На бѣдномъ рубищѣ пѣвца.
А. Пушкинъ.

I.

Въ тѣ дни, когда россійскій прогрессъ, испытывая разрушительность своего семинарскаго кулака, со свистомъ и гикомъ обрушился на искусство, въ одномъ изъ губернскихъ городовъ серединной Россіи проживалъ Александръ Яковлевичъ Нивановъ, въ качествѣ контрольнаго чиновника. Хотя злобный сатирикъ того времени и утверждалъ, что наша воздушная революція разрѣшилась назначеніемъ

Робеспьеровъ по акцизу,
А Маратовъ по контролю,—

Александръ Яковлевичъ ни мало не походилъ на печальной памяти кровожаднаго ветеринара. Онъ принадлежалъ къ типу, нынѣ уже исчезнувшему съ лица земли русской и въ свое время извѣстному подъ именемъ постепеновцевъ. Тогда образованные люди (интеллигенты не были еще изобрѣтены), дѣлились на ради-

каловъ и постепеновцевъ. Какъ тѣ, такъ и другіе были увѣрены въ осуществленіи въ нашемъ отечествѣ всяческихъ утопій, до которыхъ только довиралась западно-революціонная фантазія; разница была въ томъ, что одни, выражаясь прокурорскимъ слогомъ, желали и ожидали этихъ благъ въ болѣе близкомъ, а другіе въ болѣе отдаленномъ будущемъ. Не превосходя своихъ соперниковъ остротою ума, постепеновцы обладали болѣе мягкими сердцами, страшились государственныхъ переворотовъ и не чуждались искусства.

Александръ Яковлевичъ, по своей принадлежности къ названному стаду, одобрялъ художниковъ; къ этому его располагало также и то, что его юная и прекрасная жена (такой она казалась ему въ то невозвратное время), Ольга Платоновна, съ успѣхомъ отличалась въ благородныхъ спектакляхъ. У Ольги Платоновны, по техническому выраженію, глаза были на мокромъ мѣстѣ и она, къ восторгу зрителей, нерѣдко взаправду плакала, изображая сентиментальныхъ, вслѣдствіе оскорбленій невѣжественной среды умирающихъ отъ чахотки, барышень, которыми кишѣлъ тогдашній репертуаръ. Въ тѣ милые дни, а можетъ быть и до нынѣ, у театральныхъ рецензентовъ такое недержаніе слезы полагалось несомнѣннымъ признакомъ „огонька“ или „искры Божіей“, какъ они иносказательно именовали талантъ.

Не мудрено, что при такихъ обстоятельствахъ Александръ Яковлевичъ волновался и вступалъ въ горячій споръ съ мѣстными радикалами всякій разъ, какъ появлялась занозистая статейка, обличавшая искусство въ гнусной отсталости. Однажды онъ разволновался до того, что отыскалъ давно заброшенныя университетскія за-

писки по эстетикѣ и при ихъ помощи написалъ замѣтку, гдѣ побѣдоносно доказывалъ, что отвергать искусство не позволительно, что оно есть одно изъ „самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ наслажденій человѣчества“ и выразилъ еще нѣсколько столь же новыхъ и прекрасныхъ мыслей. Тщательно переобѣливъ на почтовой бумагѣ перваго сорта, собственноручно окаймленной черной рамкой, свой литературный опытъ, Александръ Яковлевичъ послалъ его въ редакцію одного изъ постепеновскихъ журналовъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ статейка была напечатана. Того не довольно: редакція снабдила ее подстрочнымъ примѣчаніемъ, въ коемъ, рекомендуя статью особому вниманію читателей, въ лестныхъ выраженіяхъ приглашала молодого провинціальнаго автора къ дальнѣйшему сотрудничеству.

Это примѣчаніе рѣшило судьбу Александра Яковлевича. Недолго думая, онъ подалъ въ отставку и сталъ собираться въ Петербургъ, имѣя въ виду, какъ онъ краснорѣчиво выражался, посвятить всѣ свои душевныя силы на служеніе отечественной словесности.

Ольга Платоновна вполнѣ одобряла планъ мужа, ибо безошибочно, какъ ей думалось, разсчитывала, что послѣ нѣсколькихъ удачныхъ дебютовъ въ клубахъ она торжественно будетъ приглашена на императорскую сцену.

Редакторъ постепеновскаго журнала былъ не мало пораженъ, когда предъ нимъ предсталъ маленькій бѣлокуренькій и веснусчатый человѣкъ и съ удареніемъ назвалъ себя Никаноровымъ.

„Это что еще за чортъ такой?“ подумалъ онъ, и вопросительно взглянулъ на посѣтителя.

— Я тотъ самый, чья статья напечатана въ мартовской книжкѣ...

— Ахъ, припомнилъ редакторъ,—милости просимъ. Вы на долго къ намъ въ Питеръ?

— Я совсѣмъ, навсегда...

— Перешли сюда на службу, или вы человѣкъ съ независимымъ состояніемъ?

— Нѣтъ, но я... Вы въ примѣчаніи къ моей статьѣ приглашали меня къ дальнѣйшему сотрудничеству, и я почелъ долгомъ откликнуться на вашъ лестный призывъ...

Редакторъ подумалъ, хотя нѣсколько поздно, что слѣдуетъ обращать большее вниманіе на редакцію примѣчаній къ статьямъ начинающихъ писателей.

— Какъ же это вы?.... Конечно, я очень радъ... и съ удовольствіемъ стану помѣщать ваши статьи, если онѣ будутъ въ родѣ первой; но все-таки вы поторопились пріѣздомъ, слѣдовало бы списаться, узнать заранѣе, что именно вы желаете и на что можете разсчитывать... Иначе, безъ посторонннихъ занятій, вамъ будетъ трудно... по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, добавилъ редакторъ, замѣтивъ, что у Никанорова черезчуръ ужь вытянулось лицо.

Когда Александръ Яковлевичъ, получивъ на прощаньи отъ редактора ордеръ на контору, полюбопытствовалъ, спускаясь по лѣстницѣ, узнать какая сумма приходится ему въ гонораръ, то она оказалась до того скромной, что ему не безъ горечи вспомнилась нѣкогда читанная въ „Соревнователѣ“ статья, гдѣ громогласно заявлялось, что литераторы нынѣ уже не живутъ на чердакахъ, а получаютъ за свои труды вознагражденіе, вполнѣ ихъ обезпечивающее.

II.

Прошло съ полгода. Александръ Яковлевичъ кое-какъ устроился; онъ усердно работалъ въ журналѣ и сверхъ того занимался переводами популярныхъ книжекъ и книженокъ. Онъ получалъ, пожалуй, и больше, чѣмъ въ провинціи, но петербургская дороговизна заставляла себя чувствовать. Тѣмъ не менѣе, онъ не унывалъ. Его статейки печатались охотно, и замѣчались. Онѣ были исполнены столь же новыхъ и прекрасныхъ мыслей, какъ и первая, но бойко написанныя, по обстоятельствамъ того времени, не казались пошлыми и многими искренно одобрялись.

— А что скажете, господа, обратился редакторъ, къ своимъ гостямъ въ одинъ изъ редакціонныхъ четвергов, когда Александръ Яковлевичъ отсутствовалъ,— изъ Никанерова вѣдь будетъ прокъ. Право, его послѣдняя статья весьма недурна, и всѣмъ нравится. Слогъ даже у него начинаетъ вырабатываться, а нынче это рѣдкость. Преталантливый малый! Изъ него выйдетъ настоящій, или какъ выдумали выражаться наши „почвенники“, заправскій писатель.

— Ну, въ этомъ Иванъ Михайловичъ, позвольте усомниться, сказалъ длинный и тонкій старикъ, затягиваясь легкой Maryland doux, папироской,—сортъ, которому онъ, не взирая на всю измѣнчивость курительной моды, былъ неколебимо вѣренъ со времени изобрѣтенія папиросъ. И старикъ всталъ, что всегда означало, что онъ намѣревается вступить въ споръ.

— Ахъ, Андрей Ивановичъ, не было еще, кажется, начинающаго писателя, въ которомъ вы не сомнѣвались бы, съ добродушною улыбкой возразилъ редакторъ.

— Нѣтъ-съ, были, только вы запамятовали, не безъ язвительности, наклоняя длинное туловище по направленію къ редактору, отвѣчалъ Андрей Ивановичъ.—Тѣмъ не менѣе, въ г. Никаноровѣ я сомнѣваюсь... Ничего изъ него не выйдетъ...

— Чѣмъ онъ вамъ досадилъ?

— Ужъ не скажете ли, Иванъ Михайловичъ, что я ему завидую? Есть чему-съ!..

— И не думаю, но все же не понимаю вашего зуба не него. Согласитесь, онъ не безъ достоинствъ, пишетъ порядочно, и притомъ человѣкъ довольно начитанный...

— Я и не отвергаю-съ его достоинствъ, съ полемическимъ жаромъ подхватилъ Андрей Ивановичъ,— ни его достаточной начитанности. Согласенъ буду и съ тѣмъ, если вы скажете, что начитанность въ наше время у писателей вещь рѣдкая. И замѣтивъ, что всѣ одобрительно улыбнулись его послѣднему замѣчанію, старикъ прибавилъ:—Что вы смѣетесь, господа? Я увѣренъ, что мы еще доживемъ до того, что явятся литераторы, которые не будутъ умѣть ни читать, ни писать...

Всѣ расхохотались.

— Какъ же они станутъ писателями?

— Очень просто-съ. Завелась нынче русская стенографія. Ну, и будутъ диктовать, и такъ прямо, на бѣло, безо всякой отдѣлки.

Всѣ заговорили о томъ, что шутка Андрея Ивановича, чего добраго, и оправдается.

— Не позволите ли, однако, продолжать? спросилъ старикъ черезъ нѣкоторое время.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе...

— И такъ, я признаю всѣ указанныя Иваномъ Михайловичемъ достоинства и качества г. Никанорова, и ни мало имъ не завидую. Да и кто я самъ, чтобъ могъ или смѣлъ кому-либо завидовать? Я себѣ цѣну знаю прекрасно, и прямо вамъ скажу, что я ни болѣе, ни менѣе какъ старая журнальная крыса, на обязанности которой, пока остается хотя одинъ зубъ во рту, прогрызать грубую dura mater россійскихъ мозговъ, чтобъ они хотя немного освѣжались. У меня нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго...

— Полноте, вы сами себя принижаете...

— Ничуть. Прошедшаго нѣтъ, потому что никто, ниже я самъ, не помнитъ ни одной изъ моихъ многочисленныхъ статей, и будущаго не предвидится по подобной же причинѣ, потому что никто, ниже я самъ, никогда о нихъ и не вспомнитъ. Есть у меня только настоящее, то есть вотъ то самое прогрызаніе твердой мозговой оболочки, о которомъ я сейчасъ имѣлъ честь вамъ докладывать. Итакъ, я г. Никанорову ни мало не завидую-съ, а основываю свое мнѣніе на многолѣтнемъ наблюденіи надъ литературной братіей. Легко сказать, скоро сорокъ лѣтъ, какъ этимъ занимаюсь, и очень жаль, что у меня нѣтъ художественнаго таланта, чтобъ облечь свои наблюденія въ живые образы.

— Ахъ, это очень интересно, сказалъ редакторъ, выражая общее мнѣніе гостей, которые съ видимымъ любопытствомъ слушали старика.

— Да-съ, нѣкоторый интересъ есть-съ. Я утверждаю, что у г. Никанорова настоящаго таланта не имѣется, потому что онъ чрезмѣрно самолюбивъ.

— Но всякій талантъ самолюбивъ! вскричалъ молодой романистъ Вальковскій, подававшій, по газетнымъ отзывамъ, большія надежды.

— Самолюбіе-съ самолюбію-съ рознь, отчеканилъ по его адресу Андрей Ивановичъ.—Я нахожу, что то, что зовется самолюбіемъ, у настоящихъ талантовъ слѣдовало бы именовать скорѣе гордостью, и не простою, а такъ сказать гордостью сознанія. Попробуйте-ка въ лицо литературному богатырю сказать, что онъ написалъ прекрасное произведеніе, или что у него большой, даже огромный талантъ,—онъ на васъ только свысока взглянетъ, точно говоря: „а вы только-что объ этомъ догадались?“ Или если вы человѣкъ, ему почему нибудь непріятный, то у него на лицѣ явится досадливое выраженіе: „тебѣ-то, молъ, до этого что за дѣло“? Такъ вотъ какое самолюбіе у настоящихъ-то талантовъ, если ужъ называть это самолюбіемъ, нагибая длинное туловище по направленію къ подающему надежды романисту, сказалъ Андрей Ивановичъ.—И еще вамъ скажу. Не настоящій, такъ сказать, стразовый талантъ мало, что постоянно себя любитъ, а чуть не ежесекундно себя обожаетъ, то есть мнитъ себя совершенствомъ. Чуть что нацарапалъ, записавъ, что услышалъ или увидѣлъ вчера или третьяго дня, ужъ воображаетъ, что произвелъ великую вещь, Шекспиру подъ пару. Творчество, кричитъ, непосредственное творчество! Что говорить, творчество-съ дѣло великое, божественное. Но извольте-ка прочитать, что въ библіи говорится о Господнемъ творчествѣ. Создалъ Богъ, потомъ *посмотрѣлъ* и *увидѣлъ* что хорошо. Настоящій или алмазный талантъ какъ напишетъ что нибудь, первымъ дѣломъ посмотритъ: хорошо ли оно? Только онъ помнитъ, что онъ не Богъ, а смертный творецъ, а потому у него не все сразу хорошо выходитъ, а многое приходится передѣлать и перестроить, а иное

и совсѣмъ бросить. И онъ добьется, что хорошо выйдетъ, потому что творитъ мѣрой и вѣсомъ. Пожалуй, вы скажете, что и тутъ, и тамъ самолюбіе, только разное оно-съ, разное-съ,—съ прежнимъ движеніемъ обратился старикъ къ романисту.

Вальковскій презрительно улыбнулся: у него была привычка тѣмъ кваліться, что онъ никогда не отдѣлываетъ своихъ писаній, а творитъ непосредственно, прямо на бѣло.

— Но вы отдалились отъ предмета, замѣтилъ Иванъ Михайловичъ.

— Ничуть-съ, напротивъ приблизился къ нему. Сравнимъ теперь съ настоящимъ алмазомъ гг. Никаноровыхъ,—поддавая полемическаго жара, подхватилъ Андрей Ивановичъ.—Попробуйте-ка, похвалите разъ его статейку, у него сейчасъ и слюнки побѣгутъ; похвалите въ другой съ надбавкой, онъ съ вами цѣловаться полѣзетъ; похвалите въ третій еще сильнѣе, и тутъ такое съ нимъ сдѣлается, что въ четвертый разъ вы ужъ хвалить его не отважитесь. А настоящему ни вашей хвалы, ни вашей хулы не требуется. Онъ, какъ Пушкинъ, вашу критику назоветъ холопскими разговорами о барскомъ дѣлѣ.

— Но вы забываете, что Никаноровъ не художникъ, а критикъ; пожалуй отчасти даже публицистъ сказалъ редакторъ, съ нѣкоторой осторожностью употребляя послѣднее, тогда еще новое въ литературѣ слово...

— Нисколько-съ. Родъ писанія нимало не измѣняетъ сути дѣла. И между критиками бываютъ богатыри, которые ничего не боятся и идутъ смѣло своей дорогой, зная, что своего достигнутъ. А стразы, какъ между ху-

дожниками, такъ и между критиками, чутъ неудача, или хула посильнѣй, сейчасъ и носъ повѣсятъ, и хуже мокрой курицы станутъ, и пойдутъ то не довертываться то перевертываться въ угоду тому или иному просвѣщенному вкусу. А намъ ли съ вами, Иванъ Михайловичъ, не знать что таланта никакимъ рожномъ съ пути не своротишь? Ужъ какъ, бывало, нападали, не то чтобъ разъ или два, какъ желалъ Расплюевъ, а до безчувствія, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а онъ все своей линіи держится, да и насъ напослѣдокъ ее держаться заставитъ. Да-съ, господа, каюсь,—съ грустью добавилъ Андрей Ивановичъ,—случалось мнѣ лѣтъ двадцать пять подъ-рядъ противиться сильному таланту, и потомъ на самого себя дивиться: съ чего, молъ, я противъ него пралъ? То-то-съ, видно и во мнѣ много никаноровскаго самолюбія: самъ-то пишешь не важно, а воображаешь, что отлично знаешь, какъ другимъ слѣдуетъ писать. А ларчикъ просто открывался: я просто не замѣчалъ чужой оригинальности, забывалъ, что всякій талантъ пишетъ по своему и хотѣлъ его заставить писать по извѣстному мнѣ транспаранту, Эхъ, права, видно, мудрая русская пословица, что чему посмѣешься, тому и послужишь.

— Вы, Андрей Иванычъ,—замѣтилъ редакторъ,—настоящій русскій человѣкъ: начавъ за здравіе, свели за упокой. И какъ умно вы ни говорили, а все-жъ не доказали, почему изъ Никанорова ничего не выйдетъ.

— Не доказалъ-съ? Да вѣдь этого словами и не докажешь: тутъ нужны факты.

— Факты? Какіе?

— Напримѣръ, давайте держать пари, что сами вы черезъ годъ, много два, перестанете печатать его

статьи... Или нѣтъ, это черезчуръ ужъ не остроумно и ни мало не подтвердитъ моей теоріи. Притомъ, вамъ и по десяти лѣтъ случалось печатать плохенькія статейки, потому только, что жаль было обидѣть стараго сотрудника. А вотъ что-съ, немного подумавъ предложилъ Андрей Ивановичъ,—если мои наблюденія вѣрны, то ихъ можно подтвердить сообразно придуманнымъ опытомъ. Вотъ мы, если хотите, и сдѣлаемъ надъ г. Никаноровымъ подобный психологическій опытъ. Это будетъ нѣкотораго рода испытаніе таланта, или проба пера, только не писарскаго, а писательскаго. И для г. Никанорова оно будетъ полезно и для насъ поучительно.

— Что за опытъ?

— Это пока мой секретъ. Во-первыхъ, мы должны выбрать подходящихъ участниковъ; во-вторыхъ, они должны дать слово, что ничего не скажутъ объ этомъ субъекту, подлежащему опыту; въ третьихъ, я хорошенько обдумаю подробности и сообщу самъ наднях, а затѣмъ ужъ мы и приступимъ къ дѣйствію. А пока...

— А пока, прервалъ его Иванъ Михайловичъ, взглянувъ на часы,—пойдемте-ка закусить, время.

III.

Александръ Яковлевичъ и не подозрѣвалъ, что надъ нимъ затѣвается какой-то мудреный психологическій опытъ, да еслибы и услышалъ намекъ на нѣчто подобное, то принялъ бы его за вздорную мистификацію, надъ которой не стоитъ ломать голову. Ему было не до того: онъ начиналъ жить слишкомъ полною жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ послѣ описаннаго разго-

вора въ редакціи, черезъ мѣсяцъ, много два, Никанорову улыбнулся несомнѣнный и, какъ принято выражаться, вполнѣ заслуженный успѣхъ. Началось съ того, что его на расхватъ стали приглашать участвовать въ литературныхъ чтеніяхъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ. Чѣмъ чаще онъ на нихъ появлялся, тѣмъ сильнѣе ему апплодировали. Когда ему случалось, по окончаніи чтенія въ клубѣ, входить въ общую залу, его всегда въ дверяхъ встрѣчала тѣсная кучка поклонниковъ, которые, завидѣвъ своего божка, почтительно разступались и отбивали себѣ ладони при его приходѣ. Иногда его провожали подобнымъ образомъ при отъѣздѣ изъ клуба. Александръ Яковлевичъ пересчиталъ какъ-то своихъ ярыхъ обожателей, и оказалось, что число ихъ возросло до почтенной цифры тринадцати.

Сверхъ того, онъ сталъ получать письма по трактамъ отъ Москвы и Астрахани, и отъ Петербурга на западъ до Вильны и Ковны, и на югъ до Одессы. Въ этихъ письмахъ, корреспонденты обоихъ половъ и всякихъ возрастовъ, и умудренные сѣдиною старцы, и восторженные юноши, и нѣжныя жены, и юныя дѣвы,—благодарили его за могучую защиту искусства и пророчили ему славную будущность. Александръ Яковлевичъ охотно читалъ эти письма знакомымъ и незнакомымъ, имѣя ихъ для сей цѣли постоянно при себѣ. Послѣ пятнадцатаго письма, онъ запросилъ даже у Ивана Михайловича прибавки гонорара, но редакторъ, хотя любезно, но весьма твердо, отказалъ. Александръ Яковлевичъ, затаивъ обиду, сталъ подумывать о переходѣ въ другой журналъ, справедливо разсчитывая, что теперь, когда его извѣстность распространилась „по всей Руси великой“, любой редакторъ встрѣтитъ его съ распростертыми объятіями.

Сколько ни заманчивы были эти успѣхи, самаго главнаго еще не доставало: не было въ наличности женщины, влюбленной въ несравненный талантъ Александра Яковлевича. Наконецъ и она если и не явилась во-очію, то дала наглядное доказательство своего существованія. Однажды, придя домой къ обѣду, Александръ Яковлевичъ былъ удивленъ, увидѣвъ на стулѣ въ передней роскошный букетъ.

— Это что за букетъ? спросилъ онъ у кухарки.

— А свецаръ, вишь, принесъ; дама, что-ль, какая подала.

— Дама?... Кому?... Мнѣ?...

— Значитъ, что вамъ, больше некому.

Александръ Яковлевичъ, успѣвшій уже снять калоши, наскоро накинувъ пальто, опрометью бросился внизъ, забывъ про проливной дождь. Перебѣжавъ дворъ, онъ съ трепещущимъ сердцемъ вошелъ въ парадный подъѣздъ.

— Послушайте, обратился онъ къ швейцару,—вамъ дама передала букетъ для передачи мнѣ?

— Стало быть, дама, а то кто же?

— Ну, могъ и мужчина.

— Зачѣмъ мужчина? стало быть, дама, а впрочемъ кто ее знаетъ...

— Да вѣдь вы ее видѣли?

— Стало быть видѣлъ, а то какъ же? Не видамши, нельзя. А, можетъ, она и губернантка.

— Чтожъ, она вошла въ подъѣздъ, и...

— Никакъ нѣтъ-съ, чему-то смѣясь отвѣчалъ швейцаръ.—А я, стало быть, у подъѣзда стоялъ, а онѣ въ каретѣ подъѣхали. Я было дверцы отворять, а онѣ: „не надо“, говорятъ. „А у васъ, спрашиваютъ,

стоитъ г. Кононовъ, то бишь, Никаноровъ". А я: „у насъ, только, стало быть, пожалуйте, во дворъ: они тамъ въ тридцать пятомъ номерѣ, въ четвертомъ"...

— Ну, а дальше?...

— А дальше ничего, опѣшивъ отъ перерыва рѣчи, сказалъ швейцаръ.

— Тутъ она вамъ и отдала букетъ?

— Стало быть, отдала; „передайте, говоритъ, г. Кононову, то бишь, Никанорову... Ну, и стало быть, она, прибавилъ, вновь чему-то смѣясь, швейцаръ.

— Чтожъ, это *она* меня Кононовымъ звала?...

— Никакъ нѣтъ-съ, это я. Потому какъ г. Кононовъ у насъ изъ перваго номера недавно выѣхамши, такъ что ихъ, стало быть, даже очень часто спрашиваютъ...

— Ну, а она что?...

— А она?... Да-съ, тутъ онѣ мнѣ двугривенничекъ пожертвовали...

— А... а изъ себя она какова?...

— Изъ себя-то? съ чего-то взглянувъ на потолокъ, спросилъ швейцаръ.

— Ну, да... Старая, или молодая?...

— А это вотъ и не въ догадъ мнѣ...

— Блондинка, или брюнетка, то есть бѣлокурая или черноволосая?

— И это не въ примѣту. А только-что, стало быть, шляпка на нихъ и вуалетка...

— Вуалетка?

— Точно такъ; маланжеваго цвѣта.

— Это что за цвѣтъ такой?

— А Богъ его знаетъ, какой онъ такой, опять чему-то смѣясь, отвѣчалъ швейцаръ,—а только-что званіе, стало быть, ему такое, что маланжевый...

Александръ Яковлевичъ хотѣлъ было освѣдомиться, какая ручка у дамы, аристократическая или мѣщанская, но послѣ разсужденій швейцара о маланжевомъ цвѣтѣ, почелъ дальнѣйшій допросъ излишнимъ. Дѣйствительно, швейцаръ былъ настолько простоватъ, что одинъ изъ жильцовъ утверждалъ, будто онъ давно бы ужъ умеръ отъ глупости, не попадись ему толковая жена.

— Ну, вотъ вамъ... И, пожалуста, если и въ другой разъ, сказалъ Александръ Яковлевичъ, давая швейцару ту же монету, что пожертвовала дама его сердца.

— Это, чтожъ, это мы всегда съ удовольствіемъ...

Но Александръ Яковлевичъ уже опрометью бѣжалъ къ себѣ.

— Вы за калошами, что-ль? приставала къ нему кухарка.—То-то, я вижу, безъ калошъ побѣгъ, я было на лѣстницу, а его и слѣдъ простылъ.

Александръ Яковлевичъ ничего не отвѣчалъ: онъ былъ весь поглощенъ осматриваньемъ и обнюхиваньемъ букета.

— Давайте, что-ль, пальто, сурово проговорила кухарка.—Мнѣ тоже много разговаривать некогда, дѣло есть.

Внеся букетъ въ свою скромную зальцу, Александръ Яковлевичъ тотчасъ же попенялъ себѣ, что доселѣ не обзавелся такой необходимой вещью, какъ ваза, куда бы можно поставить букетъ. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжая всесторонній осмотръ и обнюхиванье букета, и стараясь по составлявшимъ его цвѣтамъ опредѣлить званіе, наружность и даже характеръ своей поклонницы. Послѣ долгихъ соображеній, Александръ Яковлевичъ рѣшилъ, что *она* должна

быть аристократка, брюнетка, стройна какъ пальма, съ крошечной, необыкновенно изящной ручкой, такой же ножкой и съ пылкимъ до самозабвенія темпераментомъ.

— Это что за букетъ? спросила Ольга Платоновна, воротясь черезъ полчаса послѣ мужа.

— Это мнѣ... Какая-то дама... Должно быть, одна изъ поклонницъ моего таланта, съ подчеркнутой небрежностью отвѣчалъ Александръ Яковлевичъ.

— Скажите, пожалуйста! Какія нѣжности при нашей бѣдности! Лучше-бъ она вамъ деньгами прислала, а то вамъ и поставить-то букета некуда!...

Разсужденія Ольги Платоновны показались Александру Яковлевичу въ высшей степени пошлыми и мѣщанскими, особенно въ сравненіи съ тою!...

— Что-жъ вы не идете обѣдать? Или съ букетомъ никакъ не можете разстаться?

Больше въ тотъ день о букетѣ помину не было. Ему, тѣмъ не менѣе, было суждено стать первымъ звеномъ долгой и непрерывной цѣпи волненій и огорченій Александра Яковлевича. Читатель помнитъ, что Ольга Платоновна, собираясь въ Петербургъ, мечтала объ успѣхѣ для себя, а никакъ не для мужа. По пріѣздѣ, какъ только они устроились, она потребовала отъ мужа, чтобъ онъ, при помощи завязавшихся литературныхъ знакомствъ, во что бы то ни стало, пристроилъ ее на одну изъ клубскихъ сценъ. Александръ Яковлевичъ исполнилъ желаніе жены, но послѣдствія изъ того вышли нежелательныя. Послѣ разныхъ хлопотъ и торговли на счетъ дебюта, она выступила не въ той роли, на которой настаивала. Второй дебютъ затянули до невозможности, а на третій предложили такую роль, что Ольга Платоновна вышла изъ себя и наговорила

дерзостей распорядителю. Хотя, какъ она разказывала знакомымъ, на обоихъ дебютахъ ее „принимали“ восторженно, тѣмъ не менѣе пресса отнеслась къ ней неодобрительно. Послѣ перваго было напечатано, что весьма жаль, что разныя (это она-то разная!) и при томъ довольно сомнительныя (она-то сомнительная!) дебютантки мѣшаютъ публикѣ наслаждаться высокохудожественнымъ исполненіемъ такой высокодаровитой артистки, какъ г-жа Кошкина-Ободранская. Послѣ второго стояло, что хотя г-жа Никанорова и провела свою роль довольно обдуманно, но черезчуръ ужъ холодно. Скажите, пожалуйста, холодно! А она смочила своими собственными слезами цѣлыхъ два платка до того, что хоть выжми.

Напрасно Александръ Яковлевичъ объяснялъ женѣ, что пресса нынче раздѣлилась на страшно враждующія партіи, что на нее поэтому напали всѣ противники постепеновцевъ, къ коимъ онъ принадлежитъ; что лучше-бъ ей дебютировать подъ псевдонимомъ, чѣмъ подъ такимъ извѣстнымъ въ литературѣ, какъ его, именемъ и тому подобное. Ольга Платоновна была не утѣшна, и приписывала всѣ невзгоды неумѣнью мужа устроить дѣло. Вѣдь имѣла же она успѣхъ въ Перекуровѣ, вѣдь писали же въ губернскихъ вѣдомостяхъ, что ей суждено блестѣть яркой звѣздочкой на одной изъ столичныхъ сценъ; наконецъ, о ней была помѣщена восторженная корреспонденція въ той самой газетѣ, гдѣ ея орошенная собственными слезами игра названа теперь холодною!..

Успѣхи мужа на первыхъ порахъ не очень безпокоили Ольгу Платоновну. Разъ она даже поѣхала въ клубъ на чтеніе. Ну, да, ему апплодировали, но такъ

ли ее „принимали“ въ Перекуровѣ и даже здѣсь, при второмъ дебютѣ! Письма, получавшіяся по тремъ трактамъ, она полагала ни во что. Богъ еще знаетъ, кто тамъ ихъ пишетъ; можетъ быть, какіе нибудь необразованные провинціалы. Но букетъ задѣлъ ее за живое. Отчего же ей ни на одномъ дебютѣ не поднесли букета? Отчего мужъ не догадался этого устроить? Въ сердце Ольги Платоновны стала прокрадываться зависть, и при томъ самая злокачественная—артистическая зависть.

Когда ссорятся друзья или знакомые, то они, конечно, не прочь отмѣнно напакостить другъ другу, но при этомъ перестаютъ видѣться, и послѣднее обстоятельство смягчаетъ до извѣстной степени остроту ссоры. Когда же вражда заводится въ семьѣ, то совмѣстное жительство, неизбѣжныя встрѣчи за обѣдомъ, завтракомъ и чаемъ усугубляютъ ея ѣдкость. Притомъ, люди еще недавно любили другъ друга, привыкли заботиться одинъ о другомъ,—и по привычкѣ не перестаютъ думать другъ о другѣ чуть не всечасно, и всякая такая дума отравляется мыслью о враждѣ. Люди были близки другъ другу, привыкли говорить обо всемъ откровенно и прямо, повѣрять одинъ другому всякія мелочи, и оттого не стѣсняются и въ выраженіяхъ ненависти. Въ домѣ водворяется если не полный адъ, то все же адикъ, который подчасъ становится почище самого ада.

На бѣду, Александръ Яковлевичъ, черезъ нѣсколько дней послѣ букета, получилъ гонораръ и первымъ дѣломъ купилъ вазу. Ольга Платоновна не могла этого вынести.

— Это еще зачѣмъ? грозно спросила она.—Или вы намѣрены каждый день получать по букету?

— Нѣтъ... но что же?.. Все-таки пріятное украшеніе...

— А то же, что вы лучше бы обратили вниманіе на то, что у вашей жены шляпка такая, что стыдно въ люди показаться и штопанныя перчатки...

— Вотъ получу слѣдующія деньги...

— Получите! Много вы получите!.. Правда, я и забыла про букетъ... Но и на то не надѣйтесь, во второй разъ эта глупость не повторится...

Не прошло однако недѣли, какъ Александръ Яковлевичъ вновь отличился на чтеніи, и на слѣдующій же день былъ полученъ букетъ. По счастью, Ольга Платоновна замедлилась въ Гостиномъ дворѣ: въ букетѣ на сей разъ была записочка. *Она* писала, что въ восторгѣ отъ вчерашняго вечера и сожалѣетъ объ одномъ, что забыла дома бинокль и не могла разглядѣть его, какъ хотѣла, а мѣсто ей, какъ нарочно, досталось вдали. Впрочемъ, его глаза такъ блестѣли (взглядъ у него былъ тускловатый), и голосъ такъ звучалъ (онъ порядочно-таки пищалъ), что она не спала всю ночь. Въ post-scriptum подавалась надежда на близкое свиданіе. Подъ письмомъ стояла буква Z.

„Зина, Зина! въ восторгѣ восклицалъ Александръ Яковлевичъ.—Я такъ и зналъ, что она аристократка. Да, да, конечно, и буква-то французская".

Ольга Платоновна влетѣла какъ буря. Ей кухарка уже успѣла доложить о полученіи букета.

— Гдѣ букетъ? Подай его сюда! кричала свирѣпая супруга.

Букетъ красовался въ новокупленной вазѣ, Александръ Яковлевичъ бросился защищать его, но Ольга Платоновна сильнымъ движеніемъ такъ толкнула супруга, что отъ вазы остались только черепки. Измятый въ борьбѣ букетъ полетѣлъ въ форточку, на задній

дворъ. Александръ Яковлевичъ въ ужасѣ бѣжалъ изъ дому. Онъ не обѣдалъ дома, онъ не пришелъ къ вечернему чаю, но ночью, хотя и поздно, все-жъ воротился. На другой день за завтракомъ, вчерашняя говяжья котлетка, заключавшая въ себѣ больше булки, чѣмъ мяса, оказалась пересушенной и прокисшей, Александръ Яковлевичъ выразилъ невольное неудовольствіе.

— А вы бы меньше бросали денегъ на вазы и тому подобные пустяки, а больше бы давали на столъ.

Александръ Яковлевичъ чуть не подавился котлетой, но молча проглотилъ обиду.

— Что замолчали? видно правда глаза колетъ? сказала Ольга Платоновна, раздосадованная тѣмъ, что при выразительномъ жестѣ, которымъ сопровождалось ея предыдущее восклицаніе, опрокинулся стаканъ и залилъ свѣжую скатерть.

— Я только удивляюсь вашимъ изящнымъ манерамъ и вашимъ мѣщанскимъ выраженіямъ...

— Excusez du peu! Mon père былъ статскій совѣтникъ...

— Вчера этого никакъ нельзя было предположить.

— Вчера? Но эта нахалка хоть кого взбѣситъ.

— Какая нахалка?

— Ваша букетчица.

— Изъ чего же вы заключили, что она нахалка?

— Изъ того, что она, раньше чѣмъ подносить букеты, должна бы справиться, свободный ли вы человѣкъ или женатый.

— Но вѣдь это... это просто даръ восторга передъ моимъ талантомъ.

Александръ Яковлевичъ былъ бы глубоко огорченъ,

убѣдясь, что букетъ не имѣетъ иного значенія, кромѣ „дара восторга“.

— Передъ вашимъ талантомъ?! А читали вы какъ васъ отдѣлали въ „Занозѣ“?

— Мало ли что пишутъ люди противной партіи, высокомѣрно отвѣчалъ Александръ Яковлевичъ.

— Конечно! Чуть противъ шерсти—зависть, а погладятъ по шерсти—„даръ восторга“... Много она понимаетъ, что такое талантъ, эта ваша купчиха...

— Какая купчиха?

— Все та же ваша букетчица... А вы... ха, ха!.. а онъ думалъ, что она аристократка!.. То-то вы и нашли у меня мѣщанскія манеры!..

— Но почему вы думаете, что она купчиха? задѣтый за живое, спросилъ Александръ Яковлевичъ.

— Очень просто. Аристократки, во-первыхъ, ничего по-русски не читаютъ, а вашихъ произведеній и подавно. А, во-вторыхъ, мнѣ говорили, что у купчихъ нынче такая мода. Прежде онѣ бѣгали за актерами, а нынче увлекаются литераторами.

О, еслибъ вы слышали, какъ была произнесена эта реплика, вы убѣдились бы, что Ольга Платоновна—прирожденная актриса! Какіе переходы и переливы голоса, какая быстрота въ произношеніи первой части реплики и что за разсчитанная замедленность темповъ во второй! Какъ пренебрежительно она бросила слово „бѣгали“, и съ какой тонкой ироніей, безупречно подражая купеческой полуобразованности, протянула слово „увлекаются“.

Александръ Яковлевичъ растерялся. Онъ чуть было, въ доказательство своей правоты, не крикнулъ, что *ее* зовутъ Зиной, а потому она не можетъ быть купчихой,

но вдругъ нечаянно вспомнилъ, что у нихъ была кухарка Зинаида, и онѣмѣлъ.

— А? что? съ злорадствомъ вскричала Ольга Платоновна.—Теперь, надѣюсь, вы убѣдились, чѣмъ пахнетъ вашъ букетъ.

— Я вовсе не интересуюсь ея личностью, солгалъ Александръ Яковлевичъ,—мнѣ просто пріятно сочувствіе умной и образованной женщины...

— Но почему вы знаете, что она умная и образованная? Я увѣрена, что она просто дура...

— Почему же дура?

— Потому, что умная не можетъ влюбиться въ васъ.

— Но вы влюбились же когда-то, съ язвительной скромностью замѣтилъ мужъ.

— Я?.. Я, слава Богу, съ тѣхъ поръ поумнѣла, съ шумомъ отодвигая стулъ и свирѣпо бросая салфетку на столъ, отвѣчала Ольга Платоновна.

IV.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что описанныхъ семейныхъ сценъ и многихъ имъ подобныхъ, которыя не умѣстились бы и на двухъ печатныхъ листахъ,—Александръ Яковлевичъ написалъ свою блестящую, вполнѣ геніальную статью: „Двѣ женщины“. Въ ней онъ желалъ повѣдать міру о двухъ „современныхъ“ типахъ женщинъ, извѣстныхъ, впрочемъ, еще изъ сказаній о злыхъ и добрыхъ женахъ. Нравственной мѣщанкѣ онъ противоставлялъ женщину нравственно-аристократическую. Первая часть задачи вполнѣ удалась ему,—что не могли не признать даже его литератур-

ные противники. Она была схвачена, такъ сказать, живьемъ съ натуры. Съ удивительной, недоступной для другихъ, наблюдательностью, Александръ Яковлевичъ изобразилъ въ ней всѣ самыя мельчайшія черты и оттѣнки сварливаго нрава Ольги Платоновны; все это было пересыпано необыкновенно ядовитыми и остроумными замѣчаніями, которыя онъ самъ дѣлалъ, или хотѣлъ да не успѣвалъ вставить, или придумывалъ на досугѣ послѣ того, какъ пассовалъ въ разговорѣ при столкновеніяхъ съ тою же особой. Что касается второго типа, то онъ вышелъ нѣсколько слабѣе. Многія причины тому содѣйствовали. Больше всего Александръ Яковлевичъ страшился, чтобы „Заноза“ не обличила его въ непотребномъ аристократизмѣ. Ради избѣжанія такого крупнаго позора, онъ сталъ мудрить надъ эпитетомъ, избраннымъ для обозначенія второго типа, причемъ особенно досталось двумъ прилагательнымъ— „аристократическій“ и „нравственный“. Взявъ одно, онъ превращалъ его немедленно въ нарѣчіе, и затѣмъ, черезъ пять строкъ, возвращалъ ему званіе прилагательнаго; столь же неистово тиранилъ онъ и другое.

Не смотря на эти безчисленныя и всегда неожиданныя варіаціи, такъ и осталось не выясненнымъ, одно ли и то же онъ разумѣетъ подъ терминами „аристократически-нравственная женщина“ и „женщина нравственно-аристократическая“, или нѣчто разное. Далѣе, натуры у него передъ глазами не было, а осталось всего нѣсколько засушенокъ отъ перваго букета, ибо второй, какъ извѣстно читателю, былъ измочаленъ въ борьбѣ и нечестиво выброшенъ на задній дворъ. Поэтому Александръ Яковлевичъ упиралъ особенно на благоуханіе нравственно-аристократической женщины; она

у него и сама благоухала, и распространяла вокругъ себя благоуханіе, и, наконецъ, пропитывала благоуханіемъ все, что ни прикасалось къ ней. Неблагодарная „Заноза“ именно это благоуханіе и подхватила на зубокъ.

Статья появилась въ апрѣльской книжкѣ „Постепеннаго Преуспѣянія“ и надѣлала шуму. Черезъ нѣсколько дней по выходѣ журнала, Александръ Яковлевичъ задумчиво и понуривъ голову приближался къ своей квартирѣ, съ искреннимъ желаніемъ, чтобъ Ольга Платоновна по обычаю замедлилась въ Гостиномъ дворѣ и ему удалось хоть четверть часика поваляться на диванѣ и спокойно помечтать о прелестной незнакомкѣ, болѣе уже не радовавшей его присылкою букета. Ужъ онъ входилъ въ ворота, какъ швейцаръ, окликнувъ, сталъ его приманивать къ себѣ пальцемъ, сопровождая сей жестъ довольно громкимъ хихиканьемъ. Александръ Яковлевичъ покорно пошелъ за нимъ въ подъѣздъ.

— А вотъ поглядите-ка-сь на это, сказалъ швейцаръ, таинственно подавая письмо, и прибавилъ:—Отъ графини.

Александръ Яковлевичъ схватилъ письмо; первое, что бросилось ему въ глаза, была графская корона; онъ разорвалъ благоуханный конвертъ: такъ, ея, ея рука, ея божественная ручка! Онъ читалъ и буквы прыгали у него въ глазахъ; на силу онъ понялъ, что дѣло шло о свиданіи.

— Сама приносила?..

— Никакъ нѣтъ-сь, а стало быть лакей ихній, въ ливреѣ.

— Онъ ничего не говорилъ?

— А передайте, говоритъ, г. Кононову, то бишь Никанорову; отъ графини, стало быть.

— Отъ какой графини? Фамиліи онъ не назвалъ?

— Стало быть, нѣтъ, отвѣчалъ швейцаръ и, глубокомысленно посовѣтовавшись съ потолкомъ, добавилъ:— А нешто у васъ много ихъ, графинь-то?

Александръ Яковлевичъ не удовлетворилъ его любопытства. Давъ швейцару цѣлый рубль, онъ побѣжалъ скорѣе домой, чтобъ на свободѣ прочесть письмо. Нѣсколько разъ во дворѣ и на лѣстницѣ онъ порывался развернуть записку, но его останавливало соображеніе, что вдругъ Ольга Платоновна коршуномъ налетитъ сзади. Убѣдившись, что жена еще не воротилась, при чемъ Александръ Яковлевичъ не повѣрилъ на-слово кухаркѣ, а тщательно и собственноглазно осмотрѣлъ всѣ комнаты, заглянувъ даже въ кухню и прочія подозрительныя мѣста, онъ съ таинственнымъ видомъ заперся въ кабинетѣ.

Она писала, что въ восторгѣ отъ его новой статьи, и въ особенности отъ его тонкой, чуткой и необыкновенно вѣрной характеристики аристократки; *она* болѣе не въ силахъ таить своихъ чувствъ, *она* его любитъ горячо, страстно, пламенно. *Она* проситъ, умоляетъ его быть завтра въ такомъ-то часу въ Лѣтнемъ саду и ходить по такой-то аллеѣ.

О, еще бы! Онъ, конечно, пойдетъ, хотя бы сама Ольга Платоновна вцѣпилась въ полы его сюртука! Но, Боже мой! какъ, въ какомъ видѣ? Вѣдь она аристократка; надо, поэтому, быть одѣтымъ прилично. Она, разумѣется, полюбила его за идею, но „идея должна быть обличена въ прекрасную форму“, безсознательно повторилъ онъ фразу, которую многократно употре-

[illegible] въ своихъ статьяхъ, столь же мало понимая ея смыслъ, какъ и его даровитые преемники на критическомъ поприщѣ. На этотъ разъ, впрочемъ, было ясно, что значитъ облечь идею въ прекрасную форму. Онъ прежде всего осмотрѣлъ сапоги. Сапоги—ничего, но что у него за проклятая привычка, даже теперь, когда на улицахъ сухо, ходить въ резиновыхъ калошахъ да вдобавокъ еще на фланелевомъ подкладѣ. Вѣчно эта проклятая Марья подсунетъ, а онъ въ разсѣянности и обуетъ. Завязать узелокъ, чтобъ завтра не впасть въ ту же ошибку. Сюртукъ,—но сюртука подъ пальто не видно, а пальто, слава Богу, довольно исправное. Правда, обшивка у праваго кармана отпоролась, а сколько разъ онъ приказывалъ Марьѣ зашить, да развѣ у нихъ есть память, онѣ вѣчно о своихъ любовникахъ мечтаютъ! Но нынче вечеромъ онъ добьется, что обшивка будетъ пришита, или еще лучше отошлетъ пальто къ жиду-портному тутъ же у нихъ во дворѣ, чтобъ онъ его хорошенько починилъ, почистилъ и вытюжилъ. Остается самое главное: головной уборъ и перчатки.

Александръ Яковлевичъ обыкновенно ходилъ въ старой контрольнаго вѣдомства фуражкѣ, споровъ съ нея кокарду: въ ней идти было не мыслимо. Шляпа у него была старая, никуда не годная, и вдобавокъ на ней кто-то посидѣлъ въ редакціи,—можно купить новую, благо деньги есть. Но какую? Бѣлую ли высокую, цилиндромъ, или же сѣрую круглую мягкую съ широкими полями? Бѣлая почему-то казалась Александру Яковлевичу болѣе аристократической; сѣрая придастъ ему художническій и отчасти мечтательный видъ. Далѣе, какія перчатки нынче въ модѣ: лайковыя, или шведскія, и какого цвѣта?

Вотъ то то и есть: мы, писатели, не обращаемъ вниманіе на подобныя мелочи, а для женщины, для аристократически-нравственной женщины въ нихъ сокрытъ глубокій смыслъ. Перебирая, у кого бы справиться, Александръ Яковлевичъ вспомнилъ о драматургѣ Вавакинѣ, славномъ въ литературѣ умѣньемъ подражать всякой модѣ. Но ищи его, Вавакина: онъ блестнулъ метеоромъ на петербургскомъ небосклонѣ да и укатилъ куда-то въ Казань или Орелъ ставить свою пьесу на благородномъ спектаклѣ, чтобъ сыграть самому въ ней роль jeune-premier, въ примѣръ и поученіе россійскимъ актерамъ. Въ послѣдній разъ Александръ Яковлевичъ видѣлъ Вавакина зимою, и хотя онъ хорошо помнилъ фасонъ его шляпы и цвѣтъ его перчатокъ, но они, какъ зимнія, не могли быть приняты въ соображеніе. По счастію, онъ надумался, что прошлой осенью встрѣтилъ Вавакина именно въ Лѣтнемъ саду въ сорочкѣ съ собачьими головами, и положилъ купить себѣ такую же. Надо еще тросточку. Но какую, съ адамовой головой, или съ собачьей? Лучше съ собачьей, подъ стать сорочкѣ. Ахъ, Боже мой, а духи?..

Но ему было не суждено рѣшить важнаго вопроса о духахъ, ибо въ это время раздался рѣзкій звонокъ, возвѣщавшій приходъ Ольги Платоновны. Александръ Яковлевичъ вскочилъ какъ ужаленный, и въ тревогѣ забылъ отпереть двери кабинета.

— Что вы тамъ заперлись? Или дрыхнете по обыкновенію?

— Нѣтъ... я сейчасъ... я сейчасъ воротился и переодѣваюсь...

— Пожалуйста, поскорѣе: я страшно голодна.

Эта грубая проза. столь рѣзко ворвавшаяся въ окружавшую его поэтическую атмосферу, была, впро-

чемъ, не въ силахъ разстроить мечтательнаго настроенія Александра Яковлевича. Окрикъ жены онъ художественно сравнилъ съ воплемъ „городовой!“ на улицѣ, когда стоишь лунной ночью у открытаго окна, обнявшись съ любимой женщиной. Сравненіе на столько понравилось Александру Яковлевичу, что онъ рѣшилъ вставить его въ слѣдующую же статью.

На другой день, чуть не за часъ до назначеннаго, Александръ Яковлевичъ уже прохаживался по указанной ему аллеѣ. Онъ былъ просто великолѣпенъ въ блестящемъ отъ усерднаго утюженья пальто, въ бѣлой аристократической шляпѣ цилиндромъ, въ синихъ лайковыхъ перчаткахъ (продавщица ему рекомендовала ихъ, какъ самыя модныя), въ рубашкѣ съ собачьими головами и съ тросточкой съ головой вепря (подходящей собачки онъ, къ сожалѣнію, не досталъ, хотя спрашивалъ въ трехъ магазинахъ), весь опрысканный духами „Жокейскаго клуба“.

Онъ ходилъ долго и упорно: *она* не являлась, за то, вовсе не кстати, попались на встрѣчу нѣсколько сотрудниковъ „Постепеннаго Преуспѣянія“, и даже самъ редакторъ, Иванъ Михайловичъ, благодушно усмѣхаясь въ бороду, спросилъ его: „что, прогуливаетесь?“ До-нельзя смущенный этимъ простымъ вопросомъ, Александръ Яковлевичъ насилу проговорилъ: „да-съ“.

Долго проходилъ Александръ Яковлевичъ, а ее все не было; наконецъ и для него стало ясно, что она не придетъ. Грустный побрелъ онъ домой, придумывая самыя трагическія причины ея неприхода. Черезъ день онъ былъ утѣшенъ новой запиской. *Она* извинялась, что невольно измѣнила данному слову и, что всего досаднѣе, она была въ саду, но ее подозвала къ себѣ

duchesse Véra и не отпускала ни на шагъ отъ себя до самаго обѣда. Новое свиданіе было назначено во вторникъ, въ Лѣтнемъ же саду, въ томъ же часу, но только въ другой аллеѣ. Въ post-scriptum она очень мило просила его захватить съ собою книжку „Постепеннаго Преуспѣянія“ и держать ее на виду. Такой нѣсколько странный капризъ она объяснила тѣмъ, что страшно близорука и что будетъ съ нею, если она вдругъ по ошибкѣ подойдетъ къ чужому мужчинѣ? Разглядывать же прохожихъ въ лорнетъ, когда гуляешь одна, какъ онъ самъ навѣрное согласится, было бы въ высшей степени неприлично. Александръ Яковлевичъ охотно согласился.

Въ назначенный день онъ былъ на мѣстѣ въ томъ же изящномъ костюмѣ. Виноватъ: сверхъ того, изъ верхняго кармана пальто выставлялся кончикъ цвѣтного фуляроваго платка. Это добавленіе было сдѣлано уже по дорогѣ въ садъ; именно, проходя мимо магазина готовыхъ платьевъ, онъ увидѣлъ въ окнѣ модную картинку, на которой былъ изображенъ франтъ точно въ такой, какъ у него, шляпѣ, но съ фуляромъ въ карманѣ.

Одно ничтожное обстоятельство чуть-было не повергло Александра Яковлевича въ бездну отчаянія. Именно, онъ засунулъ „Постепенное Преуспѣяніе“ подъ лѣвую мышку, но проклятая книжка постоянно лѣзла внизъ и падала на песокъ. Онъ придумалъ придерживать ее правою рукой, но при этомъ тросточка съ кабаньей головой выскальзывала изъ рукъ. Послѣ долгихъ и постоянно неудачныхъ маневровъ, Александръ Яковлевичъ догадался снести тросточку въ существовавшую тогда въ саду кофейную и оставить ее за бу-

фетомъ, причемъ рѣшилъ, ради храбрости выпить рюмку ликера. Глотая по-маленьку Crème de vanille, онъ до того замечтался о предстоящемъ разговорѣ съ графиней, что, взглянувъ на часы, чуть не вскрикнулъ. Уже двѣ минуты прошло послѣ условленнаго часа. Боже мой, Боже мой! что, если, не видя его, она уѣдетъ?

Запыхавшись, побѣжалъ онъ до назначенной аллеи. Апрѣльская книжка красовалась у него подъ лѣвой мышкой и какъ нарочно придерживавшій ее указательный палецъ правой руки стоялъ прямо противъ статьи: „Двѣ женщины“. Шагахъ въ двадцати, на встрѣчу ему, свободной и легкой походкой шла дама; никогда не видя, онъ тотчасъ узналъ *ее* и весь затрепеталъ; точно гальваническій токъ отъ нея черезъ воздухъ достигъ его сердца. Она уже близко; онъ видитъ ея прелестное лицо, ея божественную улыбку, уже только три шага раздѣляютъ ихъ, уже она сдѣлала движеніе, точно желая броситься къ нему,— какъ вдругъ откуда-то (Александръ Яковлевичъ никакъ не могъ рѣшить— откуда) появился кавалергардъ. Онъ взялъ даму подъ руку; она слабо вскрикнула: „ah!“ и чуть не упала, какъ хорошо замѣтилъ Александръ Яковлевичъ. Кавалергардъ что-то сказалъ ей, нахмурилъ брови и, слѣдомъ, гнѣвно оглядѣлъ Александра Яковлевича съ ногъ до головы.

Никаноровъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Руки у него опустились, апрѣльская книжка упала и, попавъ какъ разъ кому-то подъ ноги, была откинута въ сторону. Что было ему дѣлать? Бѣжать было бы позорно. Онъ рѣшилъ слѣдовать за нею, но издали и съ большими предосторожностями. Самъ не зная почему, онъ сталъ думать, кого бы выбрать въ секунданты. Кавалер-

гардъ съ дамой дошли до воротъ набережной; подъѣхала великолѣпная коляска, они сѣли; кавалергардъ раздраженнымъ голосомъ крикнулъ: „пошелъ“ и оглянулся назадъ. Взоръ его упалъ прямо на Александра Яковлевича; онъ скрипнулъ зубами (Никаноровъ готовъ былъ поклясться, что слышалъ этотъ скрипъ) и глаза у него загорѣлись злобнымъ огнемъ. Александръ Яковлевичъ почувствовалъ себя не хорошо и чуть не присѣлъ на дорожку. Коляска умчалась. Никаноровъ едва добрелъ до кофейной и потребовалъ рюмку самаго крѣпкаго ликера.

V.

Внезапное франтовство Александра Яковлевича—сверхъ извѣстныхъ уже читателю обновъ, онъ заказалъ себѣ лѣтній костюмъ самаго пестраго изъ бывшихъ тогда въ модѣ цвѣтовъ—обратило на себя вниманіе Ольги Платоновны.

— Что это? или купчиха расщедрилась вамъ на пару?

Доселѣ Ольга Платоновна говорила мужу колкости, даже грубости, но никогда еще не выражалась столь цинично.

— Конечно, купчиха: у кого же еще можетъ быть такой дурацкій вкусъ?

Александръ Яковлевичъ до сихъ поръ отвѣчалъ на задиранья жены сравнительно спокойно, съ язвительнымъ остроуміемъ, не дозволяя себѣ возвышать голоса, но тутъ не выдержалъ и, закричавъ, затопалъ ногами. Пошла пальба, кончившаяся тѣмъ, что съ Ольгой Платоновной сдѣлалась сильная истерика. Александръ

Яковлевичъ перепугался не на шутку и бросился за докторомъ.

— Главное, спокойствіе, полное, абсолютное спокойствіе, осмотрѣвъ больную, сказалъ докторъ, слѣдуя обычаю мудрецовъ своего званія,—и... Докторъ глубокомысленно задумался.—И... и свѣжій воздухъ. Да-съ, абсолютно-свѣжій воздухъ.

— Переѣхать на дачу? геніально догадался Александръ Яковлевичъ.

— Именно на дачу, но подальше, гдѣ бы деревней пахло. Абсолютной деревней.

Александръ Яковлевичъ ревностно принялся за исканіе абсолютно-деревенской дачи. Ради здоровья жены, а равно имѣя въ виду будущую, теперь ужь несомнѣнную интригу съ графиней, онъ рѣшился даже на довольно значительный заемъ. Именно такая дача для Ольги Платоновны, какъ прописалъ умный докторъ, улыбалась воображенію Александра Яковлевича. Въ самомъ дѣлѣ, если нанять въ Новой Деревнѣ, или на Черной рѣчкѣ и вдругъ окажется, что *она* живетъ на Каменномъ? Въ такомъ случаѣ, при одномъ изъ свиданій на пуантѣ (Александръ Яковлевичъ почему-то былъ увѣренъ, что свиданіе будетъ назначено именно тамъ), Ольга Платоновна можетъ учинить скандалъ. Павловскъ также не удобенъ: и сыръ, и не по карману, и опять-таки *она* можетъ жить тамъ, или въ Царскомъ Селѣ. Нѣтъ, докторъ правъ: сейчасъ видно, что это дѣйствительно живой и слѣдящій за наукой ученый, а не жалкій рутинеръ, не идущій дальше университетскихъ записокъ.

Послѣ долгихъ поисковъ, Александръ Яковлевичъ, при помощи газетныхъ объявленій, нашелъ нѣчто въ

высшей степени подходящее. У вдовы губернскаго прокурора гдѣ-то близь пороховыхъ заводовъ, на берегу рѣчки, было перестроено изъ старой усадьбы нѣсколько дачъ и дачекъ. Воздухъ тамъ былъ здоровый, сухой и чистый, мѣстоположеніе живописное, отличное купанье и очаровательныя прогулки на лодкѣ; сверхъ того, большинство жильцовъ уже четвертый или пятый годъ занимали тѣ же дачи и были люди милые, симпатичные, образованные, общительные и вдобавокъ веселые; у нихъ нерѣдко сообща, en pique-nique, устраивались вечеринки и домашніе спектакли. Осталась всего одна дачка и какъ нарочно самая подходящая для m-r Никанорова: три комнаты внизу, одна большая, двѣ небольшія, и, кромѣ того, еще одна вверху съ прелестнымъ балкончикомъ и восхитительнымъ видомъ на окрестность. Вблизи лѣсъ, грибы и ягоды.

Хозяйка такъ убѣдительно расхваливала дачу, что Александръ Яковлевичъ невольно ей вѣрилъ, соображая въ то же время, что она, какъ вдова губернскаго прокурора, должна быть женщиной правдивой, имѣющей твердое понятіе о законности и непріятностяхъ, сопряженныхъ со всякимъ, даже ничтожнымъ обманомъ. Вдобавокъ, только зашла рѣчь о цѣнѣ, въ комнату вошла прехорошенькая блондинка. Хозяйка рекомендовала ее, какъ свою племянницу. Дѣвица, услышавъ фамилію будущаго жильца, освѣдомилась у него: не родственникъ ли онъ нашего извѣстнаго писателя Никанорова? Узнавъ, что онъ самъ и есть писатель, она объявила себя рѣшительной и восторженной поклонницей всѣхъ его статей и въ особенности „Двухъ женщинъ“. Послѣ этого Александру Яковлевичу оставалось только дать задатокъ.

Ольга Платоновна, узнавъ объ отдаленности дачи, слегка поморщилась (она разсчитывала на Павловскъ), но, услышавъ о домашнихъ спектакляхъ, быстро перемѣнила мнѣніе.

— Но хороша ли дача? спросила она болѣе для очищенія совѣсти, чѣмъ изъ желанія узнать расположеніе комнатъ.

Александръ Яковлевичъ еще болѣе поэтическимъ слогомъ, чѣмъ вдова губернскаго прокурора, описалъ всѣ прелести дачи, распространившись объ уютности свѣтлыхъ и чистыхъ комнатокъ.

Назначенъ былъ день переѣзда. Александръ Яковлевичъ рѣшилъ, что самъ останется въ городѣ и будетъ только по праздникамъ наѣзжать на дачу, ибо для задуманныхъ и заказанныхъ статей ему необходимо съ утра до вечера сидѣть въ публичной библіотекѣ. Въ виду продолжительной разлуки, онъ былъ чрезвычайно нѣженъ съ женою. Въ день переѣзда, отправивъ съ ранняго утра Марью съ возами, супруги пошли гулять подъ руку, чего давно уже не было; отобѣдали пораньше въ ресторанѣ, о чемъ давно мечтала Ольга Платоновна, и поѣхали на дачу, взявъ хорошаго извозчика, чуть не лихача. Въ серединѣ дороги ихъ прихлестнулъ сильный дождь, и нервы Ольги Платоновны, одѣтой въ новый костюмъ, нѣсколько разстроились, особенно когда пришлось ѣхать по „мяконькому“ и липкая грязь попала прямо на свѣтлую шляпку. Наконецъ-то они дотащились.

Дворникъ указалъ на предназначавшуюся для нихъ дачу, которая имѣла видъ нельзя сказать чтобъ привлекательный, и почему-то счелъ нужнымъ провести жильцовъ чрезъ задній ходъ. Среди небольшой, зава-

ленной осколками кирпича и грудами извести, кухни, на сундукѣ сидѣла Марья и заливалась самыми горькими слезами.

— Охъ барыня, барыня! запричитала она, увидѣвъ Ольгу Платоновну.—Охъ, куда мы только заѣхали!..

Ольга Платоновна вопросительно глянула на дворника.

— Плиту передѣлывали-съ, завтра уберемъ, бойко отвѣчалъ онъ,—а онѣ-съ только по напрасну убиваются...

Не слушая дальнѣйшихъ разъясненій дворника, Ольга Платоновна быстро прошла въ темныя сѣнцы, при чемъ чуть не упала, споткнувшись о высокій порогъ. Александръ Яковлевичъ, въ предчувствіи худшаго, слѣдовалъ за нею. Она отворила дверь въ комнаты.

— Что это такое? Гдѣ тутъ три комнаты, а? Гдѣ у васъ были глаза, когда вы нанимали? Развѣ это домъ? Это изба, простая деревенская изба, вдобавокъ покосившаяся на бокъ. Того гляди, что развалится и раздавитъ меня. Впрочемъ, вы можетъ быть на то и разсчитывали.

Дѣйствительно, старая изба была оклеена дешевыми обоями и раздѣлена перегородкой на три коморки.

— Посмотрите, развѣ это стѣна?.. Господи! да тутъ и дверей даже нѣтъ... Гдѣ-жъ я стану спать?.. Нѣтъ, это просто ужасно!..

— Но на верху хорошенькая, препоэтическая комнатка, вставилъ Александръ Яковлевичъ, вспомнивъ художественное описаніе вдовы губернскаго прокурора.

— Идемте на верхъ, повелительно сказала Ольга Платоновна, поворачивая мужа лицомъ къ дверямъ.

На верху оказался чердачекъ съ потолкомъ, устроеннымъ, по обычаю, въ видѣ гробовой крышки.

— Такъ, по вашему это хорошенькая и поэтическая комнатка? Вы, вѣрно, со своей купчихой осматривали дачу, оттого она вамъ и показалась въ такомъ „поэтическомъ“ видѣ. Боже мой!.. Да это гробъ, настоящій гробъ!.. Ахъ, ахъ! я чувствую, что умру...

И Ольга Платоновна разрыдалась. Александръ Яковлевичъ опрометью бросился внизъ, чтобъ приказать Марьѣ подать барынѣ воды. Самъ онъ не рѣшился подняться въ верхъ, пока супруга не успокоится. Войдя въ избу, онъ, точно желая спрятаться, зашелъ за перегородку и сѣлъ въ одной изъ коморокъ на стулъ, какъ былъ, въ пальто и шляпѣ, держа въ рукахъ мокрый зонтикъ, съ котораго вскорѣ, благодаря покатому полу, набѣжала ему подъ ноги порядочная лужа. Дождь шлепалъ въ маленькое оконце, и подъ его шлепанье, Александръ Яковлевичъ думалъ невеселую думу.

Передъ нимъ прошла вся его писательская дѣятельность. Она была безспорно блестяща. Онъ писалъ еще недавно, едва годъ минулъ со дня появленія его первой статьи, а ужъ его имя стало извѣстно во всей Россіи, ему апплодировали на чтеніяхъ, да что чтенія! Кто его не знаетъ? Его молодая слава уже добѣжала даже до племянницы вдовы губернскаго прокурора! Но и это все вздоръ, ничтожество. А *она*, его графиня? развѣ онъ не внушилъ ей истинную, горячую, роковую страсть?.. И что же? Онъ бѣденъ, онъ почти нищій. Иванъ Михайловичъ отказалъ ему въ самой ничтожной прибавкѣ,—но и не откажи онъ, назначь онъ ему даже двойной гонораръ, развѣ его положеніе отъ того замѣтно улучшится?. О, никогда, никогда еще такъ страшно не поражало его жестокое противорѣчіе между его широкой извѣстностью и жалкой мизерностью,

чтобъ не сказать сильнѣе, его убогой житейской обстановки!

Дождь шлепалъ ужъ не такъ громко, и вдругъ уха Александра Яковлевича коснулись какіе-то таинственные чиликающіе звуки. Онъ осмотрѣлся. Заботливая хозяйка, чтобы жильцы ни въ чемъ не ощущали недостатка, повѣсила за перегородкой старые стѣнные часишки. Александръ Яковлевичъ сталъ прислушиваться къ ихъ тиканью и чѣмъ дальше слушалъ, тѣмъ яснѣе различалъ слова. „Tant pis, tant pis“, говорили часы, какъ бы подтверждая его горькія размышленія. Вдругъ часы заговорили какъ будто по иному, и Александръ Яковлевичъ отчетливо услышалъ: „tant mieux, tant mieux“.

„Tant pis, tant pis, tant mieux“, тикали часы, и Александръ Яковлевичъ замечтался подъ ихъ говоръ. „Понимаю, сказалъ онъ себѣ,—наконецъ-то я понялъ. Да, да. Tant pis, tant mieux. То есть: чѣмъ хуже здѣсь съ женой, тѣмъ лучше тамъ, съ графиней“, нѣсколько вольно перевелъ онъ росказни часовъ, и вновь погрузился въ несопровождаемую никакой мыслью задумчивость. Очнувшись, онъ услышалъ, что часы все говорятъ, но ужъ другія, совсѣмъ другія слова.

„Топи, томи“, говорили часы. Нѣтъ, не совсѣмъ такъ; они какъ будто еще что-то присвистываютъ. Такъ и есть. Вотъ теперь совершенно ясно и понятно: „томись, томись, топись“. Что же это, или они пророчатъ ему страшную судьбу?

„Фу, какъ, однако, у меня расходились нервы!“— проводя рукой по лбу, сказалъ Александръ Яковлевичъ и, вставъ, глянулъ въ окно.

Дождь совсѣмъ пересталъ. Александръ Яковлевичъ осторожно отворилъ дверь въ сѣнцы, чтобъ узнать,

успокоилась ли Ольга Платоновна и услышалъ, что она въ кухнѣ дѣловымъ тономъ отдаетъ какія-то приказанія дворнику. Александръ Яковлевичъ вспомнилъ, что извозчикъ еще не отпущенъ,—надо разсчитать его. Онъ отворилъ парадную дверь и вышелъ на тераску. Извозчикъ неподалеку дремалъ, завернувшись въ фартукъ. Александръ Яковлевичъ сталъ будить его, и вдругъ ему пришло въ голову, какъ было бы отлично сейчасъ же удрать съ дачи. Геніальная мысль была немедленно приведена въ исполненіе.

VI.

Проснувшись на другое утро въ своей соломенно-вдовой квартирѣ, Александръ Яковлевичъ пріятно потянулся и похвалилъ себя за то, что вчера удралъ съ дачи. Теперь онъ хоть нѣсколько отдохнетъ душевно да и физически также; денегъ отъ займа осталось еще довольно. А затѣмъ... ахъ, опять эта проклятая литературная лямка!

Чтобъ отогнать наклевывавшіяся мрачныя мысли, которыя такъ томили его вчера, Александръ Яковлевичъ сталъ думать о *ней*. Прошло уже около двухъ недѣль со времени трагической встрѣчи въ Лѣтнемъ саду. Первые дни онъ прожилъ тревожно, съ часу на часъ ожидая появленія секундантовъ графа. Они, однако, не являлись: ясно, что она съумѣла отклонить подозрѣнія мужа. А самому графу почему же было узнать, кто онъ? Графъ, конечно, глупъ, и ничего не читаетъ, кромѣ французскихъ романовъ. Все такъ, но отчего же она не порадуетъ его вѣсточкой? И это понятно: подозрительный мужъ слѣдитъ за нею, быть можетъ даже

устроилъ надъ нею бдительный надзоръ: о, эти господа аристократы на все способны! Но дѣло тѣмъ, разумѣется, не кончится; она не примирится со своимъ жалкимъ жребіемъ, рано или поздно, а пылкій до самозабвенія темпераментъ возьметъ свое, и тогда...

Тутъ мечтанія Александра Яковлевича были прерваны стукомъ чьихъ-то тяжелыхъ сапогъ въ сосѣдней комнатѣ. Онъ, вѣроятно, не преминулъ бы вструхнуть если бы не вспомнилъ во время, что условился со швейцаромъ, что тотъ каждое утро будетъ приходить будить его и подавать ему самоваръ.

— Стало быть, готовъ, вставайте, сказалъ швейцаръ, входя въ комнату въ надѣтой на самый затылокъ фуражкѣ и, прихихикнувъ, прибавилъ:—А вотъ это вамъ, стало быть, вмѣсто кренделька къ чаю; отъ вашей-то, отъ графинюшки.

Всѣ предположенія Александра Яковлевича оправдались: дѣйствительно, она увѣрила мужа, что вскрикнула, испугавшись его внезапнаго появленія; она долго не писала, боясь надзора и, кромѣ того, была серьезно больна. Нынче она въ первый разъ выѣхала къ своей кузинѣ princesse Mèlanie, откуда и шлетъ ему вѣсточку. Имъ надо быть осторожными нѣкоторое время и потерпѣть, но затѣмъ...

Могъ ли, скажите по совѣсти, Александръ Яковлевичъ, при такихъ обстоятельствахъ, не только съ прежнею аккуратностью поставлять статьи въ „Постепенное Преуспѣяніе“, но даже думать о чемъ либо, кромѣ своей графини? Понятно, что онъ предпочиталъ цѣлыми днями или мечтательно валяться на диванѣ, или слоняться по городу, или тратить съ пріятелями занятыя денежки въ ресторанчикѣ на Литейной, гдѣ

собирались въ тѣ дни литературная братія. Впрочемъ, его привыкшій къ упорной работѣ умъ не могъ оставаться совершенно праздным и у него въ головѣ стала понемногу слагаться новая громадная статья подъ заглавіемъ „Двѣ любви“. Въ ней онъ замышлялъ противоставить любви мѣщански-добродѣтельной жены любовь пылкой нравственно-аристократической женщины. Исполненіе этого важнаго труда было, впрочемъ, благоразумно отложено до той блаженной поры, когда ему самому удастся вкусить отъ сладости тайной связи съ аристократически-нравственной женщиной. Желаніе этой сладости разгоралось въ немъ все сильнѣе, и вдругъ, ему мучительно захотѣлось увидѣть графиню, хотя бы мелькомъ, хотя на одно мгновеніе. Александръ Яковлевичъ съѣздилъ въ четвергъ въ Павловскъ и повторилъ свою поѣздку въ какой-то другой день, когда, какъ ему сказали, на музыку собирается только самая высшая аристократія. *Тамъ* графини не было. Съ тою же цѣлью Александръ Яковлевичъ отправился на пуантъ и положилъ посѣщать его въ теченіе недѣли ежедневно. Но во второй же разъ съ нимъ случилось нѣчто, отвадившее его отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Усталый отъ безплоднаго оглядыванья проѣзжавшихъ каретъ и колясокъ, онъ шелъ въ грустномъ раздумьи, какъ вдругъ столкнулся съ шедшимъ на встрѣчу кавалергардомъ. Офицеръ свысока, презрительно прищурясь, оглядѣлъ чутъ не попавшаго ему подъ ноги карапузика и, быстро, наклонясь впередъ, прошелъ дальше. Никто бы не разувѣрилъ Александра Яковлевича, что то былъ не мужъ графини; его быстрый уходъ онъ объяснилъ нежеланіемъ затѣвать скандалъ въ публичномъ мѣстѣ съ человѣкомъ, въ виновности ко-

тораго, сверхъ того, онъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ. Конечно, могло статься, что то былъ вовсе посторонній офицеръ и что онъ прошелъ быстро и наклонясь, чтобъ не расхохотаться въ лицо коротенькому чудаку въ непомѣрно высокой, нахлобученной чуть не до бровей шляпѣ и въ на-косо одѣтомъ pince-nez, которымъ Александръ Яковлевичъ вооружился ради болѣе удобнаго отысканія графини на горизонтѣ. Конечно, въ такомъ разѣ поступокъ офицера былъ крайне легкомысленъ, но ему могло служить извиненіемъ то обстоятельство, что черезчуръ нахлобученная шляпа мѣшала видѣть печать генія на челѣ Александра Яковлевича.

Затѣмъ, нашъ герой, узнавъ, что многіе аристократы живутъ также въ Петергофѣ, вздумалъ было отправиться и туда подъ предлогомъ осмотра знаменитыхъ фонтановъ, но воспоминаніе о кавалергардѣ заставило отложить поѣздку. Притомъ, она, какъ вскорѣ оказалось, была бы не только убыточной и безцѣльной но повела бы къ роковымъ послѣдствіямъ. Отъ графини было получено письмо, въ которомъ она назначала свиданіе именно въ тотъ самый день, когда Александръ Яковлевичъ готовился, ради нея, подвергнуть себя опасностямъ морского путешествія.

На этотъ разъ мѣстомъ свиданія была избрана верхняя галлерея Гостинаго двора. Графиня имѣла на то двѣ причины: во-первыхъ, мѣсто было уединенное и графу, конечно, никогда не придетъ въ голову, чтобъ тамъ могло быть назначено любовное rendez-vous. „Она однако, умна, она чертовски умна!“—воскликнулъ при этомъ Александръ Яковлевичъ. Во-вторыхъ, подъ сводами этой малолюдной галлереи нѣкогда, бесѣдуя, прогуливались Пушкинъ, Крыловъ, Гнѣдичъ и графиня

желала насладиться первою остроумною бесѣдою новаго свѣтила русской словесности именно въ этой дорогой по литературнымъ воспоминаніямъ мѣстности. Александръ Яковлевичъ, узнавъ впервые изъ письма о прогулкахъ своихъ великихъ предмѣстниковъ, изумился необычайной образованности графини. Одно его печалило: въ post scriptum стояло, что если *она* не явится до такого-то часа, то это будетъ знакомъ, что она лишена возможности его видѣть.

Лишена? Но не на всегда же? Нѣтъ, такое несчастіе немыслимо, невозможно, непопустимо. Конечно слѣдуетъ понимать: на этотъ только разъ. А если и въ самомъ дѣлѣ на всегда? О!.. И тутъ, какъ нарочно, ему вспомнилось тиканье проклятыхъ часишекъ. „Томись, топись“, отбивали они у него въ ухѣ.

Приготовляясь къ свиданію, Александръ Яковлевичъ немало раздумывалъ, брать ли ему съ собою книжку „Постепеннаго Преуспѣянія“, или нѣтъ. Конечно, *она* уже его видѣла, и ея сердце узнаетъ его безъ книжки,—а вдругъ нѣтъ? „Лучше взять“, рѣшилъ Александръ Яковлевичъ. Отъ понятнаго нетерпѣнія, ему не сидѣлось дома, и онъ вышелъ за долго до назначеннаго часа, положивъ пройтись пѣшкомъ ради успокоенія взволнованныхъ чувствъ. Такое, повидимому, ничтожное обстоятельство причинило ему не мало огорченій.

Именно, проходивъ уже значительное время по верхней галлереѣ Гостинаго двора и перечитавъ со скуки всѣ ея вывѣски, Александръ Яковлевичъ вдругъ замѣтилъ, что его правый сапогъ весь въ грязи, правда уже высохшей, но все-таки непріятной.

„И сухо, кажется, сегодня“,—ворчалъ онъ про

себя, а я все-таки умудрился... А! понимаю, это гдѣ-нибудь въ лужу отъ поливки... Выдумали тоже, въ подражаніе Европѣ, поливать улицы, а вмѣсто того только грязь разводимъ"!

Укоривъ Петербургъ въ подражательности, онъ слѣдомъ выругалъ его за то, что въ немъ нѣтъ, какъ за границей, на улицахъ чистильщиковъ сапогъ. Однако требовалось какъ-нибудь поскорѣе исправить послѣдствіе какъ подражательности Петербурга, такъ и его отсталости. Александръ Яковлевичъ рѣшился пожертвовать береженымъ фуляромъ. Отойдя къ сторонкѣ и снявъ синія перчатки, онъ вытеръ платкомъ сапогъ, кстати отчистилъ, при помощи ногтей, довольно многочисленныя брызги на брюкахъ и принужденъ былъ поплевать (что дѣлать? Какъ ни горько употреблять подобныя слова, но надо быть вѣрнымъ дѣйствительности) себѣ на руки, чтобы смыть съ нихъ грязь. Наконецъ, все кончено. Онъ взглянулъ на часы: увы! послѣдняя минута, назначенная графиней, какъ крайній срокъ свиданія, уже канула въ вѣчность.

Александръ Яковлевичъ спустился съ галлереи и пошелъ, куда глаза глядѣли. Самъ не зная, черезъ сколько времени и какимъ путемъ онъ очутился передъ своимъ домомъ. Онъ вошелъ въ подъѣздъ, чтобы взять ключъ отъ квартиры и спросить, не приносили ли письма. Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ Александръ Яковлевичъ схватился за возможность письма, въ которомъ графиня объяснила бы причину своего неприхода и подала бы хотя слабую надежду, что не все еще кончено между ними.

Швейцаръ отпросился со двора до поздняго вечера, а его жена на вопросъ отвѣчала, что, кажется, сегодня

никакихъ писемъ не подавали. Послѣдняя надежда рухнула. Александръ Яковлевичъ машинально взялъ ключъ, и тутъ же рѣшилъ, что домой идти не за чѣмъ, а лучше отправиться въ ресторанчикъ на Литейной, авось тамъ найдется хоть одна живая душа, съ кѣмъ можно подѣлиться горемъ. Однако, выйдя на улицу, подъ вліяніемъ удручающаго состоянія духа, онъ тотчасъ же забылъ объ этомъ мудромъ рѣшеніи и очнулся уже въ дверяхъ своего кабинета.

„И зачѣмъ я?..“ Но онъ не додумалъ. О, благословенная разсѣянность! О, счастливая случайность! Заботливый швейцаръ, передъ уходомъ со двора, не полѣнился подняться къ нему въ квартиру и положилъ письмо на столѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ.

„Отъ нея, отъ нея!“ въ восторженномъ забвеніи вричалъ Александръ Яковлевичъ, цѣлуя благоуханный конвертъ. Но что это? Она не могла быть оттого, что едва вчера успѣла отправить ему письмо, какъ вошелъ мужъ и узналъ о ея проступкѣ по тому же признаку, по которому Бартоло заподозрилъ Розину въ написаніи billet-doux. „Онъ былъ ужасенъ, говорилось далѣе въ письмѣ. „А, такъ это *онъ* былъ на пуантѣ!“ вскричалъ графъ. Да, онъ увѣряетъ, что столкнулся съ тобой (въ первый еще разъ она говорила ему *ты*, и въ какую ужасную минуту!), въ то время, когда я мимо проѣзжала въ колескѣ, что будто мы дѣлали другъ другу знаки, и оттого ты и не замѣтилъ его“. Она проѣзжала въ колескѣ, а онъ... онъ какъ нарочно склонилъ въ это время свою отяжелѣвшую отъ тоски голову!..

Но некогда предаваться печали: надо читать дальше. Въ припадкѣ ревности графъ рѣшилъ увезти ее въ

Москву и дальше куда-то, въ деревню. Они ѣдутъ сегодня же. Она умоляетъ его пріѣхать на поѣздъ и стать въ толпѣ. Она хочетъ еще разъ, хоть мелькомъ взглянуть на него, но при этомъ заклинала всѣмъ святымъ не надѣвать бѣлой шляпы. Именно по шляпѣ графъ и узналъ его. „Прощай мой милый, мой идеалъ“, стояло въ концѣ. „Клянусь, я не забуду тебя, мы увидимся, и скоро. Я не вынесу неволи; я убѣгу, я улечу и успокоюсь только въ твоихъ объятіяхъ. Твоя Зина Р.“.

Александръ Яковлевичъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, взглянулъ на часы. Что это? не можетъ быть! Какъ, поѣздъ уже пять минутъ, какъ ушелъ? Гдѣ-жъ онъ пропадалъ такъ долго?.. О, отъ какихъ пустыхъ, оскорбительныхъ мелочей зависитъ иногда наше счастье! Возьми онъ извозчика отъ Гостинаго двора и поѣзжай прямо домой!.. Но, нѣтъ, не можетъ быть, чтобъ она уѣхала; вѣроятнѣе, что онъ нечаянно перевелъ часы, когда заводилъ, попавъ по разсѣянности, какъ то случалось не разъ, ключикомъ не въ ту дырочку. Вдобавокъ, его часы вѣчно бѣгутъ впередъ.

Онъ опрометью бросился внизъ, забывъ запереть квартиру. О, Господи! Куда-жъ сегодня задѣвались всѣ извозчики? Онъ добѣжалъ до угла, наконецъ-то одинъ. Александръ Яковлевичъ вскочилъ на дрожки, закричалъ на извозчика и сталъ погонять его, прибавляя безпрерывно по пятачку. Боже мой! Онъ забылъ перемѣнить шляпу. Впрочемъ, что за важность? Пусть графъ узнаетъ его и убьетъ тутъ же при всѣхъ, у нея на глазахъ, только бы увидѣть еще разъ ее, его несравненную Зину!..

Александръ Яковлевичъ посматривалъ по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ часового магазина. И хотя всѣ попутные

часы, какъ бы сговорясь, докладывали ему, что его часы не только бѣгутъ впередъ, а скорѣе отстаютъ,— онъ упорно вѣрилъ, что еще застанетъ ее.. Вотъ и вокзалъ.

— Поѣздъ? Да онъ давно ужъ ушелъ, сказалъ ему первый попавшійся сторожъ.

Александръ Яковлевичъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ бѣжать и остановился въ буфетной комнатѣ, когда кто-то назвалъ его по имени.

— Вы ли это, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, говорилъ окликнувшій его господинъ.—Что это, видно собрались проводить нашего почтеннѣйшаго Андрея Ивановича, но опоздали, опоздали-съ!..

Александръ Яковлевичъ на силу переводилъ духъ и едва узналъ въ говорившемъ Константина Северьяновича Кукуева.

— Да, изъ вашихъ были кое-кто. И уважаемый Иванъ Михайловичъ, разумѣется. А я вотъ встрѣтилъ кое-кого да и засидѣлся. А каковъ чудакъ нашъ почтеннѣйшій Андрей Ивановичъ: тридцать пять лѣтъ ни шагу не дѣлалъ изъ Петербурга и вдругъ вспомнилъ, что у него въ Костромѣ—братъ... Но, позвольте, позвольте, однако: что это у васъ на лицѣ?..

И Константинъ Северьяновичъ повернулъ Александра Яковлевича къ свѣту. Лицо нашего героя было все въ грязи. Онъ догадался, что на извозчикѣ отеръ градомъ капавшій съ него потъ злополучнымъ фуляромъ.

— Вы свободны сегодня? приведя себя въ порядокъ, спросилъ Никаноровъ.

— А что?

— Въ такомъ случаѣ, любезный другъ, поѣдемте со мной въ какой-нибудь ресторанъ. Мнѣ надо о многомъ, о важномъ, объ очень важномъ сообщить вамъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Позвольте мнѣ только, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, проститься съ моими хорошими и добрыми знакомыми и расплатиться въ буфетѣ. И методически совершивъ всѣ предположенныя дѣйствія, Константинъ Северьяновичъ подошелъ къ Александру Яковлевичу и, беря его подъ руку, сказалъ:—Теперь я къ вашимъ услугамъ. Кстати, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, мнѣ надо прочесть вамъ письмо.

— Какое письмо?

— То, которое вы довѣрчиво поручили мнѣ отдать для перевода.

— А!..

VII.

Пока друзья ѣдутъ на извозчикѣ, познакомимъ читателя съ Константиномъ Северьяновичемъ.

Кукуевъ не принадлежалъ собственно къ литературному міру, но былъ вхожъ во всѣ редакціи по той причинѣ, что его троюродная тетка, Калерія Ивановна Кукушкина, дама весьма притязательная и вздорная, хотя нѣсколько раскосая, написала знаменитый романъ „Роковая черта", о которомъ нѣкогда славный нашъ критикъ Твердолобовъ сказалъ, что „по тонкости анализа и новизнѣ темы онъ превосходитъ всѣ произведенія Жоржъ-Зандъ". Въ романѣ было изображено положеніе тридцатилѣтней женщины (самой Калеріи Ивановнѣ стукнуло тогда ужъ всѣ сорокъ, но она все еще считала себя тридцатилѣтней), еще не вполнѣ охладѣвшей къ мужу, но видящей передъ собою „другого", любящаго ее съ большимъ пыломъ, чѣмъ лю-

билъ мужъ даже въ первые дни страсти; спрашивалось: должна ли женщина пожертвовать мужемъ и отдаться „другому“? Вопросъ, разумѣется, разрѣшался въ пользу свободной любви. Впрочемъ, читателю прекрасно извѣстно, что „Роковая черта“ составила эпоху въ нашей литературѣ и породила даже цѣлую школу писательницъ, трудящихся доселѣ надъ рѣшеніемъ сказаннаго вопроса, впервые поднятаго Калеріей Ивановной. Но возвратимся къ Константину Северьяновичу.

Онъ съ отличіемъ проходилъ служебное поприще, числясь въ отдѣльной канцеляріи по спеціальнымъ дѣламъ при департаментѣ общихъ дѣлъ и, какъ былъ слухъ, готовился перейти съ повышеніемъ въ особое присутствіе по общимъ дѣламъ при департаментѣ спеціальныхъ дѣлъ. Свой досугъ онъ посвящалъ изученію родной словесности и былъ знакомъ и даже состоялъ на пріятельской ногѣ съ литераторами всевозможныхъ партій, фракцій и оттѣнковъ. Онъ снискалъ себѣ общую любовь между пишущей братіей. И не мудрено: у всѣхъ онъ находилъ талантъ и притомъ у каждаго особый; у одного симпатическій, у другого серьезный, у третьяго и десятаго—большой, огромный, геніальный, самостоятельный, поразительный и такъ далѣе, при чемъ никогда не сбивался съ выбраннаго эпитета. Мало того, онъ слѣдилъ за всѣми литературными новостями и умѣлъ у каждаго автора, въ любомъ произведеніи, найти „интересную“, или „блестящую“, или „великолѣпную“ страницу.

Съ Александромъ Яковлевичемъ онъ познакомился у Ивана Михайловича, и когда нашъ герой прочелъ ему одно изъ первыхъ провинціальныхъ писемъ, то Константинъ Северьяновичъ пришелъ въ восторгъ и

сталъ утверждать, что письмо необыкновенно вѣрно обрисовываетъ симпатическій талантъ милѣйшаго Александра Яковлевича. Затѣмъ, Никаноровъ разъ или два замѣтилъ Константина Северьяновича въ числѣ лицъ, провожавшихъ его рукоплесканіями при отъѣздѣ изъ клуба, и полюбилъ отъ души. Когда возникла интрига съ графиней, то Александръ Яковлевичъ, почувствовавъ необходимость съ кѣмъ нибудь подѣлиться очаровательной тайной, избралъ въ повѣренные своей страсти Константина Северьяновича. Съ тѣхъ поръ они стали неразливанными друзьями.

Самъ Кукуевъ былъ гладкій, высокаго роста мужчина, всегда необыкновенно гладко выбритый и съ чрезвычайно гладкою рѣчью, отличавшеюся, какъ вѣроятно уже замѣтилъ читатель, тою особенностью, что Константинъ Северьяновичъ не могъ пропустить существительнаго безъ того, чтобъ не приставить къ нему прилагательнаго и если была хотя малѣйшая возможность, то и двухъ,—особенность, свидѣтельствовавшая о его большой начитанности въ новѣйшей многоглаголивой русской литературѣ.

— Итакъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, началъ Константинъ Северьяновичъ, прихлебывая рейнвейнъ изъ зеленоватаго стаканчика,—если позволите, я доложу вамъ содержаніе того необыкновенно-интереснаго письма, которое вы поручили по дружбѣ моему попеченію. Я отдавалъ его для перевода одному изъ моихъ милыхъ и симпатичныхъ друзей, служащему въ Славянской канцеляріи, къ которой какъ, можетъ быть, вамъ не безызвѣстно, въ 1805 году временно, въ видѣ опыта, причислена и Персія.

Письмо было дѣйствительно необыкновенно и до-

стойно самаго серьезнаго вниманія. Оно было получено Александромъ Яковлевичемъ изъ Астрахани. Персидскій врачъ уже давно жилъ въ Россіи, прекрасно зналъ нашъ языкъ и слѣдилъ за литературой. Если онъ рѣшился писать Александру Яковлевичу по-персидски, то единственно потому, что на этомъ языкѣ онъ могъ обстоятельнѣе и краснорѣчивѣе выразить мысли и чувства, возбужденныя въ немъ „Двумя женщинами“. Письмо было исполнено самыхъ отборныхъ похвалъ въ восточномъ вкусѣ, причемъ Александръ Яковлевичъ именовался сыномъ Саади и внукомъ Фирдуси. Въ заключеніе врачъ просилъ позволенія перевести статью на персидскій языкъ и отпечатать въ Тегеранѣ, гдѣ, по его словамъ, весьма интересуются „ференгскими“ женщинами.

— Но, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, сказалъ Кукуевъ, окончивъ докладъ по дѣлу о персидскомъ врачѣ,— я вижу вы нынче чѣмъ-то очень разстроены, когда и такое, въ высшей степени замѣчательное и знаменательное, письмо васъ не радуетъ.

Александръ Яковлевичъ вмѣсто отвѣта взялъ бутылку и наливъ рейнвейна не въ предназначенный для того зеленый стаканчикъ, а въ большой стаканъ для воды, и выпилъ залпомъ. Затѣмъ увидѣвъ, что бутылка пуста, спросилъ новую и выпилъ, опять залпомъ, болѣе полстакана.

— Ахъ, любезный другъ, заговорилъ онъ наконецъ,—вы видите передъ собою самаго счастливаго и въ то же время самаго несчастнаго человѣка въ мірѣ.

— Какъ такъ?

— Я довѣрилъ вамъ, какъ преданному другу, мои отношенія къ графинѣ... Вы знаете все... И что же?..

Но, впрочемъ, прочтите вотъ это... А я... я такъ убитъ, что не въ силахъ говорить...

Константинъ Северьяновичъ углубился въ чтеніе письма, а Александръ Яковлевичъ сталъ слѣдить за выраженіемъ лица своего друга, тонкаго знатока по женской части. Глаза Константина Северьяновича увлажнились и даже замаслѣли.

— А! сказалъ онъ,—теперь я понимаю почему вы были такъ встревожены на желѣзной дорогѣ. Одновременно такое неземное счастье и такой ужасный ударъ! Но я утѣшу васъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ вамъ положительно бабушка ворожитъ. Вамъ страстно хотѣлось увидать ее еще хотя на мигъ, не правда-ли?

Александръ Яковлевичъ только вздохнулъ.

— Но вспомните, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, какъ было запачкано ваше всегда столь выразительное лицо! Что, еслибъ прелестная графиня увидала васъ въ такомъ неинтересномъ, выражусь сильнѣе: въ такомъ анти-эстетическомъ видѣ? Развѣ подобное обстоятельство не способно вырвать съ корнемъ самую глубокую любовь изъ сердца свѣтской женщины?.. О, женщины, женщины!..

Александръ Яковлевичъ поразился глубокомысліемъ и вѣрностью замѣчанія Константина Северьяновича. Оно вполнѣ отвѣчало его теоріи аристократически-нравственной женщины.

— Итакъ, вы видите сами, что нѣтъ худа безъ добра... Позвольте, я еще не кончилъ... Въ только-что прочитанномъ письмѣ я встрѣтилъ одну весьма пріятную для васъ особенность. Не знаю, замѣтили ли вы,—при весьма естественной въ вашемъ положеніи сильной

взволнованности чувствъ—вы могли и не замѣтить. Итакъ, замѣтили ли вы, милѣйшій Александръ Яковлевичъ что *она* въ этомъ письмѣ въ первый разъ поставила иниціалъ своей фамиліи?

Александръ Яковлевичъ схватился за письмо.

— Зина Р.? Зина Р.? говорилъ Кукуевъ. Необходимо вспомнить графскую фамилію на Р. Боже мой!.. я, кажется, видѣлъ ее сегодня на станціи... Но нѣтъ, нѣтъ! у этой мужъ дѣйствительный статскій совѣтникъ... Все равно, вы просто счастливчикъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ!..

— Чѣмъ же счастливчикъ?..

— Какъ, внушить такую нѣжную любовь, такую пламенную страсть!..

— И потерять всякую надежду видѣть ее! съ отчаяніемъ вскричалъ нашъ герой.

— Но позвольте, позвольте... Почему же всякую надежду?.. Во-первыхъ, мы знаемъ ея иниціалъ; во-вторыхъ, мужъ кавалергардъ; въ-третьихъ онъ уѣхалъ въ Москву. Помилуйте, да по этимъ тремъ, столь опредѣленнымъ примѣтамъ я берусь вамъ въ теченіе недѣли и никакъ не болѣе двухъ, узнать не только фамилію графа, но даже въ какой губерніи у него имѣніе.

Надежда вспыхнула въ сердцѣ Александра Яковлевича.

— А зная все это, вы будете имѣть возможность написать ей задушевное письмо.

Александръ Яковлевичъ въ восторгѣ бросился цѣловать своего друга, который отвѣчалъ столь же искренними лобзаніями.

— Итакъ, вы видите...

— Человѣкъ, шампанскаго! Двѣ бутылки шампанскаго! вскричалъ Александръ Яковлевичъ.

— Далѣе, продолжалъ другъ,—я знаю васъ за человѣка рѣшительнаго и храбраго... Вы... ну да, конечно... Вы можете сами махнуть въ деревню, и тамъ...

— Но мужъ?..

— Но мужъ тамъ долго остаться не можетъ: онъ обязанъ воротиться къ началу маневровъ. Поймите это милѣйшій Александръ Яковлевичъ, поймите и сосчитайте свои шансы!..

Александръ Яковлевичъ снова расцѣловалъ своего друга.

— Позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, я нарисую вамъ еще болѣе свѣтлую, еще болѣе отрадную перспективу. Графиня, конечно, богата; красавецъ кавалергардъ, ужъ повѣрьте моей житейской опытности и моему знанію свѣта, женился на ней изъза приданаго. Отсюда и ревность, которая вообще признается въ высшемъ свѣтѣ за нѣчто неприличное, за ужасающее shocking. Итакъ, она богата; вы ѣдете, объясняетесь съ нею; она устраиваетъ разводъ,—нынче это не такъ трудно, какъ въ недавнее строгое время, и...

Александръ Яковлевичъ просто задыхался отъ обуявшаго его восторга и не подай человѣкъ какъ разъ въ это время шампанскаго, кто знаетъ что бы сталось съ нашимъ героемъ. Друзья чокнулись и выпили, и еще выпили, и еще чокнулись.

— И не былъ ли я правъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, говоря, что вы счастливѣйшій изъ смертныхъ? Ахъ, Боже мой!.. Ну, да, впрочемъ, это пустяки, совершеннѣйшіе пустяки.

— Что такое? не совсѣмъ спокойно спросилъ Александръ Яковлевичъ.

— Я хотѣлъ сказать, что дѣло, конечно, не обойдется безъ легкаго столкновенія; то есть придется выдержать дуэль. Но это, при вашей рѣшимости и храбрости, не представляетъ особыхъ затрудненій.

— О, дуэль—пустяки, вскричалъ Александръ Яковлевичъ, храбро опоражнивая широкій бокалъ.

— Притомъ ужъ положитесь на меня, я съумѣю такъ повести дѣло—если, конечно, вы сдѣлаете мнѣ великую честь избрать меня вашимъ секундантомъ,— что дуэль явится простой формальностью.

Александръ Яковлевичъ хотѣлъ было броситься въ объятія друга, но при первомъ же порывѣ къ движенію поопасался, какъ бы не уронить на полъ если не себя, то столъ, и ограничился на сей разъ теплымъ рукопожатіемъ.

— Итакъ, вы счастливы, женаты, у васъ большое состояніе, а это въ наше время, повѣрьте, весьма важная статья. Проведя honey-moon гдѣ нибудь въ Швейцаріи, или на Lago maggiore, вы возвращаетесь къ намъ въ Петербургъ и основываете новый журналъ, отъ котораго, я увѣренъ, не поздоровится уважаемому Ивану Михайловичу.

При этомъ было выпито за процвѣтаніе новаго журнала.

— Да-съ, такъ-то милѣйшій Александръ Яковлевичъ. Завидую вамъ, прямо и откровенно говорю, что завидую. Вотъ что значитъ быть писателемъ; въ нашего брата, чиновника, никто не влюбится за отношеніе или даже за проектъ новаго закона. Но позвольте, однако, позвольте...

Александръ Яковлевичъ тревожно зашевелился.

— Я и забылъ что вы сами женаты... Ахъ, Боже

мой! Вѣдь весь вопросъ въ томъ, согласится ли очаровательная Ольга Платоновна... Извините, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, но я по прежнему признаю ее очаровательной...

— У, не вспоминайте мнѣ о ней! Это—Мегера, чистокровная Мегера! съ нѣкоторымъ даже клокотаньемъ въ горлѣ, вскричалъ Александръ Яковлевичъ.

— Мегера? Скажите, кто бы могъ предполагать? Такая очаровательная женщина, такая талантливая актриса!.. Но, впрочемъ, такова видно судьба великихъ умовъ. Вспомните Сократа. Итакъ, вы полагаете, что она не согласится на разводъ?

— О, она скорѣе удавится, чѣмъ согласится. Повѣрьте, она готова на все, только бъ сдѣлать мнѣ зло. И тутъ узелъ всей драмы. Да, это драма, настоящая драма, даже пожалуй трагедія!...

Сидѣвшій за бутылкой пива у сосѣдняго стола господинъ съ тупымъ рыломъ и свиными глазками, при словѣ „драма“ быстро оглянулся на двухъ друзей, и затѣмъ откинувшись на стулѣ и прислушиваясь однимъ ухомъ, сталъ сосредоточенно глядѣть на допитую бутылку пива.

— Я никакъ не ожидалъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, что у васъ дѣло дошло до страшной драмы.

— Да, до драмы; не до той, съ сильными, натянутыми страстями, какія даются въ театрѣ, но до настоящей, глубокой, интимной драмы нашего вѣка. О, милый другъ! надо все это пережить, перестрадать, какъ сдѣлалъ это я, и только тогда вы поймете всю пропасть, всю глубину мелочныхъ и непрестанныхъ страданій, которыя проистекаютъ отъ ничтожныхъ и обидныхъ мелочей; отъ этой тины, которая микроско-

пическими дозами насѣдаетъ на васъ въ житейскомъ болотѣ; отъ этой пыли, которая невидимыми порошинками ѣстъ вамъ глаза на жизненномъ пути.

— Но это ужасно! всплеснувъ руками, воскликнулъ Константинъ Северьяновичъ.

— Изъ безчисленныхъ, на посторонній, не изощренный глазъ незамѣтныхъ случаевъ, я разкажу вамъ всего одинъ, и вы въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, увидите сами, до какого отчаянья могутъ довести человѣка съ душой эти мѣщански-нравственныя женщины. Недавно, передъ самымъ переѣздомъ на дачу, я получилъ довольно значительную сумму. Понятно, нельзя же всѣхъ денегъ отдавать женѣ, никто этого не дѣлаетъ. И я, какъ всѣ, отложилъ часть такъ-сказать въ секретный фондъ...

— Секретные фонды допускаются даже въ конституціонныхъ государствахъ, вставилъ Константинъ Северьяновичъ.

— Вотъ видите!... И что же, хотя я всегда скрупулезно остороженъ въ этихъ случаяхъ, но тутъ какъ-то по разсѣянности—можетъ быть, то была сдача отъ покупки, или отъ ужина, право не помню,—но дѣло въ томъ, что я забылъ двадцать пять рублей въ жилетномъ карманѣ. Въ этомъ карманѣ, замѣтьте, есть прорѣшка и деньги завалились въ нее. Что жъ, она отыскала, она выцарапала ихъ изъ прорѣшки своими острыми когтями, и пришла упрекать—нѣтъ, не упрекать, а просто по мѣщански ругать меня за утайку денегъ... Я, конечно, хотѣлъ отнять ихъ, но она въ адской злобѣ засунула ихъ себѣ въ ротъ и когда я бросился къ ней, укусила меня за палецъ. Вотъ, глядите!

Константинъ Северьяновичъ не безъ любопытства осмотрѣлъ синеватое кольцо на второмъ суставѣ указательнаго пальца своего друга.

— Да-съ, изобразите одну изъ подобныхъ сценъ въ театрѣ и вы заставите рыдать современнаго зрителя, потому что онъ на себѣ испыталъ нѣчто подобное!..:

Константинъ Северьяновичъ едва удерживался отъ смѣха.

— Но наши драматурги, даже мой другъ Вавакинъ, слѣпы въ этомъ отношеніи; они не видятъ этихъ, какъ сказалъ Гоголь, незримыхъ сквозь... слезъ... Ну, да однимъ словомъ, сквозь... Но я, я вижу, потому что я критикъ, потому что я великій критикъ!...

Читатель, быть можетъ, удивится такому заключенію чувствительнаго изліянія. Но если отъ выпивки у нѣкоторыхъ двоится въ глазахъ, то почему же не можетъ также двоиться и въ умѣ? Какъ одаренный двоящимся зрѣніемъ потому не можетъ закурить папиросы, что не въ силахъ попасть въ настоящую свѣчу, такъ двоящееся сознаніе нашего героя мѣтило на угадъ то въ его человѣческое, то въ его критическое *я*.

Какъ бы то ни было, восклицаніе—„ я критикъ, я великій критикъ“, не осталось безъ послѣдствій. Господинъ съ пивомъ, какъ ужаленный, вскочилъ со стула; при ударѣ кулакомъ о столъ, чѣмъ Александръ Яковлевичъ какъ бы желалъ приложить печать къ диплому на великаго критика, полетѣла на полъ недопитая бутылка шампанскаго, разбивъ по дорогѣ тарелку, стаканъ Константина Северьяновича и окативъ его самого пѣнящейся влагой. Послѣдовала нѣкоторая суматоха, уборка осколковъ и оттираніе костюма Константина Северьяновича. Воспользовавшись этимъ,

ливной господинъ подошелъ, какъ знакомый, къ Кукуеву и принимая дѣятельное участіе по приведенію его въ порядокъ, о чемъ-то пошептался съ нимъ. Когда все приняло приличный видъ, Константинъ Северьяновичъ представилъ „нашему извѣстному и симпатичному критику Александру Яковлевичу Никанорову нашего же извѣстнаго и даровитаго артиста, истиннаго сценическаго художника Ардальона Прохоровича Монголова".

— Ахъ, любезный другъ, сказалъ Александръ Яковлевичъ, когда церемонія представленія была окончена,— я и забылъ извиниться передъ вами...

— Помилуйте, что за пустяки...

— Какъ вы великодушны! Вѣдь я испортилъ вамъ новое платье, и вдобавокъ такое хорошенькое...

Константинъ Северьяновичъ отвѣчалъ, что никакой порчи не послѣдовало и просилъ Александра Яковлевича забыть объ этомъ инцидентѣ, какъ о nul et non avenu. Александръ Яковлевичъ, чтобъ хотя чѣмъ нибудь загладить свой проступокъ, сталъ наливать ему въ бокалъ шампанскаго, къ несчастію изъ пустой бутылки. Слѣдомъ было потребовано двѣ новыхъ.

— Позволите присѣсть? спросилъ осклабляясь актеръ, до сихъ поръ вертѣвшійся на ногахъ около стола.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ Александръ Яковлевичъ въ качествѣ амфитріона.

Актеръ имѣлъ весьма смутное понятіе объ Александрѣ Яковлевичѣ, никогда не читалъ его статей, но зналъ его по наслышкѣ. Услышавъ, что какой-то литераторъ авторитетно зоветъ себя великимъ критикомъ, онъ почелъ долгомъ познакомиться съ нимъ. Отъ Кукуева онъ узналъ, что Александръ Яковлевичъ просла-

вился защитой искусства и кстати вспомнилъ слѣдующіе напечатанные въ „Занозѣ“ стишки, которыми надоѣлъ всѣмъ за кулисами, безпрерывно приводя ихъ, какъ образецъ высокаго остроумія:

Искусства пошлый идеалъ
Повергнутъ въ прахъ Прудономъ.
Но, всплакавшись по о н о м ъ *),
Ты на Прудона вдругъ возсталъ,
Глашатай важныхъ вздоровъ,
Никашка Мухоморовъ!..

Для артиста, впрочемъ, было достаточно этихъ свѣдѣній; онъ привыкъ „идти“ отчасти по суфлеру, отчасти руководствуясь собственнымъ „соображеніемъ“.

— Я весьма радъ, что наконецъ мнѣ удалось познакомиться съ вами, почтеннѣйшій Александръ Яковлевичъ, заговорилъ актеръ.—Я въ восторгѣ отъ вашихъ статей, и всегда въ уборной твержу о нихъ моимъ вислоухимъ товарищамъ... Вамъ кажется страннымъ, что я придаю имъ такой эпитетъ?.. Я уважаю товарищество, но еще больше, какъ говорится, люблю Платона. И говорю имъ прямо въ глаза: „вислоухіе товарищи! вы читаете только вздоръ“. Вы не повѣрите, они ничего не читаютъ, кромѣ шантажныхъ листковъ... Да! я рѣжу имъ въ глаза правду-матку: „вы читаете всякій вздоръ, а не читаете такого отличнаго, такого, можно сказать, геніальнаго критика, какъ Никаноровъ. Онъ, только онъ одинъ понимаетъ, какъ слѣдуетъ, искусство. Я самъ обожаю искусство, но они всѣ сбиты съ толку этимъ пресловутымъ Прюдомомъ. И не повѣрите, какое между ними невѣжество! Какъ тяжело между ними человѣку съ университетскимъ образова-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

ніемъ! Вѣдь у насъ есть и такіе субъектики, что во множественномъ вмѣсто „актеры“ говорятъ „актерà“!

Ради правильнаго пониманія искусства и страстной любви къ нему, Александръ Яковлевичъ простилъ артисту и Платона, и Прюдома, благоразумно почтя ихъ за оговорки.

Послѣ втораго или третьяго бокала, Ардальонъ Прохоровичъ снова обратился къ Александру Яковлевичу.

— Извините, почтеннѣйшій Александръ Яковлевичъ но сейчасъ, когда вы заговорили о драмѣ, объ искусствѣ, мнѣ, такъ сказать, родномъ... Вы говорили громко, и я невольно прислушался... Притомъ у меня отличный слухъ. Понятно: привычка слѣдить за суфлеромъ... Словомъ, когда вы заговорили о драмѣ, я невольно сказалъ себѣ: вотъ кто понимаетъ драму, драму еще пока не существующую, но какъ вы справедливо выразились, вполнѣ современную!.. Послушайте, но кому же и написать такую драму, какъ не вамъ, почтеннѣйшій Александръ Яковлевичъ? Что вы на меня такъ смотрите? Я, я артистъ, я Ардальонъ Монголовъ, говорю вамъ это. Пишите, и я ставлю ее въ свой бенефисъ!..

— Въ самомъ дѣлѣ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, подхватилъ Кукуевъ,—отчего бы вамъ не попробовать?

— О, онъ попробуетъ; я, я артистъ, ручаюсь вамъ, что попробуетъ! вдохновенно вскричалъ Ардальонъ Прохоровичъ.—Или вы боитесь соперничества? Помилуйте! вамъ ли, съ вашимъ ли талантомъ? И кто у насъ пишетъ для театра? Островскій? Извините, господа, я знаю, что между литераторами принято его хвалить; но намъ, артистамъ, онъ уже надоѣлъ, или какъ гово-

рится у насъ за кулисами: навязъ у насъ въ зубахъ. И что онъ изображаетъ? „Темное царство“? Согласенъ. Но все это уже старо, онъ повторяется, и притомъ въ его пьесахъ нѣтъ ничего возвышеннаго. А сцена требуетъ именно возвышеннаго; ее слѣдуетъ именно поливать слезами, какъ прекрасно выразился Шекспиръ въ знаменитомъ монологѣ „быть или не быть?“ Ну, и кто же у насъ тамъ еще остается? Остроленко и Сиводушкинъ? Но они, извините, простые театральные закройщики, а не писатели. Вавакинъ? но онъ, извините, не пишетъ, а вавакаетъ.

— Что такое „вавакаетъ?“ спросилъ Александръ Яковлевичъ.

— Кричитъ по перепелиному... Какъ? признаюсь, это даже удивляетъ меня... При вашемъ образованіи, помилуйте!.. Какъ, развѣ вы не помните? А у Некрасова-то: „перепелъ вавакалъ“...

Александръ Яковлевичъ удивился начитанности Ардальона Прохоровича.

— Остальныхъ не стоитъ перечислять, продолжалъ сей послѣдній.—Правда, между ними есть полезные дѣятели. Они намъ даютъ роли, а стало быть и поспектакльную плату, а мы ею только и сыты, между тѣмъ какъ эти тунеядцы, французы и итальянцы, получаютъ десятки, даже сотни тысячъ!.. Не спорю, князь Мангаловъ,—онъ мнѣ пріятель,—человѣкъ съ талантомъ, но у него не хватаетъ этого... этого... Ну, да вы сами понимаете, чего у него не хватаетъ...

— Но я вовсе не драматургъ, вставилъ Александръ Яковлевичъ.

— Не драматургъ? Вздоръ, будьте драматургомъ... Или вы опасаетесь комитета? И это вздоръ, у меня

тамъ сидятъ пріятели, и наконецъ, посмотрѣлъ бы я, какъ они посмѣютъ не пропустить, когда артистъ, какъ я, выберетъ пьесу для своего бенефиса!.. Да кому-жъ и писать, если вы отказываетесь? Пожалѣйте же наконецъ родную сцену! Не то вѣдь насъ оперетка заѣстъ. Правда, Михайловичъ написалъ великолѣпную статью о прогрессивномъ значеніи оперетки, но это парадоксъ, согласитесь сами, что парадоксъ! И наконецъ, пожалѣйте насъ, истинныхъ артистовъ! Я до сихъ поръ воздерживался отъ оперетки, но пойду, скоро пойду прыгать козломъ въ Менелаѣ. Что прикажете дѣлать? Поспектакльная! Мы ею только и сыты, между тѣмъ какъ эти паразиты, французы и итальянцы...

Александръ Яковлевичъ возразилъ, что для драматическаго писателя, какъ онъ слышалъ отъ своего друга Вавакина, необходимъ какой-то особый пошибъ рѣчи, котораго у него нѣтъ.

— Вздоръ! рѣшилъ артистъ.—Во-первыхъ, никакого такого пошиба нѣтъ, а во-вторыхъ, если ужь на то пошло, онъ у васъ на лицо, этотъ самый пошибъ. Я слышалъ, какъ вы разказывали о страданіяхъ мужа. О, Боже! напишите это просто и естественно, какъ сами сейчасъ говорили, и я вамъ ручаюсь головой, что такъ произнесу этотъ монологъ со сцены, что меня вызовутъ десять разъ. И васъ, и васъ! Прервутъ пьесу, и въ серединѣ акта вызовутъ. Не вѣрите? Но вызвали же Пустошкина, а за что? за обличеніе скорой ѣзды по Невскому...

Александръ Яковлевичъ началъ сдаваться, тѣмъ болѣе, что и Константинъ Северьяновичъ горячо поддерживалъ мнѣніе артиста.

— Но сюжетъ? робко спросилъ онъ.

— Сюжетъ? Ха, ха, ха!.. Слышите, Константинъ Северьяновичъ? у него-то нѣтъ сюжета! Да вы, батюшка, сами его разказали, а ужь развить-то его я вамъ помогу, честное слово истиннаго артиста!..

Александръ Яковлевичъ не могъ припомнить, что за сюжетъ.

— Но это умора! возгласилъ артистъ.—Что значитъ истинный талантъ: скроменъ, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка. Ха, ха, ха! Извольте, батюшка, я вамъ рразкажу дрраматически... Мужъ страдаетъ отъ мѣщански-добродѣтельной жены...

— О, страдаетъ! простоналъ Александръ Яковлевичъ, вспомнивъ Ольгу Платоновну.

— И влюбленъ въ аристократку...

— Въ аристократически-нравственную женщину, строго поправилъ Александръ Яковлевичъ.

— Какъ вы сказали? Я что-то не понялъ!..

— Какъ? подсказалъ Константинъ Северьяновичъ,— развѣ вы не помните этого необыкновенно мѣткаго выраженія милѣйшаго Александра Яковлевича? Развѣ вы не читали его послѣдней великолѣпной статьи „Двѣ женщины?“

— „Двѣ женщины?“—Ахъ, Боже мой! „Двѣ женщины!“ схвативъ себя за голову, воскликнулъ артистъ. Нападаетъ же порою такое помраченіе... все равно какъ на сценѣ... Прекрасно, на зубокъ, знаешь роль, и вдругъ!.. Однако, какъ вы сказали?..

— Аристократически-нравственная, снова подсказалъ Кукуевъ.

— Да, въ аристократически-настроенную женщину... Понятно, онъ рвется къ ней, жена не пускаетъ. Тутъ вы напишите сцену въ родѣ той, которую разказы-

вали, и даже не одну, а рядъ подобныхъ сценъ... Вѣроятно, у васъ найдутся?

— О, найдутся! со вздохомъ сказалъ Александръ Яковлевичъ.

— Но, онъ все-таки рвется къ той, другой, къ артистически-настроенной... Позвольте, однако, кто же она у васъ будетъ? Баронесса, княгиня, или просто барыня?

— Графиня, рѣшительно сказалъ Александръ Яковлевичъ.

— Прекрасно. Графиня горюетъ, тоскуетъ, рвется къ нему. Но, ради Бога, не заставляйте ее умирать отъ чахотки, это такъ пошло и надоѣло...

— Никогда, еще болѣе оживляясь, сказалъ нашъ герой.—Я не допущу, я спасу ее.

— Спасете? Напрасно. Право лучше бы, если бъ она, напримѣръ, застрѣлилась изъ пистолета. А, что? Что вы на это скажете?

— Нѣтъ, нѣтъ! Слышите ли, я спасу ее! съ необыкновеннымъ азартомъ закричалъ Никаноровъ.

— Напрасно. Вы подумайте только какой эффектъ! Новый, еще не бывалый... Я давно ужь его придумалъ, и твержу нашимъ драматургамъ, но никто не соглашается. Даже князь Мангаловъ, на что смѣлъ, можно сказать бѣшенно смѣлъ,—и тотъ не соглашается. Говорятъ: это слишкомъ, публика этого не вынесетъ! Вздоръ! Наша публика все вынесетъ! Заставьте на сценѣ двухъ соперниковъ съѣсть другъ друга до тла, она и то вынесетъ... Такъ не согласны?.. А хорошо бы бацнуть изъ пистолета!.. Увѣряю васъ, это такъ понравится, что потомъ драмы безъ этого не будетъ. А вамъ, подумайте, слава изобрѣтателя... Или, можетъ быть, вы не хотите собственно графиню?

— Ее—ни за что!.. Не допущу!.. Черезъ мой трупъ!..

— О, въ такомъ случаѣ мы придумаемъ новую комбинацію. И это даже будетъ еще поэффектнѣе... Пусть... пусть, мужъ, выведенный изъ терпѣнія, бацнетъ жену!

— И бацну, если не согласится на разводъ!..

— О, онъ бацнетъ! подтвердилъ Константинъ Северьяновичъ.

— Разводъ? Великолѣпно, и ново!.. Итакъ мы бацаемъ жену. Мужъ, конечно, попадаетъ подъ судъ; отчаянье графини, только вы не давайте ей особенно сильнаго монолога, а сосредоточьте все на мнѣ, т. е. на мужѣ; она приходитъ ко мнѣ въ тюрьму; брякъ цѣпей и страстное свиданье: Его ссылаютъ, она слѣдуетъ за нимъ. Сцена на этапѣ. Офицеръ влюбляется въ графиню; ревность арестанта, и... А что, если бацнемъ и офицера?..

— И офицера бацну!.. Завтра же начну учиться стрѣлять!.. Я не посмотрю, что онъ кавалергардъ!..

— Бывшій кавалергардъ, изъ любви къ графинѣ перешедшій въ этапъ? Великолѣпно! Грандіозно! Вы вполнѣ драматургъ. Такъ и его?..

— И его... И еще какъ бацну!.. во весь ростъ растянется...

— О, вы его не знаете, сказалъ Константинъ Северьяновичъ,— онъ рѣшительный и храбрый человѣкъ.

— Да вы меня не знаете, точно подброшенный какимъ-то скрытымъ механизмомъ, внезапно вскакивая на ноги, закричалъ Александръ Яковлевичъ—Я рѣшителенъ и храбръ. Не глядите, что я малъ и тщедушенъ, въ этой груди клокочутъ бурныя страсти. И вы,

вы мой другъ! бросаясь въ объятія актера, продолжалъ нашъ герой.—Вы пробудили во мнѣ дремавшую доселѣ жилку. Вы разбудили мой талантъ. Да, я драматургъ, я прирожденный, я великій драматургъ!

Послѣдовали обильныя лобзанія.

— И вы, становясь противъ актера и тыча въ него пальцемъ, завопилъ Александръ Яковлевичъ,—вы истинный артистъ. Кто умѣетъ пробудить въ другомъ артистическую жилку, тотъ самъ артистъ, тотъ самъ великій артистъ. И я вамъ это говорю, я—великій критикъ!

Настала очередь актера броситься въ объятія новоиспеченнаго драматурга.

— Видитъ Богъ! со слезами на глазахъ, поднявъ правую руку къ потолку, возгласилъ артистъ.—Видитъ Богъ и слышитъ благородный свидѣтель! повторилъ онъ, указывая на Константина Северьяновича.—Что я нынче счастливъ наконецъ. Я услышалъ голосъ. Прравды, наконецъ, прравильно. Оцѣнены мои арртистическіе труды... я... Услышалъ эпитетъ. Великій, и отъ кого же? изъ устъ... Самого Никанорова.

Да не удивится читатель странному расположенію знаковъ препинанія въ послѣдней рѣчи артиста. Въ пафосѣ Ардальонъ Прохоровичъ заговорилъ съ тѣми же придыханіями, съ которыми произносилъ горячіе монологи со сцены, когда ежесекундно готовая разразиться рукоплесканіями публика, въ священно-трепетномъ восторгѣ, уже не понимаетъ, да и не желаетъ понимать словъ, а вся охвачена то пріятнымъ рокотаніемъ, то грознымъ громыханіемъ голоса любимаго артиста.

— Ты мнѣ другъ, продолжалъ актеръ, ты первый далъ мнѣ священное имя друга и потому, дружище, выпьемъ на бррудерршафтъ!..

— Выпейте, подхватилъ Кукуевъ, вы вполнѣ достойны другъ друга.

Для исполненія великаго таинства брудершафта, Александромъ Яковлевичемъ была потребована новая бутылка шампанскаго. Когда и она стала приходить къ концу, Ардальонъ Прохоровичъ попробовалъ было возбудить еще новый талантъ въ своемъ новомъ другѣ, именно сталъ его уговаривать писать театральныя рецензіи, обѣщая даже свести его съ какою-то газетой. Онъ началъ уже излагать программу будущихъ статей, научая, какъ именно слѣдуетъ ругать каждаго изъ его товарищей, но вскорѣ замѣтилъ, что Александръ Яковлевичъ, откинувшись на спинку дивана, уже не слушаетъ его, а только по временамъ промыкиваетъ какіе-то нечленораздѣльные звуки. Тогда актеръ, быстро оглянувъ залу и замѣтивъ, что въ углу знакомые купцы собираются пить шампанское, всталъ и простился съ Константиномъ Северьяновичемъ, примолвивъ:

— Увезите его поскорѣе домой. А то не ловко: онъ такая знаменитость!

VIII.

На другой день Александръ Яковлевичъ проснулся въ пріятномъ похмѣльи, какое бываетъ послѣ шампанскаго. У него въ мозгу точно острыя иголочки проскальзывали—состояніе, въ которомъ, по словамъ любящихъ шипучее поэтовъ, необыкновенно рѣзво бѣгутъ риѳмы. Но Александръ Яковлевичъ не зналъ „горячки риѳмъ“, а потому не сталъ слагать сонета въ честь графини, а критическимъ взглядомъ окинулъ вчерашнее.

Вчерашній день, хотя и былъ исполненъ разнообразной горечи, тѣмъ не менѣе былъ несомнѣнно днемъ апогея его славы и любви. Его слава ужъ добралась до Тегерана, и ей осталось заглянуть развѣ въ Калькутту. Его читаютъ персы, почему же не прочесть и индусамъ?

А встрѣча съ актеромъ? Что за милый, что за душевный человѣкъ, и какой талантъ! Какъ онъ сразу, такъ сказать съ соколинаго налета отгадалъ въ немъ скрытаго драматурга! Вдобавокъ, и уменъ, и съ университетскимъ образованіемъ. Александръ Яковлевичъ не зналъ, что актеры столь же легко и охотно допиваются до университетскаго образованія, какъ романисты новѣйшей формаціи до Золя.

Критики, конечно, бросать не слѣдуетъ, но необходимо испробовать себя въ драмѣ. Если его критика такъ взволновала сердце Зины, то что будетъ съ нею, когда онъ напишетъ пьесу? Александръ Яковлевичъ ужъ видѣлъ ее, сидящую въ крайнемъ бенуарѣ, блѣдную, взволнованную; съ чувствомъ похожимъ на ужасъ она прислушивается къ мертвой тишинѣ, господствующей въ залѣ во время сильнаго монолога. Но вотъ шумъ, крики, плески; какъ взволновалось все это людское море, слилось въ одномъ чувствѣ восторга. Занавѣсъ падаетъ. Слышны вызовы автора. Онъ выходитъ, но видитъ только ее, всю сіяющую отъ его успѣха, готовую броситься къ нему!..

Но и теперь, безъ драмы... Александръ Яковлевичъ вдругъ вспомнилъ всѣ блестящія перспективы, нарисованныя Константиномъ Северьяновичемъ, и рѣшилъ идти смѣло на встрѣчу всѣмъ опасностямъ. Его сегодня не тревожила не только мысль о дуэли, но даже

воспоминаніе объ Ольгѣ Платоновнѣ. „Какъ нибудь да устроится!“ съ отважнымъ легкомысліемъ сказалъ онъ. Важнѣе добыть адресъ графини, и занять денегъ на проѣздъ, ибо послѣ вчерашняго его секретный фондъ значительно уменьшился.

Константинъ Северьяновичъ хлопоталъ, какъ самый преданный другъ, но его труды долго не увѣнчивались успѣхомъ. Въ графиняхъ на Р. недостатка не было, но всѣ онѣ оказывались не подходящими. Дня черезъ три Кукуевъ объявилъ, что дѣйствительно одна графиня Р. уѣхала въ тотъ самый день, какъ Александръ Яковлевичъ выпачкалъ себѣ лицо бережеными фуляромъ, но что она была, какъ онъ уже передавалъ своему другу, женой дѣйствительнаго статскаго совѣтника; вдобавокъ, прошелъ слухъ, что она бѣжала со своимъ любовникомъ, кавалергардомъ. Александръ Яковлевичъ съ негодованіемъ отвергъ предположеніе, чтобъ то могла быть *его* графиня.

— Но, осторожно замѣтилъ Константинъ Северьяновичъ,—она могла выбрать васъ, какъ отводъ для мужа...

— Въ такомъ случаѣ, ея письма не дышали бы такою страстью.

— Позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ! А что если она, пиша вамъ, имѣла, какъ говорилось въ старину, въ предметѣ другого? Говоря вамъ страстныя слова, она воображала, что бесѣдуетъ не съ вами, а съ нимъ. Съ женщинами это случается, ужъ повѣрьте моему знанію женскаго сердца.

— Для чего же въ такомъ случаѣ она избрала бы именно меня, лицо никогда не бывавшее у нихъ въ домѣ, вовсе неизвѣстное ея мужу, который врядъ ли что нибудь и читаетъ...

— Да, вотъ этого я не принялъ въ соображеніе...

— И наконецъ, зачѣмъ въ такомъ случаѣ кавалергарду было дѣлать сцену въ Лѣтнемъ саду? И потомъ опять на пуантѣ...

Константинъ Северьяновичъ принужденъ былъ сознаться, что хватилъ слишкомъ. Тѣмъ не менѣе, въ сердцѣ нашего героя зашевелилось нѣчто въ родѣ ревности, и онъ пережилъ не одну мучительную минуту.

— Какъ угодно, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, докладывалъ еще черезъ три дня Константинъ Северьяновичъ,—а по самымъ достовѣрнымъ справкамъ въ данное число никакой кавалергардъ не уѣзжалъ по Николаевской желѣзной дорогѣ. Развѣ по другой...

— Но письмо?..

Справились съ письмомъ; тамъ ясно стояло: въ Москву.

— Позвольте, позвольте, однако, милѣйшій Александръ Яковлевичъ. Развѣ мужъ не могъ нарочно обмануть ее, чтобъ она не успѣла предупредить васъ? Сказалъ ей: въ Бѣлокаменную, а самъ взялъ да и увезъ въ Варшаву или заграницу.

Противъ такого домысла Александръ Яковлевичъ спорить не посмѣлъ. Прошло еще три дня.

— Нѣтъ, сказалъ Кукуевъ,—и въ Варшаву, и заграницу, какъ оказалось по самымъ обстоятельнымъ справкамъ, ни одинъ кавалергардъ не уѣзжалъ.

Александръ Яковлевичъ сталъ приходить въ отчаяніе.

— Позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, чтобъ какъ нибудь утѣшить друга, сказалъ Константинъ Северьяновичъ, — не было ли хотя одно письмо запечатано гербовой печатью? Одинъ изъ моихъ

милыхъ и симпатичныхъ друзей служитъ въ департаментѣ герольдіи и онъ для насъ перероетъ всѣ архивы. Правда, нынче печати не въ модѣ, но все-таки...

Осмотрѣли всѣ письма; всѣ они были въ заклейныхъ конвертахъ; къ сожалѣнію, одинъ былъ утраченъ. Пересматривая письма, Константинъ Северьяновичъ напалъ на princesse Mélanie.

— А знаете ли, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, эта princesse Mélanie, я увѣренъ, окажется для насъ такъ сказать ключемъ ко всей непріятельской позиціи. Завтра же я поручу моей кузинѣ, княжнѣ Hélène Новоржевской, узнать кого изъ княгинь зовутъ Mélanie и затѣмъ уже не трудно будетъ узнать, за кѣмъ замужемъ ея сестра, или кузина и гдѣ она теперь.

Александръ Яковлевичъ бросился въ объятія своего друга. Еще черезъ три дня оказалось, что кузина, по своей вѣтренности, забыла о порученіи кузена, но обѣщала надняхъ непремѣнно исполнить. Александра Яковлевича снова охватило отчаяніе.

— Позвольте, позвольте, однако, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, твердо ли вы увѣрены, что онъ кавалергардъ?

— Но кто же?

— Могъ быть кирасиръ или конногвардеецъ, а вы, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, насколько мнѣ извѣстно, готовы повторить съ безсмертной Хлестовой:

Не мастерица я полки то разбирать?

Александръ Яковлевичъ сознался, что онъ вовсе не знаетъ формъ и даже порою смѣшиваетъ улана съ гусаромъ.

Въ виду многочисленности требовавшихся справокъ

дѣло было отложено на цѣлую недѣлю, хотя кузина могла, конечно, и раньше добыть необходимыя свѣдѣнія.

Кузина, правда, ничего не добыла, но вѣрный другъ ровно черезъ недѣлю, явясь къ Александру Яковлевичу, объявилъ, что онъ на самомъ слѣду, что онъ почти увѣренъ въ успѣхѣ и если не называетъ фамиліи, то только потому, что боится въ случаѣ, правда, маловѣроятной, но все еще возможной неудачи, повергнуть своего друга въ безысходное отчаяніе. Впрочемъ, какъ бы въ утѣшеніе милѣйшему Александру Яковлевичу, онъ сообщилъ, что графиня почти несомнѣнно скрывается гдѣ-то около Костромы, а мужа надняхъ ждутъ назадъ.

— А насчетъ того, о чемъ я еще васъ просилъ?

— То есть насчетъ финансовъ? Какъ хотите, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, а раньше двадцатаго числа не представляется рѣшительно никакой возможности...

— Но необходимость ѣхать можетъ представиться не завтра, такъ послѣ завтра, а до двадцатаго... Ахъ! вскрикнулъ вдругъ, точно осѣненный внезапной мыслью Александръ Яковлевичъ,—я, кажется, говорилъ вамъ вчера...

— Что такое?

— Что я получилъ повѣстку на посылку...

— Говорили, но, извините, я не понимаю, какое соотношеніе...

— Правда, повѣстка оцѣнена всего въ десять рублей, но я, самъ не знаю почему, увѣренъ, что она заключаетъ въ себѣ болѣе драгоцѣнный подарокъ. Въ такомъ случаѣ, я заложу, и...

— Нѣтъ, знаете, что я вамъ скажу? поддаваясь

оживленію друга, какъ-то вдохновенно вскричалъ Константинъ Северьяновичъ.—Это не подарокъ, а... а графиня высылаетъ вамъ свои брилліанты, чтобы вы имѣли полную возможность увезти ее.

Александръ Яковлевичъ чуть не упалъ въ обморокъ.

— Да, да, ужъ повѣрьте моей опытности по сердечнымъ дѣламъ. А что посылка застрахована всего въ десяти рубляхъ, то въ этомъ я вижу обычное легкомысліе нашихъ свѣтскихъ дамъ, или... или просто мудрое благоразуміе графини, не желавшей возбудить излишнія подозрѣнія слишкомъ цѣнной посылкой.

Растроганный до слезъ Александръ Яковлевичъ обнялъ своего друга.

— И такъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, вы завтра же утромъ отправляетесь въ почтамтъ, получите посылку и свезете ее въ казенный ломбардъ—у частныхъ ростовщиковъ я по горькому опыту не совѣтую—затѣмъ въ половинѣ седьмого извольте быть въ ресторанчикѣ на Литейной: я изъ должности прямо туда, и надѣюсь съ адресомъ въ рукахъ.

На завтра Александръ Яковлевичъ выѣхалъ изъ дому рано; ему даже пришлось ждать съ полчаса, пока открылись двери почтамта. Наконецъ, драгоцѣнная посылка у него въ рукахъ; онъ летитъ, онъ пріѣхалъ; втаскиваетъ десятифунтовый ящикъ въ четвертый этажъ и приступаетъ къ откупоркѣ. Ящикъ былъ забитъ на славу и ему пришлось таки попотѣть, ибо позвать швейцара на помощь, въ виду многоцѣнности посылки, онъ не пожелалъ. Наконецъ, ящикъ вскрытъ, въ немъ оказался... камень. Но какой? Простой, увѣсистый булыжникъ. Не во снѣ ли ему грезится? Не съ ума ли

онъ сошелъ? Онъ вывалилъ камень изъ ящика: подъ нимъ лежало незапечатанное письмо. Вотъ оно слово въ слово:

„Милостивый государь и обожаемый авторъ,—

Я сейчасъ только окончила чтеніе вашей превосходной статьи „Двѣ женщины“. Я въ восторгѣ, я въ упоеніи!.. У меня точно камень свалился съ сердца. Въ знакъ признательности, посылаю его вамъ на память. „Юная Дѣва“.

Съ Александромъ Яковлевичемъ сдѣлался родъ столбняка. Онъ отеръ градовитый потъ съ лица, и вновь тупо посмотрѣлъ на записку. Боже! что это, что это? Такъ, нѣтъ сомнѣнья, это ея, ему столь знакомая, столь милая рука, рука Зины Р.

Александръ Яковлевичъ упалъ на диванъ, и горько зарыдалъ. О, какая гнусная, какая адская интрига! Кто, какой литературный врагъ, какая клейменая душа могъ подшутить надъ нимъ такъ жестоко? „Изъ камня вы люди, изъ камня!“ какъ король Лиръ, воскликнулъ нашъ герой. И что теперь, теперь дѣлать? Съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ, кто не посмѣется ему, кто найдетъ хоть малое слово утѣшенія?

Онъ невольно вспомнилъ о женѣ. Боже! уже мѣсяцъ, полтора, быть можетъ два, какъ онъ бросилъ ее, и не вспомнилъ ни разу, а если и вспоминалъ!... Но она добра, она благородна, она пойметъ его заблужденіе, она проститъ. Развѣ она не предупреждала его еще со времени перваго букета, не желала какъ бы остановить его на роковомъ пути? Конечно, она ничего не знала, не могла даже подозрѣвать, но у женщинъ такое нѣжное, такое чуткое сердце, и она невольно предчувствовала, что ему грозитъ бѣда!

Прочь, ложный стыдъ! Онъ ѣдетъ къ ней, онъ разскажетъ ей все прямо и откровенно, онъ во всемъ ей покается.

Стоялъ чудный день. Не смотря на раннее утро, слегка уже парило. Александру Яковлевичу было не до красотъ природы; онъ только досадовалъ, что до Гороховыхъ такъ далеко, и онъ не можетъ ни перелетѣть туда, ни прибавить шагу извозчичьей клячѣ.

Барыни не оказалось дома; она пошла послѣ завтрака гулять. Александръ Яковлевичъ вошелъ въ избу, и подивился. Казалось, онъ попалъ на другую дачу. Все было прибрано, на окнахъ кокетливо колыхались тюлевыя занавѣсочки, передъ диваномъ былъ брошенъ коверъ, комнатки смотрѣли свѣтло и уютно. Что значитъ женская рука! Александръ Яковлевичъ, отказавшись отъ завтрака, предложеннаго Марьей, сѣлъ въ кресло и рѣшился терпѣливо ждать. Проклятые часишки по прежнему тикали: „tant pis, tant pis“, и будили горькія воспоминанія. Но услышавъ ихъ„ tant mieux“, онъ сталъ бодрить себя, что теперь настаетъ лучшая пора.

Наконецъ подъ окномъ раздались голоса. Ольга Платоновна стояла у садовой калитки съ какимъ-то высокимъ рыжеватымъ блондиномъ. Она поздоровѣла, похорошѣла, пополнѣла; она была одѣта, какъ институтка, въ голубое платье съ обаятельной бѣлой перелинкой и чудная ямочка, какъ разъ подъ шейкой, бросилась Александру Яковлевичу въ глаза.

— Итакъ, завтра у насъ первая считка? заговорила она.

— Да, завтра, широко улыбаясь, отвѣчалъ блондинъ.

— Какъ-то сойдетъ эта роль?

— Разумѣется, великолѣпно; также... нѣтъ, лучше первой; она къ вамъ болѣе подходитъ.

— Вы думаете? Почему?

Тутъ они заговорили тихо, и Александръ Яковлевичъ съ отвращеніемъ отвернулся отъ окна. „И сколько у него веснушекъ!“ съ негодованіемъ подумалъ онъ, забывъ, что та же игра природы пестрѣла и на его лицѣ.

— А! вотъ кто пожаловалъ, сказала входя Ольга Платоновна.—А ужъ я думала, что вы на вѣкъ меня покинули.,. Что... или вы все сидѣли въ Публичной библіотекѣ?

Она была, очевидно, въ томъ милошутливомъ настроеніи, которое онъ такъ любилъ; оно всегда служило знакомъ, что она успѣла уже пересердиться, и только для формы дѣлаетъ выговоръ.

— Что, а вѣдь мило у меня?

— Очень мило, едва дыша, проговорилъ мужъ.

— Да?.. А помните, какъ вы кричали тогда: „изба, изба!“ И какъ перепугали меня, сказавъ, что моя миленькая, поэтическая спаленка—какой оттуда чудный видъ!—похожа на гробъ.

У Ольги Платоновны явилась въ послѣднее время привычка всякую глупость, когда либо ею сказанную, относить на счетъ мужа. Александръ Яковлевичъ не сталъ оспаривать жены.

— Да, я и забыла поблагодарить васъ: вы, нанимая дачу, даже не потрудились взглянуть на нее. Хороши, нечего сказать! Мнѣ все разказала Marie, племянница хозяйки, ваша поклонница. Мы съ ней большіе друзья. Вообще, онѣ обѣ такія милыя. Ахъ, да!

самое главное я и забыла. Благодарю васъ за мой портретъ въ „Двухъ женщинахъ“. Вы не польстили мнѣ.

И она шутливо поклонясь, погрозила ему пальчикомъ съ розовымъ ноготкомъ. Александръ Яковлевичъ чуть не бросился цѣловать жену.

— Впрочемъ, Алексѣй Иванычъ... вы, можетъ быть, замѣтили его въ окно?... онъ сотрудничаетъ въ „Занозѣ“... Такъ Алексѣй Иванычъ очень мило говоритъ, что для того, чтобъ выругать жену, хотя бы и печатно, большого таланта не требуется... За то, какъ мы хохотали съ Магіе надъ вашей сто разъ благоуханной нравственно-аристократической женщиной! Съ кого вы писали ее? Съ вашей купчихи?..

— Какая купчиха! не вскрикнулъ, а какъ-то пискливо взвизгнулъ Александръ Яковлевичъ и слѣдомъ сталъ громко всхлипывать, какъ маленькій ребенокъ.

— Что съ вами? участливо спросила Ольга Платоновна.

Онъ разказалъ ей все послѣдовательно, онъ чистосердечно покаялся ей во всемъ. Она слушала его внимательно, даже участливо, но проклятый камень, упавшій съ сердца юной дѣвы, испортилъ все дѣло. Она вдругъ залилась самымъ веселымъ, самымъ звонкимъ, разсыпчатымъ смѣхомъ.

— Ахъ, это мило! это очень зло, но очень мило и остроумно!.. Надо будетъ разказать Алексѣю Ивановичу... Воображаю, что онъ сдѣлаетъ изъ этого въ „Занозѣ“.

— Полно, полно, не мучь меня... Не будь безчеловѣчна: прости, прости меня!..

И Александръ Яковлевичъ бросился къ ея ногамъ.

— Простить? отступая съ театральнымъ величіемъ, сказала она.—Но за что мнѣ собственно прощать васъ? Вы вѣдь мнѣ не измѣняли, а были влюблены въ какую-то безплотную мечту!.. Вы не виноваты... вы просто какой-то сумасшедшій!..

— Да, да, я—безумецъ, но я люблю тебя...

— И я повѣрю, что вы меня любите? Никогда. Вы всегда, всегда были самымъ черствымъ, самымъ бездушнымъ эгоистомъ. Вы любите меня, а бросили одну, больную, безъ денегъ... Да, безъ денегъ, потому что вы оставили мнѣ самую малость, и въ два мѣсяца даже не вспомнили, жива ли я, не нуждаюсь ли въ чемъ... А сами—не лгите, не оправдывайтесь, я знаю все!—а сами пьянствовали съ такими же, какъ вы, бездарностями!..

— Все это правда, правда, правда. Я поступилъ безразсудно, но клянусь, клянусь, что теперь...

— Что теперь? Перестаньте, пожалуйста. Я за вами уже пять лѣтъ, и все время, каждую минуту, каждую секунду вы были жалкимъ эгоистомъ, и вдругъ!.. Скажите пожалуйста, онъ вдругъ переродился, отъ того, что ему вмѣсто любви подсунули камень!.. Нѣтъ, вы гадкій! вы негодный! вы самый отвратительный!..

— Брани... да, да... меня, всхлипывалъ Александръ Яковлевичъ.—Но прости, спаси меня...

— О, ради Бога! отдернула она съ чувствомъ гадливости руку, которую онъ хотѣлъ поцѣловать.—Нѣтъ, нѣтъ, изъ-за васъ я не стану портить свою артистическую карьеру... Не безпокойтесь, у меня таланта побольше, чѣмъ требуется для того, чтобъ выругать, хотя бы и печатно, свою жену!.. Подумайте, послѣ этого камня... ха, ха!.. да мнѣ нельзя будетъ никуда пока-

заться... Чего добраго, и меня еще прозовутъ „каменной бабой“!

— Но что жъ мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Выдать мнѣ отдѣльный видъ на жительство... Я думаю, я права... Съ идіотомъ жить нельзя... И если вы будете упорствовать, то васъ принудятъ... Я ужъ узнала къ кому слѣдуетъ обратиться.

— А! такъ-то? вскакивая на ноги, злобно спросилъ Александръ Яковлевичъ.

— А вамъ чего же было угодно? презрительно прищуривая глаза и показывая свои жемчужные зубки, спросила Ольга Платоновна.

— У-у! скрыпнувъ зубами и сильно взмахнувъ рукой, прошипѣлъ мужъ.

— Что? злобно сверкнувъ глазами, спросила она.

— У, мегера, мегера!..

— Sortez! сказала Ольга Платоновна съ тѣмъ же повелительнымъ жестомъ которымъ нѣкогда Рашель заставляла зрителей вскакивать съ креселъ.

IX.

Александръ Яковлевичъ бѣжалъ, бѣжалъ самъ не зная куда, забывъ и пальто, и зонтикъ. Онъ очнулся у какого-то трактира. По счастію, отпущенный имъ извозчикъ тутъ же кормилъ лошадь, Александръ Яковлевичъ уговорилъ его свез[illegible]себя въ городъ.

Набѣжали грозовыя тучи. Разразился ливень. Александръ Яковлевичъ былъ въ какомъ-то изступленіи. Ему казалось, что его мысли не у него въ головѣ, а гдѣ-то внѣ ея, что онѣ точно сорвались съ цѣпи и молніями мечутся во всѣ стороны, а онъ слѣдитъ за ними испуганными глазами, не знаетъ что дѣлать и какъ поймать

ихъ. Только промочившій его до костей дождь нѣсколько радовалъ нашего героя. Ему какъ-то было весело смотрѣть на эти хлеставшіе его водяные бичи. Онъ не зналъ, куда ѣдетъ и въ какомъ мѣстѣ находится въ данную минуту.

— Александръ Яковлевичъ! Куда же вы?—вдругъ кто-то окликнулъ его.

Онъ очнулся. На тротуарѣ, какъ разъ у подъѣзда ресторанчика на Литейной, подъ зонтикомъ стоялъ Константинъ Северьяновичъ. Извозчикъ остановился.

— Какъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, возможно ли, чтобы вы забыли, что у насъ сегодня назначено такое многознаменательное для васъ свиданіе? А вы проѣхали бы, еслибъ по счастливой случайности... Но Боже мой, что съ вами? На васъ, какъ говорится, лица нѣтъ, вы промокли до костей, у васъ зубъ на зубъ не попадаетъ... Скорѣй, скорѣй въ отдѣльную комнату!..

— Пожалуйте, сейчасъ только номерокъ освободился,—сказалъ лакей, придавая какую-то особую важность такому обстоятельству.

— Топи сейчасъ каминъ,—распорядился Константинъ Северьяновичъ.—Что, сапоги, нѣтъ, не надо сымать, лучше пусть такъ высохнутъ, это своего рода compresse échauffante. Иди же за дровами... Нѣтъ, нѣтъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, послѣ переговоримъ. А теперь я распоряжусь лекарствомъ. Садитесь, сидите, я сейчасъ.

И онъ насильно усадилъ нашего героя въ кресло Александръ Яковлевичъ не зналъ, что дѣлать и былъ радъ, что вскорѣ воротился съ дровами лакей. Онъ сталъ пристально наблюдать, какъ тотъ возится у камина.

— Теперь задрало, важно!—сказалъ лакей, отступая отъ камина.—Больше ничего не прикажете?

Отвѣта не послѣдовало. Лакей вышелъ. Александръ Яковлевичъ безпокойно оглядѣлся, какъ бы ища, на что же ему смотрѣть за отсутствіемъ лакея. Глаза его упали на ближайшій стулъ; тамъ валялась, облитая пивомъ, „Заноза“. Онъ машинально взялъ ее и сталъ смотрѣть.

Передъ нимъ былъ его окаррикатуренный портретъ, въ непомѣрно высокой шляпѣ и въ дѣтской курточкѣ, вмѣсто пиджака. Онъ стоялъ подъ руку съ какой-то уродливой бабищей, толщиной въ сороковку. Подъ портретомъ стояло: „Идеалъ аристократическо-нравственной женщины, не пренебрегающій и поэтическими купчихами“.

— Она, ея дѣло! У, змѣя! — сказалъ Александръ Яковлевичъ, и вспыхнувшая на жену злоба возвратила его къ жизни.—И еще говорятъ, что эту дрянь получаютъ въ порядочныхъ домахъ!.. Что, если каррикатура попадется на глаза графини?..

Какой графини? Отъ нея осталось столько же, какъ отъ игравшаго радужными цвѣтами и веселившаго мальчика лопнувшаго мыльнаго пузыря! Именно такое сравненіе пришло въ голову Александру Яковлевичу,—обстоятельство, доказывающее, что даже въ самыя трудныя минуты жизни нашъ герой оставался превосходнымъ стилистомъ.

— Ну, вотъ и я, — возгласилъ Константинъ Северьяновичъ, за которымъ шелъ лакей съ тремя дымящимися стаканами на подносѣ.—Давай сперва этотъ. Пейте, пейте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ.

Тотъ отхлебнулъ.

— Но это огонь. Чего вы туда налили?

— Пейте,—настойчиво приказывалъ Кукуевъ.

— Охъ, не могу больше,—выпивъ полстакана, сказалъ Александръ Яковлевичъ.

— Пейте, пейте до дна. Иначе у васъ будетъ горячка. А я не потерплю, чтобы въ вашемъ лицѣ русская литература понесла такую крупную, такую горькую утрату.

— Ахъ, какъ тепло!—сказалъ Александръ Яковлевичъ, допивъ стаканъ.

— И слава Богу... А теперь мы выпьемъ съ вами по стаканчику обыкновеннаго пунша. Я тоже, хоть и подъ зонтикомъ, а промокъ. Съ боку такъ и хлещетъ!.. А ты:—водка, балыкъ на закуску, два обѣда по полтора и заморозишь бутылку.

— Съ бѣлой головкой прикажете?

— Разумѣется. А теперь, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, — хлебнувъ пуншу, сказалъ Константинъ Северьяновичъ,—слушайте и веселитесь. Я васъ оживлю въ одинъ мигъ. Вашу графиню зовутъ,—онъ прочелъ по бумажкѣ—Зинаида Николаевна Ранненфельсъ фонъ-Эйзенъ-Пфефферъ. Впрочемъ, она русская, и въ настоящую минуту въ своемъ, а не мужниномъ, какъ я и предвидѣлъ, имѣніи: Нижегородская губернія, Лукояновскій уѣздъ, село Большіе Приходы.

— Никакой графини нѣтъ!—съ посоловѣвшими отъ лекарства глазами и съ успокоеннымъ имъ же сердцемъ, сказалъ Александръ Яковлевичъ.

— Какъ нѣтъ?

— Вотъ! и онъ подалъ письмо юной дѣвы.

— Позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, я ровно ничего не понимаю... Ахъ, это, вѣроятно въ посылкѣ.

— Да.

— Но какая, однако, недостойная, въ высшей степени неприличная и тупая шутка!.. А! я теперь понимаю, почему уважаемый Иванъ Михайловичъ... я заходилъ къ нему надняхъ и когда входилъ въ кабинетъ... Позвольте, съ кѣмъ онъ былъ?.. Да, съ нашей будущей славой, съ романистомъ Вальковскимъ... И такъ, входя въ кабинетъ я слышалъ, какъ уважаемый Иванъ Михайловичъ сказалъ нашей будущей славѣ: „Повѣрьте, если онъ проглотилъ персидское письмо, то и камень проглотитъ“.

— Персидское письмо?

— Да, которое я еще отдавалъ по вашему порученію переводить въ Славянскую канцелярію. И я, если помните, тогда же предупреждалъ васъ. Оно мнѣ всегда казалось сомнительнымъ, поддѣльнымъ.

— Пусть! сказалъ Александръ Яковлевичъ и опустилъ голову.

Лакей вошелъ съ закуской.

— Выпьемъ по маленькой?—предложилъ Кукуевъ.

— По большой.

Лакей вышелъ.

— Такъ это они? спросилъ Александръ Яковлевичъ.

— То есть, собственно не уважаемый Иванъ Михайловичъ, а какъ я подозрѣваю, нашъ почтеннѣйшій чудакъ Андрей Ивановичъ.

— А! эта заслуженная бездарность, этотъ патентованный завистникъ молодыхъ талантовъ, какъ о немъ прекрасно сказано въ „Соревнователѣ“, куда я и перехожу сотрудничать.

— О, конечно, они вполнѣ заслужили ваше спра-

ведливое негодованіе своимъ непристойнымъ поведеніемъ. Они, конечно, спохватятся...

— Пусть, хлопая вторую рюмку, подтвердилъ нашъ герой.

Подали супъ.

— Но, позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ,—я все-таки не понимаю соотношенія между этой возмутительной шуткой съ камнемъ и вашей прелестной графиней...

— Сличите почеркъ!

Константинъ Северьяновичъ занялся долгимъ и самымъ основательнымъ сличеніемъ почерковъ.

— Но это ужасно! Это возмутительно! И однако рука несомнѣнно одна и та же... Поддѣлка не возможна, не мыслима.

— Пусть!

Послѣдовала перемѣна блюда.

— Такъ *они?* запивая супъ новой рюмкой водки, спросилъ Никаноровъ.

— Конечно, конечно... Но согласитесь, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, что письма написаны прекрасно, что въ нихъ строго выдержанъ слогъ, и даже есть не притворная страсть... Что ни говорите, а племянница почтеннаго Андрея Ивановича преталантливая особа!

— Какъ? вы знали, что она пишетъ письма, и...

— Что вы, что вы, милѣйшій Александръ Яковлевичъ! За кого вы меня принимаете, чтобы я позволилъ себѣ участвовать въ такой недостойной интригѣ... Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!.. Я узналъ только сегодня, и то не узналъ, а догадался, и то сейчасъ, въ ту самую минуту, какъ сказалъ вамъ о строгой выдержанности лю-

бовнаго слога. Видите ли, нашъ братъ чиновникъ, куда бы онъ ни шелъ, въ должность, или изъ должности, или по своему дѣлу, или даже безъ всякаго дѣла, никакъ не можетъ утерпѣть, чтобы не зайти къ Доминику, не выпить тамъ маленькую рюмочку и не съѣсть пирожокъ... Такъ и я сегодня, передъ самымъ приходомъ сюда... Сталкиваюсь тамъ съ нашей будущей славой, то-есть съ Вальковскимъ... О томъ, о семъ, о васъ... Я говорю, и то, знаете, просто, чтобы подразнить его, потому что онъ ужасно завистливъ, какъ вамъ прекрасно извѣстно. Итакъ, я говорю, что вы счастливецъ, что скоро будете богаты, разведетесь съ женою и женитесь на прелестной женщинѣ. Я думалъ его заинтриговать, и что же? „Уже не на графинѣ ли?“ спрашиваетъ онъ. Я даже остолбенѣлъ, потому что я въ этихъ вещахъ остороженъ до самыхъ микроскопическихъ мелочей и никогда бы не позволилъ себѣ не только назвать графиню по имени, но и сказать, что *она* титулованная особа. „А вы почемъ знаете?“ спрашиваю я. „Да ужъ знаю“. Я подумалъ, что, быть можетъ, вы какъ-нибудь сами, но все-таки сталъ приставать къ нему: „скажите да скажите, откуда вы знаете?“ А онъ: „Васъ это удивляетъ? Погодите, вы еще не такъ удивитесь надняхъ, когда узнаете, что у племянницы Андрея Ивановича большой беллетристическій талантъ: скоро выйдетъ въ свѣтъ ея романъ въ письмахъ“. Да и былъ таковъ. Тогда я не понялъ его намека, и только теперь, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, только теперь...

Александръ Яковлевичъ внимательно и нѣсколько подозрительно смотрѣлъ на своего друга во все время его долгой рѣчи. Но нѣтъ! его лицо было, какъ всегда,

гладко выбрито, и говорилъ онъ тѣмъ же ровнымъ, нѣсколько слащавымъ голосомъ, тѣмъ же свойственнымъ ему тономъ, какимъ-то среднимъ между дѣловымъ докладомъ и сердечнымъ участіемъ.

— Однако, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, оказывается, что онъ, наша будущая слава, былъ въ заговорѣ...

— Пусть! мрачно сказалъ Александръ Яковлевичъ, наливая еще рюмку.

Новая перемѣна, новое молчаніе.

— Подай полбутылки хереса, моего, знаешь, номеръ четырнадцатый? — приказалъ Константинъ Северьяновичъ.—А вамъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, извините, я не позволю больше пить водки; я слишкомъ для этого дорожу русской литературой и вашимъ симпатичнымъ талантомъ.

Александръ Яковлевичъ пожалъ руку своего преданнаго друга, но тѣмъ не менѣе проглотилъ уже налитую рюмку.

— О, *они* узнаютъ... они почувствуютъ мою тяжелую лапу, заговорилъ онъ.—Только я перейду въ „Соревнователь“... мнѣ ужъ, правда косвенно, дѣлали предложеніе...

— Помилуйте! Да я самъ почту за честь представить васъ Нестору нашей журналистики, убѣленному сѣдинами Семену Яковлевичу. Онъ даже просилъ меня надняхъ.

Нѣтъ болѣе сомнѣнія въ преданности Константина Северьяновича.

— И въ первой же статьѣ... „Заслуженный пасквилянтъ“... А, каково заглавіе?

— Еще бы! Въ немъ одномъ, милѣйшій Александръ

Яковлевичъ, я предчувствую типъ, цѣлый типъ... Надѣюсь, и нашей будущей славѣ...

— Отъ Вальковскаго и щепинки не останется!..

— Но вы убьете его...

— Пусть!

Подали хересъ.

— Они думаютъ, что этимъ глупымъ камнемъ убили мой талантъ... Нѣтъ, нѣтъ, въ стаканъ... Благодарю васъ.

— Вашъ талантъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, остается при васъ.

— Да, конечно, при мнѣ... И я докажу... Да, нужно имъ доказать, только не въ статьѣ... статья сама собою... а на дѣлѣ—фактомъ...

— Фактомъ?

— Именно. Вѣть не миѳъ же она; она жива, существуетъ, я ее видѣлъ; я влюбленъ въ нее...

— Въ кого, милѣйшій Александръ Яковлевичъ? спросилъ Константинъ Северьяновичъ, тревожно думая, ужъ не начинается ли съ его другомъ горячечный бредъ.

— Въ нее, въ графиню, въ поддѣльную, взятую на прокатъ, въ какую угодно; но только въ нее, въ живую, обаятельную, прелестную! Не могу же я такъ, ни съ чего, разлюбить ее!..

— Наконецъ-то я васъ понялъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ. Но, Боже мой, гдѣ же вы ее найдете? Подумайте, что въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Петербургъ, можно прожить десять лѣтъ и не встрѣтиться!

— Вы поможете мнѣ, любезный другъ. Вы обязаны сдѣлать это для меня.

— Повѣрьте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, я вашъ искренній другъ и готовъ для васъ на все, но вы требуете невозможнаго. Какъ, какимъ образомъ? Еслибы были какія-нибудь указанія, примѣты...

— Она блондинка.

— Прекрасно, милѣйшій Александръ Яковлевичъ. Пусть будетъ блондинка, допускаю даже, что вы поэтически опишете мнѣ ее вашимъ симпатическимъ слогомъ. Но подъ эти примѣты подойдетъ сотня женщинъ... Впрочемъ, позвольте, позвольте! Я могу, если угодно, спросить или не спросить, а хитро вывѣдать у почтеннаго Андрея Ивановича или его даровитой племянницы.

— Нѣтъ, *ихъ* не надо! Они опять придумаютъ какую-нибудь каверзу...

— Въ такомъ случаѣ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, вы ставите меня въ совершенно безвыходное положеніе. Или... Позвольте, позвольте! Вѣдь вы видѣли ее въ саду, если не измѣняетъ память, именно въ тотъ день, когда я засталъ васъ въ кофейной за рюмкой ликера?..

— Да, да...

— И я—не припомните?—вошелъ вскорѣ послѣ васъ?

— Почти слѣдомъ...

— Въ такомъ случаѣ... я, помнится, прямо въ кофейную, и отъ набережной...

— И они оттуда, оттуда...

— Такъ, такъ... Я припоминаю, какъ будто сквозь сонъ... Коляска, вороныя лошади...

Александръ Яковлевичъ началъ уже задыхаться.

— Вороныя, на силу сказалъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ, милѣйшій Александръ Яков-

левичъ, я могу, кажется, удовлетворить вашему любопытству... Позвольте еще: онъ—высокій сухощавый брюнетъ, она полная пепельная блондинка, съ большими сѣрыми на выкатѣ глазами...

— Она, она! Тысячу разъ она!

— И такъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, слушайте: онъ—кавалергардъ... на этотъ разъ вы вѣрно опредѣлили форму... кавалергардъ Преславскій, а она танцовщица Тушканчикова 2-я.

— Вы ее знаете? вы можете меня представить?

— Представить, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, я конечно могу. Но я долженъ предупредить васъ, что, во-первыхъ, Преславскій страшно богатъ; во-вторыхъ, они живутъ какъ мужъ съ женой, у нихъ двое дѣтей; онъ, вѣроятно, даже впослѣдствіи женится на ней. Сверхъ того,—замѣтьте это, милѣйшій Александръ Яковлевичъ,—балетныя отличаются вообще непоколебимой вѣрностью. Не то, что драматическія...

— Все равно. Она писала...

— Вы забываете, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, что писала не она, а даровитая племянница почтеннѣйшаго Андрея Ивановича.

— Все равно. Она читала...

— О, она, повѣрьте, ничего не читаетъ, кромѣ романовъ. И если бы ей даже вздумалось прочесть одну изъ вашихъ крайне симпатичныхъ, но черезчуръ серьезныхъ статей, она все равно не поняла бы ни слова...

— Пусть!

— Прикажете подать жаркое?

— Да, подавай, только поскорѣе. А вы, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, вы ничего не кушаете.

— Благодарю васъ. Я сытъ. Но хересу, если осталось...

— Извольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, извольте... Но она, повторяю, не пойметъ...

— Но чувства она понимаетъ же?

— О, чувства—конечно.

— И довольно.

— Но, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, однихъ чувствъ не достаточно; наконецъ, они имѣются и у Преславскаго. Гдѣ же ваши шансы?

— А извѣстность, а слава? Помните у Языкова:

Отдайся мнѣ! Любви забавы
Я сладкозвучно воспою,
И окружу лучами славы
Младую голову твою...

— Но, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, вы забываете, что вы не лирическій поэтъ.

— Пусть!

Лакей хотѣлъ, но не успѣлъ вставить своего слова.

— Все равно, я критикъ, я великій критикъ, наконецъ драматургъ... Развѣ успѣхъ драмы?..

— Но драма еще не написана, милѣйшій Александръ Яковлевичъ.

— А, пока... пока свеземъ ее на чтеніе. Апплодисменты должны подѣйствовать на нее обаятельно. А мнѣ, слава Богу, апплодируютъ все таки немного побольше, чѣмъ моей Мегерѣ даже на ея пресловутомъ второмъ дебютѣ...

— Позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ. Я вашъ другъ, но еще болѣе люблю Платона, какъ выражается our mutual friend *) и несправ-

*) „Нашъ взаимный другъ“. Заглавіе романа Диккенса.

ненный артистъ Монголовъ. И я считаю долгомъ вступиться за очаровательную Ольгу Платоновну. Нѣтъ, нѣтъ!.. Правда, въ концѣ пятаго акта ей испортилъ сцену этотъ шепелявый любовникъ Сурковъ, который изъ тридцати шести буквъ не выговариваетъ ровно тридцать пять... Онъ, между нами, живетъ съ Кошкиной-Ободранской. За то въ третьемъ актѣ... въ третьемъ актѣ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, она имѣла положительный, блестящій успѣхъ.

— Пусть!..

— А какъ прикажете подавать шампанское? Теперь или послѣ мороженаго?

— Теперь, послѣ, вмѣстѣ слѣдомъ или какъ хочешь, только не мѣшай намъ... И что главное, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, она, какъ говорится, подняла всю публику, восхитила всѣхъ, и сама, безъ всякаго кляка...

— Пусть!.. Пусть!.. Но и я...

— Но у васъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, согласитесь, дѣло все-таки не обошлось безъ кляка...

— Клякъ? Какой клякъ?..

— Не французскій, подкупной, дѣланный, а нашъ русскій, родной, теплый, симпатичный, сердечный... Неужели вы не знаете? О, Боже мой, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, что значитъ постоянно жить въ идеалѣ и пренебрегать грубой дѣйствительностью! А между тѣмъ ни наши, ни иностранные артисты и не думаютъ пренебрегать. Они напримѣръ, охотно читаютъ или поютъ въ пользу учащейся молодежи, а молодежь такъ восторженна, горяча, такъ неиспорчена и благодарна, — и вотъ вамъ и купленъ лишній вызовъ въ театрѣ, и не одинъ, а цѣлыхъ десять. А артистки, онѣ

всегда съ какимъ-нибудь зажигательнымъ стихотвореньицемъ...

— Но публика?..

— Публика, эта почтеннѣйшая публика, какъ говаривалось въ старину, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, разумѣется, поддержитъ, ей только слѣдуетъ указать, а она ужъ и пойдетъ, и пойдетъ!..

— И мнѣ...

— А относительно васъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, знаете, мнѣ даже просто обидно ваше невниманіе. Развѣ вы не помните, какъ я хлопоталъ, бѣгалъ, старался, собиралъ вокругъ васъ разнообразную, но преданнную толпу поклонниковъ? Какъ мы усердствовали!.. Конечно, все это я дѣлалъ не изъ какихъ-нибудь корыстныхъ разсчетовъ, а единственно изъ уваженія къ вашему симпатичному таланту!..

— Пусть! отвѣчалъ Александръ Яковлевичъ, опуская свою лавровѣнчанную голову.

Подали шампанское, но нашъ герой, погруженный въ пессимистическое раздумье, даже и не замѣтилъ его.

Итакъ, вотъ источникъ его славы! Не будь дружескаго клика, ему пожалуй и не хлопнули бы! И если не будетъ и впредь, то чего добраго и вся слава разлетится какъ дымъ. Но, нѣтъ! она не миоъ, она есть, существуетъ, онъ ее чувствуетъ. Не одинъ Кукуевъ, а... но кто же? Племянница вдовы губернскаго прокурора? Но она сдружилась съ Мегерой, да и тогда, конечно, хвалила его только для того, чтобъ помочь теткѣ облопошить его на счетъ дачи. Артистъ? Но чортъ его знаетъ; можетъ быть и у него были корыстные виды, напримѣръ разсчетъ на хвалебную статейку. Кто же, кто же еще? Или никого? Живъ человѣкъ, откликнись!

Вдругъ герой нашъ, точно что-то вспомнивъ, выпрямился и заговорилъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни они, никто и ничто не отыметъ у меня ни моего таланта, ни моей извѣстности. Пусть и графиня миѳъ, пусть и на чтеніяхъ клякъ!..

— Но дружескій, почтительный, уважающій вашъ симпатичный талантъ. Ради Бога, не забывайте этого милѣйшій Александръ Яковлевичъ.

— Все равно. У меня есть доказательства повѣсче. У меня груда, ящикъ, цѣлый милліонъ писемъ... Изъ Россіи, изъ ея сердца, изъ ея самыхъ глубокихъ нѣдръ, а это поважнѣе всякихъ кляковъ и вторыхъ дебютовъ.

— Позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ. Какъ, вы съ вашимъ умомъ вѣрите въ эти письма даже послѣ безподобнаго посланія персидскаго врача?

У Александра Яковлевича весь хмѣль вылетѣлъ изъ головы.

— Какъ? выпучивъ глаза, сказалъ онъ, да такъ и остался съ открытымъ ртомъ.

— Очень просто, мой милѣйшій! Если они съумѣли сочинить персидское письмо, то почему же имъ было не сочинить дюжины, другой русскихъ?

— Но не могли же они сочинять ихъ сразу въ нѣсколькихъ городахъ!

— Позвольте, позвольте, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, какъ вы, однако, простосердечны! Этого вовсе и не требуется. Письма пишутся, разумѣется, здѣсь, въ Петербургѣ. А сколько отсюда ежедневно выѣзжаетъ однихъ чиновниковъ въ командировку или на

службу, по всѣмъ трактамъ, до отдаленнѣйшихъ тундръ Сибири! Вы просите вашего знакомаго взять пять, шесть, десять писемъ, смотря по отдаленности его пути, и опустить ихъ въ ящики въ разныхъ городахъ или даже на промежуточныхъ станціяхъ. Если онъ полюбопытствуетъ узнать, зачѣмъ это надо, то отвѣчайте прямо, что хотите вышутить одного изъ вашихъ милыхъ и симпатичныхъ друзей. Русскій человѣкъ всегда не прочь записать другого въ дураки. Да вы сами, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, вы сами въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, вполнѣ русскій человѣкъ!

— Никогда! Это подлость! въ негодованіи вскричалъ Никаноровъ, но тутъ же почувствовалъ въ глубинѣ сердечной, что взялся бы отправить хоть сейчасъ цѣлыхъ сорокъ писемъ по адресу Андрея Ивановича, только разумѣется, ругательныхъ.

— При томъ, въ самыхъ этихъ письмахъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, сказалось невольное уваженіе къ вашему симпатичному таланту. Всѣ они были хвалебныя. И, припомните, въ одномъ, вы мнѣ его читали, и я тогда же прямо сказалъ вамъ это... И такъ, въ одномъ заключалась даже чрезвычайно мѣткая характеристика вашего крайне симпатичнаго, хотя черезчуръ серьезнаго таланта. А вообразите, что вы, вмѣсто того, получили бы дюжину ругательныхъ писемъ?

Александръ Яковлевичъ даже поблѣднѣлъ.

— Или если бы къ редактору стали еженедѣльно приходить письма, въ которыхъ говорилось бы, напримѣръ, что ваши статьи возмущаютъ все мѣстное общество?

— Развѣ и это дѣлается?

— Я не смѣю утверждать, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, что былъ такой именно фактъ, но онъ вполнѣ возможенъ. Если и въ нашемъ служебномъ быту анонимныя письма все-таки дѣлаютъ свое дѣло, не смотря на то, что у насъ самъ законъ возбраняетъ начальствующимъ обращать на нихъ какое-либо вниманіе, то... А редакторъ? я знаю ихъ всѣхъ, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, и сужу, замѣтьте, не какъ заинтересованное лицо, а какъ посторонній, не лишенный наблюдательности человѣкъ. Итакъ, всякій редакторъ, даже умный,— что, какъ вамъ извѣстно, встрѣчается далеко не всегда, — любое анонимное письмо, любой отзывъ встрѣчнаго дурака, если онъ только отрицательный, принимаетъ за голосъ общественнаго мнѣнія. Они, конечно, не прочь и отъ похвалы, но ее относятъ на счетъ своей редакторской умѣлости, на счетъ своей геніальной прозорливости въ выборѣ сотрудниковъ. Иначе, согласитесь, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, за всякую хвалу пришлось бы увеличивать гонораръ. Но что съ вами, мой милѣйшій? Вы совершенно растерялись, у васъ... Успокойтесь, успокойтесь, милѣйшій Александръ Яковлевичъ, вѣдь вашъ симпатичный талантъ, по прежнему, при васъ.

Но Александръ Яковлевичъ уже не чувствовалъ въ себѣ никакого таланта. Его литературная дѣятельность представлялась ему чѣмъ-то давно прошедшимъ. Онъ не могъ даже понять, когда, съ чего и зачѣмъ сдѣлался писателемъ. Онъ опустилъ голову, онъ низко склонился всѣмъ туловищемъ, точно хотѣлъ сложить себя вдвое, дабы его тѣмъ удобнѣе можно было выбросить изъ русской литературы.

— Полноте, будьте же мужчиной, милѣйшій Але-

скандръ Яковлевичъ!.. Глядите: шампанское на столѣ. Выпьемъ же за вашъ талантъ, за ваши будущіе успѣхи!

— Выпьемъ, встряхнувшись, сказалъ нашъ герой.—Только, пожалуйста, больше объ этомъ ни слова. Къ чорту всѣхъ этихъ графинь, всѣ эти чтенія и вторые дебюты и всю русскую литературу! Давайте просто кутить. У меня, не бойтесь, еще осталось пятьдесятъ рублей. Станемте же болтать, городить всякій вздоръ, разказывать глупые анекдоты, хохотать до упаду и главное: пить, пить, пить!

— Кто это такъ грозно и повелительно кричитъ: пить, пить, пить! — сказалъ Ардальонъ Прохоровичъ, заглядывая въ дверь.—А! это ты дружище! Здравствуй, милѣйшій графъ Нино Галлури!

Для читателя, нѣсколько беззаботнаго насчетъ отечественной драматургіи, авторъ считаетъ долгомъ замѣтить, что въ страшной драмѣ Полевого „Уголино“ названный графъ, придя съ друзьями въ таверну, кричитъ: „Графъ Нино Галлури платитъ за все“! Оттого въ актерскомъ, и отчасти въ писательскомъ кругу, тотъ, кто въ данномъ случаѣ угощаетъ другихъ на свой счетъ, именуется графомъ Нино Галлури.

X.

Остается эпилогъ.

Опытъ Андрея Ивановича, какъ видѣлъ читатель, удался вполнѣ. Онъ выигралъ пари съ Ивана Михайловича и получилъ роскошное изданіе Шекспира, которое ему давно хотѣлось имѣть. Но, когда, по возвращеніи изъ Костромы, онъ узналъ отъ главнѣйшаго

участника опыта, Константина Северьяновича Кукуева, объ огорченіяхъ и злоключеніяхъ Александра Яковлевича, ему стало не по себѣ.

— Да-съ, опытъ долженъ быть признанъ удачнымъ-съ, сказалъ онъ.—Подробности были строго и сообразно обдуманы. И какъ онъ занималъ меня! Право, надъ иной подробностью я по днямъ ломалъ голову и, она приходила затѣмъ какъ-то вдругъ, по вдохновенію. И какъ я радовался! Ни дать, ни взять—поэтъ, которому точно муза шепнула въ ухо удачную риѳму... Но знаете ли, Константинъ Северьяновичъ, мы все-таки дѣлали съ вами не вполнѣ похвальное дѣло. Вѣдь мы-съ надъ нимъ учинили нѣчто въ родѣ нравственной вивисекціи. И собаку жаль, когда ее ученый, положимъ ради научныхъ цѣлей, начинаетъ потрошить живую, а ужъ человѣка-то!.. Конечно, есть маленькое утѣшеніе: Никанорову опытъ пошелъ въ прокъ и во-время отвадилъ его отъ литературы... А, впрочемъ, кто скажетъ? можетъ быть, у него и былъ какой-нибудь талантъ, только не успѣлъ выясниться, не успѣлъ выйти на свою дорогу. А нашъ опытъ подрѣзалъ его, какъ морозъ молодой ростокъ, если и не могучаго дуба, то все же красиваго и пріятнаго цвѣтка!

Съ тѣхъ поръ Андрей Ивановичъ упорно молчалъ, когда его спрашивали о талантѣ начинающихъ писателей, и усовѣщивалъ другихъ, когда слышалъ рѣзкія литературныя нападки.

— Эхъ, господа, говорилъ онъ.—Не спѣшите, не торопитесь оцѣнкой. Богъ его-съ знаетъ, что изъ него выйдетъ. Нѣтъ-съ, станемъ лучше подражать древнимъ грекамъ, а они лучше насъ разумѣли это дѣло-съ. И говорили: „что вы съ него много спрашиваете, вѣдь

онъ всего *сороковую* драму написалъ." Да-съ, а мы-съ по второй, по третьей, да хоть бы и по десятой вещи судимъ, и на-крикъ кричимъ: „исписался!" А кто знаетъ, можетъ быть, въ этой *новой* вещи есть свои особыя, даже высшія достоинства, да только *мы* ихъ не видимъ, потому что ищемъ *старыхъ*, уже знакомыхъ намъ. За то-съ, когда талантъ окончательно испишется и впадетъ въ такъ называемую манеру, мы начинаемъ вопить: „геній!" А отчего? оттого что въ немъ нѣтъ уже ничего новаго, ничего такого, что требовалось бы еще открыть критикѣ—не бойтесь, не моей и не вашей, а критикѣ въ научномъ смыслѣ слова—а все старое, жеванное, пережеванное.

И слѣдомъ, старикъ начиналъ декламировать:

Братья-писатели! Въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое.
Еслибы всѣ мы, не вѣря себѣ,
Выбрали поле другое,—
Не было-бъ, точно, согласенъ и я,
Жалкихъ писакъ и педантовъ,
Только бы не было также, друзья,
Скоттовъ, Шекспировъ и Дантовъ.

— Превосходные стихи-съ, заключалъ онъ.—Только Скоттъ напрасно попалъ въ тріаду. Вѣрнѣе бы Гете: и стихъ бы ничего не потерялъ, и правда бы много выиграла.

Ольга Платоновна окончательно разошлась съ мужемъ. Какъ многіе художники, она была суевѣрна и предразсудочна. Она окончательно увѣрила себя, что ея артистическая карьера до тѣхъ поръ не пойдетъ на ладъ, пока она будетъ сожительствовать съ Александромъ Яковлевичемъ, а потому рѣшилась „обновить репертуаръ", какъ говаривала одна актриса, мѣняя любовника. И что же? осенью она дебютировала въ томъ

же клубѣ, но уже въ роли, которую сама выбрала Успѣхъ былъ огромный. Въ той же газетѣ, гдѣ годъ назадъ ея, орошенную собственными слезами, игру нашли холодной, теперь отыскали въ ней и „неподдѣльный огонекъ", и „теплоту", и „непритворныя слезы", и много тому подобныхъ прекрасныхъ вещей. Въ заключеніе говорилось, что, конечно, г-жѣ Каверзневой (она играла подъ своей дѣвичьей фамиліей) суждено вскорѣ стать не просто одной изъ блестящихъ звѣздочекъ, а настоящимъ свѣтиломъ александринской сцены. Другой критикъ, въ пылу восторга, назвалъ ее „сдобненькой" и даже „уютненькой".

Какъ ни храбрился Александръ Яковлевичъ въ ресторанѣ, а на другое утро проснулся кисель киселемъ. Цѣлыхъ пять дней онъ провалялся на диванѣ, питаясь только чаемъ съ булками, то задремывая, то вздрагивая со сна, и все думалъ о своемъ „срамѣ", все переживалъ ту же отвратительную нравственную жвачку. Богъ знаетъ, что бы съ нимъ сталось, еслибъ подъ вечеръ шестого дня къ нему не забрелъ Ардальонъ Прохоровичъ.

— Это что? вскричалъ онъ.—Валяться, киснуть? Вздоръ, дружище! Живи артистической жизнью: сегодня фуроръ, завтра фіаско; сегодня фіаско, завтра фуроръ. И изъ-за чего раскисъ? Изъ-за какой-то графини, которая, я увѣренъ, выѣденнаго яйца не стоитъ. Что буркулы выпятилъ? Думаешь, я не помню, что ты пьяненькій вралъ? Къ чорту, ихъ графинь! „Забрось ее на задній дворъ забвенья!" какъ говорится въ одной древней трагедіи. Я тебя, дружище, съ такими хористочками и корифеечками сведу, что пфа!

И артистъ, засунувъ три среднія пальца въ ротъ,

вытащилъ ихъ оттуда, произведя съ неподражаемымъ искусствомъ звукъ, подобный тому, который раздается, когда откупориваютъ плотно забитую пробку.

Слѣдомъ Ардальонъ Прокоровичъ необыкновенно ловко и быстро распорядился на счетъ разнообразныхъ закусокъ, штофа водки и двухъ дюжинъ пива и, стащивъ Александра Яковлевича съ дивана, приказалъ ему немедленно умыться и одѣться.

Выпивъ на свой пай съ полдюжины пива, Александръ Яковлевичъ заснулъ такимъ богатырскимъ сномъ, что щвейцаръ на другой день не смогъ добудиться его. Онъ проснулся только въ третьемъ часу и тотчасъ же плотно позавтракалъ остатками разнообразныхъ закусокъ (питейное до тла было уничтожено Монголовымъ).

Затѣмъ нашъ герой рѣшительно подошелъ къ столу, чтобы записать планъ драмы, который вчера былъ окончательно установленъ: изъ уваженія къ сценическимъ познаніямъ своего новаго друга, а равно въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, Александръ Яковлевичъ рѣшилъ жены не убивать, а просто разойтись съ нею, и взамѣнъ прихлопнуть на этапѣ графиню изъ ревности къ гарнизонному офицеру изъ кавалергардовъ. Никаноровъ взялъ перо, но почти мгновенно безсильно выпустилъ его изъ руки. Его талантъ не выдержалъ испытанія; его писательское перо было расплюснуто проклятымъ камнемъ, упавшимъ съ сердца юной дѣвы. Тутъ же Александръ Яковлевичъ рѣшилъ, что ему надо бросить, конечно, на время (онъ не смѣлъ еще сказать „навсегда“) всякое писательство.

Вскорѣ, при помощи Ивана Михайловича, Никаноровъ получилъ очень хорошее мѣсто по акцизу, и уѣхалъ въ провинцію. Изъ него вышелъ толковый и

дѣльный чиновникъ. Не прошло и полугода, какъ онъ подалъ проектъ о различныхъ улучшеніяхъ по акцизной части. Проектъ былъ благосклонно принятъ въ Петербургѣ и удостоился утвержденія. Того не довольно: мѣрѣ, имъ предложенной, посчастливилось, и она вскорѣ вызвала триста тридцать шесть министерскихъ циркуляровъ съ дополненіями, разъясненіями, измѣненіями и распоряженіями. Такого успѣха не запомнили въ министерствѣ. Дотолѣ самая геніальная мѣра удостоилась только двухъ сотъ пятидесяти девяти министерскихъ циркуляровъ.

Все хорошо, да, по несчастью, Александръ Яковлевичъ сталъ запивать, вначалѣ, правда, не особенно часто: не болѣе четырехъ разъ въ полгода. Изрядно наклюкавшись, онъ совершенно забывалъ о настоящемъ и помнилъ только свое блестящее прошлое. Передъ нимъ проносились букеты, чтенія, персидскія и русскія письма, племянницы губернскихъ прокуроровъ, артисты, преданные друзья, и прочее. Какъ ни странно, роковой камень никогда не вспоминался ему. Въ мечтахъ ему представлялось, что всѣ сказанныя, несомнѣнно существовавшія блага какъ-то мгновенно исчезли куда-то, точно провалясь сквозь землю. И тутъ Александръ Яковлевичъ начиналъ горько и неутѣшно плакать о своей безвременно погибшей славѣ.... Пьяныя слезы!.. Но чѣмъ же онѣ жиже трезвыхъ, господа?

8 Іюля 1888 г.
Путилово.

УЧЕНЫЙ СОНЪ.

РАЗКАЗЪ.

Жизнь наша двойственна:
У сна есть свой
Особый міръ.
Байронъ.

I.

Какъ-то, на вешняго Николу, къ Николаю Николаевичу, по случаю его именинъ, собралось довольно много всякаго народа: тутъ были ученые, писатели, учителя, профессора, знаменитости и начинающіе, и даже одинъ не то техникъ, не то инженеръ. Я самъ не былъ на этомъ вечерѣ, но все что происходило на немъ, а равно все за нимъ послѣдовавшее передано мнѣ съ полной научной точностью моимъ почтеннымъ другомъ, Иваномъ Дмитріевичемъ, фамилія котораго слишкомъ извѣстна, чтобъ печатать ее всѣми буквами. Мнѣ случилось гдѣ-то прочесть, будто русскіе люди, по какому бы поводу они ни собрались и о чемъ бы ни бесѣдовали, въ концѣ-концовъ заговорятъ о Россіи и ея будущемъ величіи. По моимъ наблюденіямъ, разговоръ русскихъ людей, а можетъ быть и не однихъ русскихъ, подъ конецъ вечера (который часто приходится въ на-

чалѣ слѣдующаго утра) склоняется къ предметамъ фантастическимъ, сверхъестественнымъ и мистическимъ. То же случилось и на именинахъ Николая Николаевича.

Разговорились о снахъ, видѣніяхъ, предчувствіяхъ и предсказаніяхъ. Спорили, утверждали и опровергали, приводили мнѣнія знаменитыхъ людей и излагали свои собственныя сужденія; вообще же колебались между самодовольнымъ признаніемъ всемогущаго, объясняющаго все необъяснимое, „случая“ и шаткимъ убѣжденіемъ: „нѣтъ, что ни говорите, а что-то такое какъ будто и есть“. Разумѣется, дошли и до гаданій о будущей жизни.

— А вы помните, не знаю какъ назвать, ученіе или взглядъ Гёте на этотъ счетъ? спросилъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности, не то инженеръ, не то технологъ, доселѣ упорно молчавшій и затѣмъ равно не проронившій ни одного слова.

— Вы, вѣроятно, разумѣете его ученіе о неразрушимости энтелехіи? спросилъ молодой философъ Приточинъ.

— *Энтелехія*! Что за мудреное слово! Терпѣть ихъ не могу! отозвался критикъ Пятнушкинъ.

— Не такъ ужь мудреное, какъ то кажется съ перваго взгляда, вскричалъ философъ.—Гёте взялъ его у Аристотеля. Оно состоитъ изъ двухъ греческихъ словъ изъ которыхъ одно значитъ—*вполнѣ* или *совершенно*, а другое—*держу*. Подъ этимъ названіемъ, поэтому, и разумѣется нѣкоторая вѣчная сила, нѣкоторая неизмѣнная сущность, довлѣющая самой себѣ, обладающая въ самой себѣ законами своего развитія. Впрочемъ, вы отчасти правы: не одна купчиха Островскаго, но и всѣ

мы побаиваемся страшныхъ словъ. Разница въ томъ, что купчиха прямодушно и простодушно пугалась, когда при ней произносили: жупелъ, или металлъ (философъ ярко отчеканилъ оба *л*),—а мы дѣйствуемъ криводушно и презрительнымъ смѣшкомъ надъ ученымъ словомъ, нерѣдко прикрываемъ свое... философъ хотѣлъ сказать *невѣжество*, но удержался и произнесъ:—невѣдѣніе.

— А! понимаю, презрительно произнесъ критикъ,— дѣло идетъ не болѣе, не менѣе, какъ о безсмертіи души, во что̀ я, сказать мимоходомъ, вовсе не вѣрю, а зачѣмъ-то понадобилось мудреное словечко—какъ бишь?.. энт... энк... право, раньше трижды поперхнешься, чѣмъ выговоришь... Охъ, ужь эти нѣмцы!..

— Извините мое невѣжество, обратился Иванъ Дмитріевичъ къ Приточину,—но я и самъ не понимаю точно, въ чемъ же разница между душой и энтелехіей.

Вопросъ былъ сдѣланъ взволнованнымъ и даже дрогнувшимъ голосомъ. Иванъ Дмитріевичъ и самъ не зналъ, почему взглядъ Гёте до чрезвычайности возбудилъ его любопытство; онъ весь насторожился и ждалъ отвѣта философа, какъ нѣкотораго откровенія, отъ чего чуть-ли не будетъ зависѣть его дальнѣйшая судьба.

— Разница въ томъ, со своей обычной обстоятельностью заговорилъ философъ,—что подъ душою разумѣется не только вся совокупность нашей внутренней жизни, но и ея внѣшнія проявленія. Душа такъ-сказать въ нашемъ представленіи связана съ тѣломъ, а подъ энтелехіей разумѣется неразрушимая сущность души...

— Или духъ, животворящій душу? подсказалъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Пожалуй, но духъ именно въ томъ смыслѣ, какъ

вы сейчасъ употребили: духъ оживляющій душу. Ему-то Гёте приписывалъ неизмѣнныя свойства, которыя могутъ проявиться и внѣ тѣла; онъ-то, по мнѣнію Гёте, и можетъ пережить человѣка...

— Теперь я какъ будто начинаю понимать текстъ, который въ юности затвердилъ совершенно безсмысленно: „сѣется тѣло душевное, воскресаетъ тѣло духовное", задумчиво проговорилъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Вѣдь энтелехія то же самое, что́ Лейбницъ разумѣлъ подъ именемъ монады? спросилъ Лютостанскій, давно уже горѣвшій нетерпѣніемъ вставить свое слово: онъ любилъ блеснуть своей начитанностію и сыпалъ цитатами.

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Приточинъ.

— Конечно, конечно, торопливо заговорилъ Лютостанскій, какъ бы боясь, что его перебьютъ.—Конечно, вѣдь и монада обозначаетъ нѣчто недѣлимое, неразрушимое и притомъ нематеріальное... А, помнится, доказательство существованія энтелехіи или духа въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ Иванъ Дмитріевичъ, Гёте видѣлъ въ упорствѣ или, какъ онъ выразился, въ жестоковыйности характеровъ. И, дѣйствительно, всѣ мы знаемъ что человѣкъ, по пословицѣ, каковъ въ колыбелькѣ—таковъ и въ могилкѣ. Характеръ проявляется у дѣтей очень рано, и остается неизмѣннымъ на всю жизнь. И еще въ томъ, что человѣкъ не принимаетъ въ себя и даже такъ-сказать отталкиваетъ отъ себя все, что́ не подходитъ къ его натурѣ, или выражаясь нѣсколько тривіально, что́ ему не по нутру. И это всякій знаетъ, по личному опыту.

— Ну, этого я что-то не понимаю, сказалъ критикъ.

— Да вотъ вамъ самимъ не по нутру же ученыя слова, да, кажется, и ученость вообще, выпалилъ философъ.

— Не помогу-ли я вамъ нѣкоторымъ уподобленіемъ? мягко сказалъ именинникъ, обращаясь къ Пятнушкину и желая загладить черезчуръ рѣзкую выходку Приточина.—Въ этомъ случаѣ человѣческую волю—ибо въ характерѣ выражается именно воля—можно уподобить органической клѣточкѣ, которая принимаетъ извнѣ только то, что ей полезно, чѣмъ она питается и что можетъ себѣ усвоить, а остальное извергаетъ.

— Превосходное уподобленіе! замѣтилъ философъ.

Критикъ только крякнулъ.

— А помните вы его разговоръ съ Фальконетомъ? спросилъ Лютостанскій.

— Какже!

— Ахъ, разкажите, разкажите! вдругъ встрепенувшись отъ задумчивости, вскричалъ Иванъ Дмитріевичъ.

— Разговоръ происходилъ въ день похоронъ Виланда, котораго Гёте любилъ и очень уважалъ. Тутъ онъ выразился прямо, что никоимъ образомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобъ силы, оживлявшія такую душу, какъ Виландъ, исчезли безслѣдно: природа не можетъ быть столь расточительна. Онъ пророчилъ Виланду великую будущность и въ загробной жизни, какъ бы провидя его геніемъ-покровителемъ одной изъ безчисленныхъ планетъ. При этомъ, насчетъ того, будетъ-ли душа помнить свое прошлое, онъ высказался, что сохранится только общее воспоминаніе прошлаго, а никакъ не подробностей, и что оно, это воспоминаніе, въ грядущей

жизни будетъ проявляться въ видѣ нѣкотораго рода пророческихъ идей. Я, впрочемъ, не стану докучать вамъ изложеніемъ всего ученія, да и боюсь, что память мнѣ измѣнитъ и я передамъ кое-что не точно. Лучше прочтите сами разказъ Фалька. Не могу, однако, не вспомнить одной частности, которая глубоко поразила меня. Именно, не вѣря въ уничтоженіе монады, или сущности души, Гёте однако вѣрилъ, что оставивъ наше тѣло, наша монада можетъ быть поглощена другой сильной монадой, хотя бы и низшаго разбора. Онъ, не смотря на весь свой геній, и себя не считалъ изъятымъ отъ такой опасности.

— Ну, это ужъ какой-то мистическій бредъ, пробурчалъ критикъ.

— И эта вѣра была въ немъ такъ сильна, продолжалъ Лютостанскій, не обращая вниманія на критическое бурчанье, — что когда въ ту самую минуту, какъ онъ произносилъ передъ Фалькомъ эти слова, залаяла собака, — а Гёте, надо вамъ сказать, терпѣть не могъ собакъ, — то великій писатель не сдержался, отворилъ окно, и высунувшись на улицу, прокричалъ обращаясь къ собакѣ: „Какъ бы ты ни ухищрялась, ларва, а я съумѣю достигнуть того, что ты меня не поглотишь и не подчинишь себѣ“.

— Эхъ, господа, громогласно и побѣдоносно возгласилъ критикъ, — и охота вамъ была такъ долго разглагольствовать и пускать намъ пыль въ глаза своей начитанностью и ученостью! Сказали бы просто, что Гёте вѣрилъ въ переселеніе душъ...

— Не совсѣмъ такъ, вступился философъ. — Ученіе о переселеніи душъ предполагаетъ извѣстное соотвѣтствіе между вашими здѣшними дѣяніями и ожидающей

васъ за гробомъ судьбой. Вы вели себя здѣсь дурно, напримѣръ чревоугодничали, а потому не угодно-ли будетъ вашей душѣ, въ наказаніе за такой порокъ вашего желудка, переселиться въ свинью. Если и въ свиномъ образѣ вы будете продолжать злое житіе, то васъ переведутъ въ какую-нибудь еще болѣе гнусную образину; если же будете вести себя добропорядочно, то васъ повысятъ въ чинѣ. И такъ далѣе. Гёте же смотрѣлъ на дѣло скорѣе какъ натуралистъ. У васъ есть извѣстныя свойства, которыя могутъ пригодиться монадѣ того или другаго животнаго, и она безо всякой церемоніи поглотитъ васъ ради этихъ вашихъ свойствъ, столь же просто и естественно, и притомъ разъ и навсегда, какъ на землѣ одно животное поглощаетъ другое ради насыщенія своей грѣшной плоти. При этомъ, нашего брата могутъ ожидать великія неожиданности. Представьте себѣ человѣка, который всю жизнь и воображалъ, и хвалился тѣмъ, что у него необыкновенное художественное чутье. Вотъ онъ умеръ, и что же? Оказывается что у него было просто чутье на дичь, которымъ и воспользуется какой-нибудь смышленый лягашъ.

Нѣкоторые засмѣялись. Критикъ злобно покосился на нихъ, и насупился.

II.

Разговоръ продолжался, но уже не задѣвалъ за живое Ивана Дмитріевича. Онъ и прислушивался къ нему, и позже, когда рѣчь перешла на другіе, болѣе игривые, предметы, даже смѣялся и вставлялъ свое слово, но все это дѣлалъ автоматически. Въ глубинѣ

его занимала все одна и та же мысль: онъ то углублялся въ самого себя, отыскивая какому именно животному можетъ пригодиться которое-нибудь изъ его коренныхъ свойствъ, то приглядывался съ этой цѣлью къ другимъ. Онъ вышелъ отъ Николая Николаевича съ той же засѣвшей гвоздемъ мыслью, и былъ до того невнимателенъ ко всему окружающему, что проѣхалъ свой домъ и очнулся только тогда, какъ извозчикъ, довезя его до конца улицы, спросилъ: „да куда жъ?“

Придя домой, Иванъ Дмитріевичъ продолжалъ размышлять о томъ же, но изъ его думанья ничего не выходило. Мысль, безплодно толкаясь въ одну и ту же точку, наконецъ устала, и Иванъ Дмитріевичъ заснулъ.

Во снѣ ему пригрезился какой-то шумъ, не то отдаленные раскаты грома, не то громкое и надоѣдливое голубиное воркованье. Стараясь рѣшить, отъ чего именно происходятъ эти звуки, Иванъ Дмитріевичъ вскорѣ убѣдился, что онъ просто сидитъ въ пивной, гдѣ къ дождю раскричались не въ мѣру подгулявшіе нѣмцы. Крики усиливались, крупный разговоръ начиналъ переходить въ ссору, причемъ одинъ совопросникъ утверждалъ, что они сидятъ въ *кнейпе*, сирѣчь въ кабачкѣ, а потому онъ имѣетъ полное право надѣть шляпу на голову, а другой, что они скорѣе въ ресторанѣ, а потому надѣваніе шляпы на голову должно почесться дѣйствіемъ въ высшей степени невѣжливымъ. Защитникъ вѣжливости разгорячился наконецъ до того, что, схвативъ вилку, пустилъ ею въ своего противника. Къ несчастью, вилка угодила не въ него, а воткнулась прямо въ животъ Ивана Дмитріевича.

Иванъ Дмитріевичъ вскрикнулъ и проснулся отъ боли.

Открывъ глаза, онъ удостовѣрился, что нѣтъ ни грома, ни голубей, ни нѣмцевъ, ни вилки, а скорѣе у него въ желудкѣ поднялись несносная воркотня и колики.

„Эхъ! много я вчера пива выпилъ, сокрушенно подумалъ онъ. — А все Николай Николаичъ! Самъ не пьетъ, а любитъ подливать другимъ, особенно чуть замѣтитъ что гость заговорился или задумался. Хитрецъ!“

Но тутъ Иванъ Дмитріевичъ почувствовалъ, что ему крайне дурно. Въ немъ все болѣло и ныло; чтобъ избавиться отъ гнетущаго чувства, онъ зажегъ свѣчу.

„Ахъ, какъ скверно, какъ скверно!“ Имъ овладѣло неодолимое безпокойство, онъ не могъ улежать въ постели и вскочилъ на ноги. Ему точно хотѣлось уйти отъ самого себя.—„Что это? что это?“ съ испугомъ заговорилъ онъ, чувствуя что и самъ не твердъ на ходу, и все вокругъ зашаталось и понеслось куда-то мимо него.

Иванъ Дмитріевичъ упалъ навзничь и сильно хватился обо что-то головой.

Онъ лежалъ, не столько заботясь объ ушибѣ, какъ о томъ, что съ нимъ сейчасъ произойдетъ.

„Если это смерть, то она не такъ ужь страшна“, успѣлъ онъ торопливо подумать.

Слѣдомъ, для него настало то восхитительно-блаженное мгновеніе, которое знаютъ люди падавшіе въ обморокъ. Казалось, что навѣкъ избавляешься ото всякихъ скорбей и печалей, этого „наслѣдья плоти“, какъ говоритъ Гамлетъ.

Блаженная минута длилась.

„Если это смерть, то она восхитительна, думалъ Иванъ Дмитріевичъ.—И вотъ почему, вѣроятно, у боль-

шинства умершихъ такое покойное, тихое, просвѣтленное выраженіе лица: на немъ отражается впечатлѣніе этого сладостнаго момента избавленія ото всѣхъ скорбей... А люди еще боятся смерти!.. Однако, что же, умеръ я или нѣтъ?

Не успѣлъ Иванъ Дмитріевичъ отвѣтить на свой вопросъ, какъ его окликнулъ чей-то голосъ:

— А, и вы къ намъ пожаловали?

— А вы давно здѣсь? спросилъ Иванъ Дмитріевичъ, съ недоумѣніемъ и нерѣшительностью произнося послѣднее слово: гдѣ же молъ это *здѣсь*?

— Вы развѣ не слышали? Ужь двѣ недѣли. А все по милости докторовъ: выдумали тоже болѣзнь, которой у меня и съ роду-то не было. Ну, и залѣчили. Какъ же, говорятъ: отравленіе алкоголемъ. Ну, другимъ еще простительно городить ерунду, а то и Самойловичъ, съ кѣмъ мы не разъ—помилуйте!—кучивали, и тотъ туда же. А когда онъ видѣлъ, чтобъ я валялся, какъ стелька? Когда лѣчилъ меня отъ бѣлой горячки? Или я напивался до чертиковъ? Во-первыхъ, я пива, то есть самого-то яда, и въ ротъ не бралъ, а во-вторыхъ, много-ль я опрокидывалъ въ день? ну, скажемъ, рюмокъ двадцать и ужь никакъ, да и то рѣдко, не больше угла.

— И въ теченіе многихъ лѣтъ?

— Тридцати-пяти, сорока. Развѣ много?.. Но, прощайте, однако.

— Куда же вы?

— Мытарства отбываю. Это въ родѣ нашей воинской повинности. Ко мнѣ приставлено двое дядекъ, изъ эѳіоповъ. Знаете, этакъ, не изъ красивыхъ и не изъ бѣленькихъ. Въ тотъ часъ, когда я, бывало, гуляя

захаживалъ выпить гдѣ рюмочку, гдѣ двѣ, и влекутъ они меня, многогрѣшнаго, по всѣмъ излюбленнымъ погребкамъ и трактирчикамъ, и водворяютъ около буфета. И вижу я, какъ другіе пьютъ, и самъ точно глотаю. И не можете вы представить, что это за мерзость съ *нашей* безтѣлесной точки зрѣнія, и притомъ какія муче...

Голосъ внезапно умолкъ. Иванъ Дмитріевичъ уже не сомнѣвался, что онъ умеръ, и обратился къ своей душѣ съ тѣмъ-же вопросомъ, съ какимъ при жизни Маркъ Аврелій обращался къ своей: „Animula vagula, blandula...“

Но отъ души не послѣдовало отвѣта въ какія-именно непріютныя мѣста она собирается, быть-можетъ потому, что Иванъ Дмитріевичъ не успѣлъ продекламировать всего вопроса.

— А, почтеннѣйшій Иванъ Дмитріевичъ и вы преставились отъ земной юдоли, витіевато заговорилъ новый голосъ. — Но, повидимому, и здѣсь намѣрены во все углубляться и, какъ индійскіе мудрецы, созерцать своя внутренняя. Глядите, не прозѣвайте и здѣшнихъ благъ, какъ прозѣвали земныя.

— Въ самомъ дѣлѣ? усмѣхнулся Иванъ Дмитріевичъ.

— Конечно, изволили прозѣвать и свѣтскую каріеру, и пріобрѣтеніе капитала, и брачное сожительство, такъ что, какъ говорится, и помянуть васъ не чѣмъ.

— А вы?

— Я на первыхъ порахъ предаюсь своей любимой склонности, то есть любознательности. Знаю, почтеннѣйшій, знаю что вы ее зовете иначе, и припоминаю даже, что когда мы говорили съ вами при послѣдней нашей земной встрѣчѣ, именно тринадцатаго истекшаго

апрѣля, въ паровой конкѣ, то вы выразились, или вѣрнѣе: не выразились, но подумали — теперь для меня ваша тайная мысль стала явственной — что я обладаю ненасытимой жаждой пустаго любопытства...

— На что-же здѣсь обратилась ваша любознательность?

— Видите-ли, я всегда любопытствовалъ побывать въ будуарѣ знатной дамы, но по званію своему никакъ не могъ удовлетворить сей склонности. Нынѣ, во время похороннаго шествія, когда я въ благоприличномъ разстояніи слѣдовалъ за моимъ прахомъ, усмотрѣлъ я вправѣ отъ себя домъ несомнѣнно аристократической наружности. Чуть я выразилъ желаніе касательно будуара, какъ уже находился въ немъ. Знатная дама еще почивала; вдругъ она пробудилась съ испугомъ и крикомъ; вбѣжала горничная. „Откуда этотъ кутейникъ? кто впустилъ его?“ Я поспѣшилъ удалиться, не желая быть даже невольнымъ свидѣтелемъ нѣкоторой нескромности въ туалетѣ, причиненной внезапнымъ испугомъ. И для меня осталось загадочнымъ: почему дама узнала о моей принадлежности къ духовному званію... Однако, прощайте.

— Куда-же вы?

— Чувствую, что близится время надгробнаго слова. Любопытствую узнать, на какой текстъ и въ какомъ объемѣ; самъ вѣдь тоже упражнялся...

— А затѣмъ?

— Въ Америку. Меня до чрезвычайности интересуютъ тамошнія секты, особенно-же желаю изучить мармоновъ и такъ-называемыя общины свободной любви, ибо по многолѣтнему моему служенію въ консисторіи...

Эта встрѣча была весьма полезна для Ивана Дмит-

ріевича. Онъ вышелъ изъ созерцательнаго состоянія, и вдругъ почувствовалъ, что для него уже не существуетъ ни времени, ни пространства, и стоитъ ему только захотѣть перенестись куда-нибудь, какъ онъ мигомъ тамъ и очутится. „Куда-жь теперь направить путь?“ Не извѣстить-ли Николая Николаевича о своей внезапной кончинѣ послѣ его имянинъ? Но дома-ли онъ, или въ должности, и наконецъ который теперь часъ у людей? Едва Иванъ Дмитріевичъ задалъ себѣ эти вопросы, какъ увидѣлъ вдали Николая Николаевича. Тотъ шелъ въ должность, бодрый и здоровый, и не безъ удовольствія оправлялъ свою красивую бороду. Еще мигъ, и Иванъ Дмитріевичъ смутилъ-бы его вѣстью о своей скоропостижной смерти, какъ вдругъ нашъ герой почувствовалъ необыкновенно сильное притяженіе и понесся въ нежелательномъ для него направленіи. Въ первое мгновеніе, Иванъ Дмитріевичъ струхнулъ даже, боясь что его сейчасъ, сію-вотъ секунду поглотитъ какая-нибудь нечистоплотная монада низшаго разбора.

— Вотъ тебѣ и энтелехія! невольно вскричалъ онъ.

Притянувшая его монада оказалась однако далеко не низкаго разбора.

Тутъ я остановилъ разказчика и спросилъ:

— Какой, примѣрно, видъ имѣетъ монада?

— Объяснить это чрезвычайно трудно, отвѣчалъ онъ,—по неимѣнію въ языкѣ живыхъ людей соотвѣтствующихъ словъ. Приходится прибѣгнуть къ сравненію, впрочемъ довольно отдаленному и неточному. Вообразите себѣ малюсенькое киселевидное и облакообразное тѣльце, — такое незначительное, что еслибъ на землѣ изобрѣли микроскопъ, увеличивающій въ милліонъ разъ

сильнѣе нынѣшнихъ, то и тогда бы оно подъ стекломъ оказалось мельче самой ничтожной бактеріи.

III.

Монада, подчинившая Ивана Дмитріевича своему вліянію, оказалась принадлежащею важному и вліятельному чиновнику, пожалуй, даже сановнику. Иванъ Дмитріевичъ видѣлъ его при жизни всего разъ, именно когда являлся къ нему просителемъ, желая получить мѣсто въ одномъ изъ многочисленныхъ учрежденій, подлежавшихъ вѣдѣнію особы. Особа, однако, замѣтивъ въ Иванѣ Дмитріевичѣ, по независимому тону разговора, присутствіе такъ-называемаго дурнаго характера, весьма вѣжливо отклонила его ходатайство. Впрочемъ, по замѣчанію одного бывалаго и умнаго старика, въ нашемъ любезномъ отечествѣ до того расплодилась и усовершенствовалась всякаго рода безличность и безцвѣтность, что уже не только малѣйшій признакъ характера, но даже самое ничтожное на него поползновеніе почитается качествомъ дурнымъ, вреднымъ и даже опаснымъ, какъ въ служебномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи.

Особа въ теченіе своей многолѣтней, многоплодной и многополезной служебной дѣятельности являлась самымъ совершеннымъ воплощеніемъ приведеннаго замѣчанія умнаго старика. Она самодовольно и безъ устали повторяла, что слѣдуетъ всемѣрно стремиться, къ нивелированію личности, не шутя полагая такое мнѣніе основнымъ принципомъ высокой государственной мудрости, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что не сама изобрѣла его, а подслушала у особы еще болѣе важной и

чиновной. Сообразно съ этимъ, особа усердно нивелировала личности, допуская на службу только все извивающееся и изгибающееся, и устраняя все самостоятельное и оригинальное. Поприще для приложенія принципа было обширное, ибо особа на своемъ вѣку стояла при четырехъ посольствахъ, управляла двумя театрами и тремя департаментами, и сверхъ того, въ счастливое время совмѣстительства, состояла директоромъ двухъ банковъ и трехъ желѣзныхъ дорогъ и даже общества для всесторонней и всемѣрной обработки животныхъ остатковъ, между продуктами котораго особенно прославились необыкновенно блестящая вакса и восхитительная фабра для усовъ. Не мудрено что столь вліятельный чиновникъ и по смерти могъ всевластно притануть къ себѣ Ивана Дмитріевича, особенно если взять во вниманіе его прирожденныя достоинства, какъ-то связи, родство и безукоризненное французское произношеніе.

— Я вамъ очень благодаренъ, что вы такъ душевно откликнулись на мой сердечный призывъ, заговорила особа.—Я въ такомъ волненіи, въ такомъ негодованіи даже! Вы видите эту толпу? Это мои похороны. Конечно, тутъ множество порядочныхъ людей, но большинство, масса наконецъ, все это мои служащіе, мои подчиненные, чистое ничтожество, которое я нѣсколько оболванилъ и которому я же придалъ нѣсколько приличный видъ, благодаря тому, что въ блаженные дни совмѣстительства сумѣлъ пустить въ ходъ избрѣтенную мной блистательную ваксу и восхитительную фабру. Я, понятно, желалъ подслушать ихъ толки на моихъ похоронахъ для того, чтобъ принять такъ-сказать дань сердечной благодарности и душевнаго уми-

ленія. Но что-жь я услышалъ? О, негодяи! рабы, отпущенные на волю! разсчитанные за негодностью лакеи!.. Они подсмѣиваются на мой счетъ; они говорятъ, что я окружалъ себя ловкими плутами и подхалимами,—каково словечко!—которые гипнотизовали меня и заставляли плясать по своей дудкѣ. Что я всегда былъ болвáномъ и даже неучемъ, не смотря на то, что затвердилъ много красивыхъ фразъ и громкихъ во всѣхъ отрасляхъ именъ! А, какъ вамъ покажется?

— Но, ваше высокопревосходительство, почтительно, задабривая особу, сказалъ Иванъ Дмитріевичъ, у котораго все еще не прошелъ страхъ быть ею проглоченнымъ,—но, ваше высокопревосходительство, стóитъ-ли вамъ объ этомъ безпокоиться, особенно теперь! Вѣдь вы прекрасно знаете, что все это вздоръ и неправда!

— Ахъ, мой добрый, я никогда не безпокоился о томъ, что̀ вздоръ и что̀ не вздоръ, что̀ правда и что̀ неправда. Все это мелочи и детали, которыми мнѣ, поклоннику принципа, заниматься было некогда. Но не имѣть способа, не имѣть возможности наказать ихъ за такія малопочтительныя рѣчи! И притомъ, какъ они смѣли и сумѣли понять меня, разгадать то, что я съ такимъ безподобнымъ искусствомъ скрывалъ отъ людей много ихъ повыше. Еще моя бабушка, княгиня Поперекъ-Дорогина, и она предвѣщала, что я буду великимъ дипломатомъ, и обм...

Но тутъ съ особой что-то случилось; она запнулась на полусловѣ, съежилась, омрачилась и ею овладѣла невыразимая тоска.

Чтобъ понять что̀ именно сталось съ особой, необходимо маленькое объясненіе. Я доселѣ употреблялъ

выраженія: „онъ заговорилъ“, или „послышался голосъ“, „онъ взглянулъ“ или „увидѣлъ“, и тому подобная. Все это реченія вполнѣ не точныя, ибо въ безтѣлесномъ существованіи не возможенъ звукъ за неимѣніемъ его органа, и нельзя ни видѣть, ни слышать по отсутствію ушей и глазъ. Я выражался такъ за неимѣніемъ болѣе подходящихъ словъ, какъ то дѣлалъ и самъ Иванъ Дмитріевичъ повѣствуя мнѣ свой сонъ. Именно въ этомъ самомъ мѣстѣ, онъ и самъ почувствовалъ неотложность объясненія.

— Конечно, толковалъ онъ,—звука мы никакого не издавали и не слышали, а понимали другъ друга какимъ-то особеннымъ образомъ. Какъ-бы вамъ объяснить? Напримѣръ, вамъ вѣроятно случалось порою отгадывать что именно хочетъ сказать вашъ собесѣдникъ раньше, чѣмъ онъ успѣвалъ выговорить слово. И тамъ нѣчто въ родѣ этого. Или еще лучше: вообразите себѣ, что телефонная проволока одарена сознаніемъ и понимаетъ тѣ слова, которыя при ея посредствѣ передаются токомъ.

Теперь станетъ понятно почему именно такъ омрачилась и затосковала обездоленная монада его высокопревосходительства. Какъ только она вспомнила про бабушку, то стала думать по-французски и вдругъ, впервые со смерти, почувствовала, что французскія фразы уже не звучатъ, какъ прежде, въ ея устахъ. О, Боже! неужто-же утрачено на вѣкъ то безукоризненное чисто-парижское произношеніе, которое ей даровала заботливая природа и чѣмъ она такъ замѣтно и выгодно отличалась отъ всѣхъ мелкотравчатыхъ людишекъ. Неужто исчезла эта характерная особенность, столь явственно свидѣтельствовавшая о столбовой ро-

довитости особы! О, никакія самыя печальныя злоключенія трагическихъ героевъ не могутъ сравниться съ ужасной судьбой, постигшей монаду его высокопревосходительства! Признаюсь, у меня сердце обливается кровью и на моей лишенной шевелюры головѣ начинаютъ шевелиться волосы, лишь вспомню, что та же горькая участь неминуемо постигнетъ многихъ изъ моихъ соотечественниковъ, столь-же многополезныхъ и вліятельныхъ, какъ и оплакиваемый мною покойникъ. Что̀ имъ вѣчность безъ парижскаго выговора!

Удрученнымъ состояніемъ особы ловко воспользовалась пролетавшая мимо моль; она, какъ ни въ чемъ не бывало, проглотила монаду его высокопревосходительства. И какъ просвѣтлѣла, какимъ яркимъ свѣтомъ загорѣлась она въ мигъ перерожденія. Грозно вспыхнувъ, какъ Марсъ, она слѣдомъ заалѣла, какъ заря, предвѣстница чудной погоды.

— Бѣдный Филиппъ Александровичъ! съ сокрушеніемъ подумалъ-было Иванъ Дмитріевичъ, но тотчасъ же спохватился.—Отчего же бѣдный? Отъ кого другаго, а отъ меня не скрыто, что онъ достигъ высшей фазы, апогея своего развитія. Онъ счастливъ, иначе не горѣла бы его монада яркими цвѣтами балетныхъ апоѳеозовъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего не достаетъ для его полнаго блаженства, или чего онъ лишился чрезъ перерожденіе? Родовитости? Но отъ него произойдетъ неисчислимое потомство, цѣлая гибель моли самаго высокаго полета. Французскаго произношенія? Но кто же мѣшаетъ ему съ лихвой вознаградить себя за такую потерю, сугубымъ истребленіемъ чисто французскихъ тканей? А польза отъ перерожденія очевидна: его вредоносныя свойства обнаружатся вполнѣ самостоятельно;

теперь ужь никто не посмѣетъ сказать, будто онъ и гадостей-то не умѣлъ самъ дѣлать, а совершалъ ихъ подъ гипнотическимъ внушеніемъ насѣвшихъ на него проходимцевъ. А какъ онъ отомститъ разгадавшимъ его сущность подчиненнымъ! Не даромъ же онъ злобно проворчалъ: „съѣмъ, съѣмъ, все переѣмъ!“ Счастье, что я не попалъ къ нему на службу, а то пропала бы не только моя старая и заслуженная шуба, но и ротонда моей будущей жены, если я только когда-нибудь женюсь.

Окончивъ похвальное слово Филиппу Александровичу, Иванъ Дмитріевичъ продолжалъ:

— Нѣтъ, съ которой стороны ни смотри, а болѣе подходящаго назначенія, болѣе блистательной загробной карьеры для Филиппа Александровича и не придумаешь. Но если вредоносность дряблая и скрытая находитъ свое успокоеніе во образѣ моли, то желалъ бы я знать, во что перерождается вредоносность наглая и нахальная?

И ему вспомнилась былая встрѣча въ губернской гостиницѣ съ возвращавшимся съ войны интендантомъ. Тотъ занималъ лучшій нумеръ, учинялъ всяческіе кутежи и дебоши, запаивалъ гостей шампанскимъ и велъ большую игру, причемъ за деньгами лазилъ въ туго набитый бумажками чемоданъ, точно по небрежности брошенный въ углу комнаты. Онъ не просто сорилъ деньгами, бросая ихъ направо и налѣво, а съ какимъ-то торжествомъ разсыпалъ ихъ, безстыдно исповѣдуя, что вотъ-молъ я человѣкъ умный, потрудился и нажилъ, и теперь наслаждаюсь отъ дѣла рукъ своихъ, а вы, дурачье, глядите да облизывайтесь.

Вспомнилось, и исполнилось: предъ Иваномъ Дмит-

ріевичемъ тотчасъ мелькнула юркая монада интенданта. Онъ торопился въ кухмистерскую, гдѣ былъ заказанъ по немъ большой поминальный обѣдъ; очень ужь не терпѣлось узнать ему, на какомъ именно кушаньи, подложивъ гнили и трухляди, кухмистеръ надуетъ заказчика и сколько именно и на чемъ сорветъ съ него. Вмѣсто кухмистерской интендантъ угодилъ въ ротъ встрѣчному голубю.

— Какъ, интендантъ и переродился въ голубка! въ величайшемъ изумленіи вскричалъ Иванъ Дмитріевичъ и бросился вслѣдъ за улетавшею птицей, чтобы изслѣдовать, насколько возможно, если не причину, то по крайней мѣрѣ послѣдствія такого въ высшей степени неестественнаго, какъ ему казалось, перерожденія.

Голубокъ стрѣлой несся къ Калашниковской пристани; тамъ, взлетѣвъ на нагруженную овсомъ телѣгу, онъ усѣлся на куль и мигомъ запустилъ въ него коготь; съ необычайною быстротой и силой повернувъ задній палецъ, онъ ловко и въ такомъ именно мѣстѣ разорвалъ рогожку, что овесъ толстою струей такъ и посыпался на мостовую. Ученые зоологи утверждаютъ, что голуби и раньше продѣлывали эту операцію, но ни одинъ еще не совершалъ ее съ такой отчетливою мѣткостью, съ такою дерзкою дѣловитостью. Словомъ, интендантскій ноготокъ сказался сразу.

Ивану Дмитріевичу и разсуждать не приходилось; онъ во-очію убѣдился въ полной цѣлесообразности перерожденія.

Голубокъ клевалъ прожорливо и жадно, но накушавшись вдосталь, сдѣлался кротокъ и, нѣжно воркуя, пошелъ охорашиваться передъ голубкой. Ивану Дмитріевичу вдругъ стало ясно, что интендантъ и при жизни

отличался необычайною влюбчивостью,—и по отзывамъ самыхъ близкихъ его друзей, кромѣ тѣхъ часовъ, когда съ дѣловитой умѣлостью совершалъ хищническіе набѣги на казенное добро, отличался замѣчательною кротостью нрава и такимъ нѣжнымъ добродушіемъ, что вполнѣ завлуживалъ ласкательнаго прозвища „голубчикъ“.

IV.

— Странный, однако, народъ эти покойники! размышлялъ Иванъ Дмитріевичъ, соображая все видѣнное и слышанное и забывъ о своей принадлежности къ этимъ страннымъ людямъ.—Ихъ, кажется, ни мало не поражаетъ пережитая катастрофа, ихъ вовсе не занимаетъ переходъ въ иное существованіе; они сохраняютъ пошлыя земныя привычки, они погружены въ пошлыя земныя дрязги. Или это только на первыхъ порахъ, пока не улягутся прежнія впечатлѣнія? Но въ такомъ случаѣ, сколько же времени длится такое безчувственное состояніе? Сорокъ дней, или дольше? Или же эта пошлая отупѣлость только удѣлъ тѣхъ, кому суждено успокоеніе въ животной жизни?

— Вы въ размышленіи? спросилъ его чей-то пріятный басокъ.

— Ахъ, извините... Съ кѣмъ имѣю честь?

— Артистъ Куроноговъ; прошу любить и жаловать.

— Очень пріятно.

— Вы, если не ошибаюсь, изволили бесѣдовать съ его высокопревосходительствомъ Филиппомъ Александровичемъ въ день его похоронъ?

— Точно такъ.

— Препочтенный былъ человѣкъ.

— А вы его знали?

— Какъ же-съ, онъ и нами завѣдывалъ съ полгода.

— И что же?

— Оставилъ по себѣ блистательный слѣдъ.

Блистательный слѣдъ заключался въ прибавкѣ содержанія артисту Куроногову. Впрочемъ, награда была вполнѣ заслужена: артистъ, при помощи доставшагося ему по наслѣдству и ему одному извѣстнаго средства, избавилъ *его* тогда еще просто-*превосходительство* отъ... жаль, что запамятовалъ, отъ чего именно... отъ зубной или мозольной боли.

— Впрочемъ, продолжалъ Куроноговъ,—онъ былъ порядочный болванъ и ничего не смыслилъ въ искусствѣ; вдобавокъ, былъ мастеръ устроить какую-нибудь гадость исподтишка, чисто дипломатически. Совершенно какъ моль; вотъ она вылетѣла и вы хлопаете въ ладони, чтобъ поймать и раздавить ее,—безполезно, ваша шуба уже съѣдена, и моль кажется вылетѣла только затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ вами. Мы его такъ и звали молью, и....

Иванъ Дмитріевичъ подивился пророческому прозвищу, и хотѣлъ-было спросить артиста, видѣлъ ли онъ перерожденіе своего бывшаго начальника, какъ вдругъ вспомнилъ, что самъ Куроноговъ скончался ужь лѣтъ шесть назадъ, а потому способенъ разъяснить ему вопросъ насчетъ длительности душевной отупѣлости у покойниковъ.

— Виноватъ, я перебью васъ нескромнымъ вопросомъ, сказалъ Иванъ Дмитріевичъ,—но вы... вы, кажется, уже давно?..

— Да, давно. И вѣроятно сильно измѣнился, потому что вы, не смотря на всю мою громкую извѣстность, даже не узнали меня и я былъ вынужденъ рекомендоваться вамъ, грустно отвѣчалъ Куроногов.

Эти слова заставили Ивана Дмитріевича пристальнѣе вглядѣться въ бывшаго артиста. Онъ нисколько не походилъ на встрѣчавшихся до сихъ поръ монадъ и имѣлъ видъ нѣсколько странный и даже подозрительный. Именно, Ивану Дмитріевичу подумалось, что предъ нимъ не монада, а скорѣй зародышъ какого-то внутренностнаго паразита, и онъ уже началъ-было сочинять теорію, по которой оказывалось, что въ подобныхъ случаяхъ сознаніе не теряется до тѣхъ поръ, пока зародышъ не разовьется въ полнаго паразита. Окончательной обработкѣ теоріи помѣшали дальнѣйшія жалобы артиста.

— Да-съ, давно, а все еще остаюсь безъ ангажемента.

— Но здѣсь, вѣроятно, довольно туго по части увеселеній?

— Не въ томъ дѣло-съ, не въ томъ-съ, съ ироніей отвѣчалъ артистъ: иронія у него всегда выходила отлично.—Скажите сами, развѣ я не смѣлъ разсчитывать послѣ смерти на болѣе приличное воздаяніе? Моя артистическая дѣятельность еще слишкомъ въ памяти, чтобъ я сталъ распространяться о ней. Ограничусь краткимъ очеркомъ. Извѣстность, полные бенефисы, похвальные отзывы въ газетахъ, высокая поспектакльная, выигрышныя роли, рукоплесканія и овацiи. Въ Тифлисѣ дѣло доходило даже до пистолетныхъ выстрѣловъ. Не правда ли, меня ужь никакъ нельзя было назвать непризнаннымъ геніемъ. И все это досталось мнѣ

въ награду за горячую и, смѣю думать, безкорыстную любовь къ искусству. Правда, находились завистники и говорили, что я скорѣй исполнительный чиновникъ, чѣмъ даровитый художникъ; но у кого не было завистниковъ? Даже у Шекспира были, не правда ли?

— Конечно.

— Я вообще всегда предоставлялъ зависти безсильно грызть свою собственную руку. Итакъ, овацiи при жизни и... овацiи по смерти! На похоронахъ масса народа, груда вѣнковъ, и что важнѣе всего: общее убѣжденіе, что хотя, правда, и бывали проводы великолѣпнѣе, но такихъ сердечныхъ, какъ мои, не было и врядъ ли будутъ. Въ заключеніе, мой вѣрный сотоварищъ и соратникъ по искусству, Иванъ Саламатовъ прочелъ свои, конечно, нѣсколько безсмысленные, но зато пламенные и глубокопрочувствованные стихи. Три дамы упали въ истерикѣ: такова магическая сила искусства! Впрочемъ, Саламатовъ не болѣе, какъ мой ученикъ...

Артистъ сдѣлалъ паузу, ровно такой длины, какія дѣлалъ на сценѣ дабы дать публикѣ время вздохнуть и подумать: „Молодецъ у насъ Куроноговъ, ловко отхватываетъ монологи“.

— Не правда-ли, я смѣлъ, я могъ, я даже долженъ былъ разсчитывать на высокое признаніе своихъ трудовъ и здѣсь? Въ предсмертномъ бреду я мечталъ, что вотъ умру и пойду въ элизіумъ, гдѣ собраны милыя мнѣ тѣни. Что мнѣ навстрѣчу выбѣжитъ безподобный Виллiямъ и приметъ меня въ свои объятія, что умный Мольеръ дружески пожметъ мнѣ руку. Направо—простодушный Гаррикъ, налѣво—величавый Тальма. Вотъ я и умеръ, и что-же?

Малая пауза.

— Дѣйствительно, вдали я увидѣлъ элизіумъ; лечу къ нему, какъ Гамлетъ, на крыльяхъ души моей... Вдругъ, стопъ! Вокругъ высокая каменная ограда, передо мной—желѣзныя ворота, и у калитки—лающій церберъ. И кто-же бы вы думали исполнялъ роль цербера?

— Право не знаю.

— Статскій совѣтникъ Губошлепкинъ; онъ у насъ когда-то служилъ по репертуарной части. Мы были съ нимъ старинные пріятели и, разумѣется, на *ты*. „Павелъ!“ кричу я ему, „отворяй, развѣ не видишь: я здѣсь!“ А онъ шамкаетъ въ отвѣтъ: „да вѣдь здѣсь пріютъ для художниковъ“.—Потому-то я и требую, чтобъ ты отворилъ. Иль я, по-твоему, не художникъ?— „Пожалуй и художникъ, да только съ другой стороны: ты, конечно, кормился отъ искусства и питалъ имъ свое самолюбіе, а все-же карьерой обязанъ больше пронырству и мѣдному лбу“. Признаюсь, я вскипѣлъ.— „Ахъ ты негодяй, закричалъ я,—ты и здѣсь захотѣлъ взятки. Ты думаешь, я не знаю, что мой дядя передъ моимъ дебютомъ подарилъ тебѣ сукна на шубу.“—„Я сукно очень помню, превосходное было сукно, отвѣчалъ онъ болѣе вѣжливымъ тономъ,—и я твоему дядѣ по гробъ былъ благодаренъ. А только чего нельзя того, любезный другъ, нельзя. Тутъ не моя воля. Вотъ третьегодни явился актеръ, котораго мы съ тобой совсѣмъ было загрызли, а дѣлать нечего: пришлось ему не только двери настежъ отворить, а и на заднія лапки передъ нимъ стать.“ И тутъ онъ назвалъ имя... чье-бы вы думали?

— Право, не знаю.

— Имя... Но нѣтъ, я не произнесу его; я не хочу кощунствовать надъ священнымъ для меня искусствомъ!.. Но,—продолжаю разказъ. Я хотѣлъ силой ворваться туда, гдѣ по праву долженъ былъ занять подобающее мнѣ мѣсто; но Павелъ, то есть церберъ, заворчалъ, зарычалъ и оскалилъ зубы. „Не суйся, проглочу!“ завопилъ онъ. Понятно, я вздрогнулъ при мысли очутиться внутри такой гадины. Какая-то сила унесла меня далеко отъ опасности. И съ тѣхъ поръ, грустный и одинокій, я брожу и размышляю; размышляю и брожу.

— Къ какому-же вы пришли выводу?

— Къ какому?—Къ тому, что здѣшніе порядки не лучше земныхъ. И здѣсь, какъ видите, завелось губящее искусство чиновничество; даже у входа стоитъ часовой, а тамъ, за стѣной—я только воображаю что̀ тамъ за порядки. Изъ примѣра, указаннаго Павломъ, вполнѣ ясно, что и туда входятъ низкопоклонствомъ, а не въ награду

Любви горящей, самоотверженья...

Но я возьму свое: подождемъ, пусть пройдетъ лѣтъ сто, двѣсти и мое имя станетъ такимъ-же нарицательнымъ, какъ имена Гаррика и Тальма, и тогда... о, тогда я покажу себя!.. Но, оставимъ это... А грустно, не правда-ли, разочароваться въ мечтаніяхъ? Воображаешь себѣ чудный, весь залитый весеннимъ солнцемъ паркъ; ты благоговѣйно опустя взоръ, идешь по дорожкѣ, и вдругъ, въ силу тайнаго предчувствія, подымаешь очи и видишь: передъ тобой божественный Вилльямъ...

На этотъ разъ, казалось, мечтамъ артиста суждено было сбыться. Они очутились въ чудномъ паркѣ, ко-

торый весь былъ залитъ лучами весенняго солнца. Предъ ними стлалась дорожка, но на ней стоялъ не божественный Вильямъ, а... павлинъ, впрочемъ, довольно красивый.

Павлинъ то съ шумомъ распускалъ, то складывалъ хвостъ; то топорщилъ свою манишку, то начиналъ выдѣлывать какіе-то неуклюже-величавыя па, стараясь обратить на себя вниманіе павы. Но пава мирно паслась на травѣ, и хоть-бы глазкомъ на него. Вдругъ павлинъ стремительно бросился впередъ и что-то клюнулъ. Хвостъ его распустился еще шире и расцвѣтился еще ярче; величавыя па стали оживленнѣе. Пава какъ-бы невольно взглянула на него, и съ ней отъ восторга чуть не сдѣлалась истерика.

„Такова магическая сила искусства!“ невольно воскликнулъ Иванъ Дмитріевичъ словами артиста, и глянулъ въ его сторону. Артиста уже не было, и Иванъ Дмитріевичъ понялъ, что ему больше не придется ни бродить и размышлять, ни размышлять и бродить.

Иванъ Дмитріевичъ вскрикнулъ отъ ужаса. Пламенная рѣчь оскорбленнаго въ своей святынѣ артиста снова зазвучала въ его душѣ.

— Люблю павлина, толковалъ въ это время проходившій мимо старикъ-садовникъ своему подручному,— красивая птица. А, главное, голосъ хорошъ: за версту слышно.

Иванъ Дмитріевичъ, впрочемъ не слышалъ этой хвалы, относившейся отчасти и къ оплакиваемому имъ артисту. Предъ нимъ вереницей неслись музыканты, романисты, всякіе модные художники, писатели и ученые; всѣ они гнались и ухаживали за извѣстностью; изъ-за нея они другъ другу завидовали и подставляли

ножку; изъ-за нея гнули и коверкали свои дарованія, подличая передъ журналистами и передъ публикой, передъ власть имущими и молодежью; изъ-за нея пускались на открытіе новыхъ теорій и новыхъ путей для искусства, расхваливая, какъ товаръ, свою собственную изобрѣтательность и рекомендуя, какъ ваксу или помаду, свои собственные взгляды, какъ самые новые, самые умные и совершенные. Они были готовы поступиться всѣмъ, только-бы въ общественныхъ мѣстахъ на нихъ указывали пальцами, только-бы пронеслось повсюду ихъ имя, и наконецъ, наполнивъ собою весь міръ, повисло нетающей сосулькой на карнизѣ храма безсмертія! И вдругъ такая неожиданность! О, бѣдное, бѣдное человѣчество!..

Позже, вооружась хладномысліемъ, Иванъ Дмитріевичъ иначе разсуждалъ о судьбѣ оскорбленнаго въ своей святынѣ артиста, и даже находилъ, что его перерожденіе въ павлина столь-же просто и естественно, какъ и Филиппа Александровича въ моль. Болѣе, онъ находилъ у обоихъ одну общую черту, именно ничѣмъ, даже смертью, неистребимое самомнѣніе, переходящее въ нахальную наглость.

Поглядите на животныхъ, толковалъ онъ,—и вы увидите, что именно эта черта составляетъ самую существенную часть ихъ характера: всѣ они самодовольны и наглы, отчего, встрѣчая на-голо такія качества въ человѣкѣ, мы невольно про него восклицаемъ: „экое животное!“ Всѣ животныя думаютъ, что міръ для нихъ только и созданъ, и вѣчно ищутъ что бы такое превратить въ самихъ себя. И повѣрьте, они охотно проглотили-бы весь міръ, если-бъ только онъ вмѣстился въ ихъ пасть. Когда глупый человѣкъ и наглъ, и на-

халенъ, самомнителенъ свыше мѣры,—то это въ порядкѣ вещей. Въ немъ, такимъ образомъ, поступаетъ наружу животненность нашей природы. Но когда люди даровитые, быть-можетъ даже не дюжинно-даровитые, пускаются туда-же, то что̀ сказать? Вольно-жь имъ развивать въ себѣ наиболѣе животныя свойства, и только! Когда вдобавокъ и свой талантъ, какъ капиталъ, они пускаютъ въ оборотъ, то пусть не гнѣваются, если имъ высшей наградой будутъ хорошіе барыши да магическая сила искусства, повергающая дамъ въ истерику. И переродиться разъ и навсегда въ чванливаго павлина для нихъ самое сподручное дѣло. Нѣтъ, только упорный трудъ самоусовершенствованія можетъ избавить насъ отъ такой неожиданности послѣ смерти. И въ этомъ смыслъ ученія Гёте. Слѣдомъ Иванъ Дмитріевичъ уже какимъ-то пророческимъ тономъ добавлялъ:

— Нѣтъ, справедлива судьба, и правдивъ мой сонъ.

V.

Такія благія мысли, впрочемъ, какъ уже замѣчено, пришли Ивану Дмитріевичу впослѣдствіи. Въ минуту же перерожденія артиста онъ чувствовалъ такую тяжесть, что невольно припалъ къ землѣ. И тутъ, какъ въ театрѣ, послѣ грустной трагедіи предъ нимъ разыгрался веселый фарсъ.

Долго-ли Иванъ Дмитріевичъ пролежалъ на землѣ, онъ не зналъ; когда-же сталъ вновь сознавать себя, то почувствовалъ, что у людей уже стоитъ глубокая ночь. Подъ нимъ въ землѣ послышался голосъ.

— А! это ты, Постниковъ, говорилъ старый кротъ

какой-то гусеницѣ,—наконецъ-то я до тебя добрался, полѣзай-же скорѣй ко мнѣ въ ротъ.

Иванъ Дмитріевичъ, едва выразилъ на то желаніе, какъ тотчасъ же узналъ въ говорившемъ извѣстнаго графа Честона. Графъ Честонъ, какъ ясно изъ имени, былъ человѣкъ прошлаго вѣка, ибо въ спискахъ дѣйствующихъ лицъ у новѣйшихъ драматурговъ онъ болѣе уже не встрѣчается. Графъ Честонъ былъ страшный богачъ, владѣлецъ многихъ тысячъ душъ и десятинъ. Остряки говорили про него, будто онъ умеръ въ самый день обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, хотя это и несправедливо, какъ всякій легко можетъ убѣдиться изъ тогдашнихъ газетъ. Всю жизнь свою онъ провелъ въ поискахъ за честнымъ управляющимъ, почитая наилучшимъ для того средствомъ назначеніе служащимъ самаго скуднаго содержанія, при требованіи отъ нихъ постояннаго улучшенія хозяйства и соразмѣрно съ тѣмъ и доходовъ. Къ изумленію графа, чѣмъ онъ скупѣе становился на жалованье, тѣмъ безстрастнѣе управляющіе пользовались его достояніемъ. Въ свои владѣнія графъ не выѣзжалъ послѣ единственной попытки, кончившейся не весьма пріятно. Именно, онъ какъ-то посѣтилъ свою богатѣйшую Бѣлуховку, которой управлялъ вышеупомянутый Постниковъ. Въ первую же ночь по пріѣздѣ графа, въ селѣ случился пожаръ. Въ порывѣ великодушія, графъ выбѣжалъ на набатъ, и умолялъ своихъ подданныхъ не заботиться о тушеніи избъ, на постройку которыхъ обѣщалъ дать лѣсу, а спасать имущество. Къ сожалѣнію, имущества у мужиковъ оказалось немного: у кого сито, у кого рѣшето, у кого лавка, у кого скамья. Графъ отнесъ такой безпорядокъ къ несмотрѣнію управляющаго Пост-

никова, по небрежности упустившаго прудъ, — отчего если и не произошелъ пожаръ, то все-же произошло безпокойство для графа да вдобавокъ еще въ ночное время.

Графъ рѣшилъ примѣрно наказать негодяя, и выгнать его не просто, а съ великимъ скандаломъ, по примѣру практиковавшихся въ то время въ шустеръ-клубѣ выводовъ неприличныхъ гостей. Постниковъ, чувствуя что ему не усидѣть, тотчасъ-же распорядился наймомъ сорока двухъ подводъ, на которыя и нагрузилъ на зарѣ все свое благопріобрѣтенное имущество. Приказавъ подводамъ выѣхать за околицу, онъ терпѣливо дождался часа, когда графъ изволилъ проснуться. Получивъ расчетъ, онъ вышелъ подъ ручку съ женою изъ флигелька, гдѣ жилъ, и побрелъ себѣ пѣшечкомъ въ знакъ того, что за долгое служеніе ничѣмъ не пользовался изъ графскаго добра. Графъ стоялъ на балконѣ, выходившемъ на базарную площадь. Едва показался Постниковъ, какъ по мановенію графской руки выскочила изъ-за угла дворня съ дреколіями и метлами въ рукахъ; поваренки били въ сковороды и кастрюли; кучера свистѣли, охотники атукали и улюлюкали во всю мочь. Постниковъ выдержалъ первый напоръ гвалта; тихо отойдя шаговъ съ пятьдесятъ, онъ остановился и принявъ приличную случаю позу обратился къ графу съ громогласною и наставительною рѣчью.

— Атукай себѣ и улюлюкай сколько хочешь, сказалъ онъ,—а я, графъ, набилъ себѣ оба кармана и намой вѣкъ такихъ, какъ ты, дураковъ еще хватитъ.

Вѣрная дворня, конечно, прилежно замела слѣдъ Постникова метлами, но ничто не могло изгладить слѣда оскорбленія, нанесенного графу столь дерзкимъ глумле-

ніемъ. И переродясь въ крота, графъ жаждалъ поглотить переродившагося въ гусеницу управляющаго.

— Извините, ваше сіятельство, отвѣчала гусеница,— я не Постниковъ, а Плотниковъ, котораго вы изволили поставить на мѣсто Постникова.

— А! все равно, что-жь ты тутъ дѣлаешь?

— Превращенъ въ гусеницу поѣдающую корни деревъ въ награду за старательность, съ которой я, слѣдуя милостивому предписанію вашего сіятельства объ умноженіи доходности, разорялъ до корня имѣнія ваши такъ, что даже полагаю, наслѣдникамъ вашего сіятельства ужь ничего не достанется.

— А! все равно, полѣзай ко мнѣ въ ротъ, и помоги мнѣ отыскать Постникова.

— Радъ послужить вашему сіятельству.

Кротъ усиленно принялся рыть землю, и Иванъ Дмитріевичъ почувствовалъ какъ онъ забирается все выше и выше. Вотъ кротъ набросалъ уже порядочную кучу и по излишней горячности самъ выскочилъ на поверхность. Откуда ни возьмись сова; съ дикимъ крикомъ она налетѣла на крота и унесла его въ когтяхъ.

— Говорилъ я тебѣ, графъ, что такихъ, какъ ты, дураковъ на мой вѣкъ еще хватитъ! раздался голосъ Постникова.

— Однако, что-жь это? раздумался Иванъ Дмитріевичъ.—Что Честонъ по слѣпотѣ понадобился кроту, я понимаю. Но зачѣмъ кроту поѣдающая корни гусеница, когда кроты, какъ извѣстно, корней не портятъ? А эта сова... И притомъ, это вовсе не отвѣтъ на мой вопросъ о длительности душевной отупѣлости у покойниковъ. Вдобавокъ, началось какое-то переселеніе душъ вмѣсто перерожденія. Нѣтъ, это... Тутъ Иванъ Дмитріевичъ

замѣтилъ, что начинаетъ затрудняться въ словахъ.— Это... это не клеится... не ладится... выходитъ нескладица.

— Нѣтъ, не нескладица, а скорѣе разладица, точно надъ самымъ ухомъ Ивана Дмитріевича крикливо захрипѣлъ кто-то.—Или, еще вѣрнѣе, наша россійская разрозненность, о которой я писалъ такъ краснорѣчиво. Помилуйте, сегодня хоронятъ меня, Ворсилкина, главу россійскихъ репортеровъ, и хотя бы одна изъ этихъ бестій явилась на выносъ! А вѣдь я первый открылъ у насъ этотъ родъ литературы, не предвидѣнный самимъ Пушкинымъ, я, Ворсилкинъ, король русскихъ репортеровъ. О, неблагодарная судьба! Или нѣтъ, судьба не виновата, она, напротивъ, благодарна и въ награду за потъ, пролитый мною при описаніи ея превратностей, рѣшила устроить на моихъ похоронахъ великолѣпнѣйшій скандалъ, а вотъ некому и некому занести эту блестящую страницу въ правдивую газетную хронику. Глядите, глядите!

Иванъ Дмитріевичъ глянулъ. Сивый меринъ, запряженный въ ломовыя дроги, вдругъ заартачился, и не смотря на всѣ усилія извозчика грозилъ ринуться впередъ и сбить съ ногъ похоронныхъ клячъ. Король репортеровъ засуетился; онъ бросился къ мерину, и вмѣстѣ съ воздухомъ попалъ къ нему въ правую ноздрю.

— Вотъ это я опять понимаю, радостно вскричалъ Иванъ Дмитріевичъ.—Не даромъ-же говорится: вретъ, какъ сивый меринъ. Или нѣтъ, вѣдь это только у Гоголя онъ вретъ, а въ зоологіи такой фактъ не пріемлется. Да и у Гоголя онъ, кажется, что-то другое дѣлаетъ. Вообще же меринъ, какой бы масти онъ ни былъ, не вретъ, а скорѣе ржетъ. Да, именно ржетъ, все съ

большей и большей убѣдительностью доказывалъ себѣ Иванъ Дмитріевичъ.

Какъ-бы въ отвѣтъ на такіе убѣдительные доводы послышалось отдаленное ржанье. То самъ Иванъ Дмитріевичъ сильно потянулъ воздухъ носомъ. Онъ открылъ глаза, и окончательно проснулся.

Читателю, можетъ-быть, покажется страннымъ, что Иванъ Дмитріевичъ не видѣлъ ни одного перерожденія женщины. Признаюсь, мнѣ самому это показалось подозрительнымъ, и я обратился къ моему почтенному другу за разъясненіемъ такой неполноты его сна.

— Право не знаю, отчего это случилось, отвѣчалъ онъ.—Потому-ли, что я, въ силу своей неисправимой логичности, никогда не могъ понять такъ-называемаго женскаго ума; потому-ли, что во снѣ я находился въ мірѣ, гдѣ нѣтъ различія половъ; или наконецъ просто потому, что на именинахъ у Николая Николаевича, какъ холостяка, не было ни одной дамы. Конечно, я могъ-бы присочинить и приврать. Одинъ романистъ даже поощрялъ меня къ этому, совѣтуя развить и разработать сюжетъ. Разумѣется, у меня хватило бы фантазіи; но я просто хотѣлъ вамъ разказать правдиво свой пророческій сонъ, который отъ присочиненія нисколько не сталъ бы ни яснѣе, ни доказательнѣе. А потому, скажите сами, зачѣмъ же мнѣ во многоглаголаніи искать спасенія?

30 окт. 1890 г.
СПБ.

ИСТОРІЯ ТРЕХЪ НЕВѢРНЫХЪ МУЖЕЙ.

РАЗКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

ДОГАДЛИВЫЙ МУЖЪ.

(Мужъ сороковыхъ годовъ).

Была ль когда такъ ведена любовь?
Была ль когда такъ женщина добыта?
Шекспиръ.

I.

Дѣло было давно: откупа процвѣтали, хотя уже доживали свой вѣкъ. Откупщики, какъ извѣстно, къ новому году, съ похвальной акуратностью, подносили губернаторамъ нѣчто въ родѣ благодарности за ихъ попеченіе о питейномъ дѣлѣ. Обычай строго возбранялъ отвергать такія приношенія; на счетъ же употребленія ввѣренныхъ губернаторскому воззрѣнію откупныхъ суммъ не существовало опредѣленныхъ правилъ. Нѣкоторые губернаторы смотрѣли на нихъ какъ на нелестное воздаяніе своимъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ; другіе жертвовали деньги на украшенія городовъ, на богоугодныя заведенія и тому подобное. Хозяинъ С—ой губерніи, по совѣту своего двоюроднаго племянника,

Александра Петровича Голыбина, служившаго у него чиновникомъ особыхъ порученій, отдавалъ ихъ на театръ.

Александръ Петровичъ, какъ подобало истому русскому дворянину въ то строгое время, по окончаніи курса въ военно-учебномъ заведеніи высшаго разряда, поступилъ въ гвардейскій полкъ. Средства у него были прекрасныя и ему предстояла легкая и веселая молодость. Онъ былъ красивъ и статенъ, любилъ и умѣлъ волочиться, въ совершенствѣ изучивъ

....науку страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ.

Сверхъ того, Александръ Петровичъ былъ страстнымъ любителемъ театра, особенно драматическаго. Не было сколько-нибудь интереснаго спектакля, на которомъ онъ не присутствовалъ бы. Знаменитыхъ актеровъ онъ помногу разъ смотрѣлъ въ ихъ лучшихъ роляхъ, не только наслаждаясь ихъ игрою, но и изучая ее. Немудрено, что Александру Петровичу и самому вздумалось попытать счастья на сценѣ; вскорѣ онъ сталъ великимъ любителемъ и устроителемъ благородныхъ спектаклей и понаторѣлъ въ искусствѣ не менѣе, чѣмъ въ волокитствѣ. Поклонники увѣряли даже, что, не будь Александръ Петровичъ богатъ и хорошей фамиліи, онъ несомнѣнно затмилъ бы Мартынова. Такое мнѣніе отзывалось преувеличеніемъ, но Александру Петровичу нельзя было отказать въ сценическомъ пониманіи и умѣньи взяться за роль: его игра отличалась вкусомъ и слѣдованіемъ хорошимъ образцамъ.

Голыбинъ съ усердіемъ предавался своимъ любительскимъ занятіямъ, не ощущая ни скуки, ни утомленія. Будучи человѣкомъ безпечнымъ, онъ жилъ не загадывая о будущемъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о

скоропостижной смерти отца. Оказалось, что пока сынокъ веселился въ столицѣ, родитель широко жилъ въ провинціи: хорошее состояніе отъ такой совмѣстной небережливости пошатнулось. Александръ Петровичъ не пожелалъ опуститься въ Петербургѣ и съ радостью принялъ предложеніе своего двоюроднаго дяди, генерала Калищева, хозяйничавшаго въ ихъ родной губерніи, поступить къ нему на службу.

Въ С* Александръ Петровичъ положилъ, что пора остепениться: ему шелъ уже тридцать третій годъ. Для этого, какъ извѣстно, существуетъ испытанное средство: женитьба. Присмотрѣвшись къ с—скимъ барышнямъ, Александръ Петровичъ рѣшилъ, что лучше невѣсты, какъ Лидія Тимоѳеевна Короткова, не сыщешь.

Лидія Тимоѳеевна была весьма недурна собою и съ хорошимъ приданымъ. Она была достодолжно образованна и выросла въ строгой и честной семьѣ. Ее находили très distinguée. На все у нея были весьма опредѣленные и ясные взгляды; казалось, эта женщина нигдѣ не потеряется. Отъ ея твердой разсудительности, правда, вѣяло холодомъ, но это не смущало Александра Петровича; напротивъ, онъ находилъ такое качество въ женѣ неоцѣненнымъ.

Молодые зажили припѣваючи. Ихъ домъ, гдѣ нѣсколько суровая чинность Лидіи Тимоѳеевны умѣрялась веселою юркостью Александра Петровича, считался однимъ изъ самыхъ пріятныхъ. Въ началѣ чинность превозмогала, но Александръ Петровичъ развертывался понемногу и притомъ такъ мило, что жена невольно подчинилась его вліянію. Вскорѣ онъ сталъ душою общества, какъ человѣкъ неистощимый въ придумываніи разныхъ развлеченій.

Не обошлось, конечно, и безъ благородныхъ спектаклей. Лидіи Тимоѳеевнѣ вначалѣ были досадны частыя отлучки мужа по причинѣ репетицій и иныхъ театральныхъ хлопотъ, но вскорѣ она была утѣшена успѣхами мужа и общими похвалами его таланту и умѣнью „все устроить“.

Когда генералъ Калищевъ, построивъ больницу и разбивъ бульваръ, недоумѣвалъ, куда-бы дѣвать откупщицкія деньги, Александръ Петровичъ обратилъ его вниманіе на то, что театръ болѣе всего способствуетъ „соединенію общества“. Мысль о „соединеніи“ была модной, и губернаторъ пришелъ въ восторгъ отъ предложенія своего чиновника.

Разумѣется, въ директора былъ избранъ Александръ Петровичъ. Лидія Тимоѳеевна весьма тщеславилась новой должностью мужа: она укрѣпляла ея положеніе въ обществѣ. Когда же мужъ объяснилъ ей, что у нихъ сверхъ того отъ „антрепризы“ будетъ оставаться тысячи три лишнихъ въ годъ, то Лидія Тимофеевна нашла, что Александръ Петровичъ не только милъ, но и практически-уменъ. Такое благополучіе юной четы послѣдовало на третій годъ послѣ брака.

II.

Театръ подъ ловкимъ и умѣлымъ управленіемъ Александра Петровича пошелъ отлично. С—скіе старожилы и теперь еще вспоминаютъ о томъ, утверждая, что при Голыбинѣ театръ ихъ мало чѣмъ уступалъ московскому, причемъ нѣкоторые съ гордостью прибавляютъ даже: „да не нынѣшнему, нѣтъ-съ, а тогдашнему“. Алек-

сандръ Петровичъ торжествовалъ, но... во всякомъ успѣхѣ есть свои терніи.

И вотъ случилось, что въ одно прекрасное ноябрское утро Александръ Петровичъ, сидя въ кабинетѣ, то принимался за чтеніе раздушонной записочки, то съ досадой мялъ ее въ рукахъ, съ видимымъ желаніемъ бросить въ каминъ. Порою онъ привскакивалъ съ кресла, какъ-бы намѣреваясь куда-то устремиться, но затѣмъ, ровно обезсилѣвъ, падалъ въ кресло.

Въ записочкѣ, между прочимъ, говорилось: „Я не повѣрю вашей любви, пока вы не привезете мнѣ писемъ В. Н. Я не хочу служить ей посмѣшищемъ. Я скорѣе разорву контрактъ и уѣду, чѣмъ позволю себѣ уступить ей... Я хочу любви, но любви полной и нераздѣльной... Я такъ разстроена, что на репетиціи сегодня не буду... Жду отвѣта *до сегодняшняго вечера*“.

Послѣднія слова были подчеркнуты дважды. Подъ письмомъ стояли буквы А. В. М., означавшія Агрипина Вьюгина-Метелина.

„И зачѣмъ ей эти письма?—привскочивъ, воскликалъ про себя Александръ Петровичъ.—И откуда она узнала про Вѣру?.. Почему она ревнуетъ именно къ ней, а не къ женѣ?“

Съ этими словами онъ опустился въ кресло и философски замѣтилъ: „Впрочемъ, мы не ревнуемъ же къ мужьямъ“.

„Но, чортъ!—горячился онъ далѣе, снова вскакивая на ноги.—Какъ я добуду ей эти письма? И Вѣра ревнуетъ, и ей насплетничали... Ни за что не отдастъ... Я пробовалъ даже говорить ей объ угрызеніяхъ совѣсти, но она только смѣется... И въ самомъ дѣлѣ,

почему же теперь, именно теперь меня стала упрекать совѣсть?“

Безпомощное положеніе нашего героя требуетъ разъясненія.

Какъ-то, по случаю каприза одной барышни, отказавшейся играть въ водевилѣ, чуть было не разстроился благородный спектакль. Александръ Петровичъ былъ въ отчаяніи. Нѣкоторый юный канцеляристъ, приспособленный Александромъ Петровичемъ въ помощники режиссера, обратилъ его вниманіе на свою двоюродную сестру. По словамъ канцеляриста, кузина была прехорошенькая, очень мило пѣла и также говорила по-французски, но ей, какъ безприданницѣ, пришлось прямо съ институтской скамьи выйдти замужъ за урода, который никуда ее не пускалъ и дрожалъ надъ нею, какъ Кощей надъ своимъ золотомъ. Этотъ уродъ, по отзыву свойственника, служилъ въ Казенной палатѣ и былъ хапуга порядочный.

— Да вы его, Александръ Петровичъ, знаете: Макоркинъ, то есть собственно вовсе не Макоркинъ,— это онъ ради приличія выдумалъ—а просто-напросто Махоркинъ. Еще лицо у него желтое и точно нюхательнымъ табакомъ посыпано, а парикъ черный, пречерный. Онъ его, говорятъ, для прочности изъ конскаго волоса сдѣлалъ.

Александръ Петровичъ припомнилъ Махоркина и освѣдомился, гдѣ же можно видѣть таинственную кузину.

— А самое лучшее,—отвѣчалъ юный канцеляристъ,—знаете что, Александръ Петровичъ? сегодня воскресенье, поѣдемте-ка въ ихъ приходъ: Вѣра всегда бываетъ у обѣдни. А этотъ Махорка, вообразите, къ

довершенію всѣхъ благъ, еще масонъ какой-то. Въ соборъ только по царскимъ днямъ является.

Въ церкви Александръ Петровичъ не только видѣлъ Вѣру Николаевну, но и былъ представленъ ей услужливымъ помощникомъ. Голыбинъ, не отлагая дѣла въ долгій ящикъ, тутъ же предложилъ ей участвовать въ спектаклѣ. Она видимо обрадовалась, но сослалась на необходимость заручиться согласіемъ мужа.

— О, за этимъ дѣло не станетъ!—увѣренно вскричалъ Александръ Петровичъ.

И дѣйствительно, въ то же утро къ Макоркину былъ отряженъ неутомимый канцелярскій чиновникъ съ порученіемъ пригласить его „непремѣнно съ супругой“ на вечеръ, сегодня же, къ самому начальнику губерніи. Макоркинъ повиновался.

У губернатора Вѣру Николаевну тотчасъ же разлучили съ мужемъ. На всѣхъ она произвела самое пріятное впечатлѣніе; ее тутъ же попросили спѣть что-нибудь, и она безъ всякаго жеманства, очень мило „сказала“ французскій романсъ. Было единогласно рѣшено, что Вѣра Николаевна просто сокровище для благородной труппы, и самъ губернаторъ удостоилъ г. Макоркина просьбою о дозволеніи Вѣрѣ Николаевнѣ участвовать въ спектаклѣ. Макоркинъ ослушаться не посмѣлъ, а только по-волчьи щелкнулъ зубами, когда хозяинъ повернулся къ нему спиною.

Александръ Петровичъ съ перваго взгляда на Вѣру Николаевну, еще въ церкви, почувствовалъ, какъ у него екнуло сердце. Онъ сразу, какъ истый знатокъ, опѣнилъ ея нѣжную миловидность. Свѣжій цвѣтъ ея округлаго лица, оживленнаго милыми ямочками, славные темносиніе глаза, темнокаштановыя кудри и пріят-

ная припухлость нижней губки привели его въ восторгъ. У него въ головѣ завертѣлось даже нѣчто въ родѣ стиховъ, и цѣлую недѣлю, воображая ея ротикъ, онъ твердилъ про себя:

Какъ ужаленный пчелою
Розовый листокъ.

Понятно, съ какимъ усердіемъ Александръ Петровичъ занялся прелестной дебютанткой, какъ страстно онъ слѣдилъ за ея успѣхами въ искусствѣ и какъ непритворно восхищался ея талантомъ, когда тотъ былъ признанъ всѣми. Незамѣтно для себя, нежданно и негаданно, Александръ Петровичъ попалъ въ старую колею и съ отрадой покатилъ по ней. Его увлекала и чисто-дѣвичья стыдливость Вѣры Николаевны, и ея робкая недовѣрчивость къ моленіямъ любви, и ея страхъ передъ уродомъ въ парикѣ изъ конскаго волоса, передъ этимъ Макоркинымъ, котораго Александръ Петровичъ, уже въ силу его отвратительной фамиліи, въ глубинѣ души не почиталъ за человѣка. Александръ Петровичъ опомнился въ то время, когда опоминается большинство, то есть когда уже было поздно.

— О, что за прелесть!... Какая страсть!... Что за нѣга!—восклицалъ онъ, обдумывая свое положеніе.— Да и я... что я такое собственно сдѣлалъ?... Ну, увлекся... Да я просто, какъ старый кавалерійскій конь, заслышалъ призывную трубу, и... Но Лидія... О, Боже мой! Да она никогда не узнаетъ, ей и въ голову не придетъ... И наконецъ, развѣ отъ этого я пересталъ любить и уважать ее?

Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ то легкомысліе, которымъ у Александра Петровича сопро-

вождалось сознаніе своего поступка; но слѣдуетъ помнить, что онъ прибѣгалъ къ размышленію не ради борьбы со страстью и побѣды надъ нею, а просто для того, чтобъ, такъ сказать, нравственно опознаться и придумать какой ни на есть modus vivendi. Ученіе о томъ, что совмѣстность холодной жены и страстной любовницы есть семейственный идеалъ, имѣетъ болѣе послѣдователей, по крайности практическихъ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ.

Александръ Петровичъ не только страшно бы удивился, но и сердечно огорчился бы, если-бъ кто-нибудь при сказанныхъ обстоятельствахъ усомнился въ его любви и уваженіи къ Лидіи Тимоѳеевнѣ. Она была дорога ему, какъ хозяйка его дома, какъ женщина, носящая его имя. Онъ вѣрно бы не задумался пожертвовать жизнью для защиты ея чести; онъ чувствовалъ бы себя глубоко несчастнымъ, еслибъ у него не было дома, гдѣ онъ можетъ отдохнуть отъ житейскихъ треволненій, и жены, къ которой онъ можетъ довѣрчиво обратиться за совѣтомъ, зная, что все задуманное имъ столь же важно и значительно для нея, какъ и для него самого.

Александръ Петровичъ думалъ также, что если (чего Боже сохрани!) Лидія узнаетъ какъ-нибудь о его связи, то онъ мгновенно разорветъ ее съ Вѣрой, которая въ сущности все-таки не болѣе какъ забава. Александръ Петровичъ не разъ строго наставлялъ себя, что въ этомъ именно и заключается обязанность мужа. При этомъ ему всегда вспоминалась ветхозавѣтная исторія Агари и Сарры, и именно въ томъ видѣ, какъ она изображена на одной изъ старинныхъ картинъ дрезденской галлереи: Агари подаютъ карету для путе-

шествія въ пустыню, а Сарра въ видѣ злобной старушки поглядываетъ на это, стоя въ тѣни.

Любовники наслаждались безмятежнымъ счастіемъ около десяти мѣсяцевъ, до начала настоящаго театральнаго сезона, когда Александръ Петровичъ, понятно, охладѣлъ къ благороднымъ спектаклямъ.

Между артистками, приглашенными для с—скаго театра, первое мѣсто занимала Агрипина Власьевна Вьюгина-Метелина.

Агрипина Власьевна происходила изъ актерской семьи; она, сама не зная какъ, стала или, лучше сказать, выросла актрисой. Въ то время актеры питались не одними грязными листками, и Агрипина Власьевна была изрядно начитана въ русской словесности. Природа создала ее, какъ мужа леди Анны, въ щедрый часъ. Агрипина Власьевна была красивая, рослая, начинавшая полнѣть блондинка: у нея былъ хорошій голосъ, она съ задирающей страстностью пѣла цыганскія пѣсни. Не обладая настоящимъ творческимъ талантомъ, столь же рѣдкимъ въ актерскомъ мірѣ, какъ и въ писательскомъ. Агрипина Власьевна была одарена страстной воспріимчивостью, дававшей ей возможность во-очію зрителей переживать чувствованія и душевныя настроенія дѣйствующихъ лицъ.

Александръ Петровичъ, какъ знатокъ дѣла, не могъ не дорожить такой артисткой. Онъ цѣнилъ ея голосъ нѣжный на горловыхъ нотахъ и непритворно-страстный на грудныхъ, ея выразительные глаза, ея искренность въ драматическихъ моментахъ и, наконецъ, непритворную веселость въ водевиляхъ, ибо Агрипина Власьевна была изъ актрисъ, отличающихся разнообразіемъ дарованій, и какія водились только встарину. Игрѣ Агри-

пины Власьевны не доставало строгой обдуманности и тонкой отдѣлки, но за то она плѣняла своею непосредственностію; женщина и актриса сливались въ ней въ одно цѣлое,—и увлекаясь, она увлекала другихъ. Зрители не только любили ее какъ артистку, но положительно влюблялись въ нее, по крайности на время представленія. Агрипина Власьевна прекрасно чувствовала это, и почти никогда не прибѣгала къ посторонним мѣрамъ ради возбужденія своего успѣха.

Послѣ перваго знакомства, узнавъ ея талантъ и проведя съ ней два, три вечера, причемъ Агрипина Власьевна поразила его еще болѣе, чѣмъ на сценѣ, быстрой и причудливой смѣной душевныхъ настроеній, Александръ Петровичъ вновь сравнилъ себя со старымъ кавалерійскимъ конемъ, заслышавшимъ призывный сигналъ.

Вниманіе человѣка, славнаго своими любовными похожденіями и, вдобавокъ, знатока сценическаго искусства, весьма польстило Агрипинѣ Власьевнѣ. Она въ любви увлекалась столь же легко и непосредственно, какъ на сценѣ,—и молва справедливо приписывала ей уже нѣсколько такихъ увлеченій. Александръ Петровичъ несомнѣнно нравился ей, какъ красивый и умный мужчина, и она не лгала, утверждая въ письмѣ, что требуетъ „любви полной и нераздѣлимой“. Въ театрѣ, конечно, вскорѣ открыли связь директора, и Агрипина Власьевна стала, на сколько ей было доступно, слѣдить за Вѣрой Николаевной, которая, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами бывшаго благороднаго кружка, порой заѣзжала на репетиціи и заходила за кулисы настоящаго театра. Агрипинѣ Власьевнѣ достаточно было раза два увидѣть, какъ Вѣра Николаевна быстро,

какъ-бы мимоходомъ, что-то шептала Александру Петровичу, чтобъ открыть опытнымъ глазомъ, что тутъ дѣло нечисто. Отсюда—ревность. Агрипина Власьевна, правда, не ревновала Александра Петровича къ женѣ, но единственно потому, что такая ревность у актрисъ не въ обычаѣ: нѣкоторыя даже предпочитаютъ женатыхъ обожателей, какъ, поневолѣ, болѣе скромныхъ.

Не смотря на увлеченіе и ревность, Агрипина Власьевна все-таки была актрисой, то-есть женщиной не безъ хитрости и разсчета. Она пользовалась значительной извѣстностью въ провинціи, но, по ея мнѣнію, для полной славы ей необходимо было сыграть еще нѣсколько ролей. Постановка пьесъ, заключавшихъ эти вожделѣнныя роли, была возможна только для полной владычицы сцены. И вдругъ, въ Агрипину Власьевну влюбляется директоръ, притомъ не заурядный какой-нибудь антрепренеръ или чиновникъ, а такой, какіе и въ столицѣ за рѣдкость. И письма Вѣры Николаевны нужны были Агрипинѣ Власьевнѣ не ради простаго утоленія рѣвности: они требовались ей какъ удержъ на слишкомъ влюбчиваго директора, какъ обезпеченіе отъ соперничества Алины Соцкой, приглашенной на роли кокетокъ, про которую всѣ вхожіе на сцену мужчины единогласно отзывались, какъ о прелестной тридцатилѣтней „Бальзаковской женщинѣ“. Что дѣлать? Играя роли на сценѣ, Агрипина Власьевна не могла не увлекаться, но, увлекаясь въ жизни, она не могла, хотя чуть-чуть, не играть роли.

Теперь читателю понятно несносное волненіе Александра Петровича, описанное въ началѣ настоящей главы.

III.

Александръ Петровичъ продолжалъ волноваться, вскакивать на ноги и падать въ кресло, безсильно трудясь надъ рѣшеніемъ замысловатой задачи. Сквозь шумъ собственныхъ мыслей, онъ слышалъ, что Лидія Тимоѳеевна въ сосѣдней комнатѣ занята примѣркой новаго визитнаго платья. Шорохъ шелка пріятно развлекалъ его вниманіе, и онъ даже старательно прислушивался къ нему, чтобъ хотя на время забыть свои мучительныя недоумѣнія.

Платье оказалось такъ хорошо и ловко сшито, что Лидія Тимоѳеевна не удержалась отъ желанія показать его Александру Петровичу.

— Посмотри, Alexandre, вѣдь хорошо? не правда ли? — говорила она, вертясь и охорашиваясь передъ мужемъ.

— Да... хорошо... очень хорошо,—разсѣянно пролепеталъ Голыбинъ.

— Да посмотри же хорошенько, — нетерпѣливо прервала его Лидія Тимоѳеевна.—Но, Божей мой! что съ тобой, Alexandre? Ты нынче непохожъ на самого себя...

Александръ Петровичъ и самъ не зналъ, что именно былъ съ нимъ въ эту минуту. Онъ чувствовалъ, что въ немъ загоралось какое-то сильное желаніе, что оно охватываетъ его, что онъ сейчасъ на что-то стремительно рѣшится, но это движеніе воли еще не перешло въ сознаніе. Такія безсознательные порывы сердца случаются чаще, чѣмъ полагаютъ, и нѣкоторые философы утверждаютъ, что изображеніе ихъ составляетъ прямую задачу музыки.

— Лидія!—вскричалъ Александръ Петровичъ, еще не зная, что именно послѣдуетъ за этимъ вскрикомъ.— Лидія!—повторилъ онъ, опускаясь на колѣни:—я виноватъ предъ тобою, и много, сильно виноватъ...

Лидія Тимоѳеевна невольно отступила.

— Я увлекся... или вѣрнѣе сказать—я чуть было не увлекся..... Но я остановился... я во-время остановился!...

— Кѣмъ?—строго, хотя едва внятно, выговорила Лидія Тимоѳеевна, чувствуя, что у нея мгновенно пересохло во рту.

— Вѣрой Николаевной...

— Ахъ, мерзкая!...—вырвалось у Лидіи Тимоѳеевны.

Ты, впрочемъ, не бойся... я... видишь ли... это, клянусь, минутная слабость... Но у нея есть мои письма... И я... ты понимаешь меня?... я боюсь...

Александръ Петровичъ не съумѣлъ бы отвѣтить чего именно онъ боится, если бы Лидія Тимоѳеевна вздумала его о томъ спросить. Къ счастію, Лидія Тимоѳеевна сама отвѣтила за него:

— Что, владѣя этими письмами, она станетъ терзать тебя?... предъявитъ свои права?... Ну, словомъ...

Лидія Тимоѳеевна не выразила, что̀ сдѣлаетъ „словомъ“ мерзкая Вѣра Николаевна, и мысль ея вдругъ, какъ-бы испуганная, шарахнулась въ сторону.

— Признаюсь, она никогда мнѣ не нравилась; я съ перваго раза почувствовала, что въ ней есть что-то фальшивое...

— Но письма...

— О, пожалуйста, не безпокойся!... Это вздоръ... Я отниму ихъ у нея...

— Но не вышло бы...

— Кажется, ты можешь положиться на меня,—съ гордой увѣренностью отвѣчала Лидія Тимоѳеевна.—Вѣдь, дрожки поданы? Ты хотѣлъ ѣхать на репетицію?...

И, не дождавшись отвѣта, Лидія Тимоѳеевна рѣшительно направилась къ двери, оставивъ мужа на колѣняхъ посреди комнаты.

Дрожки дѣйствительно стояли у крыльца. Лидіи Тимоѳеевнѣ оставалось надѣть шляпу, накинуть бурнусъ и ѣхать...

— О, я отчитаю ее!—сказала про себя Лидія Тимоѳеевна, садясь въ дрожки, и это выраженіе такъ ей понравилось, что она повторила его нѣсколько разъ уже полушепотомъ.

По дорогѣ Лидія Тимоѳеевна успокоилась настолько, что смогла разсуждать о дѣлѣ. Прежде всего, она спросила себя: могло-ли бы что-нибудь подобное случиться съ нею самою? И смѣло отвѣтила: „никогда“. Значитъ, Вѣра Николаевна была кругомъ виновата. Далѣе, она снизошла даже до того, что поставила себя на мѣсто Вѣры Николаевны, насильственно воображая, что и у нея такой же гадкій мужъ, какъ этотъ противный Макоркинъ, и предъ нею такой милый и умный человѣкъ, какъ Alexandre. И тутъ она снова предложила себѣ прежній вопросъ. „Нѣтъ, никогда!“—съ прежней смѣлостью отвѣчала Лидія Тимоѳеевна,—„потому что я ни за кого не могла бы выйти замужъ, кромѣ Александра“.

Мысли ея невольно обратились къ мужу. „Онъ,—конечно, легкомысленъ,—разсуждала Лидія Тимоѳеевна,—и она, правда, недурна, хотя вовсе не такъ, какъ о себѣ воображаетъ. Но... тѣмъ болѣе она виновата“.

Дрожки остановились у крыльца. „И всетаки я

отчитаю ее!“—повторила Лидія Тимоѳеевна свое излюбленное словцо, съ силой дергая колокольчикъ.

Вѣра Николаевна была дома. Она нѣсколько изумилась, узнавъ, что Лидіи Тимоѳеевнѣ вздумалось посѣтить ее. Лидія Тимоѳеевна бывала у нея очень рѣдко, насколько требовало приличіе, а съ осени, когда благородные спектакли уступили мѣсто актерскимъ, ниразу не удостоила ее своимъ посѣщеніемъ.

Судя по сверкающимъ глазамъ Лидіи Тимоѳеевны и по той рѣшимости, съ которою она вошла въ гостиную, Вѣра Николаевна испугалась не на шутку: ей представилось, что Лидія Тимоѳеевна какимъ-нибудь таинственнымъ образомъ узнала всю подноготную.

— Я не могла отказать себѣ въ пріятномъ удовольствіи лично поблагодарить васъ ва то лестное вниманіе, которое вы оказывали моему мужу,—со свѣтской колкостью начала Лидія Тимоѳеевна.

Вѣра Николаевна, какъ-бы въ знакъ согласія, молча наклонила голову.

— Конечно, продолжала Лидія Тимоѳеевна,—я ни на минуту не позволю себѣ усомниться въ нашихъ достоинствахъ и притомъ въ вашемъ положеніи, когда...

Лидіи Тимоѳеевнѣ ужасно хотѣлось сказать: „когза мужъ—такой уродъ“, но она сдержалась, благовременно замѣтивъ, что грубость была бы не въ тонѣ язвительной рѣчи, которую она начала столь удачно.

— Намъ было бы напрасно притворяться другъ передъ другомъ и играть въ жмурки,—заговорила она послѣ мгновенной запинки.—Вы, конечно, не станете отвергать, что старались завлечь моего мужа...

— Я?...—какъ истая ingenue, спросила Вѣра Николаевна.

Она мигомъ сообразила что у Лиціи Тимоѳеевны существуютъ только самыя смутныя подозрѣнія.

— Отрицаніе весьма понятно съ вашей стороны, но я... у меня есть доказательства.

И при послѣднихъ словахъ Лидія Тимоѳеевна выпрямилась и строго взглянула на Вѣру Николаевну.

— Какія?—смѣю спросить,—отозвалась та, едва одолѣвая новый приступъ страха.

— Письма.

— Мои письма?—снова ободряясь и впадая въ тонъ ingenue, сказала Вѣра Николаевна.—Но что же въ нихъ предосудительнаго? въ нихъ я просила Александра Петровича пріѣхать въ такомъ-то часу пройти роль.

Дѣйствительно, эта вначалѣ прямая, а потомъ условная фраза неизмѣнно фигурировала во всѣхъ запискахъ Вѣры Николаевны.

— Я говорю не о вашихъ письмахъ...

„А! такъ это его штуки!“—мелькнуло въ головѣ Вѣры Николаевны, и она отвѣчала съ ѣдкой горячностью:

Но согласитесь, что я не могла же препятствовать Александру Петровичу упражняться въ эпистолярномъ слогѣ. Во всякомъ случаѣ, если это не... если это сколько-нибудь предосудительно, то удерживать его отъ такихъ упражненій вовсе не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

Фраза вышла круглѣе и отточеннѣе, чѣмъ ожидала сама Вѣра Николаевна, и главное—въ тонѣ этой „гордячки и аристократки“, какъ она про себя звала Лидію Тимоѳеевну.

— О! вамъ конечно досадно, что, не смотря на всѣ

старанія, вамъ удалось завлечь его,—выходя изъ себя, громче, чѣмъ слѣдовало, вскричала Лидія Тимоѳеевна.

— Вамъ, какъ супругѣ,—мягко отпарировала Вѣра Николаевна,—конечно позволительно восторгаться достоинствами Александра Петровича, но согласитесь, что другія могутъ относиться къ нимъ нѣсколько холодно.

Такого отзыва о мужѣ Лидія Тимоѳеевна не могла снести. „Какъ! эта несчастная, у которой мужъ гадкій уродъ, смѣетъ не признавать достоинствъ Alexandre'a?“ Отъ досады Лидія Тимоѳеевна не помнила себя. Она, кажется, въ эту минуту даже обрадовалась бы, узнавъ, что дѣло не ограничилось одними письмами; она охотно простила бы мужу вину несравненно болѣе тяжкую,— только не слышать бы о немъ такого презрительнаго отзыва. И ея гнѣвъ вырвался наружу цѣлымъ потокомъ рѣчей.

Она говорила долго, сама не зная, къ чему это говоритъ. Она распространялась о женщинахъ, для которыхъ нѣтъ ничего священнаго, которыя готовы отомстить на другихъ недостатокъ собственнаго счастія; она дѣлала различные намеки и предположенія. Собственно, рѣчь ея состояла изъ такихъ общихъ мѣстъ, намеки и предположенія были до того не мѣтки, что краснорѣчіе Лидіи Тимоѳеевны нимало не задѣвало Вѣру Николаевну. Та слушала ее внимательно и молча, иронически улыбаясь надъ ея непроницательностью. Лидія Тимоѳеевна, наконецъ, истощилась.

— Я понимаю, что васъ такъ безпокоятъ эти письма, — съ снисходительной улыбкой сказала Вѣра Николаевна.—Конечно, они могли мнѣ, наконецъ, надоѣсть, и я могла пожаловаться мужу... Но не тре-

вожьтесь: дорожа вашимъ спокойствіемъ, я сейчасъ возвращу вамъ эти въ сущности невинныя посланія.

И Вѣра Николаевна пошла за письмами. Лидія Тимоѳеевна не могла опомниться отъ ея дерзости.

— Вотъ письма. Успокойте, пожалуста, Александра Петровича, скажите, что я ихъ никому не показывала, и... — Вѣра Николаевна на минутку остановилась и съ поспѣшной отчетливостью добавила: — и посовѣтуйте ему обратиться со своими исканіями къ участницамъ... неблагородныхъ спектаклей...

Низко присѣвъ, Вѣра Николаевна не спѣша ушла изъ гостиной. Лидія Тимоѳеевна желала бы броситься за нею, наговорить ей всякихъ дерзостей, пожалуй даже ударить ее, — но она была слишкомъ благовоспитанна для такихъ рѣзкихъ поступковъ. Она ограничилась только тѣмъ, что, гнѣвно поглядѣвъ вслѣдъ Вѣрѣ Николаевнѣ, сердито сунула полученныя письма въ карманъ новаго визитнаго платья.

„А все-таки я отдѣлала ее! — утѣшала себя Лидія Тимоѳеевна по дорогѣ домой. — О, я наговорила ей порядочно... не забудетъ до новыхъ вѣниковъ, какъ говоритъ наша Агаѳья“.

Выраженіе Агаѳьи успокоило и даже развеселило Лидію Тимоѳеевну. Врядъ-ли бы она была столь покойна, еслибъ знала, что Вѣра Николаевна, дойдя до спальни, съ хохотомъ бросилась въ кресла, и дохохоталась до истерики, не видя, въ безсильной злобѣ, возможности отомстить Александру Петровичу.

IV.

Александръ Петровичъ былъ до того ошеломленъ неожиданной рѣшимостью Лидіи Тимоѳеевны, что, послѣ

ея ухода, и не думалъ вставать на ноги, а только присѣлъ, оставаясь на колѣнахъ. Въ головѣ у него точно кипятокъ вскипалъ; онъ не могъ сообразить, что именно надѣлалъ и ради чего сказалъ женѣ о своихъ письмахъ къ Вѣрѣ Николаевнѣ. Ему захотѣлось хоть сколько-нибудь опамятоваться, и онъ съ усиліемъ потеръ себѣ лобъ тяжелою и какъ-бы окаменѣвшею рукою. Изъ разжатаго кулака выпала скомканная записка. Александръ Петровичъ съ остервенѣніемъ подхватилъ ее и, вскочивъ на ноги, съ яростью бросилъ въ каминъ.

— А вѣдь уѣдетъ, непремѣнно уѣдетъ! — шепталъ онъ, глядя на занявшуюся бумажку. — И что ее удержитъ? Контрактъ? Но въ Казани въ нее давно ужь влюбленъ откупщикъ, — она туда и поѣдетъ: онъ, конечно, заплатитъ не одну неустойку.

И съ досадливымъ безпокойствомъ онъ забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Однако, что-жь я надѣлалъ?.. Съ какой стати я сбрехнулъ о письмахъ?.. А Лидія?.. Неужто она поѣхала за ними?.. И если вдругъ... Вотъ было бы... Нѣтъ, это было-бы ужь черезчуръ глупо и гадко...

Александръ Петровичъ подошелъ къ окну и прислонился горячимъ лбомъ къ холодному стеклу. Волненіе его утихало. Ему стало казаться, что все сейчасъ случившееся было бредомъ, что жена и не думала входить въ комнату. Онъ даже позвонилъ и освѣдомился: уѣхала-ли барыня? Утвердительный отвѣтъ засталъ его какъ-бы врасплохъ.

— О, Боже мой, Боже мой! что я надѣлалъ, заметался онъ по комнатѣ не хуже кота съ погремушкой на хвостѣ. — Лидія не сдержится, разгорячится, наговоритъ Богъ знаетъ чего. Вѣра смутится, упадетъ въ

обморокъ—и, въ довершеніе всего, комическая дуэль съ г. Махоркинымъ... Тьфу! какой скандалъ!..

Александръ Петровичъ дышалъ тяжело, ему давило горло. Какъ-бы ища выхода, онъ подбѣжалъ къ окну, сталъ колѣнами на подоконникъ, отворилъ форточку и высунулъ голову на улицу. На дворѣ дулъ сильный вѣтеръ, разорванныя тучи бѣжали по небу, откуда-то сорвавшаяся капля сильно щелкнула его по носу съ правой стороны. Александръ Петровичъ разсердился, помянулъ чорта и рѣзко повернулъ голову влѣво. Ему на глаза попался праздно стоявшій у воротъ казачекъ. Онъ приказалъ ему сбѣгать на уголъ, посмотрѣть не видать-ли барыниныхъ дрожекъ. Запыхавшійся казачекъ доложилъ, что „никакъ нѣтъ-съ“. Александръ Петровичъ выбранилъ казачка, что онъ болтается безъ дѣла, и велѣлъ ему идти въ домъ, а самъ продолжалъ глазѣть, прислушиваясь—не стучатъ-ли вдали барынины дрожки. Вѣтеръ не уставая обвѣвалъ его голову.

— Однако, этакъ, пожалуй, еще простудишься!— сказалъ Александръ Петровичъ и, спрыгнувъ съ окна, сердито захлопнулъ форточку.

Онъ снова сталъ ходить по комнатѣ и чѣмъ дольше, тѣмъ больше прибавлялъ шагу. Мысли его были тѣ же, воображеніе разгоралось и ему чуть не во-очію стало мерещиться, какъ Лидія открыла тайну, какъ Вѣра лежитъ безъ дыханія на полу и, въ довершеніе скандала, входитъ г. Махоркинъ, держа въ темножелтой, съ черными крапинами, рукѣ заряженный пистолетъ.

— Уфъ!—въ изнеможеніи вздохнулъ онъ, опускаясь въ кресла передъ уборнымъ столомъ.—Я этакъ, наконецъ, сойду съ ума!

Подъ руки ему попалась склянка съ одеколономъ;

онъ принялся освѣжать себѣ голову и гладить волосы, сильно нажимая жесткую щетку.

— И что думать? не поможешь! буду ждать,—рѣшилъ онъ, придвигая большое кресло къ потухавшему камину.

Александръ Петровичъ, какъ можно удобнѣе, усѣлся въ креслѣ и закрылъ глаза. Теплота отъ камина пріятно согрѣвала его тѣло, ноги сами собою вытягивались, головѣ было свѣжо послѣ втиранія. Порою мысль будоражилась, и Александръ Петровичъ чувствовалъ, что его одолѣваетъ сильнѣйшее желаніе вскочить и забѣгать по комнатѣ. Въ такія минуты подступавшаго волненія самымъ важнымъ ему казалось не открывать ни подъ какимъ видомъ глазъ, и онъ отлично справлялся съ этимъ, и теплота отъ камина вновь его успокоивала. Для полнаго устраненія мысли Александръ Петровичъ принялся не торопясь считать до тысячи.

Лидія Тимоѳеевна, воротясь домой, нашла его въ самой покойной позѣ; онъ если не спалъ, то сладко дремалъ. Требовалось-ли болѣе ясное доказательство совершенной невинности мужа?

— Ну, успокойся, успокойся,—ласково заговорила она.—Вотъ твои письма!..

Александръ Петровичъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, онъ съ жадностью ухватился за письма, поднесъ ихъ къ лицу, слегка даже понюхалъ и рѣшительно сунулъ въ сюртучный карманъ. Тутъ только онъ понялъ, чего ему такъ страстно желалось въ ту минуту, когда онъ невольно упалъ на колѣни передъ женою: именно того, чтобъ эти письма лежали у него въ карманѣ. Радостное волненіе охватило его; онъ чуть не прыгалъ.

— Милая моя, дорогая, безцѣнная!—кричалъ онъ,

восторженно цѣлуя руки жены.—Я не знаю какъ благодарить тебя!.. Ты мой ангелъ-хранитель, ты моя спасительница, ты... Но простишь ли ты меня?

— Но за что же прощать? — тревожно спросила Лидія Тимоѳеевна.—Вѣдь ничего серьезнаго и не было?..

— О, клянусь!.. Нѣтъ, нѣтъ, ничего серьезнаго!.. Я, конечно, могъ, но... но я очнулся на краю пропасти...

— Успокойся же, успокойся, лаская мужа по щекѣ, приговаривала Лидія Тимоѳеевна. — Только... только будь со мной всегда такъ откровененъ, какъ сегодня.

И Лидія Тимоѳеевна нѣжно поцѣловала мужа.

— Прикажете отложить?—спросилъ въ это время казачекъ, появляясь въ дверяхъ.

— Ты вѣдь не поѣдешь на репетицію?—явно ожидая утвердительнаго отвѣта, сказала Лидія Тимоѳеевна.

— Ахъ, эта репетиція!—хватая себя за голову, вскричалъ Александръ Петровичъ. — Опять исторія... Пошелъ вонъ,—грозно обратился онъ къ казачку.

— Что такое?

— А то, что г-жа Вьюгина изволитъ капризничать и сегодня не желаетъ репетировать.

— Ну, что жь? Ты останешься дома и оштрафуешь ее,—спокойно сказала Лидія Тимоѳеевна, привыкшая къ строгимъ театральнымъ порядкамъ своего мужа.

— Оштрафуешь!.. Когда она грозитъ разорвать контрактъ...

— Но что же случилось?..

— А то...—Александръ Петровичъ запнулся было и мигомъ добавилъ:—А то, что нашъ старикъ влюбился въ нее...

— Какъ? дядя?..

Лидія Тимоѳеевна не иначе называла генерала Калищева, какъ дядей.

— Ну да, отважно продолжалъ Александръ Петровичъ, — и вчера они изволили поссориться: онъ рветъ и мечетъ, а она грозитъ уѣхать!..

Тутъ Александръ Петровичъ изумился даже, какъ ловко и непринужденно удалось ему солгать. Изумляться, впрочемъ, было нечему: наша воля—первѣйшая лгунья на свѣтѣ.

— Ахъ, ради Бога, не разказывай мнѣ о ней такихъ вещей,—не безъ страха воскликнула Лидія Тимоѳеевна.—Я такъ люблю ее, какъ актрису, и вдругъ оказывается, что она такая гадкая...

— Да, легко тебѣ говорить: не разказывай, дѣловымъ тономъ, какъ бы соображая (онъ и впрямь соображалъ, что бы еще соврать), возразилъ Александръ Петровичъ.—А подумай сама, что будетъ съ нами, если она уѣдетъ... Какіе убытки!.. Да и дядя меня же обвинитъ во всемъ, скажетъ: „не съумѣлъ удержать“. Точно ты его не знаешь.

Лицо Александра Петровича выражало мрачную озабоченность. Лидія Тимоѳеевна растревожилась не на шутку:

— Что же ты станешь дѣлать, Alexandre?

— Что дѣлать? твердымъ и даже нѣсколько суровымъ голосомъ отвѣчалъ онъ.—Надо ѣхать и помирить ихъ во что бы то ни стало.

И онъ съ досадливой торопливостью сталъ собираться ѣхать, какъ обычно собираются люди, которымъ не хочется, а дѣлать нечего, надо экстренно выйти изъ дому.

— Ты скоро вернешься?

— Какъ удастся!.. Сама понимаешь... Она въ слезы, онъ въ амбицію... И чортъ ихъ еще знаетъ во что!.. Прощай, милая! — Александръ Петровичъ поцѣловалъ жену.—Да, вотъ изволь мирить весеннюю вьюгу съ зимнимъ... инеемъ!—иронически добавилъ онъ, но съ лица его не сходила досада, свидѣтельствовавшая, какъ тяжело было ему уѣзжать изъ дому.

Та же досада сказывалась въ его походкѣ. Онъ вышелъ на крыльцо, и только уже сѣвъ на дрожки, когда кучеръ спросилъ его: „куда прикажете?“—онъ вдругъ преобразился и съ какой-то удивительной игривостью приказалъ: „къ Вьюгиной!“

Лидія Тимоѳеевна смотрѣла въ окно на отъѣздъ мужа.

„Онъ вѣтренъ немного, томно опустивъ голову, подумала она, когда дрожки тронулись: —но, слава Богу, вполнѣ откровененъ. Ничего, рѣшительно ничего не въ силахъ скрыть отъ меня. Совершенный ребенокъ!“

1884 г.
СПБ.

РАЗКАЗЪ ВТОРОЙ.

СТАРЫЙ ЛИБЕРАЛЪ И ЕГО ПИТОМИЦА.

(МУЖЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ).

... Пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ.
М. Лермонтовъ.

I.

Въ концѣ 50-хъ годовъ на Васильевскомъ островѣ, за Среднимъ проспектомъ, въ уютномъ деревянномъ домикѣ съ садомъ жилъ статскій совѣтникъ Ѳедоръ Трофимовичъ фонъ-Реммеръ. Тогдашній Васильевскій островъ не походилъ на нынѣшній. Каменные дома почти не заходили за Большой проспектъ; было много деревянныхъ домиковъ, говорившихъ о зажиточной семейственности; во всемъ чувствовался какой-то просторъ, и воздухъ былъ чище, чѣмъ въ остальномъ, тогда грязномъ, пыльномъ и вонючемъ Петербургѣ, отъ заботъ и треволненій котораго счастливый островъ отдѣлялся широкою Невою. Теперь островъ сталъ многолюднѣе, богаче и наряднѣе, но былая его миловидность, сохранившаяся нынѣ какими-то обрывками въ немногихъ линіяхъ, навсегда останется любезной для памяти тѣхъ, кому въ тѣ дни довелось щеголять въ мундирѣ съ синимъ воротникомъ.

Фонъ-Реммеръ жилъ въ своемъ домѣ, доставшемся ему отъ отца. Онъ служилъ въ вѣдомствѣ, почитавшемся въ то время честнымъ, и занималъ въ немъ видное мѣсто. Реммеръ былъ холостъ; у него въ домѣ жила молодая воспитанница со своей старой гувернанткой.

У Реммера былъ другъ, инженеръ Ксаверій Редлихъ. Они были погодки. На сороковомъ году Редлихъ женился на молоденькой дѣвушкѣ. Сейчасъ-же послѣ свадьбы всевозможное счастье повалило къ нему, считавшемуся дотолѣ самымъ отчаяннымъ неудачникомъ. Нежданно двадцатилѣтняя его жена умерла въ родахъ вторымъ ребенкомъ, оставивъ на его рукахъ дѣвочку по четвертому году. Смерть жены страшно подѣйствовала на Редлиха. Онъ никакъ не могъ помириться съ мыслью: зачѣмъ такъ рано умерла женщина молодая, красивая, умная, честная, которой, казалось, слѣдовало бы жить да жить. Угрюмый ропотъ овладѣлъ его душою. Чтобы заглушить давящую тоску, онъ бросился въ разгулъ — тяжелый, нимало не радостный разгулъ мужчины за сорокъ.

Сдавъ дочь на попеченіе старой француженки, онъ рѣдко сидѣлъ дома. Когда ему случалось переламывать себя и онъ упорно не выходилъ изъ дому по нѣскольку дней кряду, маленькая Саша не утѣшала его. Напротивъ, мысль о ранней и ненужной (какъ онъ выражался) смерти жены преслѣдовала его тогда съ большей неотступностью. Онъ съ какимъ-то отчаяніемъ ласкалъ дочку, точно давая ей послѣднее цѣлованіе. Послѣ такого мрачнаго воздержанія, Редлихъ еще глубже впадалъ въ разгулъ.

Однажды, позднимъ вечеромъ, онъ пріѣхалъ къ фонъ-Реммеру блѣдный и разстроенный.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ съ величайшей просьбой, какъ къ вѣрному и испытанному другу,—сказалъ онъ.

— Что такое?

— Я завтра дерусь на дуэли. Не спрашивай съ кѣмъ и за что,—мнѣ стыдно сознаться. Мой соперникъ вполнѣ негодяй, а потому я увѣренъ, что буду убитъ. Несправедливость, отнявшая у меня жену, должна совершиться и надо мною.

Фонъ-Реммеръ вздумалъ утѣшать и отговаривать отъ дуэли своего друга.

— Оставь, прервалъ его Редлихъ.—Самое важное доказательство, которое ты можешь привести, я знаю: у меня есть дочь. Но у меня есть также другъ. И ты, мой другъ, не оставишь моей дочери. Ты возьмешь ее къ себѣ и воспитаешь лучше, чѣмъ смогъ бы я самъ. У тебя строгій и ровный характеръ, а я человѣкъ сильныхъ страстей и дерзкихъ порывовъ. Я увѣренъ, да и ты самъ хорошо знаешь, что никогда не женишься. Ты счастливо рожденъ холостякомъ, и проживешь долго. Ты оставишь при ней Катерину Карловну; она взбалмошна, какъ всѣ француженки, но у нея доброе сердце. Дѣвочкѣ нужно и женское вліяніе, а съ тобой однимъ она станетъ синимъ чулкомъ.

Ѳедоръ Трофимовичъ снова хотѣлъ прервать своего друга.

— Дослушай, ради Бога. Моя дочь не бѣдна, у нея около семидесяти тысячъ. Ты будешь воспитывать ее на проценты съ капитала, но капиталъ ей не можетъ быть выданъ ранѣе совершеннолѣтія, хотя-бы она и вышла замужъ до этого срока. Я не хочу, чтобы она свободно располагала деньгами, пока для нея не минетъ возрастъ, столь роковой для ея матери. Впрочемъ, все

это обозначено въ завѣщаніи. Даешь-ли слово исполнить мою послѣднюю волю?

Фонъ-Реммеръ вмѣсто отвѣта протянулъ другу свою руку. Тотъ крѣпко пожалъ ее.

— На эту стальную руку можно положиться, съ чувствомъ сказалъ онъ.—Теперь прощай, Ѳедоръ; поцѣлуй меня въ послѣдній разъ. Не провожай и не разспрашивай.

На другое утро смертельно раненаго Редлиха привезли домой; къ вечеру онъ скончался. Ѳедоръ Трофимовичъ перевезъ къ себѣ шестилѣтнюю Сашу и ея гувернантку.

II.

Конецъ пятидесятыхъ годовъ для Реммера былъ самымъ счастливымъ временемъ. Ему перевалило уже за пятьдесятъ пять, но онъ былъ свѣжъ и бодръ и столь же бодро готовился встрѣтить наступавшую старость. Его радовало сознаніе честно и благоразумно проведенной жизни. Вокругъ все оживилось и заговорило съ какимъ-то радостнымъ захлебываніемъ, какъ-бы спѣша высказаться послѣ долгаго и насильственнаго воздержанія. Всѣ жили въ чаяніи свободы; господствовало убѣжденіе, что она явится вдругъ, во всеоружіи, какъ Паллада-Аѳина изъ головы Зевса, и мгновенно самымъ своимъ появленіемъ исцѣлитъ Россію отъ всѣхъ накопившихся за тысячелѣтіе золъ. То было самое милое и мечтательное время, какое когда-либо приходилось переживать русскому обществу. Фонъ-Реммеръ весело прислушивался къ гулу мнѣній, въ которомъ основная нота звучала въ-ладъ съ его старинными, завѣтнѣйшими ме-

чтами и думами. Онъ именно прислушивался, рѣдко вступая въ споръ: онъ никогда не защищалъ дорогихъ ему убѣжденій противъ воззрѣній отсталыхъ и отжившихъ, но всегда возвышалъ голосъ противъ крайнихъ идей.

Ѳедоръ Трофимовичъ былъ правовѣрный либералъ самой чистой воды и съ суровостью кальвиниста (какимъ и былъ по вѣроисповѣданію) готовъ былъ преслѣдовать людей, портящихъ своими вредными заблужденіями, какъ онъ выражался, дорогіе и священные для человѣчества идеалы. Онъ вообще полагалъ, что всякій порядочный человѣкъ непремѣнно обязанъ дойти до извѣстной грани, но отнюдь не переступать ее, ибо далѣе—мракъ и бездна.

Радовался старикъ и на Сашеньку. Она только-что вышла изъ подростковъ, ей минуло шестнадцать лѣтъ, она еще далеко не сложилась окончательно, глядѣла обрубкомъ и была слишкомъ полна той отроческою одутловатостію, которая снискиваетъ молодымъ дѣвицамъ прозвище „пышекъ“. Черненькіе и кругленькіе, какъ вишни, глазки Александры Ксаверьевны однако загорались порою вовсе не по-ребячьи.

Фонъ-Реммеръ мало интересовался наружностью своей питомицы; онъ радовался тому, что, какъ полагалъ, честно исполнилъ свой долгъ относительно покойнаго несчастнаго друга. Старая гувернантка уже два года какъ пришла въ такую слабость, что не выходила изъ своей комнаты, и фонъ-Реммеръ самъ занялся окончательнымъ воспитаніемъ Сашеньки. По его мнѣнію, Сашенька была уже въ такихъ лѣтахъ, когда важнѣе всего внѣдрить въ ея душѣ твердые и похвальные принципы.

Фонъ-Реммеръ, какъ истый нѣмецъ, былъ отчаянный теоретикъ. Нѣмцы же, какъ извѣстно, во всемъ, даже въ искусствѣ, оказываютъ великую склонность сперва выдумать теорію, а потомъ творить согласно ей; разъ увѣровавъ въ такой созданный отъ нихъ-же кумиръ, они въ отупѣломъ самообольщеніи хвалятся тѣмъ, что въ теченіе долгихъ лѣтъ не измѣняли ни іоты въ первоначально начертанномъ планѣ и не подчинялись никакому живому вѣянію: что разумно установлено, то не можетъ быть погрѣшимо. Рѣжь смѣло, ибо въ мѣркѣ ошибки быть не можетъ. Правила, коими руководствовался фонъ-Реммеръ, были превосходны, онъ избралъ своимъ девизомъ стихи Гете:

Edel sey der Mensch,
Hülfreich und gut.

Всякій разъ, какъ ему предстояло рѣшиться на что-нибудь, онъ заставлялъ себя быть человѣкомъ благороднымъ, добрымъ и скорымъ на помощь. Какъ мы видѣли, онъ именно такимъ и явился въ дѣлѣ Редлиха. Житейскія отношенія Ѳедора Трофимовича, впрочемъ, были столь немногосложны, его отношенія къ людямъ до того просты и въ большинствѣ случаевъ безстрастны, что ему рѣдко приходилось практически осуществлять свои принципы, а потому они и не могли превратиться въ нравственный навыкъ, стать его второй природой. Сердце не участвовало непосредственно въ добрыхъ дѣлахъ фонъ-Реммера, оно испытывало только чувство удовольствія, видя согласіе правилъ и поступковъ своего носителя.

Фонъ-Реммера поэтому мало заботило сердце Сашеньки: намекни ему кто-нибудь объ этомъ,—онъ отвѣчалъ бы, что сердце, руководимое правильными прин-

ципами, ошибаться не можетъ. Старикъ вовсе проглядѣлъ слагавшійся характеръ Александры Ксаверьевны, основными чертами коего были настойчивость, скрытность и любопытство, влекшее ее вовсе не въ ту сторону, куда воспитатель направлялъ ея любознательность. Что осталось тайной для мудраго и строгаго Реммера, то открылъ своимъ проныривымъ умомъ Чекалкинъ.

Фонъ-Реммеръ любилъ видѣть вокругъ себя молодежь; мечтательная отвлеченность, съ которою юность смотритъ на жизнь, была по-душѣ мало жившему старику. Между молодыми людьми, вхожими къ фонъ-Реммеру, Павелъ Дмитріевичъ Чекалкинъ не пропускалъ ни одного назначеннаго дня. То былъ студентъ, неокончившій курса по поводу какой-то исторіи. Исключеніе изъ университета, по словамъ Чекалкина, „не убило въ немъ любви къ наукѣ“. Онъ почему-то занимался гальванопластикой, имѣя при томъ, какъ онъ выражался, научно-промышленныя цѣли и надѣясь сдѣлать открытіе въ этой области прикладныхъ знаній. Чекалкинъ былъ интересный блѣдный молодой человѣкъ; его томный видъ на взглядъ людей, остуженныхъ опытомъ, правда, напоминалъ физіономію кадета, накурившагося въ первый разъ отъ роду сигаръ; но онъ нравился женщинамъ. Улыбка не сходила съ его устъ; мышинные глазки либо усиленно моргали, либо были скромно потуплены. Фонъ-Реммеръ вначалѣ не замѣчалъ Чекалкина и потомъ недоумѣвалъ—какимъ образомъ онъ „втерся“ къ нему въ домъ. Замѣтивъ, старикъ возненавидѣлъ его. Чекалкинъ былъ какъ-то черезчуръ скроменъ, воздержанъ и ласкателенъ,—качества, не нравящіяся въ молодомъ человѣкѣ. Онъ ужасно заботился о

томъ, чтобъ въ сужденіяхъ своихъ попадать въ тонъ Ѳедора Трофимовича. Въ хитрой головѣ своей онъ заподозрилъ, что фонъ-Реммеръ въ душѣ гораздо либеральнѣе, чѣмъ на словахъ, что его служебное положеніе и значительный чинъ не дозволяютъ ему выражать мнѣнія съ полной свободой. Въ желаніи поддѣлаться къ нему, онъ однажды, впрочемъ со скромностью, никогда его не оставлявшею, сталъ высказывать самыя крайнія убѣжденія. Старикъ, какъ бы отгадавъ тайную цѣль Чекалкина, обрушился на него всею силою своей логики. Чекалкинъ струсилъ и, моргая глазами, сталъ увѣрять, что высказалъ не свои мнѣнія, а привелъ чужія, собственно ради примѣра. Фонъ-Реммеръ, скрывая презрѣніе, отвернулся и быстро отошелъ отъ него.

III.

Ѳедору Трофимовичу и въ голову не приходило, чтобы этотъ „праздный любитель просвѣщенія“, какъ онъ про-себя иронически прозвалъ Чекалкина, могъ сколько-нибудь занимать воображеніе Сашеньки. Случилось обратное; Чекалкинъ съумѣлъ поддѣлаться къ дѣвицѣ Редлихъ.

Онъ былъ мелочно-угодливъ и непринужденно-льстивъ. Обладая поверхностною наблюдательностію, легко подмѣчалъ въ другихъ смѣшныя стороны и передавалъ свои наблюденія съ безпритязательнымъ комизмомъ. Собственныя мечты, мысли и вожделѣнія Павла Дмитріевича отличались необыкновеннымъ благообразіемъ; по крайности, онъ умѣлъ придавать имъ видъ такого благочинія, что со стороны оставалось только любоваться. Онъ первый весьма ловко и осто-

рожно заставилъ Александру Ксаверьевну подумать, что она не можетъ не нравиться мужчинамъ. Онъ ей подсказывалъ „умныя“ мнѣнія о людяхъ и вещахъ, и вслѣдъ затѣмъ непритворно восторгался ими, но не шумно и задорливо, а съ умиленнымъ взоромъ, голосомъ, свидѣтельствовавшимъ о душевномъ благоговѣніи.

Фонъ-Реммеръ и не подозрѣвалъ, какъ часто въ своихъ ежедневныхъ прогулкахъ Александра Ксаверьевна, всегда неожиданно, встрѣчалась съ Павломъ Дмитріевичемъ. Нерѣдко при этомъ рѣчь заходила о гальванопластикѣ; Чекалкинъ хвалился своими работами; она любопытствовала взглянуть на нихъ; онъ со значительнымъ вздохомъ увѣрялъ, что ея одобреніе было-бы для него чрезвычайно важно.

— Я принесъ-бы вамъ образцы, но, по правдѣ сказать, опасаюсь рѣзкаго отзыва Ѳедора Трофимовича, который, какъ я замѣтилъ, не очень-то благоволитъ ко мнѣ. Иное дѣло, еслибъ я смѣлъ надѣяться когда-нибудь увидѣть васъ въ своей мастерской!..

Александра Ксаверьевна ничего не отвѣчала. Разъ высказанная надежда не выходила изъ головы Павла Дмитріевича. Онъ выражалъ ее повторительно, и она уже перестала казаться Александрѣ Ксаверьевнѣ несбыточной. И когда, недѣли черезъ три, во время прогулки, послѣ разглагольствованій о своихъ новыхъ работахъ, Чекалкинъ, поровнявшись со своимъ подъѣздомъ, сказалъ самымъ непринужденнымъ тономъ: „да вотъ, войдите, посмотрите“,—такое предложеніе показалось Александрѣ Ксаверьевнѣ весьма простымъ и естественнымъ.

Квартира Павла Дмитріевича состояла изъ крошеч-

наго кабинета, который онъ величалъ своей мастерской, и изъ довольно большой комнаты, раздѣленной ситцевой перегородкой на двѣ половины: гостиную и спальню. Все у него было очень мило, чисто, опрятно и благопристойно. По осмотрѣ работъ, молодые люди перешли въ гостиную, гдѣ догадливая служанка уже приготовила кофе.

Павелъ Дмитріевичъ, казалось, былъ безмѣрно счастливъ; его взоры признательно остановились на Александрѣ Ксаверьевнѣ. Кофе, повидимому, расположилъ его къ мечтательности. Какъ всегда, мечты его отличались строгимъ благообразіемъ. Онъ сознался своей гостьѣ, что его идеалъ—тихая и скромная семейная жизнь: трудовое утро смѣняется вечеромъ, освѣщеннымъ домашними радостями,—мужъ читаетъ вслухъ „умную и честную“ книгу, жена за работой... Постепенно Павелъ Дмитріевичъ разгорался; мечты его становились смѣлѣе, но онъ не шелъ впрочемъ далѣе задернутыхъ самой густой дымкой намековъ. Онъ говорилъ вкрадчивымъ, страстнымъ, какъ голубиное воркованье, шепотомъ и имъ, какъ Листовскій Мефистофель звуками вальса, возбудилъ въ молодой дѣвушкѣ чувственное волненіе, впервые ею испытанное и потому наполовину непонятное.

Воротясь домой, Александра Ксаверьевна почувствовала, однако, что испытала сегодня какое-то странное и непохвальное настроеніе. Ей стало стыдно, и она рѣшила никогда больше не заглядывать въ гальванопластическую мастерскую.

Въ слѣдующій четвергъ Павелъ Дмитріевичъ, противъ обыкновенія, не былъ у фонъ-Реммера. Александра Ксаверьевна замѣтила его отсутствіе; на прогулкахъ

онъ не встрѣчался съ нею. „Что бы это значило?“ думала она.

Послѣ двухнедѣльнаго перерыва Чекалкинъ опять появился у Ѳедора Трофимовича и на вопросъ дѣвушки отвѣчалъ, что былъ боленъ. Лицо у него, казалось, похудѣло и поблѣднѣло, и Александра Ксаверьевна невольно пожалѣла молодаго человѣка.

— Не знаю, вспоминали-ли вы обо мнѣ, Александра Ксаверьевна, сказалъ онъ между прочимъ,—но я послѣ того незабвеннаго утра какъ-бы продолжалъ чувствовать ваше дорогое присутствіе въ моей мастерской. Мнѣ казалось, что я вижу васъ передъ собою. Больной, не имѣя возможности выйти изъ комнаты, я невольно воображалъ себѣ ваше лицо. Мнѣ удалось по памяти вылѣпить изъ воска вашъ медальонъ, который я предполагаю воспроизвести гальванопластически. Насколько я могу судить, онъ отличается большимъ сходствомъ.

Александрѣ Ксаверьевнѣ польстило такое вниманіе. Ея любопытство было сильно возбуждено: ей хотѣлось не столько видѣть медальонъ, чтобъ убѣдиться въ его схожести и талантѣ Павла Дмитріевича, сколько узнать: что-же будетъ дальше? Она поняла, что слышала нѣчто въ-родѣ полупризнанія въ любви.

Александра Ксаверьевна зашла посмотрѣть восковой медальонъ. Онъ ей понравился. Въ это посѣщеніе, впрочемъ, не произошло ничего особеннаго, и длилось оно весьма недолго. Когда былъ готовъ гальванопластическій снимокъ, Александра Ксаверьевна еще разъ посѣтила Павла Дмитріевича. Онъ заговорилъ съ нею о новой повѣсти и въ невольномъ увлеченіи, схвативъ книжку журнала, прочелъ вслухъ нѣсколько страницъ. Его чтеніе на Александру Ксаверьевну, не слыхавшую

лучшаго, произвело значительное впечатлѣніе. Слушая, она невольно вспомнила о его мечтѣ: мужъ читаетъ, жена за работой,—и вдругъ смутно пожалѣла, что сидитъ съ пустыми руками. Въ это время чтецъ умолкъ.

— О чемъ вы задумались?—спросилъ онъ.

Александра Ксаверьевна вспыхнула.

— Я думала... Вы такъ прекрасно читаете... Ваше чтеніе доставило мнѣ такое удовольствіе... и мнѣ хотѣлось бы еще хотя разъ послушать васъ...

— Я былъ бы счастливъ, доставивъ вамъ не разъ, а много разъ это, какъ вы любезно изволили выразиться, удовольствіе. Но гдѣ же? какъ?... Извините меня,—потупивъ глаза, прибавилъ онъ,—я очень цѣню и безконечно благодаренъ вамъ за то, что вы заглянули въ мою мастерскую... И я не вижу ничего дурнаго въ томъ, что нынче посѣщеніе молодыхъ людей дѣвушками начинаетъ и у насъ входить въ обычай. Но, Александра Ксаверьевна! предразсудки еще сильны, и я былъ бы глубоко огорченъ, причинивъ вамъ хотя маленькую непріятность....

— Вы можете читать у насъ.

— Но Ѳедоръ Трофимовичъ...

— Ахъ! дядя, конечно, не найдетъ въ этомъ ничего дурнаго.

Александра Ксаверьевна съ дѣтства привыкла звать своего воспитателя дядей.

— Но какъ же это устроить?

— Знаете, самое лучшее—заходите какъ-нибудь въ воскресенье. Воротясь изъ церкви, дядя бываетъ всегда такой добрый, и мы какъ-нибудь уговоримъ его.

— Я постараюсь воспользоваться вашимъ совѣтомъ, поспѣшно отвѣчалъ Чекалкинъ.

Въ первый же четвергъ Павелъ Дмитріевичъ выразилъ Ѳедору Трофимовичу сожалѣніе, что никакъ не можетъ достать одного историческаго сочиненія, которое ему весьма хотѣлось бы прочесть. Онъ слышалъ, какъ фонъ-Реммеръ хвалилъ однажды это сочиненіе. Ѳедоръ Трофимовичъ, хотя удивился желанію „празднаго любителя“ прочесть серьезную книгу, однако предложилъ ему взять ее у него. Чекалкинъ взялъ только первый томъ.

Въ воскресенье онъ явился за полъ-часа до возвращенія Ѳедора Трофимовича изъ церкви. Фонъ-Реммеръ, увидавъ его, нѣсколько поморщился.

— Ахъ, Ѳедоръ Трофимовичъ, сказалъ Чекалкинъ,— извините, но я не могъ дождаться четверга. Книга такъ меня заинтересовала, что мнѣ захотѣлось поскорѣе достать второй томъ. Полагая, что въ воскресенье вы свободны, я позволилъ себѣ зайти. Александра Ксаверьевна была такъ добра, что предложила мнѣ подождать васъ.

— И знаешь, дядя, въ ожиданіи тебя, мы разговорились съ Павломъ Дмитріевичемъ объ однихъ стихахъ и онъ прочелъ мнѣ ихъ.... Ахъ, дядя! какъ онъ читаетъ!... Съ какимъ чувствомъ!... Жаль, что мнѣ не придется болѣе слышать его...

— Отчего же, мой другъ? Иногда, по воскресеньямъ, вечеромъ...

Александра Ксаверьевна стала превозносить дядю за доброту. Такимъ образомъ учредились еженедѣльныя чтенія. Въ одно воскресенье фонъ-Реммеру необходимо было уѣхать. Павелъ Дмитріевичъ пришелъ по обыкновенію. Онъ немного почиталъ, и потомъ, помолчавъ, не безъ таинственности объявилъ Александрѣ Кса-

верьевнѣ, что долженъ просить у нея позволенія поговорить съ нею о важномъ и серьезномъ дѣлѣ. Она смущенно согласилась. Начавъ нѣсколько издалека и немного щурясь, Павелъ Дмитріевичъ высказалъ ей однако, что она для него все въ жизни, что только она можетъ составить его счастіе, и прочая.

Слушая его съ опущенными глазами и головой, Александра Ксаверьевна чувствовала, что внутри у нея все какъ будто сжимается. Онъ замолчалъ. Она подняла на него глаза и какъ бы вдругъ ясно увидѣла, что этотъ человѣкъ пріобрѣлъ надъ нею власть. „Неужто это любовь?“ съ испугомъ спросила она себя.

— Вы вѣдь согласны? да, да? съ страстнымъ захлебываніемъ спросилъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Да,—едва слышно отвѣчала она.

Лицо Павла Дмитріевича засвѣтилось радостью и вдругъ похорошѣло. Онъ быстро-быстро заговорилъ. Онъ не зналъ, какъ выразить ей благодарность, свое счастіе; онъ началъ строить планы, какъ мило и уютно они заживутъ „честной и доброй“ трудовой жизнью, и вдругъ остановился.

— Что съ вами?

— Я боюсь, что Ѳедоръ Трофимовичъ никогда не согласится на нашъ бракъ, сказалъ онъ.

— О, нѣтъ! Дядя навѣрно не будетъ препятствовать. Впрочемъ, не бойтесь, я сама поговорю съ нимъ.

IV.

На другое утро, Александра Ксаверьевна, какъ обычно, вошла въ кабинетъ къ своему названному дядѣ.

— Мнѣ надо поговорить съ вами, дядя.

— О чемъ, мой другъ?—не замѣтивъ нѣкоторой торжественности ея тона и не отрывая глазъ отъ книги, спросилъ Ѳедоръ Трофимовичъ.

— Вы много разъ говорили мнѣ, что желали бы, чтобъ я всегда, во всемъ была откровенна съ вами.

— О, да!—все еще полуразсѣянно отвѣчалъ фонъ-Реммеръ.

— Дядя! я пришла сказать вамъ, что выхожу замужъ.

— Фонъ-Реммеръ въ невольномъ движеніи отодвинулся на креслѣ отъ стола.

— Васъ изумляетъ моя прямота?

— О, нѣтъ!... Но я... я думалъ, мой другъ, что ты еще такъ молода, что такія мысли для тебя еще... преждевременны. Въ кого... то есть, я хотѣлъ спросить: за кого же?

— За Павла Дмитріевича Чекалкина.

— За этого?...—невольно вскликнулъ фонъ-Реммеръ.

— Онъ вамъ не нравится?

Ѳедоръ Трофимовичъ промолчалъ.

— Вы слишкомъ мало его знаете, вы не взлюбили его какъ-то теоретически, не удостоивъ даже поверхностнаго наблюденія.

Фонъ-Реммеръ понялъ, что эта замысловатая фраза придумана самимъ Чекалкинымъ. „Онъ, однако, вовсе не такъ глупъ, какъ я полагалъ“, подумалъ онъ.

— Не удостоилъ наблюденія? Гм. Правда, я не обращалъ на него особеннаго вниманія, и хотя пословица говоритъ, что для того, чтобъ узнать человѣка, надо съ нимъ съѣсть два пуда соли... Ну, это не скоро съѣшь... И притомъ, что за наблюденія? какъ не понять молодаго человѣка сразу? У молодежи все наружу...

— Вамъ, можетъ быть, не нравятся его убѣжденія? Они вамъ кажутся крайними?

И въ этой фразѣ фонъ-Реммеръ увидѣлъ работу Чекалкина.

— Убѣжденія? горячо сказалъ онъ.—Я думаю, у него нѣтъ никакихъ убѣжденій. Онъ ни красный, ни бѣлый, ни синій... Онъ мутный, какъ вода весною... И я боюсь, что никогда не отстоится...

— Вы слишкомъ строги къ нему, дядя.

— Строгъ? О, нѣтъ, не думаю... Я готовъ даже похвалить его... Онъ... онъ недурно читаетъ, онъ многое, онъ все дѣлаетъ недурно... и ничего хорошо. И на бѣду, во всемъ видна та-же мутность, о которой я уже говорилъ, Никогда, о! никогда онъ не станетъ чистъ и прозраченъ, какъ кристаллъ... ни на одну минуту въ своей жизни... И это потому, что онъ... онъ человѣкъ безъ всякихъ принциповъ, вѣрнѣе сказать—безъ всякаго нравственнаго воспитанія... Нельзя отъ него того и требовать... Мнѣ говорили, его отецъ былъ какой-то полицейскій или подъячій изъ казенной палаты.

— Вы придаете такое значеніе происхожденію? Васъ ли я слышу, дядя? Развѣ честные люди бываютъ не вездѣ?

— О, конечно, вездѣ... но не въ казенной палатѣ.

— Но онъ образованіемъ возвысился надъ средою...

Фонъ-Реммеръ хотѣлъ было сказать, что яблоко падаетъ недалеко отъ яблони, но остановился, подумавъ, что это было бы грубо, а грубостью только испортишь дѣло. Инаго аргумента ему въ голову не приходило. Ученіе о наслѣдственности характеровъ и привычекъ не было тогда еще въ модѣ.

— Итакъ вы никогда не согласитесь на нашу свадьбу?

— Я?.. О, я никогда, низачто не согласился бы на нее, еслибъ имѣлъ на то хотя малѣйшее право. Но я не имѣю такого права. Воля твоего отца въ томъ, чтобы тебѣ была предоставлена полная свобода въ выборѣ твоего мужа. И эта воля для меня священна. Я только долженъ предупредить тебя, что капиталъ твой не можетъ быть тебѣ выданъ ранѣе совершеннолѣтія; ты обязана довольствоваться процентами.

— Вы думаете, что онъ женится на деньгахъ? Я увѣрена, что онъ не знаетъ, есть ли у меня капиталъ, или нѣтъ.

Фонъ-Реммеръ взглянулъ на свою питомицу. Слезы брызнули изъ ея глазъ. Старикъ смутился.

— Ну, извини, извини меня, сказалъ онъ, подойдя и взявъ ее за руку,—я не хотѣлъ оскорблять, мой другъ, ни тебя, ни твоего избранника. Я прямо и откровенно сказалъ тебѣ, что онъ мнѣ не нравится. Въ немъ такъ много... Ахъ! есть еще такое прекрасное русское выраженіе... Да! это называется лебезить... И онъ лебезитъ, онъ никогда не говоритъ съ тобой прямо, а все думаетъ угодить тебѣ... И я прошу, я серьезно, именемъ твоего отца, прошу тебя обождать, подумать, не спѣшить этимъ дѣломъ. Я считаю такую просьбу своимъ долгомъ. Но я... я не препятствую, не могу и не желаю препятствовать; я только прошу...

— А вы, дядя, даете ли вы мнѣ слово быть внимательнымъ къ нему, постараться узнать его?

— О, конечно, конечно. Это—мой долгъ. А ты не спѣши; ты еще такъ молода. И извини, мой другъ, если я нѣсколько грубо говорилъ о немъ... Ну, да, онъ

мнѣ не нравится, очень не нравится; но грубость не нужна, она излишня.

И фонъ-Реммеръ поцѣловалъ въ лобъ свою питомицу.

Онъ сдержалъ свое слово, заговаривая съ Павломъ Дмитріевичемъ по четвергамъ (воскресныя чтенія какъ-то сами собой упразднились) и внимательно прислушиваясь къ его рѣчамъ. Прошло съ полгода. Александра Ксаверьевна не заговаривала съ дядей о свадьбѣ. Ѳедоръ Трофимовичъ былъ увѣренъ, что она передумала.

„И вотъ добрый плодъ свободы, мечталъ онъ. — Она сама поняла его любительскую праздность и пустоту... А вздумай я запретить — это была бы своего рода цензура, которая чѣмъ строже, тѣмъ ведетъ къ большому уклоненію отъ истины.“

Увѣренности фонъ-Реммера вскорѣ былъ нанесенъ тяжкій ударъ.

— Я пришла благодарить васъ, дядя, сказала Александра Ксаверьевна, входя, какъ и тогда утромъ, въ его кабинетъ,— вы сдержали слово и были внимательны къ Павлу Дмитріевичу. Надѣюсь, вы измѣнили свое мнѣніе о немъ?

— О, нѣтъ! съ живостью возразилъ Ѳедоръ Трофимовичъ.—А ты?

— Я пришла васъ просить назначить день нашей свадьбы, твердо отвѣчала Александра Ксаверьевна.

— О, это ваше дѣло, то есть твое и твоего избранника. Я въ это не вмѣшиваюсь. Я попрошу только передать г. Чекалкину, чтобъ онъ пришелъ на-дняхъ переговорить со мной о дѣловой сторонѣ вопроса.

Дѣловая сторона вопроса состояла въ томъ, что

Ѳедоръ Трофимовичъ объяснилъ Чекалкину, что далеко не всѣ проценты съ первоначальнаго капитала шли на воспитаніе Александры Ксаверьевны, отчего самый капиталъ увеличился настолько, что Александра Ксаверьевна до совершеннолѣтія можетъ располагать примѣрно пятью тысячами въ годъ, которыя и будутъ ей выдаваться или высылаться по третямъ, за каждую впередъ.

— Вы намѣрены остаться въ Петербургѣ? въ заключеніе спросилъ онъ.

— Нѣтъ, мы полагаемъ отправиться заграницу. Я чувствую, что мое образованіе не завершено.

— О, похвальное дѣло! холодно прервалъ его краснорѣчіе фонъ-Реммеръ.

— Ѳедоръ Трофимовичъ, съ чувствомъ началъ Чекалкинъ, — вы не... вы не со всѣмъ расположены ко мнѣ и можетъ быть...

— Очень можетъ быть, опять прервалъ его старикъ, — очень можетъ быть, что я и ошибаюсь и вы современемъ своими поступками переубѣдите меня... Но это будетъ современемъ... А теперь... теперь подобный разговоръ не можетъ принести ни вамъ, ни мнѣ никакого удовольствія.

И фонъ-Реммеръ вѣжливо поклонился, въ знакъ что свиданіе кончено.

Молодые прямо отъ вѣнца отправились заграницу. Проводивъ ихъ на пароходную пристань, фонъ-Реммеръ грустный и задумчивый возвращался домой.

„У нея есть тѣ-же порывы, отъ которыхъ страдалъ мой бѣдный Редлихъ, разсуждалъ онъ самъ съ собою. — Дай Богъ, чтобъ у нея не развились страсти, гибельность которыхъ такъ прекрасно и такъ безсильно сознавалъ ея отецъ. Пошли ей, о Боже! всякаго

благополучія и избави ее отъ искушеній... И дай, дай мнѣ, Господи, въ укоръ моей самоувѣренности, ошибиться въ немъ..."

V.

Полтора года молодые прожили счастливо въ небольшомъ нѣмецкомъ городкѣ. Къ концу года у нихъ родилась дочь, которую они звали уменьшительнымъ Саша; ласкательное Сашенька было сохранено Павломъ Дмитріевичемъ для жены. Еще съ полгода Павелъ Дмитріевичъ не чувствовалъ ни малѣйшей скуки; ему даже казалось, что онъ занимается и дѣлаетъ успѣхи.

Не слѣдуетъ думать, что Чекалкинъ не любилъ жены. Не одинъ капиталъ влекъ его къ женитьбѣ на Александрѣ Ксаверьевнѣ. Вѣрнѣе предположить, что ему хотѣлось при этомъ испробовать свои силы, выказать свою мощь въ побѣдѣ, на первый разъ надъ женщиной. Павелъ Дмитріевичъ былъ весьма самолюбивъ и увѣренъ, что такъ или иначе—не мытьемъ, такъ (чортъ возьми!) катаньемъ—заставитъ говорить о себѣ.

Ради обладанія Сашенькой онъ пустилъ въ ходъ всѣ доступныя ему средства: разсчетливую пронырливость, вкрадчивую ласкательность и терпѣливую выдержанность, но онъ владѣлъ ими не холодно, не какъ послушливыми орудіями,—для этого онъ былъ слишкомъ молодъ,—а со страстью юноши, впервые ощущающаго свои, дотолѣ и отъ него самого скрытыя свойства. Побѣда принесла съ собою такъ много. Упоеніе ею длилось довольно долго, цѣлыхъ полтора года! Пора было на чемъ-нибудь иномъ испытать свои силы. Притомъ, нѣкоторая дѣланность его отношеній къ же-

нѣ, сперва вызванная необходимостью, а потомъ ускоренная привычкою, стала тяготить Чекалкина. Онъ рѣшилъ, что слѣдуетъ „перемѣнить обстановку“.

Ему не стоило никакого труда уговорить Сашеньку переѣхать въ Парижъ: она была даже рада, что мужъ хочетъ заняться дѣломъ.

Въ Парижѣ супруги зажили припѣваючи въ одномъ изъ новыхъ кварталовъ. Нашъ курсъ стоялъ тогда еще довольно высоко, и денегъ у нихъ оказалось болѣе чѣмъ нужно, ибо привычки у обоихъ были довольно скромныя.

Оставалось еще около двухъ съ половиною лѣтъ до того вожделѣннаго срока, когда весь капиталъ станетъ собственностью Александры Ксаверьевны. Чекалкинъ считалъ долгомъ приготовиться къ этому времени, чтобъ во всеоружіи выступить на какомъ-нибудь общественномъ поприщѣ.

Но чѣмъ-же ему стать? Ученымъ, художникомъ или общественнымъ дѣятелемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова? Гальванопластика, какъ дѣло низкое, была давно заброшена. Въ Германіи за послѣднее время, ради развлеченія отъ находившей скуки, онъ принялся рисовать и сдѣлалъ даже довольно схожій портретъ жены. По пріѣздѣ въ Парижъ онъ поэтому вздумалъ заняться живописью. Ктому-же и Александра Ксаверьевна не разъ говорила, какъ должно быть пріятно быть женою художника.

Около полугода Павелъ Дмитріевичъ самымъ прилежнымъ образомъ занимался живописью. Дѣло шло такъ-себѣ,—онъ, конечно, былъ увѣренъ, что превосходно. Однажды маленькими и неслышными шажками (онъ съ дѣтства пріобрѣлъ такую походку) входилъ онъ

въ мастерскую своего профессора, какъ услыхалъ свою фамилію, выкрикнутую громкимъ и нѣсколько раздраженнымъ голосомъ. „Чекалкинъ! говорилъ профессоръ.— И вы хотите, чтобъ я равнялъ васъ съ этимъ сударикомъ (ce petit monsieur)! Что такое Чекалкинъ? Дилетантъ, жалкая посредственность или приличная бездарность; онъ ктому-же не бѣденъ... Ему довольно научиться кое-какъ мазать... А вы... у васъ талантъ, вы настоящій художникъ...“

Чекалкинъ далѣе не слышалъ. Онъ вышелъ тѣми-же мелкими шажками и сталъ медленно спускаться съ лѣстницы. Приговоръ профессора какъ-то придавилъ его: онъ отвыкъ отъ неудачъ, онъ избаловался отъ успѣха. „Старый дуракъ!“ воскликнулъ онъ про-себя „я покажу...“ Но Павелъ Дмитріевичъ не договорилъ и про-себя, что онъ покажетъ профессору. Живопись мгновенно ему опротивѣла. Придя домой, онъ схватилъ кисти и, переломивъ, бросилъ ихъ въ каминъ.

Павелъ Дмитріевичъ остался безъ карьеры. Начались новыя исканія подходящей дѣятельности въ будущемъ. Подробный разказъ о его начинаніяхъ, треволненіяхъ и разочарованіяхъ былъ-бы слишкомъ дологъ и мало-занимателенъ. Что для Павла Дмитріевича тянулось, около года, то передъ читателемъ промелькнетъ въ нѣсколько минутъ.

Сперва Павелъ Дмитріевичъ возжелалъ славы ученаго, о чемъ и сообщилъ женѣ, объяснивъ, что у него для художника слишкомъ развитый и отвлеченный умъ. Ежедневно, съ утра онъ направлялся въ Латинскій кварталъ. Съ первыхъ же лекцій онъ замѣтилъ, что голова его какъ-будто одеревенѣла для серьезныхъ занятій; онъ былъ слишкомъ дурно подготовленъ къ вос-

принятію научныхъ свѣдѣній и слишкомъ умственно излѣнился. Между тѣмъ надо же было какъ-нибудь убить утро: нельзя-же было сознаться Александрѣ Ксаверьевнѣ въ своей отупѣлости. Вскорѣ, поэтому, онъ открылъ, что проводить время въ кафэ невпримѣръ пріятнѣе, чѣмъ на лекціяхъ или въ библіотекѣ.

Праздная жизнь будила мечту; Павелъ Дмитріевичъ перебиралъ, на какомъ поприще ему суждено прославиться: Сдѣлаться адвокатомъ ожидавшагося гласнаго суда? поступить на службу? пойти по дипломатической части? Но всѣ эти поприща требовали кандидатскаго диплома. Чекалкинъ же чувствовалъ, что для него прошло время казенныхъ, какъ онъ язвительно выражался, экзаменовъ. Въ малоспособности сознаться было трудно, и незамѣтно, постепенно онъ сталъ придумывать внѣшнія причины своихъ прошлыхъ, настоящихъ и даже грядущихъ неудачъ. Вскорѣ онъ увѣровалъ, что всему виною была интрига. Интрига профессора помѣшала ему кончить курсъ въ университетѣ; этотъ-же интриганъ, конечно, провалитъ его на кандидатскомъ экзаменѣ. Если онъ, Чекалкинъ, вздумаетъ экзаменоваться въ какомъ-нибудь другомъ университетѣ, то интриганъ и туда напишетъ своимъ пріятелямъ, чтобъ они его и тамъ провалили. Къ живописи у него былъ же несомнѣнный талантъ, но интриганы-завистники съумѣли вооружить противъ него профессора, строгій приговоръ котораго такъ подѣйствовалъ на его чувствительную природу, что онъ развѣ только черезъ много лѣтъ будетъ въ состояніи взять кисть въ руки Наконецъ, развѣ не интриги фонъ-Реммера мѣшаютъ ему доселѣ свободно обнаружить свои способности? Что обязываетъ этого стараго интригана исполнять какое-то

глупое завѣщаніе, написанное покойнымъ Редлихомъ явно въ умоизступленіи?

Интрига, интрига, всюду и вездѣ интрига. Онъ забывался въ этихъ мечтахъ, пьянѣлъ отъ нихъ, и въ немъ вскипала желчь. Онъ даже вслухъ, даже женѣ сталъ проговариваться объ интригѣ, хотя еще въ очень общихъ и темныхъ выраженіяхъ.

Но, рано или поздно, интригѣ долженъ быть положенъ конецъ. Онъ посвятилъ свою жизнь на борьбу съ нею, онъ разоблачитъ ее, подъ какой-бы личиной она ни хоронилась, и въ этой именно битвѣ заслужитъ побѣдный вѣнокъ. Наши журналисты по большей части люди необразованные, даже малограмотные; оттого они пристрастны и завистливы; онъ создастъ органъ честный и правдивый, благосклонный къ униженнымъ талантамъ и достоинствамъ: такая газета не можетъ не имѣть успѣха. Онъ, только-бы поскорѣе Сашенька достигла совершеннолѣтія!

Праздная жизнь будила и еще кое-что, кромѣ мечтательности, о чемъ читатель узнаетъ въ свое время.

V.

Александра Ксаверьевна, между тѣмъ, похорошѣла и поумнѣла. Изъ одутловатой дѣвочки она стала худенькой и стройненькой молодой дамой. На нее заглядывались; близко знавшіе считали ее гораздо умнѣе мужа. Бѣдная, она и не подозрѣвала, что ея милый Поль для большинства знакомыхъ мужчинъ былъ столь же невыносимъ, какъ и для старика фонъ-Реммера.

Между поклонниками Александры Ксаверьевны самымъ усерднымъ, постояннымъ и скромнымъ былъ мо-

лодой талантливый художникъ Ломачевъ. Во многомъ онъ представлялъ полный контрастъ съ Чекалкинымъ. Онъ былъ красивъ и сильной мужественной красотою, онъ никогда не говорилъ о себѣ, въ немъ не было и тѣни мелочности или вкрадчивости. Онъ любилъ безнадежно. „Она недоступна, она всю себя посвящаетъ дочкѣ, она, къ несчастію, любитъ этого негодяя“. Ломачевъ кое-что зналъ про Павла Дмитріевича, и порой, когда Александра Ксаверьевна заговаривала съ нимъ о мужѣ, у него, какъ говорится, чесался языкъ открыть ей глаза,—но онъ всегда удерживался, убѣждая себя, что было-бы подло разсчитывать на ея ссору съ мужемъ. Чекалкинъ терпѣть не могъ Ломачева, онъ всегда самымъ желчнымъ образомъ отзывался о немъ, какъ о сущей бездарности. Въ своихъ мечтахъ, онъ и его зачислилъ въ число вредящихъ ему интригановъ; ему нравилось воображать, что старый профессоръ именно съ Ломачевымъ говорилъ о немъ, хотя онъ твердо зналъ, что въ то время Ломачева даже въ Парижѣ еще не было.

Оставалось около полугода до совершеннолѣтія Сашеньки. Поль болѣе, чѣмъ когда, предавался самымъ усиленнымъ занятіямъ. Онъ не только пропадалъ все утро, но и вечера его не были свободны: то онъ бралъ приватные уроки у профессоровъ, то занимался въ редакціяхъ, дабы практически и до тонкости изучить газетное дѣло. Александра Ксаверьевна начинала скучать.

Однажды, провалившись съ утра, Поль не явился и къ обѣду: онъ обѣдалъ у одного редактора, который въ этотъ день обѣщалъ показать ему свою типографію. Поль даже опасался, что придетъ поздно ночью: онъ подождетъ, пока номеръ будетъ сверстанъ и начисто

отпечатанъ. Александрѣ Ксаверьевнѣ въ этотъ день было особенно не по себѣ. Неизмѣнный Ломачевъ молча ей сочувствовалъ. Послѣ обѣда ей вздумалось прогуляться. Они доѣхали въ омнибусѣ до Магдалины, и оттуда пошли вдоль бульваровъ. Когда они поровнялись съ подъѣздомъ одного изъ театровъ, передъ нимъ остановилась карета. Тщательно закутанная дама торопливо высунула голову въ окно и, боязливо оглядѣвшись по сторонамъ, быстро выскочила изъ кареты и мелькнула въ подъѣздъ. Александрѣ Ксаверьевнѣ показалось, что она узнала ее. Слѣдомъ за дамой юркнулъ изъ кареты мужчина, какъ-бы опасавшійся, что его сзади схватятъ за воротъ. Александра Ксаверьевна поблѣднѣла и пошатнулась.

— Что съ вами? спросилъ Ломачевъ, прекрасно узнавшій въ мужчинѣ Чекалкина.

— Ахъ, они такъ неожиданно пробѣжали, что я испугалась... Вернемтесь лучше домой; на бульварѣ такая давка.

Дама, съ такими предосторожностями вбѣжавшая въ театръ, была нѣкая г-жа Пилипенко, или — что согласнѣе съ законами малороссійскаго нарѣчія — г-жа Пилипенкова. Прося извиненія у малороссійскихъ дамъ и кавалеровъ, любящихъ, конечно изъ самыхъ высокихъ побужденій, французить свои фамиліи, мы станемъ склонять ихъ согласно съ особенностями ихъ же роднаго нарѣчія. Гдѣ-то въ Грайворонѣ или Коротоякѣ г-жа Пилипенкова однажды съ грѣхомъ пополамъ и большимъ успѣхомъ сыграла въ благородномъ спектаклѣ драматическую роль. Съ тѣхъ поръ она вообразила себя великой драматической актрисой и, подхвативъ въ видѣ багажа г. Пилипенка, направила свои стопы въ Парижъ. Тамъ она думала брать уроки декламаціи у лучшихъ

профессоровъ и затѣмъ стать французской актрисой, ибо для французовъ открыты сцены всего міра. Разныя бываютъ фантазіи у стремящихся къ славѣ россіянокъ.

Г-жа Пилипенкова была, что называется, роскошная женщина. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ она случайно въ ложѣ театра познакомилась съ Чекалкиными. Интриги уже преслѣдовали Павла Дмитріевича, и онъ искалъ разсѣянія. Побѣда надъ такой женщиной, думалъ онъ, укрѣпитъ его пошатнувшуюся самоувѣренность, столь необходимую для всякаго успѣха.

Александра Ксаверьевна замолчала свое открытіе, хотя нимало не сомнѣвалась въ виновности мужа. Однажды, забѣжавъ домой за часъ до обѣда, онъ какъ-то особенно старательно юлилъ передъ женою и съ особой грустью объявилъ, что долженъ обѣдать сегодня съ однимъ знаменитымъ публицистомъ. Александра Ксаверьевна подумала, что ея часъ насталъ.

Едва мужъ вышелъ изъ двери, какъ собралась и она. Она слѣдомъ за нимъ вышла на улицу и старалась не выпускать его изъ вида. Пройдя немного, онъ взялъ извозчика,—она подозвала другаго и приказала ѣхать за нимъ. Карета наконецъ остановилась, и Александра Ксаверьевна видѣла, какъ ея мужъ быстро скользнулъ въ подъѣздъ. Она стала въ своей каретѣ дожидаться. Не прошло и получаса, какъ съ другой стороны подъѣхала еще карета. Изъ нея, какъ у театра, торопливо и съ тѣми-же предосторожностями выглянула дама. Едва она вошла въ подъѣздъ, какъ Александра Ксаверьевна, крадучись прослѣдовала за нею. Дама остановилась въ четвертомъ этажѣ и позвонила. Пока ей отворяли двери, Александра Ксаверьевна догнала ее.

— Здравствуйте, Ольга Ивановна. Кланяйтесь отъ

меня Павлу Дмитріевичу. Желаю вамъ весело провести время,—проговорила она и быстро побѣжала съ лѣстницы.

Она приказала извозчику какъ можно скорѣе везти себя домой; дома съ ней сдѣлалась истерика.

Перепуганная Ольга Ивановна, конечно, обо всемъ разсказала Павлу Дмитріевичу. Онъ смутился, но... не откладывать же было свиданія изъ-за такого пассажа? На другое утро онъ рѣшилъ притвориться ничего не знающимъ и въ случаѣ, если Сашенька затѣетъ сцену, посмѣяться надъ ея ошибкой и ревностью. Не могъ же онъ предполагать, что жена видѣла его.

Итакъ, на другое утро, съ обычными шутками и ужимками, онъ подошелъ къ рано вставшей женѣ. Александра Ксаверьевна точно въ первый разъ въ жизни замѣтила его манеры, и онѣ показались ей гадкими и подленькими.

— А преинтересный господинъ этотъ публицистъ,— началъ было онъ.

— Вы и сегодня, какъ вчера, обѣдаете съ нимъ?— будто не разслышавъ, прервала его Александра Ксаверьевна.

— Нѣтъ, я сегодня...

И онъ хотѣлъ обнять жену. Она энергическимъ жестомъ отстранила его.

— Вы мнѣ больше не мужъ,—сказала она, сверкнувъ глазами.

Павелъ Дмитріевичъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но жена быстро вышла изъ комнаты. Онъ бросился за нею; она вышла въ спальню и заперлась на ключъ. Онъ долго и напрасно излагалъ свои недоумѣнія у запертой

двери. Александра Ксаверьевна до слѣдующаго утра не выходила изъ своего заключенія.

„Вчерашнее, гм, гм... Навѣрно вчерашнее,—потерянно соображалъ Павелъ Дмитріевичъ.—И опять, конечно, интрига... Безъ сомнѣнія, этотъ мерзавецъ Ломачевъ... И надо же, чтобъ это случилось именно теперь, когда до совершеннолѣтія...“

Отъ горя онъ даже не додумалъ. На слѣдующій день онъ рѣшилъ уже не скрывать факта свиданія и сочинилъ длинную и запутанную исторію, почему оно потребовалось. Александра Ксаверьевна и до половины не дослушала хитро сочиненной повѣсти. Павелъ Дмитріевичъ вздумалъ затѣмъ побѣдить ее смиреніемъ и раскаяніемъ—и это не удалось.

„Э, обойдется!“ рѣшилъ онъ.

Но жена „не обходилась“. Она, очевидно, что-то задумала, но что именно—Поль недоумѣвалъ. Когда они были вдвоемъ, она не говорила съ нимъ и не сидѣла даже въ одной комнатѣ. Когда кто-нибудь заходилъ, она не подавала вида, что что-нибудь произошло между ними. Павелъ Дмитріевичъ сталъ не шутя бояться за свою будущность и рѣшилъ утихомирить жену отчаяніемъ.

Однажды служанка, войдя къ Александрѣ Ксаверьевнѣ, испуганнымъ тономъ передала ей, что видѣла, какъ monsieur заряжалъ револьверъ и взводилъ курки; что онъ затѣмъ отложилъ револьверъ и сталъ что-то писать. Александра Ксаверьевна пошла въ кабинетъ къ мужу. Заслышавъ ея шаги, онъ схватилъ револьверъ и приставилъ его дуломъ ко лбу. Александра Ксаверьевна вырвала у него пистолетъ изъ рукъ.

— Это совершенно излишнее: я не повѣрю. Оставьте,—сказала она.

Въ другой разъ Павелъ Дмитріевичъ блѣдный и шатаясь вышелъ къ обѣду.

— Что съ вами?—спросила Александра Ксаверьевна.

— Я принялъ опіума,—какъ-бы въ изнеможеніи отвѣчалъ онъ.

Александра Ксаверьевна послала за докторомъ. Пріемъ опіума оказался настолько силенъ, что для противодѣйствія потребовалась цѣлая бутылка шампанскаго.

Наконецъ, еще черезъ нѣсколько дней Павла Дмитріевича полицейскій привезъ домой всего мокраго. Оказалось, что онъ въ виду городоваго бросился съ набережной въ Сену. Александра Ксаверьевна приказала служанкѣ подать барину чистое бѣлье и затопить каминъ въ его комнатѣ, а для себя нанять карету.

„Безчувственная!“ проскрежеталъ Поль.

Неизвѣстно, что бы еще предпринялъ онъ, еслибъ изъ Россіи не пришли третныя деньги. Александра Ксаверьевна на этотъ разъ благословила настойчивость фонъ-Реммера, который, не смотря на ея неоднократныя просьбы, упрямо высылалъ проценты на ея имя, а не на имя Павла Дмитріевича. У нея уже давно все было готово къ отъѣзду и, оставивъ мужа безъ паспорта, она въ тотъ-же день отправилась въ Россію съ маленькой Сашей и бонной.

На первой станціи она попросила кондуктора бросить въ ящикъ письмо къ мужу.

VII.

Отъѣздъ Сашеньки смутилъ и испугалъ Поля. Онъ думалъ было броситься за нею слѣдомъ, но жена увезла

паспортъ и ему предстояло заявить въ посольствѣ о потерѣ вида. На все это требовалось нѣсколько дней. Въ опустѣвшей квартирѣ стало скучно, и онъ невольно вспомнилъ о г-жѣ Пилипенковой; оказалось, что ея супругъ какъ нарочно уѣхалъ вчера въ Блуа осматривать древности. Ольга Ивановна была свободна.

— И я соломенный вдовецъ, у меня жена сбѣжала.

— Какъ?

Онъ съ особой комической своей манерой, всегда нравившейся, по его замѣчанію, женщинамъ, разказалъ въ чемъ дѣло.

— И что-же вы?

— Я радъ, что и вашъ мужъ догадался уѣхать.

Они весело провели день. Послѣ ужина Павелъ Дмитріевичъ въ первый разъ послѣ трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ длилась „эта исторія", почувствовалъ себя спокойнымъ. На другое утро онъ рѣшилъ, что спѣшить за женой нечего.

„Во-первыхъ, почемъ я знаю, куда она уѣхала? Конечно, въ Петербургъ. Но это догадка. А предполагается, что я волнуюсь, всюду пишу письма и телеграфирую, и, наконецъ-то узнаю гдѣ она. А во-вторыхъ—разлука и для нея полезна: соскучится—и будетъ сговорчивѣе".

Деньги у него были, и онъ еще цѣлыхъ два мѣсяца пропутался съ г-жей Пилипенковой. Онъ даже пріопухъ отъ шампанскаго. Ему приходило въ голову—не оставить ли Александру Ксаверьевну вовсе въ покоѣ и не прилѣпиться ли къ Ольгѣ Ивановнѣ? Пилипенки, судя по обстановкѣ, были люди со средствами. Павелъ Дмитріевичъ рѣшился разузнать, кто-же именно богатъ: мужъ или жена? Для этого онъ пригласилъ г. Пили-

пенка на обѣдъ и, наливъ его изрядно виномъ, пустился съ нимъ въ откровенности. Разговорясь о прелестяхъ парижской жизни, оба чуть не въ голосъ стали жаловаться на холодность своихъ женъ. Такое обстоятельство подвигло ихъ на дальнѣйшую откровенность. Пилипенко сознался, что онъ не того ждалъ отъ Ольги Ивановны, а потому и женился на безприданницѣ. Чекалкинъ солгалъ, что и съ нимъ случилось то-же. Они чуть-ли не выпили даже на „ты“.

Павелъ Дмитріевичъ понялъ, что ему во что бы то ни стало надо воротиться къ женѣ. Г-жа Пилипенкова, между тѣмъ, увѣрила мужа, что ей Парижъ наскучилъ, что въ Италіи учителя декламаціи лучше, а потому просила его поторопиться осмотромъ провинціальныхъ французскихъ древностей. Павелъ Дмитріевичъ не могъ не цѣнить такого вниманія къ своей особѣ. Одно его заботило: г-жа Пилипенкова, подозрѣвая въ себѣ артистическую натуру, любила роскошь, а бумажникъ его становился все тоньше; онъ прокутилъ всѣ съэкономленныя деньги и даже прихватилъ значительную часть своего довольно тощаго наслѣдства, прожитаго впрочемъ на добрыхъ двѣ трети еще во время гальванопластическихъ опытовъ, производившихся въ ожиданіи будущихъ благъ. Сосчитавъ въ одно прекрасное утро оставшіяся деньги, онъ убѣдился, что ихъ едва хватитъ до примиренія съ женою, а потому, не простясь съ г-жей Пилипенковой, бѣжалъ отъ объятій сей небережливой Цирцеи.

„И въ чемъ она можетъ упрекнуть меня? думалъ онъ о женѣ, сидя въ вагонѣ:—въ томъ, что я кутилъ безъ нея въ Парижѣ? Но развѣ не она своей безчувственностью довела меня до этого?“

Александра Ксаверьевна, между тѣмъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, наняла скромную квартирку и съ мѣсяцъ никому не показывалась; затѣмъ она отыскала самыхъ близкихъ знакомыхъ, но умоляла ихъ ни слова не говорить о ея пріѣздѣ фонъ-Реммеру. Она боялась показаться на глаза своему воспитателю, боялась его осужденій и справедливыхъ упрековъ.

Однажды, гуляя, она встрѣтила Ломачева. Она ему обрадовалась, но сочла неприличнымъ въ ея положеніи пригласить его къ себѣ. Встрѣчи повторялись, и все въ той-же улицѣ.

— Вы рѣшились, кажется, преслѣдовать меня, m-r Ломачевъ?—спросила она полустрого, полукокетливо.—Постоянно я встрѣчаю васъ на этой улицѣ...

— Очень просто, я живу тутъ, а вы гуляете аккуратно въ одинъ и тотъ-же часъ. Вы не вѣрите, но право я тутъ живу—19 № дома, въ третьемъ этажѣ.

Александра Ксаверьевна взглянула на домъ № 19.

— Мнѣ придется, пожалуй, избрать другой путь для прогулокъ, — сказала она, какъ-бы что-то соображая.

Сама не зная для чего, она, говоря эти слова, запоминала адресъ Ломачева.

— Ради Бога, — поблѣднѣвъ заговорилъ художникъ.—Вы знаете, что видѣть васъ, и... Впрочемъ, вы такъ умны, что конечно давно обо всемъ догадались... Но ради Бога... нѣтъ, гуляйте тутъ, ужь я лучше постараюсь рѣже попадаться вамъ на глаза.

— Полноте, Ломачевъ, я шучу: мнѣ всегда пріятно видѣть васъ,—отвѣчала Александра Ксаверьевна.

Короткія встрѣчи на улицѣ только раздражали Ломачева; онъ сталъ искать случая познакомиться въ

одномъ изъ немногихъ домовъ, гдѣ бывала Александра Ксаверьевна. Ему удалось устроить это скорѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Онъ былъ приглашенъ на обѣдъ вмѣстѣ съ Александрой Ксаверьевной. За столомъ они сидѣли рядомъ. Ломачевъ былъ нѣжно-внимателенъ къ ней, въ разговорѣ онъ такъ бережно обходилъ все, что могло напомнить ей парижскія непріятности; онъ замиралъ и блѣднѣлъ, когда Александра Ксаверьевна любезно заговаривала съ другими мужчинами.

VIII.

Александра Ксаверьевна, съ пріѣзда въ Петербургъ не возвращавшаяся домой позже девяти, на этотъ разъ замедлила болѣе чѣмъ на полчаса. „О, для чего я не узнала его раньше!“ какъ-бы само собою мелькало у нея въ головѣ, по дорогѣ домой. Она ни разу не остановила своего вниманія на этой мысли, но за то никакія иныя соображенія не приходили ей въ голову.

— Что Саша—спитъ?—спросила она бонну, входя къ себѣ.

По разстроенному лицу бонны, медлившей отвѣтомъ, она поняла, что случилось нѣчто недоброе.

— Она больна?

— О, нѣтъ! Но... только не тревожьтесь...

— Да что-же съ нею? Говорите, говорите, ради Бога...

Бонна, сбиваясь и путаясь, объявила, что сегодня, около половины пятаго часа, заѣхалъ самъ monsieur и, узнавъ, что madame нѣтъ дома, пожелалъ видѣть дочь. Саша обрадовалась отцу. Онъ привезъ ей куклу и кон-

фектъ и игралъ съ нею. Потомъ онъ предложилъ Сашѣ ѣхать кататься, дѣвочка была въ восторгѣ.

— Но какъ же вы могли... какъ смѣли отпустить ее съ нимъ?

— Но monsieur — ея отецъ... Я полагала, что онъ имѣетъ право...

— Это только у васъ во Франціи мужья имѣютъ такія безчеловѣчныя права! съ силой крикнула на нее Александра Ксаверьевна.—Но гдѣ-же Саша?

— Я не знаю. Они не возвращались.

— О, Боже мой! Боже мой!—блѣднѣя и шатаясь, проговорила Александра Ксаверьевна.—Отчего вы тотчасъ не извѣстили меня?—снова съ силою крикнула она.

— Я не знала, гдѣ найти madame...

— О!..

— Съ полчаса monsieur прислалъ письмо съ посыльнымъ...

— Давайте-же, давайте его скорѣе.

Александра Ксаверьевна судорожно разорвала письмо, въ которомъ Павелъ Дмитріевичъ обращался къ ней какъ къ „милостивой государынѣ“. Она начала читать.

„Не безпокойтесь, писалъ мужъ,—ваша дочь въ хорошихъ рукахъ. Для меня важно, что она не въ *вашихъ*. Ваше эгоистическое поведеніе относительно меня доказываетъ, что вы не можете быть нѣжной матерью. Впрочемъ, я не сужу васъ. Судъ надъ вами произнесетъ ваша дочь, когда выростетъ. Я составилъ дневникъ моихъ страданій, въ которымъ вы отнеслись съ такимъ скептическимъ безчувствіемъ; онъ запечатанъ моей гербовой печатью и будетъ въ свое время врученъ моей дочери. Увы! вы не имѣете даже права называться ея

матерью. Вы всегда, всегда были жестоки относительно меня. Еще въ первые дни нашего брака я замѣчалъ...“

Письмо было на двухъ съ половиною листахъ. Александра Ксаверьевна не читала его далѣе, а только пробѣгала глазами, ища въ немъ отвѣта на мучительный вопросъ: „гдѣ же, гдѣ Саша?“

„Не думайте,—стояло въ концѣ письма,—что я сколько-нибудь боюсь вашей злобы, ухищреній стараго интригана, столь прекрасно воспитавшаго васъ. Я заручился съ этой стороны. Я не скрываюсь отъ васъ и прилагаю свой адресъ. Но дочь *не со мной*, повторяю, она въ хорошихъ и надежныхъ рукахъ. Впрочемъ, я не отвергаю васъ навсегда, ваше раскаяніе будетъ принято мною съ подобающимъ уваженіемъ. Я жду васъ завтра отъ 10 до 12 часовъ. Иначе вы не увидите дочери...“

„О, негодяй!“ комкая письмо, прошептала она. „Онъ думаетъ принудить меня, зная какъ я люблю Сашу“...

Она вся сжалась, стиснула зубы и даже зажмурилась отъ сердечной боли. Передъ ея глазами мелькнули его мигающіе глазки, его слащавая улыбка, его гаденькія ужимки. Александрой Ксаверьевной овладѣло чувство физическаго отвращенія.

„Нѣтъ, никогда!“ съ дрожью подумала она, и слѣдомъ: „Ахъ, какая я гадкая, какая негодная... Я не въ силахъ пожертвовать собою ради дочери... Мнѣ онъ отвратителенъ, я не могу... Боже мой! Боже мой! какъ мнѣ спасти дочь?“

На мгновеніе она какъ-бы оцѣпенѣла. „Дядя“, мелькнуло у нея въ головѣ. „Дядя“, радостно, уже вслухъ вскрикнула она.

— Маша, Маша! звала она горничную.—Скорѣе, скорѣй одѣвайся, ты ѣдешь со мною.

И она уѣхала, оставивъ въ изумленіи француженку, недоумѣвавшую что значитъ выкрикнутое madame слово „diadia“.

На дворѣ стояла мятель. Путь предстоялъ долгій. Александра Ксаверьевна поминутно торопила извозчика, все прибавляя „на чай“. Ванька усердствовалъ. Александрѣ Ксаверьевнѣ казалось, что они ползутъ по-черепашьи; она нѣсколько разъ порывалась выскочить изъ саней, и только замѣчаніе Маши, что „онъ ѣдетъ отлично“, удерживало ее.

Фонъ-Реммеръ собирался лечь спать, какъ раздался сильный и тревожный звонокъ. Онъ самъ бросился отворять двери.

— Боже! Саша! вскричалъ онъ и невольно вспомнилъ ту ночь, когда несчастный Редлихъ пріѣхалъ къ нему такъ-же неожиданно, такой-же разстроенный иблѣдный.—Входи, входи-же скорѣе, мой другъ. Что случилось?.

Онъ провелъ ее въ кабинетъ, самъ снялъ съ нея шубку и калоши и бережно усадилъ въ кресло.

— Что-же, что съ тобой?

— Я разъѣхалась съ мужемъ, онъ измѣнилъ мнѣ,— проговорила Александра Ксаверьевна.

— А!—воскликнулъ было фонъ-Реммеръ и вдругъ остановился: ему показалось, что было-бы неблагородно бранить негодяя и тѣмъ какъ-бы укорять Сашу: ей надо раньше всего помочь.—Ну разказывай-же все въ подробности, прибавилъ онъ.

Александрѣ Ксаверьевнѣ показалось все это холодно. Лучше-бы онъ побранилъ, упрекнулъ и потомъ пожалѣлъ ее!..

— Что-же ты молчишь, мой другъ? Онъ сдѣлалъ что-нибудь ужасное?

— Онъ укралъ у меня дочь.

— О!...

Александра Ксаверьевна начала свой разказъ съ конца, съ похищенія дочери. Не совсѣмъ складно, перескакивая съ предмета на предметъ и часто возвращаясь назадъ, чтобъ передать ту или другую мелочную подробность, казавшуюся ей почему-нибудь важною, она наконецъ разказала все. Старикъ молча соображалъ и взвѣшивалъ всѣ обстоятельства дѣла.

— Ѣхать тебѣ къ нему нечего, сказалъ онъ.—Я съѣзжу самъ и, дастъ Богъ, улажу дѣло... У него, конечно, есть какая-нибудь... цѣль (фонъ-Реммеръ пропустилъ пришедшій ему въ голову эпитетъ „низкая“). Не нуждается-ли онъ въ деньгахъ?

— Очень можетъ быть... О, я готова отдать ему все, только-бы возвратить дочь...

— Зачѣмъ-же все?—съ легкой презрительностью сказалъ старикъ.—Онъ удовольствуется и меньшимъ. Впрочемъ, это ужь мое дѣло. А теперь,—взявъ ее за руку и цѣлуя въ лобъ, прибавилъ онъ:—а теперь спасибо, что вспомнила обо мнѣ. Къ кому ѣдутъ въ горѣ, того любятъ.

Александра Ксаверьевна обняла и съ жаромъ поцѣловала названнаго дядю.

— И разкажи мнѣ, мой другъ, какъ ты поживала тамъ... Не все-же одно горе?..

— И вы, дядя, и вы разкажите, милый, какъ поживали безъ меня.

Они проговорили долго, и грустна была ихъ бесѣда даже при воспоминаніяхъ о свѣтлыхъ дняхъ.

— Однако, время тебѣ успокоиться. Ты вѣдь ночуешь у меня? На дворѣ буря, поздно...

— Да, дядя...

— Твоя комнатка осталась какъ была. Бѣдная Катерина Карловна! Съ ея смертью я совсѣмъ одинокъ.

И онъ повелъ Сашеньку въ ея дѣвичью опочивальню.

— Видишь, все какъ было. Я, когда взгрустнется, захожу сюда. И думаю...

Старикъ не договорилъ, что́ онъ думаетъ, опять боясь, хотя косвенно, упрекнуть свою питомицу. Онъ только посмотрѣлъ на нее своими добрыми старыми глазами. Александра Ксаверьевна на этотъ разъ поняла, что у него промелькнуло въ головѣ, и тепло пожала ему руку.

— Ну, спи спокойно. Я пришлю твою дѣвушку. А завтра, не бойся, я устрою.

Онъ вышелъ. „И все-таки, зачѣмъ, зачѣмъ онъ не побранилъ меня? думала Александра Ксаверьевна.— Зачѣмъ онъ щадилъ его? Онъ боялся меня растревожить? О, мнѣ нужна, нужна теперь тревога... Мнѣ нужны слезы, рыданья... Мы бы поплакали вмѣстѣ... И хорошо бы поплакали!..“

— Маша, Маша! гдѣ-то теперь наша барышня? вскричала Александра Ксаверьевна, съ рыданіемъ бросаясь на грудь вошедшей горничной.

IX

Павелъ Дмитріевичъ стоялъ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. Въ день свиданія съ женою, онъ приказалъ разбудить себя въ восемь часовъ, разсчитывая на

нетерпѣніе Александры Ксаверьевны. Онъ не безъ удовольствія напился чаю, раздумывая, какъ вчера все прекрасно и само собою устроилось. Вчера онъ думалъ просто повидаться съ женой и везъ фунтъ конфектъ для нея и куклу для дѣвочки. Его немного разсердило, что жена не была дома въ обѣденный часъ—часъ, такъ сказать, семейный попреимуществу, когда онъ снова вошелъ бы въ домъ самымъ непримѣтнымъ образомъ, точно явившись по обычаю. Досада подсказала ему благую мысль: увези онъ дочь,—и жена ужь не выскользнетъ изъ его рукъ.

У Павла Дмитріевича было достаточное количество двоюродныхъ бабушекъ и тетушекъ, смирненько жившихъ въ своихъ домикахъ на Петербургской и Выборгской, на нахапанныя во время оно деньги какъ Чекалкиными, такъ и другими союзными съ ними хищническими родами. Къ одной изъ такихъ бабушекъ онъ и свезъ на время Сашу.

Откушавъ чай, Павелъ Дмитріевичъ вздумалъ одѣться потщательнѣе. Онъ поглядѣлся въ зеркало. Послѣ кутежная одутловатость лица показалась ему весьма пріятной. „Она меня еще такимъ не видала“, подумалъ онъ. Ходя по комнатѣ, онъ обдумывалъ свои рѣчи, то нравственно-строгія, то умилительно-нѣжныя. Онъ видѣлъ уже жену въ своихъ объятіяхъ, какъ коридорный подалъ ему карточку. Павелъ Дмитріевичъ усмѣхнулся на такую церемонность Александры Ксаверьевны.

— Проси, проси, скороговоркой сказалъ онъ, и затѣмъ уже полюбопытствовалъ взглянуть на карточку.

На ней стояло: „Ѳ. Т. фонъ-Реммеръ, членъ совѣта такого-то министерства“. Павла Дмитріевича покоробило.

„Однако высоко забрался, мерзавецъ!“ подумалъ онъ Дальше было думать некогда, ибо Ѳедоръ Трофимовичъ вошелъ въ комнату.

— Ахъ, Ѳедоръ Трофимовичъ! воскликнулъ Павелъ Дмитріевичъ, не зная какой тонъ принять съ гостемъ.

Онъ протянулъ было ему руку, но, видя что фонъ-Реммеръ не намѣренъ почтить ее пожатіемъ, ловко перевелъ ее на спинку креселъ, которое и предложилъ Ѳедору Трофимовичу.

— Садитесь, пожалуйста. Мы такъ давно не видались, сказалъ онъ.—И вы, конечно...

— Я къ вамъ по дѣлу.

— Ah!—какъ французскій актеръ, проговорилъ Чекалкинъ.

— Объяснять по какому—нѣтъ необходимости. Вы, конечно, сознаете, что ваше поведеніе относительно Александры Ксаверьевны...

— Но позвольте, что же я собственно сдѣлалъ? Я не имѣю чести знать, въ какомъ именно видѣ Александрѣ Ксаверьевнѣ угодно было передать вамъ это маленькое недоразумѣніе, но смѣю васъ увѣрить, что въ сущности это было не болѣе какъ недоразумѣніе. Къ сожалѣнію, Александра Ксаверьевна, конечно, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ черезчуръ расположенныхъ ко мнѣ лицъ, не пожелала выслушать моихъ разъясненій. Вы, надѣюсь, будете снисходительнѣе и, выслушавъ мой правдивый разказъ, не откажете передать его женѣ. Вотъ видите: у одной изъ нашихъ соотечественницъ вышла размолвка съ мужемъ, я взялся ихъ примирить. Отсюда это свиданіе, столь напрасно возмутившее...

— И для этого-же вы разъѣзжали съ вашей дамой по театрамъ, соблюдая чрезмѣрныя предосторожности?

Павла Дмитріевича слегка передернуло.

— Да да...—прошамкалъ онъ.—Но это была случайность...

— Какъ и то, что вы обманывали жену различными выдумками,—безпощаднымъ тономъ добавилъ фонъ-Реммеръ.

— Но я... положимъ,—скороговоркой залепеталъ Павелъ Дмитріевичъ.—Положимъ, что я увлекался...

— Порядочный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, не сталъ-бы лгать и вывертываться въ то время, когда обнаружилось...

— Вы, конечно... Я не смѣю сомнѣваться въ искренности вашихъ мнѣній, какъ-бы рѣзко вы ихъ ни высказывали. Но... послушайте-же и меня, audiatur et altera pars, и тогда можетъ быть вы снисходительнѣе взглянете на дѣло. Во-первыхъ, согласитесь, почтеннѣйшій Ѳедоръ Трофимовичъ, что натуры бываютъ разныя. Il y a fagot, et fagot. И если я, къ величайшему моему сожалѣнію, принадлежу къ числу натуръ страстныхъ...

„Будь у тебя страстная натура, ты бы взбѣсился, а не... не лебезилъ-бы, мой любезный!“ подумалъ фонъ-Реммеръ.

— Во-вторыхъ, если я... Вы изволили выразиться черезчуръ рѣзко и, конечно, сами не пожелаете, чтобъ я повторилъ ваши слова. Если я не сержусь, то потому, что чувствую себя правымъ, и мнѣ нѣтъ надобности становиться въ положеніе Юпитера,—толковалъ Павелъ Дмитріевичъ, видимо желая доконать Ѳедора Трофимовича не только своей снисходительностію, но и ученостью.—Итакъ, если я и сдѣлалъ что-нибудь съ перваго взгляда не вполнѣ... благовидное, то почему-

же предполагать, что я дѣлалъ это непремѣнно съ низкой цѣлью? Я раньше всего хотѣлъ тогда успокоить жену, какъ теперь употребляю всѣ старанія, чтобъ кончить дѣло миромъ...

„И продолжать втихомолку свои шашни!“ подумалъ Ѳедоръ Трофимовичъ, удерживаясь впрочемъ отъ замѣчанія вслухъ послѣ оговора Павломъ Дмитріевичемъ его рѣзкости.

— Да-съ, уже съ жаромъ говорилъ Чекалкинъ,— я именно имѣлъ эту цѣль, которой вы, надѣюсь, не откажете въ нѣкоторой возвышенности; я былъ виновенъ, но не могъ стать извергомъ. И вообще...

— Не перейти-ли намъ лучше къ дѣлу? мягко спросилъ фонъ-Реммеръ.—Факты неопровержимы, и потому...

— Что же вы имѣете мнѣ предложить? опуская глаза, спросилъ нашъ герой.

— Дальнѣйшее ваше сожительство съ Александрой Ксаверьевной, когда любовь уже изсякла съ обѣихъ сторонъ, было-бы, сознайтесь, не только дѣломъ въ высшей степени неблаговиднымъ, но и тяжкимъ грѣхомъ. На сколько я понимаю, вамъ лучше всего разойтись, и навсегда. Вы, сколько я могу заключить изъ вашихъ-же недавнихъ увѣреній, конечно, не пожелаете испортить всю будущность Александры Ксаверьевны, и такъ какъ все это произошло по вашей винѣ, то въ случаѣ развода...

— Разводъ!... Никогда! вскрикнулъ Чекалкинъ.

При словѣ „разводъ“, ему вдругъ припомнилось, что третьяго дня онъ встрѣтилъ на Невскомъ молодаго человѣка, котораго хотя и не успѣлъ хорошо разглядѣть, но, какъ ему думалось, все-таки прекрасно узналъ.

Теперь онъ не сомнѣвался, что то былъ Ломачевъ. „Такъ вотъ зачѣмъ имъ понадобился разводъ“ промелькнуло у него въ головѣ.—„И чтобъ я уступилъ ее этому интригану!...“

— Но какой-же иной выводъ предложите вы? спросилъ фонъ-Реммеръ.

— Но, Ѳедоръ Трофимовичъ, развѣ... развѣ примиреніе невозможно?

Старикъ только развелъ руками, слегка выпятивъ притомъ крѣпко сжатыя губы.

— Позвольте, позвольте... Вы говорите—разводъ.... Но это такое страшное, великое слово... Намъ трудно въ этомъ случаѣ понять другъ друга... Вотъ видите... вы... вы лютеранинъ, и даже, если не ошибаюсь, кальвинистъ. У васъ разводъ, сколько мнѣ извѣстно, допускается довольно широко... Но для насъ, для кровныхъ русскихъ, выражаясь точнѣе—для православныхъ...

— А развѣ вы?...

— Ахъ, Ѳедоръ Трофимовичъ! Вы вѣроятно хотите намекнуть на крайнія убѣжденія моей ранней молодости?... Но жизнь учитъ; да-съ, почтенный Ѳедоръ Трофимовичъ, учитъ... И притомъ—одна мысль навсегда потерять Сашеньку... Клянусь Богомъ, я всегда имѣлъ въ виду ея счастье... Я могъ заблуждаться, но я клянусь вамъ... А она... я вовсе не хочу обвинять ее передъ вами... но она всегда была несправедлива ко мнѣ...

Фонъ-Реммеръ не могъ слушать дальше. Въ каждомъ произносимомъ Павломъ Дмитріевичемъ словѣ онъ чувствовалъ ужасающую ложь. Онъ напряженно думалъ: „да какое же наконецъ существуетъ средство противъ такихъ негодяевъ?“ Но чѣмъ онъ настойчивѣе допра-

шивалъ мысль, тѣмъ она становилась какъ-бы безотвѣтнѣе. Наконецъ-то что-то такое какъ-будто и стало приходить ему въ голову. Ему вспомнилось, какъ съ мѣсяцъ назадъ въ одномъ обществѣ ему былъ представленъ скромный и умный по лицу господинъ. Они сѣли рядомъ. Шелъ разговоръ о третьемъ отдѣленіи; слышались громкія и вѣскія осужденія этого учрежденія. Ни Реммеръ, ни его новый знакомый не принимали участія въ разговорѣ. „Вотъ,—сказалъ не безъ грусти скромный господинъ, обращаясь къ фонъ-Реммеру,—сколько разъ мнѣ случалось слышать подобные отзывы объ учрежденіи, гдѣ я служу уже много лѣтъ, и служу по убѣжденію въ его полезности. И никто не сказалъ о немъ ни одного добраго слова. Я не стану разбирать его политическаго значенія, но сколько обиженныхъ нашли въ немъ защиту, сколько несчастныхъ женъ были спасены имъ отъ жестокости своихъ негодныхъ мужей".

Очнувшись, фонъ-Реммеръ невольно изумился, какимъ образомъ именно теперь ему вспомнилось объ этомъ разговорѣ. Павелъ Дмитріевичъ, между тѣмъ, продолжалъ упражняться въ краснорѣчіи. Видя сосредоточенное лицо фонъ-Реммера, онъ полагалъ, что произвелъ на него давящее впечатлѣніе, а потому съ каждой дальнѣйшей фразой поддавалъ пару.

— Наконецъ нравственныя начала, Ѳедоръ Трофимовичъ, нравственныя начала, не допускающія разрушенія семьи,—уже чуть не со слезами на глазахъ толковалъ онъ.—Я не знаю, какъ вы, но я... я свято чту эти начала...

— Ваши доводы мало убѣдительны для меня,—къ его немалому удивленію заговорилъ фонъ-Реммеръ.—

Впрочемъ, вы сами уже замѣтили, что наши воззрѣнія на этотъ предметъ слишкомъ расходятся. Тѣмъ не менѣе, я надѣюсь, что вы, какой бы оборотъ ни приняло дѣло, теперь-же безпрекословно согласитесь выдать Александрѣ Ксаверьевнѣ видъ на жительство.

— Но для чего ей такой видъ? съ язвительностью спросилъ Павелъ Дмитріевичъ.—Вотъ уже два мѣсяца, какъ она въ Петербургѣ, и обходится же безъ него. Съумѣла же она выхлопотать себѣ какую-нибудь „отсрочку“ или... но я не знатокъ въ этихъ полицейскихъ тонкостяхъ.

— Я говорю о постоянномъ видѣ.

— Вы требуете невозможнаго.

— Но васъ могутъ къ тому понудить.

— Меня? Кто же это? не безъ наглости воскликнулъ Чекалкинъ.

— Третье отдѣленіе, напримѣръ.

Чекалкинъ съ силой отодвинулся въ креслахъ.

— А! наконецъ-то я васъ понялъ. Вы, старый либералъ, и прибѣгаете подъ сѣнь третьяго отдѣленея!?

— Вы, кажется, хотите этимъ сказать, что я осуждаю въ принципѣ это учрежденіе? Да,—твердо произнося каждое слово, говорилъ Реммеръ,—я его точно осуждаю, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ я считалъ недозволеннымъ обратиться въ это учрежденіе въ тѣхъ случаяхъ, когда оно способно оказать правильное и полезное содѣйствіе. А!—съ особенной силой и горячностью добавилъ онъ,—по-вашему, если я, какъ либералъ, осуждаю устройство нашей полиціи, то уже долженъ оказывать потачку ворамъ? Нѣтъ-съ, милостивый государь, не надѣйтесь. Я помогу городовому из-

ловить вора, и самъ, вотъ этою рукою, схвачу негодяя за шиворотъ.

При послѣднихъ словахъ фонъ-Реммеръ сдѣлалъ столь энергическій жестъ, что Павелъ Дмитріевичъ невольно съежился и крѣпко прижалъ шею къ сюртучному вороту, какъ-бы опасаясь, что между ними очутится посторонняя рука.

Послѣдовало молчаніе. Фонъ-Реммеръ видѣлъ, что острастка подѣйствовала.

— Ну,—болѣе спокойно сказалъ онъ,—вы подумаете объ этомъ на досугѣ. Теперь же необходимо устроить другое. Если вы сколько-нибудь порядочный человѣкъ, то понимаете, что нельзя же насильственно разлучать мать отъ дочери. Саша должна быть возвращена Александрѣ Ксаверьевнѣ.

— Нѣтъ-съ, этого вы не дождетесь,—холодѣя отъ злости, отвѣчалъ Чекалкинъ.

— И вы даже не скажете, гдѣ теперь дѣвочка? не дозволите матери видѣться съ нею?...

— Я не такого мнѣнія объ Александрѣ Ксаверьевнѣ, чтобы могъ допустить ея вліяніе на мою дочь.

— О, въ такомъ случаѣ,—уже совершенно спокойно сказалъ старикъ,—я принужденъ буду принять самыя энергическія мѣры. Вы, надѣюсь, не сомнѣваетесь, что у меня на то есть и средства, и связи.

Чекалкинъ молча моргалъ глазами, быстро прижимая пальцы къ ладонямъ, какъ-бы пробуя—остры ли у него когти.

— Я жду отвѣта...

— Что-же прикажете отвѣчать на эти уже черезчуръ либеральныя застращиванія?—съ подергиваньемъ губъ сказалъ Чекалкинъ.—Конечно, у насъ въ Россіи

чинъ и связи дѣло великое, но я надѣюсь, что правда и нравственныя начала еще не вовсе утратили свое значеніе даже въ высшихъ петербургскихъ сферахъ...

— О!—насмѣшливо воскликнулъ старикъ.—Но что спорить! Я даю вамъ три дня сроку на размышленія.

— Три дня или цѣлую вѣчность—это все равно. Я никогда не отступлюсь отъ того, что считаю своимъ законнымъ правомъ.

Старикъ пожалъ плечами и всталъ, чтобъ уйти.

— Быть можетъ, вы уступите свое право... за извѣстную сумму?

— Милостивый государь! я не позволю оскорблять себя.

— Я и не думаю оскорблять васъ, но... но всякое право можетъ быть уступлено за извѣстное вознагражденіе. Подумайте объ этомъ. Итакъ, сегодня пятница, стало быть—въ понедѣльникъ въ это-же время я явлюсь къ вамъ за отвѣтомъ. Если вы надумаетесь раньше, то прошу извѣстить меня письменно. Адресъ мой вамъ извѣстенъ. И въ письмѣ, пожалуйста, не забудьте назначить ужь и сумму вознагражденія.

И фонъ-Реммеръ вышелъ изъ комнаты.

X.

Старикъ поспѣшилъ къ Сашенькѣ. Она не согласилась ждать его на Васильевскомъ островѣ. „Отъ меня все-таки ближе, и я скорѣе узнаю“, сказала она.

Ѳедоръ Трофимовичъ спокойно и добродушно, опустивъ нѣкоторыя черезчуръ ужь некрасивыя подробности, разказалъ о своемъ свиданіи съ Павломъ Дмитріевичемъ.

— Словомъ, ты можешь быть покойна; черезъ три дня такъ или иначе ты освободишься отъ него.

— Но Саша?

— Понятно, что и она возвратится къ тебѣ. Не грусти такъ, мой другъ; три дня не такой ужъ долгій срокъ. Надо умѣть переносить горе съ терпѣньемъ; этому учитъ религія, и въ этомъ одно изъ качествъ, возвышающихъ человѣка надъ животными.

Прощаясь, фонъ-Реммеръ прибавилъ, что онъ сегодня же заѣдетъ къ знакомому чиновнику изъ третьяго отдѣленія и еще кое къ кому.

— Надо, чтобъ въ случаѣ его упорства, дѣло не затянулось.

— Когда же мы увидимся, дядя?

— Завтра, непремѣнно завтра. Самое лучшее— пріѣзжай завтра ко мнѣ обѣдать. Я на службу хожу теперь рѣдко, и обѣдаю рано, въ два часа. А ты чѣмъ раньше пріѣдешь, тѣмъ лучше... И...

— Старикъ еще что-то хотѣлъ сказать, но отложилъ до другаго раза.

И къ завтрему уже многое выяснится, сказалъ онъ вовсе не то, что хотѣлъ.

Ровно въ пять часовъ, когда Александра Ксаверіевна только-что сѣла съ француженкой за столъ, раздался рѣзкій звонокъ. Она невольно вздрогнула.

То былъ неожиданный гость—Павелъ Дмитріевичъ. Выдержавъ, что называется, баню отъ фонъ-Реммера, Павелъ Дмитріевичъ не помнилъ себя отъ ярости. Онъ готовъ былъ сокрушить все, пожелтѣлъ какъ лимонъ. Передъ обѣдомъ, однако, онъ вышелъ прогуляться, будучи весьма заботливъ о своемъ здоровьѣ, которое почему то почиталъ слабымъ. На Невскомъ онъ увидѣлъ

фонъ-Реммера, ѣхавшаго по направленію къ острову. Вся желчь мигомъ всколыхнулась въ немъ. Онъ вскочилъ на перваго извощика и бѣшено приказалъ везти себя къ женѣ. Зачѣмъ?—онъ самъ не зналъ. „Влетѣло мнѣ, пусть же влетитъ и тебѣ!“ Острастка благодатно подѣйствовала сегодня на него, отчего жь она не можетъ также воздѣйствовать и на жену? Таково, примѣрно, было безсознательное движеніе его воли.

— А, прекрасно-съ!—врываясь въ столовую, возгласилъ Чекалкинъ и, замѣтивъ француженку, прибавилъ:

— Ah, mille pardons, m-lle...

И онъ необычайно вѣжливо извинился передъ бонной, что долженъ сейчасъ же переговорить съ женой о дѣлѣ неотложной важности. Француженка испуганно взглянула на Александру Ксаверьевну; та кивнула ей, чтобъ она ушла.

— Вы позволяете себѣ буйство, сказала Александра Ксаверьевна, обращаясь къ мужу.—Что вамъ угодно?

— Да-съ, позволяю. И буду позволять. И не вижу причины не позволять. Но спѣшу отвѣтить на второй вашъ вопросъ: что мнѣ угодно? Мнѣ угодно... О, мнѣ многое угодно. Но раньше всего мнѣ угодно узнать, насколько вы солидарны съ этимъ старымъ интриганомъ, приходившимъ ко мнѣ сегодня отъ вашего имени?

— Я вполнѣ полагаюсь на благоразуміе дяди...

— И въ особенности на его благонамѣренность, конечно? И вамъ извѣстно, что онъ мнѣ предложилъ?

— Вполнѣ.

— И вы одобряете всѣ его, такъ сказать, мѣропріятія?

— Я уже сказала вамъ, что вполнѣ полагаюсь на него...

— А!... Впрочемъ, я даже напрасно и спрашивалъ васъ объ этомъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ извѣстна и ваша хитрость, и ваша безчувственность. Прекрасно-съ! вамъ мало истерзать меня нравственно, вы рѣшились погубить меня окончательно. Вашъ дядя, какъ вы нѣжно изволите величать этого высоко взлетѣвшаго подъячаго, дошелъ до того, что вздумалъ стращать меня третьимъ отдѣленіемъ. Конечно, я не скрываюсь, я отчасти радикалъ и навсегда останусь при моихъ убѣжденіяхъ. И вамъ потому будетъ очень удобно и весело, когда меня уберутъ куда-нибудь подалѣе...

— Вы сами знаете, что это неправда...

— Я знаю-съ, я многое знаю-съ, я знаю все...

И Чекалкинъ вдругъ умолкнулъ, ради ли вящаго эффекта, или потому, что нѣсколько зарапортовался.

— Послушайте, Павелъ Дмитріевичъ, возвратите мнѣ Сашу и...

— Сашу? Вамъ? Вамъ, мою дочь?

— Но что же вы можете сказать противъ меня?

— Что я могу сказать? скрещивая руки, спросилъ онъ, и затѣмъ, сдѣлавъ два, три большихъ шага по направленію къ женѣ, продолжалъ, стараясь пристально глядѣть ей въ глаза, насколько то позволяли привычно моргавшія вѣки:—Что я могу сказать? То, что вы развратная, вполнѣ потерянная женщина. Вы думаете, я не знаю тайной причины вашего бѣгства изъ Парижа? Не прерывайте меня, оправданія напрасны. Я самъ видѣлъ Ломачева въ Петербургѣ. И этого мало! мнѣ извѣстно и когда именно, и день, и часъ, вы видѣлись съ нимъ въ первый разъ; извѣстно, что онъ бываетъ у васъ чуть не каждый день...

— Вы лжете!

— Лгу? Еще никто безнаказанно не говорилъ мнѣ этого слова. И въ устахъ развратной женщины оно безобидно, оно даже почетно...

— Негодяй! сквозь стиснутые зубы прошептала Александра Ксаверьевна.

Павелъ Дмитріевичъ въ горячности не разслышалъ ея a parte.

— О! я докажу, кто лжетъ изъ насъ двоихъ, я выведу васъ на свѣжую воду... Будьте покойны, я прослѣжу, я подкараулю, я заведу шпіоновъ, я захвачу васъ съ поличнымъ... И тогда...

— Вонъ, вонъ изъ моего дома! съ чрезвычайной силой вскричала Александра Ксаверьевна, ища блуждающими глазами на столѣ, чѣмъ бы швырнуть въ мужа.

— А! произнесъ было Павелъ Дмитріевичъ

Но въ это время изъ другой комнаты опрометью вбѣжала Маша. Внезапное ея появленіе опѣшило Чекалкина. Онъ сбился съ тона.

— Хорошо-съ, я уйду, сказалъ онъ.—Но совѣтую вамъ помнить мои слова...

Онъ не договорилъ, замѣтивъ какъ сверкнули глаза Александры Ксаверьевны. Въ рукахъ у нея былъ ножъ, чѣмъ рѣжутъ жаркое. Павелъ Дмитріевичъ, какъ-бы уклоняясь отъ ножа, низко поклонился и исчезъ. Александра Ксаверьевна съ рыданіемъ упала на столъ.

„О, негодяй, негодяй! —кружилось у нея въ головѣ.— И онъ еще смѣетъ... Боже мой! а я... но что мнѣ дѣлать? кто защититъ, кто пожалѣетъ меня?... Дядя... но онъ со вчерашней холодностью... И никто, никто въ цѣломъ мірѣ, никто горячо не любитъ меня!... Нѣтъ, нѣтъ!

неправда, онъ любитъ, онъ защититъ!... О, Боже, Боже!..."

Александра Ксаверьевна истерически рыдала. Опомнясь отъ рыданій, она увидѣла, что Маша стоитъ передъ нею на колѣнахъ, цѣлуетъ ей руки и проситъ „выкушать воды". Она выпила, и вздохнула свободнѣе.

— И стоитъ изъ-за этакого убивать себя! сказала Маша.

— Нѣтъ, не стоитъ.

Александра Ксаверьевна встала и, сжавъ губы, какъ-то странно оглядѣлась вокругъ. „Да, да", прошептала она.

— Ахъ, да!... посвѣти, пожалуйста, мнѣ надо написать письмо... Пойдемъ...

Онѣ перешли въ другую комнату.

„Мнѣ надо видѣть васъ, мнѣ такъ много надо сказать вамъ...—писала Александра Ксаверьевна.—Со мною сейчасъ... но я разкажу вамъ лично. Я теперь помню одно, что вы единственный человѣкъ въ мірѣ, который любитъ меня... Вы не откажете... Я не могу васъ принять у себя и не рѣшаюсь ѣхать къ вамъ... Сейчасъ у меня былъ мужъ, онъ сказалъ, что станетъ шпіонить за нами. Устройте какъ знаете, но сейчасъ, сію минуту.

„Ваша А."

— Вотъ, Маша,—говорила она, заклеивая письмо.— Вы свезете сейчасъ. 19 № въ третьемъ этажѣ, спросите художника Ломачева.

— Слушаю-съ, только въ которой-же это будетъ улицѣ?...

— Ахъ, да! Въ... въ Итальянской, конечно въ Итальянской.

— О, это близехонько. Я мигомъ. Только француженку къ вамъ пошлю и скажу Дарьѣ Ивановнѣ, чтобъ онѣ ужь сами подали обѣдъ.

Посланная Машей француженка первымъ долгомъ поспѣшила доложить madame, какъ она перепугалась monsieur. Она бѣжала въ свою комнату, и тамъ... и тамъ сидѣла все время, зажмуривъ глаза. Она такъ боялась увидѣть опять лицо monsieur.

— Mais, madame, est-il brutal!—воскликнула она.

— Пойдемте лучше обѣдать,—сказала Александра Ксаверьевна.

Француженка охотно согласилась. Онѣ сѣли за столъ. Француженка кушала съ аппетитомъ, что не мѣшало ей трещать о brutalité de monsieur. Александра Ксаверьевна была рада ея болтливости,—она развлекала ее; сама она ничего не ѣла и сидѣла, склонивъ голову на согнутую руку. Одна мысль тревожила ее: застанетъ-ли Маша его дома?...

— Вотъ и я. Живо обернула, доложила Маша.

— Ты застала дома?

— Пожалуйте, они ждутъ-съ. Я васъ и свезу. И знаете, я наняла карету. И какъ давеча Павелъ Дмитріевичъ кричали, что они шпіонить будутъ такъ я велѣла каретѣ во дворъ въѣхать. А мы сойдемъ по черному ходу. Ничего-съ, тамъ газъ у насъ горитъ,—болтала Маша, одѣвая барыню.—А шляпку все лучше французинкину надѣньте. Для предохранности не мѣшаетъ.

Александра Ксаверьевна безропотно подчинялась распоряженіямъ Маши. Ей казалось, что мысль ея уперлась въ стѣну и, отупѣлая, не можетъ найти выхода. Еще ей хотѣлось что-то вспомнить.

XI

На слѣдующее утро Александра Ксаверьевна проснулась около десяти часовъ, что̀ для нея было очень поздно.

„Какъ я рада, какъ я рада!—говорила она сама съ собою.—Теперь я спокойна. Теперь я на вѣкъ разорвала съ мужемъ. И не боюсь... Но Саша?“ вдругъ вспомнила она съ чувствомъ жгучаго стыда. И ей представилось, что было-бы, если-бъ маленькая Саша сейчасъ вбѣжала къ ней. О! она вся вспыхнула-бы и разрыдалась.

„Но теперь? повернула мысль въ другую сторону.—Да! надо устроить. Я чувствую, что могу сегодня совсѣмъ спокойно говорить съ Павломъ Дмитріевичемъ.“

Александра Ксаверьевна позвонила.

— Маша, пододвиньте столикъ и дайте мнѣ бумаги и чернилъ.

Маша зорко слѣдила за рукой барыни, какъ-бы стараясь отгадать, что и кому она пишетъ.

— Вы свезете письмо.

— Въ 19 номеръ?

— Нѣтъ, это къ Павлу Дмитріевичу. Онъ стоитъ въ Hôtel de Paris. Знаете? И пожалуйста, Маша, скорѣе, взадъ и впередъ на извощикѣ.

— Слушаю-съ.

Александра Ксаверьевна рѣшила не вставать до возвращенія Маши.

— Свезла-съ.

— Ну, что-же?

— Я приказала доложить, что отъ супруги-молъ. Они сейчасъ меня допустили. Схватили этакъ письмо

и прочли. „Скажи, молъ, что черезъ часъ буду“. Да раньше пріѣдутъ, ужь очень чему-то обрадовались.

— И больше ничего?

— Нѣтъ,—спрашивали: что, молъ, барыня? А я: „слава, молъ, Богу-съ, здоровы, въ постели изволятъ кофе кушать“.—„Нѣтъ, говоритъ, а вчера?“—„И вчера ничего-съ“, отвѣчаю.—„Что жь она, дома весь вечеръ?“ Я этакъ подумала да вспомнила, что они шпіонить хотятъ. „Нѣтъ-съ, говорю, вскорѣ послѣ васъ одна знакомая дама за ними заѣзжали, и онѣ въ театръ вмѣстѣ поѣхали, только въ который—не умѣю сказать“.

— А что онъ сегодня? Не сердитъ?

— Нѣтъ-съ, тихонькіе такіе. Даже сконфузились, какъ меня увидѣли. Понимаютъ тоже, что мы, хоть простые съ французинкой, а свидѣтелями быть можемъ. А на прощанье, будто на извощика, рубль мнѣ пожертвовали. Да это что-съ! Деньгами меня не закупишь.

— Хорошо, Маша; дайте мнѣ одѣться.

— А ужь знаете, барыня,—одѣвая ее болтала Маша,—изъ себя-то они ужь больно некрасивы. Какъ можно! Какое ужь тутъ есть сравненіе...

— Хорошо, хорошо, Маша; кажется, звонятъ.

Маша говорила правду, докладывая барынѣ, что Павелъ Дмитріевичъ сегодня тихонькій. Утро вечера мудренѣе. За ночь Павелъ Дмитріевичъ охладился. Онъ чувствовалъ, что вчера зарвался и вдобавокъ при свидѣтеляхъ. На охлажденіе его чувствъ имѣло немалое вліяніе также и то обстоятельство, что сегодня была суббота и едва онъ проснулся, какъ степенный кельнеръ съ вѣжливымъ поклономъ подалъ ему довольно увѣсистый счетъ за недѣлю. И вдругъ письмо! И вдругъ

предложеніе мира! Павелъ Дмитріевичъ рѣшилъ быть скромнымъ въ своихъ требованіяхъ. Онъ, конечно, правъ но теперь не время настаивать на своихъ правахъ. Уступками легче добиться всего, а она, понятно, не забудетъ вчерашняго: она поняла, что онъ способенъ на все.

Александра Ксаверьевна, не то кланяясь, не то съ опущенной головой, вышла къ мужу.

— Пожалуйста, садитесь,—сказала она.

Жестъ, которымъ сопровождались эти слова, показался Павлу Дмитріевичу какимъ-то властнымъ. „Что съ нею сегодня? Настоящая королева.“

— Вчера вы были со мною... я не знаю право, какъ сказать... Вы оскорбили меня, и прекрасно знаете, что напрасно.

— Я виноватъ... Но всему причиной Ѳедоръ Трофимовичъ. Онъ такъ рѣзко говорилъ со мною.

— Не думаю,—сказала Александра Ксаверьевна.— Дядя—человѣкъ спокойный. Но оставимъ это... Какъ ни сильно вчерашнее оскорбленіе...

— Я повторяю, что виноватъ, и не знаю чѣмъ заслужить ваше прощеніе. Виной всему неисправимая страстность моей природы...

Александра Ксаверьевна какъ-то загадочно улыбнулась.

— Не будь у меня дочери, я конечно не говорила-бы съ вами теперь и съумѣла-бы на будущее время обезопасить себя отъ вашихъ вторженій. Но, ради дочери, я прощаю васъ и предлагаю вамъ попрежнему жить со мною.

Павелъ Дмитріевичъ хотѣлъ было броситься къ ней.

— Позвольте; ради Бога, не истолкуйте какъ-ни-

будь криво моихъ словъ. Вашей женою я не буду уже никогда. Да оно и лишнее... Вы помните, на второй годъ нашего пріѣзда въ Парижъ, я упала съ лѣстницы и была больна. Мнѣ докторъ сказалъ тогда, что больше дѣтей у меня не будетъ.

Павелъ Дмитріевичъ при этомъ какъ-то скверно облизнулся.

— Я примиряюсь съ вашимъ присутствіемъ въ моемъ домѣ только ради дочери. Помните это. Теперь... вы, конечно, нуждаетесь въ деньгахъ?

Павелъ Дмитріевичъ скромно потупилъ глаза.

— Понятно. Иначе вы не разстались-бы такъ скоро съ Парижемъ и... Ольгой Ивановной.

— О, и не вспоминайте мнѣ объ этомъ!

И Павелъ Дмитріевичъ закрылъ глаза рукою наподобіе того, какъ дѣлаютъ французскіе актеры ради выраженія стыда.

— Вы будете получать отъ меня на карманные расходы сто рублей въ мѣсяцъ.

— Я постараюсь не быть вамъ въ тягость.

— Въ такомъ случаѣ я буду рада... за васъ. Тягости этотъ расходъ, впрочемъ, для меня не составитъ.

У Чекалкина мелькнуло въ головѣ, что не лучше-ли сразу взять кушъ, какъ предлагалъ старый интриганъ,—но онъ мигомъ сообразилъ, что нѣтъ, этакъ лучше. Онъ не вѣрилъ искренности жены и въ немъ шевелилась надежда, что черезъ годъ, другой—„дѣло обладится“.

— Итакъ, мы съ вами будемъ свои только въ гостяхъ и при гостяхъ, какъ въ послѣднее время въ Парижѣ,—улыбаясь сказала Александра Ксаверьевна, протянувъ руку мужу.

— Александра Ксаверьевна!... Сашенька!—воскликнулъ Павелъ Дмитріевичъ, бросясь передъ ней на колѣна.—Позвольте-же мнѣ хотя надѣяться, что современемъ вы простите меня; что я съумѣю... загладить свою вину и заслужить ваше уваженіе, если уже не любовь. (Онъ вздохнулъ при этомъ словѣ.) И въ залогъ этой дорогой для меня возможности дайте, позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку...

— Когда вы привезете Сашу...

— О, я сейчасъ, сію минуту... Или нѣтъ, поѣдемте, поѣдемте сейчасъ вмѣстѣ къ нашей дочери...

— О, за это...

И Александра Ксаверьевна протянула руку для цѣлованья.

XII.

Старикъ фонъ-Реммеръ усиленно хлопоталъ объ обѣдѣ. Онъ былъ веселъ. Чиновникъ съ неглупымъ лицомъ вполнѣ его обнадежилъ; притомъ сегодня, за обѣдомъ, онъ думалъ говорить то, чего не рѣшился передать вчера. Онъ хотѣлъ предложить Александрѣ Ксаверьевнѣ переѣхать къ нему на житье. Она, конечно, согласится. И какъ весело они заживутъ втроемъ съ маленькой Сашей!

Близилось два часа. Старикъ сталъ безпокоиться. Наконецъ-то звонокъ! Слуга подалъ ему письмо.

„Милый дядя,—писала Александра Ксаверьевна,—ради Бога не сердитесь, что я нынче не пріѣду къ вамъ обѣдать. У насъ въ домѣ такія новости. Я примирилась съ мужемъ; онъ выразилъ непритворное раскаяніе и будетъ жить у меня. Знаете-ли, откуда я по-

сылаю это письмо?... Отъ Саши; я у нея. И спѣшу сейчасъ везти ее домой. Завтра я, надѣюсь, вы обѣдаете у насъ. Ваша А. Ч.“

— Посланный спрашиваетъ, отвѣта не будетъ?— доложилъ слуга.

— А! Отвѣтъ? сейчасъ,—строптиво сказалъ старикъ, и сталъ писать:

„Дорогая Саша, завтра я, къ сожалѣнію, не могу пріѣхать къ тебѣ на обѣдъ. Тебя и маленькую Сашу я всегда буду радъ видѣть. Твой Ѳ. фонъ-Реммеръ.“

— Вотъ, отдай!—съ тою-же строптивостью сказалъ онъ.

Старикъ еще разъ перечелъ письмо Александры Ксаверьевны.

„И что значитъ, что она подчеркнула у меня и у насъ?—спросилъ онъ самого себя, невольно роняя письмо.—Ну и я подчеркнулъ... Да,—помолчавъ продолжалъ онъ,—говорятъ: понимать—значитъ прощать. Но что дѣлать, когда не понимаешь, не можешь... даже отказываешься понять поступокъ дорогаго тебѣ существа?... Бѣдная Саша!...“

1884.
Спб.

РАЗКАЗЪ ТРЕТІЙ.

ЧИНОВНИКЪ ПЛЮХАНОВЪ.

(Мужъ восьмидесятыхъ годовъ).

И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
А. Пушкинъ.

I.

Чиновникъ Плюхановъ служилъ въ вѣдомствѣ, отъ котораго въ сильной степени зависитъ раздача всякихъ благостынь, какъ-то медалей, крестовъ, чиновъ, почетныхъ званій и тому подобнаго добра. Начальство считало его дѣльнымъ и исправнымъ чиновникомъ, и было право; просители хвалили его за то что не гордъ и обходителенъ, и были правы; подчиненные, хотя и побаивались его, но въ разговорѣ межъ собою приходили къ неменѣе справедливому заключенію, что „Плюхановъ молъ ничего еще, служить съ нимъ можно“,— при чемъ канцелярскій чиновникъ Любкинъ, раза два въ недѣлю напивавшійся въ Коммерческомъ трактирѣ съ газетными репортерами, а потому полагавшій себя человѣкомъ передовымъ, всегда выговаривалъ товарищамъ за ихъ низкое мнѣніе о начальникѣ.

— Вы— неучи, оттого такъ и судите, важно возглашалъ онъ,—а для людей образованныхъ Плюхановъ просто даже развитой человѣкъ.

И канцелярист Любкинъ также былъ правъ.

Никто не зналъ учился ли гдѣ Плюхановъ, или же вовсе ничему не учился; самъ онъ, надо отдать ему справедливость, никогда ни въ ученые, ни въ литературные споры не пускался, довольствуясь разговорами дѣловыми и практическими, и если спрашивали его мнѣнія о бойкости, благонамѣренности или злокозненности какой-нибудь газетной статейки, то и въ семъ случаѣ, онъ только приговаривалъ: „да съ, пишутъ нынче“ такимъ тономъ что любой собесѣдникъ могъ толковать это пиѳическое изреченіе согласно своему вкусу и направленію. Впрочемъ, къ слову сказать, ученье, хотя оно и свѣтъ, у насъ на Руси мало кому впрокъ идетъ. Нерѣдко случается что человѣкъ, по всѣмъ видимостямъ образованный и даже разсуждающій обо всемъ согласно послѣднему слову науки, лишь перевалитъ ему за сорокъ года два или три, вдругъ какъ-то сразу забываетъ россійскую граматику, и начинаетъ писать самымъ лавочницкимъ образомъ, хотя бы въ юности и окончилъ съ отличіемъ курсъ въ перворазрядномъ училищѣ. И что всего удивительнѣе, такой казусъ бываетъ даже съ лицами не низко поставленными, привыкшими не безъ выкрутасъ подписывать свою родовитую фамилію подъ важными исходящими бумагами. Того не довольно: какой-нибудь извѣстный профессоръ, добивавшійся со всеусердіемъ и не безъ славы разныхъ ученыхъ степеней, какъ скоро почувствуетъ себя въ обезпеченномъ положеніи, въ одно прекрасное утро вовсе забываетъ о существованіи излюбленной имъ науки и начинаетъ ею интересоваться на столько же, на сколько любитель новостей намеднишной газетой.

Итакъ, оставимъ открытымъ вопросъ о томъ въ

какомъ учебномъ заведеніи проходилъ курсъ наукъ чиновникъ Плюхановъ, благо онъ съ отличіемъ проходилъ службу и не имѣлъ столь распространеной нынѣ привычки хвалиться что „молъ и мы на университетской скамьѣ сидѣли", хотя бы это сидѣнье ограничивалось пребываніемъ въ швейцарской ради узнанія адреса знакомаго студента. Тѣмъ не менѣе, канцелярист Любкинъ былъ вовсе не далекъ отъ истины, утверждая что его начальникъ обладаетъ „развитостью". Плюхановъ былъ развитъ, и даже весьма своеобразно. Два обстоятельства имѣли на него въ этомъ отношеніи особое, почти роковое вліяніе.

Рожденный на свѣтъ съ душою земскаго ерыжки, Плюхановъ всюду не только въ практическихъ дѣлахъ, но и въ умозрительныхъ разговорахъ, чутко подмѣчалъ своимъ плутоватымъ умомъ одно: нельзя-ли ему тутъ чѣмъ-нибудь попользоваться. Какъ-то онъ шелъ по улицѣ съ молодымъ весельчакомъ, и имъ на встрѣчу попалась черничка собиравшая на построеніе храма Николая угодника.

— Извините пожалуста, я съ нимъ не знакомъ, отвѣчалъ весельчакъ, вѣжливо приподымая шляпу.

„Э! мигомъ сообразилъ Плюхановъ,—такъ значитъ *этого* тамъ ничего нѣтъ, если стали такъ вольно разговаривать". И онъ завязалъ себѣ на память узелокъ что бъ какъ-нибудь нечаянно даже не подумать что *тамъ* что-нибудь да есть.

Въ другой разъ онъ попалъ въ гости, гдѣ собрались люди любящіе на досугѣ пофилософствовать. Ученый семинаристъ краснорѣчиво развивалъ теорію, лѣтъ двадцать пять тому бывшею модной, о томъ что истинный источникъ всѣхъ человѣческихъ дѣяній, особенно

изъ числа такъ называемыхъ великихъ, какъ остроумно выразился ораторъ, заключается въ эгоизмѣ. Въ заключеніе совопросникъ вѣка сего съ полнѣйшей самоувѣренностью возвѣстилъ что даже учитель любви и милосердія въ сущности былъ такой же эгоистъ, какъ и всѣ смертные, и если онъ и пожертвовалъ жизнію за свое ученіе, то единственно изъ самолюбиваго желанія заслужить себѣ славу въ потомствѣ. Эта немудрая теорія не столько поразила тогда еще юнаго Плюханова своею основательностью, сколько пришлась ему по сердцу. Онъ и прежде, рѣшаясь на что-либо, соображалъ выгодно ли оно для него окажется, а тутъ сталъ дѣлать подобныя соображенія не только съ большею готовностью и свободою, а какъ бы гордясь даже согласіемъ основного мотива своихъ дѣйствій съ побудительною причиною всего великаго на землѣ.

II.

По своимъ служебнымъ обязанностямъ, Плюхановъ невольно сблизился съ купцомъ Малосоловымъ, въ свою очередь полюбившимъ дѣльнаго и сговорчиваго чиновника. Иванъ Карпычъ Малосоловъ еще въ то время, когда многіе изъ купечества придерживались долгополыхъ кафтановъ, бураковъ, брады и русской стрижки, одѣвался по нѣмецки и тщательно брилъ себѣ бороду. Мода на бороду не увлекла его: онъ остался вѣренъ бритвѣ.

Малосоловъ былъ торговецъ особаго рода. Ни лавки, ни магазина у него не было: онъ торговалъ только отечественными древностями всякаго рода. У него была даже своя коллекція старинныхъ образовъ и вещей

которой онъ былъ не прочь похвалиться передъ любителями. При этомъ онъ выказывалъ необыкновенную авторитетность въ хронологическомъ отношеніи.

— Вотъ этотъ образокъ двѣнадцатаго вѣка, говорилъ онъ,—а этотъ помоложе будетъ: всего пятнадцатаго. Рублевскаго письма, обратите вниманіе. А вотъ-съ вещица у меня самая древняя: всего шестого вѣка.

И Малосоловъ побѣдоносно глядѣлъ на любителя, радуясь что ошеломилъ его такимъ вѣкомъ, о которомъ тотъ и во снѣ не мечталъ. Если какой-нибудь скептикъ спрашивалъ его да почему онъ столь твердо убѣжденъ что данная вещица именно седьмого, а не иного вѣка, Малосоловъ иронически улыбался и говорилъ:—Помилуйте-съ! по соображенію. Впрочемъ, если вы сомнѣваетесь, полъ вѣка готовъ уступить. Такъ точно-съ, не седьмого, а половины шестого, или даже-съ къ началу шестого ближе.

Скептикъ конечно сдавался.

Своимъ не занимался Малосоловъ своими археологическими познаніями, наединѣ онъ не цѣнилъ ихъ высоко: они были не цѣлью, а только средствомъ его ученыхъ изысканій. Торговля древностями давала возможность Ивану Карпычу проникать въ такія дома, куда по званію своему онъ хода не имѣлъ. Обладая пронырливостью и будучи щедръ въ прислугѣ, Малосоловъ всюду, куда его пускали, умѣлъ дѣлаться своимъ человѣкомъ. Онъ былъ мастеръ и продешевить полюбившуюся важному лицу вещицу, и даже ловко въ презентъ ее поднести, увѣряя что денегъ ему за нее брать никакъ не приходится: самому за даромъ досталась. За то никто лучше Ивана Карпыча не зналъ, какое именно благотворительное учрежденіе особенно

нуждается въ настоящее время въ безотлагательной помощи, и гдѣ именно посильное пожертвованіе будетъ вознаграждено самымъ щедрымъ образомъ. Честолюбивые купцы обѣихъ столицъ поэтому были весьма прибѣжны къ Ивану Карпычу, и онъ у нихъ пользовался доброй славою. Кресты и прочія благостыни при его посредствѣ и обходились гораздо дешевле, и дѣло черезъ него всегда выгорало, а главное: свой братъ купецъ, знаешь какъ къ нему подойти. Куртажъ съ подобныхъ дѣлъ и составлялъ главный доходъ Малосолова; онъ добросовѣстно дѣлился имъ съ главнымъ своимъ пособникомъ Плюхановымъ.

III.

Именитый купецъ Ворошиловъ, коммерсантъ съ Калашниковой пристани, послѣ долгихъ и недешевыхъ хлопотъ, получилъ вожделенный чинъ или крестъ не чрезъ кого иного, какъ чрезъ Ивана Карпыча. Въ припадкѣ благодарности онъ задумалъ осчастливить Малосолова на вѣкъ, женивъ его на своей единственной дочери. Ивану Карпычу шелъ ужь сорокъ шестой годъ, и онъ до того времени, за хлопотами, не удосуживался даже подумать о женитьбѣ. Вообще женщины, какъ спеціальная отрасль человѣческаго рода, его не занимали, и когда нескромные пріятели начинали его о томъ выспрашивать, то онъ отвѣчалъ: „Не стоитъ, да и некогда“. Женитьба на дѣвицѣ Ворошиловой стала его занимать только съ того момента, когда будущій тестюшка объявилъ что сверхъ приданаго дочери, онъ подаритъ зятю сто тысячъ чистоганомъ. Тутъ Иванъ Карпычъ умиленно вздохнулъ, и согласился,

соображая про себя самымъ печальнымъ тономъ, что „слава Богу хоть на старости лѣтъ не останется безъ куска хлѣба, а то!..“

Женитьба не принесла удовольствія ни одному изъ супруговъ. Иванъ Карпычъ недоумѣвалъ, какъ онъ могъ допустить чтобъ въ его тихой и мирной обители завелся „бабій голосъ“. Жены онъ никому не показывалъ, угощая нужныхъ людей по прежнему въ трактирѣ; происходило это вовсе не изъ ревности, а просто потому что Малосолову и въ голову не приходило что есть любители такого рода „вещей“. Вскорѣ Иванъ Карпычъ началъ вымещать на женѣ свою ошибку, обращаясь съ нею въ высшей степени небрежно, даже грубо. Она платила ему полнымъ презрѣніемъ, изрѣдка напоминая благовѣрному что у нея свой капиталъ есть, и что она, когда захочетъ, уѣдетъ къ тятенькѣ. Иванъ Карпычъ, въ минуты уединеннаго размышленія, сокрушался что жена не приводитъ въ исполненіе своей угрозы. „Сказано: баба—самая не стоющая вещь; я на ея мѣстѣ давно бы сбѣжалъ“.

На четвертый годъ женитьбы, Иванъ Карпычъ гдѣ-то по случаю пріобрѣлъ старинный сервизъ съ княжескими гербами; онъ тотчасъ же отнесъ его къ какому-то вѣку и произвелъ его бывшихъ владѣльцевъ въ какіе-то владѣтельные князья. Сервизъ занималъ его пуще иныхъ древностей; желаніе похвалиться имъ стало столь велико, что Малосоловъ измѣнилъ своимъ кореннымъ обычаямъ, и сталъ зазывать къ себѣ гостей на обѣдъ. Марья Платоновна, которой въ то время шелъ двадцать пятый годъ, не знала чему приписать такую перемѣну. Въ качествѣ нужнаго человѣка чаще другихъ приглашался чиновникъ Плюхановъ.

Плюхановъ былъ не только любезный, но и искательный человѣкъ. По привычкѣ онъ сталъ заискивать и въ Марьѣ Платоновнѣ: она, не привычная къ вниманію къ себѣ, вскорѣ съ удовольствіемъ стала видѣть Плюханова у себя за столомъ, находя что изо всѣхъ мужчинныхъ знакомыхъ только онъ похожъ на человѣка.

Хотя Плюхановъ, подобно большинству интеллигентныхъ мужей, не видѣлъ никакого грѣха въ лакомствѣ на сторонѣ, тѣмъ не менѣе онъ не питалъ никакихъ вожделѣній на счетъ Марьи Платоновны. Онъ заискивалъ въ ней просто какъ въ женѣ человѣка, съ которымъ велъ прибыльныя дѣла.

IV.

Какъ-то Малосоловъ зазвалъ къ себѣ Плюханова на обѣдъ не столько ради сервиза, сколько за тѣмъ, чтобъ общими силами подумать какъ бы устроить одно никакъ неклеившееся дѣльце. Плюхановъ, давно уже обдумавшій вѣрный ходъ и скрывавшій его до времени въ разсчетѣ выговорить съ Малосолова высшій чѣмъ всегда процентъ,—былъ особенно въ духѣ и удвоилъ свою ласкательность предъ Марьей Платоновной. Она не хотѣла остаться у него въ долгу. Малосоловъ, которому ихъ взаимные любезности мѣшали начать дѣловой разговоръ, пуще чѣмъ когда злобился на присутствіе „бабьяго голоса“ въ домѣ. Къ тому же, онъ выпилъ сегодня лишнюю рюмку водки, а это, по новѣйшимъ изысканіямъ, чертово изобрѣтеніе способствуетъ, какъ извѣстно, развитію злости.

— Что это ты нынче все на Максима Кузмича

глаза пялишь, буркнулъ супругъ,—не бось, не прельстишь: у него жена почище тебя будетъ. Не съ вашимъ, Марья Платоновна, рыломъ да въ калачный рядъ.

Бѣдная Марья Платоновна съ досады чуть не заплакала. Къ счастью, Плюхановъ нашелся. Со всегдашней своей вкрадчиво-любезной манерой, онъ мягко замѣтилъ что хотя всякій, какъ онъ смѣетъ думать, не откажетъ Маръѣ Платоновнѣ въ наименованіи совершенной красавицы, тѣмъ не менѣе, свято чтя супружескій долгъ, онъ огорченъ что Иванъ Карпычъ усмотрѣлъ нѣчто предосудительное въ простой любезности принятой всюду въ обществѣ. Слѣдомъ, онъ взглянулъ на оскорбленную хозяйку, и тутъ впервые увидѣлъ въ ней дебелую и апетитную женщину.

„А вѣдь она понѣжнѣй моей сухопарой Юленьки", подумалъ онъ. „И если-бъ!.."

— Да слушай ты меня, Максимъ Кузмичъ, прервалъ его мысли Малосоловъ: у нихъ давно уже было выпито на *ты*.

И разговоръ принялъ дѣловое направленіе.

Марья Платоновна, взглянувъ на Максима Кузмича, въ то самое мгновеніе какъ онъ сравнивалъ ее мысленно со своею Юленькой, пришла къ заключеніямъ не менѣе игривымъ съ тою, впрочемъ, разницею что для нея и сравненія не могло быть между благообразнымъ Плюхановымъ и мерзлой треской, какъ она давно уже про себя прозвала супруга. Ею овладѣло чувство мщенія, и она дала себѣ слово отплатить мужу за сегодняшнюю грубость. Самый родъ мести былъ подсказанъ Иваномъ Карпычемъ. То обстоятельство что, по словамъ мужа, жена Плюханова была почище ея, только сильнѣе подзадаривало Марью Платоновну избрать въ орудіе мести

никого иного, какъ именно Плюханова. Она какъ-то вдругъ почувствовала что способна побѣдить любую соперницу.

Марья Платоновна была доселѣ вѣрна супружескому долгу. Быть можетъ нѣкоторые припишутъ такое обстоятельство единственно ея непросвѣщенности, и жестоко ошибутся: волны россійскаго прогреса достигли и ея головы. У Малосоловой была пріятельница купчиха, великая любительница чтенія. Она уже давно ей сообщила что нынче не по прежнему смотрятъ на замужество, что въ романахъ не только живописуется, но и одобряется свободная любовь, при чемъ для вящшей авторитетности были сообщены и имена сочинителей. Марья Платоновна, правда, съ достаточной костностью внимала своей просвѣщенной подругѣ, какъ плутоватый школьникъ запоминаетъ отвлеченныя теоріи, не видя ихъ приложенія къ жизни. Сѣмя однако пало на почву не вполнѣ безплодную: во время послѣдовавшаго за вспышкой дѣлового разговора между мужемъ и Плюхановымъ, Марья Платоновна вспомнила литературныя бесѣды подруги, и завязала на память узелокъ.

V.

Судьбѣ угодно было придти на помощь, какъ оскорбленной и мстительной супругѣ, такъ и чиновнику, нежданно увидѣвшему въ ней женщину понѣжнѣе своей сухопарой Юленьки. „Ходъ“, который имѣлъ въ виду Плюхановъ для устройства никакъ неклеившагося дѣльца, состоялъ въ томъ что затѣвалось нѣкоторое чрезвычайно благотворительно-родовспомогательно-духовно-просвѣтительное общество. Начальникъ Плюханова былъ

однимъ изъ учредителей; требовалось огромное количество солидныхъ жертвователей; наградъ и поощреній былъ припасенъ цѣлый коробъ. При одномъ намекѣ на такую благостыню, Малосоловъ заподрядился поставить весь контингентъ жертвователей.

— Только слушай, Максимъ Кузьмичъ, добавилъ онъ,—уговоръ лучше денегъ. Процентъ я тебѣ прибавить, прибавлю, а только чтобъ всѣ они чрезъ мои руки прошли. А ежели кто теперича тебя станетъ взманивать что больше моего дастъ, не вѣрь. А повѣришь, опять же ко мнѣ приди: и я накину. А только, значитъ, чтобъ межъ нами по пріятельски, какъ и досель дѣла дѣлывали.

Пріятели ударили по рукамъ. Плюхановъ просвѣтлѣлъ и похорошѣлъ, услышавъ о прибавкѣ процента,— обстоятельство не ускользнувшее отъ внимательности Марьи Платоновны, еще въ родительскомъ домѣ узнавшей что красота—красотой, а капиталъ—капиталомъ.

По случаю расширенія практики, Плюхановъ по неволѣ зачастилъ къ Малосоловымъ. Странно: со времени грубой выходки Ивана Карпыча, Максимъ Кузьмичъ почувствовалъ себя у Малосоловыхъ полнымъ другомъ дома; онъ сталъ непринужденнѣе и проще съ Марьей Платоновной; разговаривалъ теперь съ ней чаще и долѣе. И всякій разъ, какъ онъ заговаривалъ съ ней, ему, какъ на грѣхъ, припоминалось проклятое сравненіе съ Юленькой и онъ мысленно вскрикивалъ: „и если бъ!..“ Марья Платоновна какъ бы въ отвѣтъ на его тайныя думы, заманчиво улыбалась. При такомъ обоюдномъ настроеніи, трудно ли было имъ сговориться?

Хотя Максимъ Кузьмичъ, какъ извѣстно читателю

не долюбливалъ ни научныхъ, ни литературныхъ разговоровъ, боясь къ своей невыгодѣ провраться, онъ охотно бесѣдовалъ о театрѣ. Не то чтобъ онъ былъ театраломъ,—ничуть; театръ ни мало не интересовалъ его, и если бъ онъ и поборолъ врожденную бережливость, то конечно ради Михайловскаго театра, чтобъ быть такъ-сказать на виду у начальства въ качествѣ россійскаго интеллигента прилежно слѣдящаго за французской драматургіей. Но, по его мнѣнію, для частаго посѣщенія французскаго театра онъ занималъ не достаточно еще видное мѣсто.

Онъ толковалъ о театрѣ потому что его подчиненный Любкинъ былъ великимъ театраломъ, и почиталъ своимъ долгомъ доводить до свѣдѣнія начальства о всякой имъ видѣнной новой піесѣ. Сверхъ того, по знакомству съ рецензентами, Любкинъ на утро послѣ перваго представленія, то есть за день до печатнаго отзыва, могъ сообщить и то какъ отнесутся къ піесѣ газеты.

— Повѣрьте мнѣ, Максимъ Кузьмичъ, что отдѣлаютъ, докладывалъ онъ,—я *ихъ* всѣхъ знаю. У нихъ тамъ совѣщаніе бываетъ, особая такая комната есть. Я не разъ въ ней съ ними даже пиво пилъ. Да вотъ, Максимъ Кузьмичъ, хоть для любопытства просмотрите завтра газеты, и увидите что будетъ написано тожесамое что я вамъ сказалъ.

Плюхановъ полюбопытствовалъ, и послѣ двухъ трехъ разъ убѣдился что Любкинъ не лживый вѣстовщикъ. Какъ все, и это обстоятельство Максимъ Кузьмичъ вздумалъ обратить въ свою пользу. Выслушавъ донесеніе Любкина, онъ со всѣми встрѣчными знакомыми въ тотъ же день заговаривалъ о новой піесѣ; иногда даже на-

рочно отправлялся на вынтъ, чтобъ въ многолюдномъ обществѣ похвалиться своими сужденіями.

— Повѣрьте мнѣ, неизмѣнно возглашалъ онъ въ заключеніе,—что піеса прекрасна (варіантъ: нипуда не годится). Въ этомъ согласны всѣ истинные знатоки и любители, и я увѣренъ что завтра въ большинствѣ газетъ вы прочтете отзывы вполнѣ подтверждающіе мое скромное мнѣніе.

Знакомые читали, и только ахали. Такимъ образомъ Плюхановъ сумѣлъ и дешево, и сердито прослыть человѣкомъ съ изящнымъ вкусомъ. Понятно, что Максимъ Кузьмичъ не утерпѣлъ, чтобъ не блеснуть передъ Марьей Платоновной съ этой наиболѣе, по его мнѣнію, понятной для женщинъ способностью.

— А вы вчера не были въ театрѣ? не видѣли новой піесы Подзатылькина?

И онъ пустился въ ея оцѣнку.

— Ахъ, я такъ люблю театръ, отвѣчала она,—но къ несчастію мнѣ почти не приходится бывать... Иванъ Карпычъ не любитъ, а одной...

— Я-то не люблю, а тебѣ жь кто мѣшаетъ! съ неудовольствіемъ отозвался супругъ.

— Но съ кѣмъ я поѣду? У насъ такъ мало знакомыхъ. А Ѳеона (такъ звалась любительница чтенія) хоть и старше меня да дѣвушка.

— А кто тамъ ее разбирать станетъ, въ дѣвкахъ она засидѣлась, аль вдовѣетъ?

— Я, какъ страстный любитель театра, охотно вызвался бы быть вашимъ кавалеромъ, находчиво вставилъ свое слово Плюхановъ,—но боюсь возбудить ревнивое подозрѣніе моего почтеннаго друга Ивана Карпыча. Онъ, однажды, помнится...

— Чего однажды? Я нешто тогда съ ревности? Я со злости, чтобъ о пустякахъ не врала, когда людямъ о дѣлѣ говорить требуется... А чтобъ ревностью заниматься!..

— Ловлю тебя, Иванъ Кузьмичъ, на словѣ...

— Да коли ты эти преставленія любишь, такъ бери ее подъ свою охрану. Я такъ тебя понимаю, что ты человѣкъ солидарный, и такими пустяками, чтобъ чужихъ женъ соблазнять, заниматься не станешь. Да и соблазну въ ней никакого нѣтъ...

Послѣ этого разговора Марья Платоновна окончательно убѣдилась, что Максимъ Кузьмичъ страстно влюбленъ въ нее... Плюхановъ, радуясь что нашелъ предлогъ выманивать предметъ своей страсти изъ дома, въ то же время соображалъ, что расходы по театру слѣдуетъ цѣликомъ отнести на счетъ Марьи Платоновны: ей, а не ему будетъ доставляться удовольствіе.

VI.

Происшедшее вслѣдъ за тѣмъ сближеніе двухъ влюбленныхъ, имѣло вліяніе на судьбу двухъ особъ, о немъ ничего не вѣдавшихъ, а именно канцеляриста Любкина и сухопарой Юленьки.

Сухопарая Юленька была престройная блондиночка самаго миніатюрнаго изданія, и вдобавокъ дамой весьма легкомысленной, —что, по мнѣнію многихъ, весьма шло къ ея полудѣтскому виду. Она жила въ мірѣ мелочныхъ радостей и заботъ, и чувствовала себя какъ рыба въ водѣ. Прислушавшись къ ея разговору съ пріятельницей, человѣкъ серьезный могъ бы подивиться, какой вздоръ занимаетъ обѣихъ; оживленіе собесѣдницъ

могло бы ему показаться принужденнымъ или притворнымъ, и, однако, серьезный человѣкъ весьма бы ошибся, по крайности относительно Юленьки. Ее дѣйствительно увлекалъ разный вздоръ и оживленный разговоръ о немъ казался ей и занимательнымъ, и важнымъ, и милымъ.

Была ли счастлива Юленька, или и ей, для полнаго счастія, чего-то да недоставало? Юленька въ минуты, когда уже рѣшительно не съ кѣмъ было болтать, ниже съ прислугой, мечтала о томъ, что недурно бы почаще мѣнять шляпки и платья, почаще бывать въ театрѣ, и чтобъ у нихъ, какъ у знакомыхъ побогаче, собирались бы гости каждую недѣлю, и чтобъ притомъ бывали милые молодые люди, съ которыми такъ весело.

Не то чтобъ она была недовольна своимъ Максимомъ Кузьмичемъ: ея Макся былъ прелесть и душка; она обожала его. Ей нравилось его здоровое и гладкое лицо, его длинные висячіе бакенбарды, хотя и непробритые въ серединѣ, но тѣмъ не менѣе какъ-то солидно выдѣлявшіеся между ординарными бородами; его коротко остриженные черные волосы; его солидность во всемъ и важный, почти газетный складъ его рѣчей. Но нельзя же съ вѣчнымъ благоговѣніемъ непрестанно созерцать обожаемый предметъ; надо и посмѣяться, и повеселиться, и потанцовать; не то всю жизнь будетъ казаться, что присутствуешь при торжественномъ архіерейскомъ служеніи. Это и хорошо, но если весь вѣкъ— наскучитъ.

И что же? Юленькина мечта нежданно стала осуществляться. Мужъ ей сталъ дѣлать подарки, просилъ ее не скупиться на столъ и туалетъ, старался доставить ей всевозможныя удовольствія. Правда, гости не

собирались столь часто какъ то было желательно Юленькѣ; но за то въ домѣ появился премилый молодой человѣкъ, Любкинъ, веселый, недуренъ собою, болтавшій безъ умолку и знавшій не только все самое интересное, что было сегодня въ газетахъ, но даже и то что только еще завтра будетъ напечатано. Притомъ, обожаемый Макся попалъ въ коммиссію, и не въ одну, а въ три сразу; оно выгодно, но за то у него рѣдкій вечеръ свободенъ; какъ ни желай онъ повеселить жену, у него рѣшительно не хватало времени: безъ Любкина пришлось бы умереть со скуки. И Любкинъ сталъ непремѣннымъ кавалеромъ Юленьки.

Самъ Любкинъ былъ весьма польщенъ вниманіемъ начальника; въ досужіе часы онъ неизмѣнно разсуждалъ о томъ, что многіе высокопоставленные господа сдѣлали карьеру чрезъ женщинъ, и видѣлъ уже себя помощникомъ столоначальника. Онъ ухаживалъ весьма усердно за супругой своего начальника, но не рѣшался выражать ей своихъ чувствъ; по его соображеніямъ, сдѣлать первый шагъ съ его стороны было бы безтактно: онъ не долженъ забывать, что онъ все-таки подчиненный; вотъ, если-бъ она хоть намекнула,—о! тогда бы онъ съ полной готовностью. Къ сожалѣнію, Юленька видѣла въ немъ просто неизбѣжнаго кавалера; пріятнаго, правда, но и только.

Было еще обстоятельство ускользнувшее, въ чаду удовольствій, отъ вниманія легкомысленной Юленьки. Обожаемый Макся сталъ много развязнѣе прежняго; онъ позволялъ себѣ разсказывать при женѣ и Любкинѣ двусмысленные анекдоты, отъ чего прежде всемѣрно воздерживался; онъ началъ разглагольствовать о людскихъ, вкорененныхъ долговѣчной исторіей, предраз-

судкахъ и хотя онъ и не выражалъ прямо что къ числу ихъ относится и супружеская вѣрность, но изъ его шутливыхъ намековъ можно было заключить что и она не далеко отъ нихъ ушла.

Игривый и двусмысленный разговоръ восполнялся обѣдами и особенно ужинами съ виномъ и ликерами. Сегодня Макся угощалъ жену шампанскимъ по какому-нибудь поводу; въ другой разъ, онъ совѣтывалъ ей подлить самую чуточку коньяка въ кофе, и тому подобное. Когда Юленька разгоралась отъ выпитаго вина, Плюхановъ начиналъ увѣрять ее, что въ такомъ видѣ она для него милѣе во сто кратъ, и онъ ни за какія сокровища въ мірѣ ни на кого ея не промѣняетъ. Юленькѣ это нравилось. Случалось не рѣдко, что Юленька съ Любкинымъ, возвратясь изъ театра, (конечно, не изъ того, гдѣ присутствовалъ Максимъ Кузьмичъ съ Марьей Платоновной) въ мирной бесѣдѣ распивали чай,—и вдругъ являлся Макся, усталый и измученный послѣ „коммиссіи“. Онъ желалъ отдохнуть душою, и требовалъ, чтобъ Юленька дала имъ чего-нибудь закусить. Если закуски не случалось дома, или она оказывалась не по вкусу Макси, то всѣ втроемъ отправлялись ужинать въ ресторанъ,—а ужь въ хорошемъ ресторанѣ стыдно не спросить шампанскаго и ликера. Юленька незамѣтно привыкла къ вину, и она не то чтобъ скучала по немъ, но всегда была рада случаю показаться мужу во сто кратъ милѣе, чѣмъ обыкновенно.

Житье было вольное, и думать было нечего, по крайности о настоящемъ. А въ будущемъ Макся сулилъ купить маленькій уютный домъ гдѣ-нибудь на Петербургской („тамъ есть примилые дома, ты и вообразить себѣ, Юленька, не можешь“) и завести рѣзвую шведку.

VII.

Вольное житье длилось около двухъ лѣтъ, ничѣмъ не возмущаемое, къ общему удовольствію всѣхъ дѣйствующихъ. За все это время Марьѣ Платоновнѣ, какъ ей того ни хотѣлось, не удалось увидѣть Юленьку. Въ началѣ она настаивала, чтобъ Максюша (онъ былъ для ней не Максей, а Максюшей) показалъ ей жену гдѣнибудь въ театрѣ, или на Невскомъ. Плюхановъ отшучивался, полуобѣщалъ и полуотказывалъ. Наконецъ твердымъ тономъ объявилъ, что хотя онъ и пожертвовалъ семейнымъ счастіемъ ради безумной страсти, но тѣмъ не менѣе отнюдь не намѣренъ такъ сказать позорить свое прошлое, нынѣ постылое, но прежде все же дорогое, хотя далеко и не въ такой степени какъ его нынѣшнее блаженство. Марья Платоновна опѣшила отъ такого краснорѣчія, и въ заключеніе рѣшила, что у Максюши жена должно быть такая дурнушка, что и показать ее стыдно. И съ тѣхъ поръ перестала настаивать на своемъ требованіи, не желая конфузить возлюбленнаго.

Вольное житье шатнулось было по случаю кончины любезнѣйшаго родителя Марьи Платоновны. Получивъ огромное наслѣдство, она вздумала разойтись съ Иваномъ Карпычемъ. Плюханову пришлось снова пустить въ ходъ все свое убѣдительное краснорѣчіе, чтобъ отвратить ее отъ такого ложнаго шага.

— Подумайте, между прочимъ сказалъ онъ,—представьте себѣ всѣ неисчислимыя послѣдствія вашей необдуманной неосторожности. Иванъ Карпычъ, разумѣется, никогда не согласится на разводъ, и послѣдствіемъ вашего разрыва будетъ только несвоевременная

огласка нашей связи. Я не говорю о томъ что она повредитъ мнѣ на службѣ, что она разобьетъ въ прахъ мою будущность,—клянусь, изъ любви къ вамъ я готовъ пожертвовать и не такими пустяками. Я и пожертвовалъ бы, еслибъ предвидѣлъ изъ этого какія-либо благія послѣдствія. Но ихъ нѣтъ; они не возможны. Къ чему же мѣнять на неизбѣжно-страшную будущность настоящее, конечно, сопряженное съ нѣкоторыми неудобствами, но отнюдь не заключающее въ себѣ ничего невыносимо-оскорбительнаго? Итакъ, прежде чѣмъ рѣшиться на роковой шагъ, обѣщайте мнѣ всесторонне обдумать этотъ вопросъ. Я же и принадлежалъ, и буду принадлежать вамъ всецѣло.

Долго думать не пришлось Марьѣ Платоновнѣ. Иванъ Карпычъ какъ-то вечеромъ почувствовалъ себя нездоровымъ. Призванный по утру докторъ объяснилъ что у него временный упадокъ силъ, сопряженный съ какимъ-то латинскимъ словомъ, обозначавшимъ только вчера открытую болѣзнь. Онъ посовѣтовалъ спокойствіе и хорошее питаніе; не взирая на то и другое Малосоловъ скрипѣлъ, скрипѣлъ да черезъ двѣ недѣли взялъ и отдалъ душу Богу. Докторъ объяснилъ, что въ послѣдніе два дни онъ замѣчалъ нѣкоторыя еще не вполнѣ опредѣлившіяся и выразившіяся „осложненія“, изъ которыхъ, впрочемъ, каждое имѣло особое латинское наименованіе.

„Осложненія“ навсегда окончившіяся для Ивана Карпыча, начались для Максима Кузьмича. Марья Платоновна стала вдовой, и страстно желала вновь сочетаться бракомъ. Но если бъ она и не желала, и тогда, по мнѣнію Плюханова, онъ долженъ былъ вызвать въ ней такое желаніе. Вѣдь за ней—шутка ли?—милліонъ

приданаго, если не свыше; вѣдь это сказать только легко, а пріобрѣсти такую благостыню!.. У Плюханова духъ занимался. Если онъ упуститъ случай, и не женится на ней тотчасъ же, по горячимъ слѣдамъ, то кто въ силахъ предвидѣть послѣдствія. Отдалась же она нѣкогда ему,—отчего жь ей не отдаться и другому? А охотниковъ найдется тьма тьмущая; и моложе, и красивѣе его, а если не моложе и не красивѣе, то знатнѣе или чиновнѣе, и вообще обладающіе Богъ-вѣсть какими преимуществами, дѣйствительными или мнимыми.

Жениться, однако, можно не иначе, какъ разведясь съ Юленькой. Положимъ, благодаря исчезновенію предразсудковъ, разводъ нынче обходится довольно дешево. Спросъ на разводъ, вопреки экономическимъ теоріямъ, понизилъ его цѣну. Но будь онъ и дорогъ, Марья Платоновна за деньгами не постояла бы. Все дѣло въ Юленькѣ. Какъ ей объяснить, какъ вынудить или вымучить у нея согласіе? Максимъ Кузьмичъ называлъ себя и дуракомъ, и болваномъ за то, что часто твердилъ Юленькѣ, что ее онъ ни на кого не промѣняетъ. Она и прежде была влюблена въ него, а теперь и подавно. Сознаться ей,—но изъ этого толку не выйдетъ. Она, положимъ, дурочка, но прехитрая и притомъ прецѣпкая: за что ухватится, изъ рукъ не выпуститъ. Поманить ее деньгами,—но ей и безъ того живется хорошо, а за послѣдніе два года она избаловалась даже. И давно ли онъ плѣнялъ ее, безо всякаго намека на разводъ, и уютнымъ домикомъ, и рѣзвой лошадкой? Сказать ей, что иначе онъ съума сойдетъ, иль наложитъ на себя руки,—но она не повѣритъ. Во всякомъ случаѣ, она не изъ тѣхъ великодушныхъ натуръ, готовыхъ всѣмъ жертвовать для спасенія любимаго че-

ловѣка, безъ которыхъ не обходится ни одинъ русскій романъ. Романисты, изображая ихъ, конечно, врутъ, приписывая все великодушію; и такія натуры дѣйствуютъ изъ эгоизма, но эгоизмъ Юленьки, къ сожалѣнію, направленъ совсѣмъ въ иную сторону. Она любитъ наряжаться, веселиться, хорошо покушать. Словомъ, матеріалистка въ полномъ смыслѣ.

„Требуется изобрѣсти мѣры болѣе практическія и цѣлесообразныя; требуется поставить ее въ такое безысходное положеніе, при которомъ разводъ обусловится самою логикою событій. И тогда, только тогда можно будетъ ей предложить приличное вознагражденіе за согласіе на разводъ“. Къ такому краснорѣчивому заключенію пришелъ Плюхановъ, и согласно ему составилъ непогрѣшимый планъ дѣйствія.

Въ первый разъ, какъ Любкинъ явился съ обычнымъ театральнымъ докладомъ, Максимъ Кузьмичъ въ игривомъ разговорѣ намекнулъ ему, что Юлія отъ него безъ ума; Любкинъ принялъ намекъ за приказъ пріударить за начальницей; къ такому толкованію его поощряли разговоры въ канцеляріи, что Плюхановъ вѣчно бываетъ въ театрѣ съ какой-то полной брюнеткой; было узнано пытливыми умами и то обстоятельство, что эта брюнетка—богатая купчиха. А это, понимаете, чѣмъ пахнетъ?

Черезъ мѣсяцъ послѣ намека, Любкинъ былъ нарочито призванъ въ кабинетъ начальника; ихъ бесѣда длилась довольно времени, и товарищи замѣтили, что Любкинъ вышелъ изъ кабинета самоувѣренной и даже гордой поступью.

Дней черезъ десять Юленька въ сопровожденіи своего непремѣннаго кавалера отправилась въ театръ. На дворѣ стояла глухая осень.

— Какъ холодно, я просто дрожу,—сказалъ Любкинъ на половинѣ обратнаго пути.

— И я ужасно озябла,— вторила Юленька.

Къ чему же мерзнуть? Не лучше ли заѣхать въ ресторанъ и тамъ, при помощи вкусныхъ яствъ и живительныхъ напитковъ, отогрѣть закоченѣвшіе члены? Юленька охотно согласилась; за послѣднее время она привыкла къ ресторанамъ. Правда, она бывала тамъ съ мужемъ,—но самъ Макся посмѣялся бы надъ ея предразсудкомъ. Неужто въ угоду какимъ-то глупымъ приличіямъ рисковать своимъ здоровьемъ?

Любкинъ, какъ только они заняли отдѣльную комнату, сдѣлался необычайно оживленъ, даже егозливъ. Ужинъ шелъ весело. Кавалеръ на разныя, по преимуществу шутовскія лады, признавался въ своей „фатальной любви и неизлечимой страсти“; дама безъ умолку хохотала. За шесть почти недѣль, какъ канцелярскій чиновникъ по приказу начальства сталъ пріударять за Юленькой, она попривыкла къ его любовной чепухѣ, которая казалась ей преуморительной. Между прочимъ, вѣжливый кавалеръ подчивалъ даму шампанскимъ, совѣтуя „для вкуса“ прибавить въ вино чуточку то того, то другого ликера, увѣряя, что выйдетъ „и ахтительно, и восхитительно, и вразумительно“. У Юленьки затуманилось въ головѣ.

Какъ то произошло она не могла себѣ дать отчета, но Любкинъ очутился вдругъ передъ ней на колѣнахъ и, обхвативъ ее ноги, сталъ умолять ее о чемъ-то пьяно-страстнымъ голосомъ. Ей стало гадко, и немного страшно, и въ то же мгновеніе дверь отворилась и, грозно поводя глазами, вошелъ Макся. Съ Юленькой сдѣлалось дурно.

Очнувшись, Юленька увидала что она безъ платья лежитъ на кровати; въ комнатѣ какіе-то подозрительные люди; одинъ, согнувшись надъ столомъ, что-то пишетъ. Она заметалась на постели, но по счастію вскорѣ замѣтила мужа, и подозвала его къ себѣ. Онъ быстро, но не безъ торжественности подошелъ къ ней.

— Если вы своимъ развратнымъ поведеніемъ довели меня до необходимости составить протоколъ, то не дѣлайте по крайности скандала, наклоняясь къ женѣ, не сказалъ, а какъ-то прошипѣлъ Плюхановъ.

Юленька впала въ истерику. Ей была дана медицинская помощь. Затѣмъ мужъ молча, но услужливо помогъ ей одѣться.

— Вы поѣдете ко мнѣ, сказалъ онъ,—пока не состоится формальный разводъ; помните, вы все еще моя жена.

Юленька машинально пошла за мужемъ; она какъ будто хотѣла уразумѣть что̀ онъ сказалъ ей, и—не могла. Уже, когда они почти спустились съ лѣстницы, бѣдная женщина вдругъ сообразила, что она оклеветана и опозорена на вѣкъ, и у нея нѣтъ никакихъ средствъ ни опровергнуть клевету, ни смыть позора. Въ головѣ ея встала сумятица, и вслѣдъ за нею ясно прозвучало: „западня!“ Она едва удержалась, чтобъ не выкрикнуть этого слова вслухъ.

Въ этотъ мигъ, Плюхановъ взялъ ее подъ руку, чтобъ усадить въ карету. Юленька, почувствовавъ прикосновеніе мужа, вся сжалась, потомъ выпрямилась и съ чрезвычайной силой оттолкнула его отъ себя. Онъ чуть не упалъ, здорово стукнувшись спиной о заднее колесо.

Юленька быстро пошла, куда глаза глядятъ. Плю-

хановъ нагналъ ее и сталъ упрашивать сѣсть въ карету. Она остановилась, и дико оглядѣвъ его, что-то прошептала. Онъ не разслышалъ ея шепота, да врядъ ли и она понимала что̀ шепчетъ. Какъ бы то ни было, Плюхановъ счелъ за лучшее оставить ее въ покоѣ.

— Пусть пройдется, сказалъ онъ усѣвшись въ карету,—все равно домой же придетъ. Я, впрочемъ, понимаю ея положеніе. А что̀ понимаешь, то прощаешь, какъ было сказано на-дняхъ въ одной газетѣ.

Юленька шла не зная куда. Она не чувствовала, что на землѣ стоитъ слякоть, и слякоть же сыплется съ неба. Она опамятовалась въ серединѣ какой-то площади. Смутно и съ неохотой припомнила она, что случилось сегодня съ ней, и почувствовавъ невыразимую усталость, стала глазами искать извощика. На ея счастье, вскорѣ ей попались на встрѣчу дрожки. Она приказала везти себя въ Измайловскій полкъ, къ теткѣ, старшей сестрѣ своей матери.

Встревоженная въ необычайное время старушка ничего не могла понять изъ спутаннаго и черезъ чуръ торопливаго разказа племянницы. Она поспѣшила уложить ее въ постель; по утру съ Юленькой сдѣлался бредъ. Черезъ нѣсколько дней она скончалась отъ остраго воспаленія легкихъ.

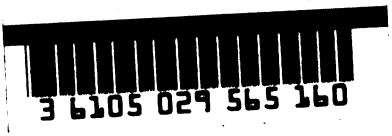
— Что̀ прикажете дѣлать? отвѣчалъ Плюхановъ на выраженія соболѣзнованія,—сколько разъ я говорилъ ей, чтобъ не выѣзжала въ дурную погоду иначе какъ въ каретѣ. Она же была такая хилая. И, Господи! если бъ средствъ вовсе не было, или необходимость была ѣхать,—но у женщинъ есть какая-то непонятная для насъ скупость именно во всемъ, что̀ касается ихъ здоровья. И вотъ прекратилась юная, полная надеждъ жизнь!..

Отправясь на кладбище для покупки мѣста, Плюхановъ приказалъ вести себя въ одинъ изъ болѣе дешевыхъ разрядовъ, но затѣмъ что-то сообразивъ, купилъ въ первомъ разрядѣ три мѣста; для покойницы, себя и будущей жены.

Черезъ шесть недѣль онъ обвѣнчался съ Марьей Платоновной. Надо ли говорить, какъ подвинула его новая женитьба по службѣ и какой вѣсъ придала она ему въ обществѣ. Въ счастіи Плюхановъ не забылъ однако прежнихъ друзей: Любкинъ получилъ первое же открывшееся мѣсто помощника столоначальника.

1886
СПБ.

*PB-31043-SB
5-03
CC
B/T


3 6105 029 565 160

3453
A9P65
1897
v.2

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
greencirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

APR 1 1 2006
ILL